

Алистер Кроули. Дневник наркомана

Перевод: Георгий Осипов

Origin: <http://fuego.front.ru/bibliobig2.htm>

Предисловие: Георгий Осипов

Граф Хортица Intervenes

Одновременно с замыслом перевести на русский книгу Алистера Кроули "Дневник Наркомана", мною также овладело желание выполнить эту задачу, сохранив всю прелесть подобных переводов эпохи Ар-Дэко и НЭПа. Воспроизвести маньеризмы, неправильности, эротично-угловатую откровенность, которая пленяет нас, к примеру, в переводах Михаила Кузмина.

Быть по-евразийски небрежным с английскими именами (помните, у Красного Графа в "Гиперboloиде" американцы присуждают Гарину титул "Купчина божьей милостью"? Что, по мнению Толстого, должно звучать как Vizman (!) of Gott) в ответ на весьма плодотворное коверканье русских имен в триллерах времен "холодной войны".

Именно так, меня больше вдохновлял ужаснувший Блока перевод повести прелестной сатанистки Рашильд "Подпочвенные Воды" (малоизвестный эталон трэш-классики), а не "профессиональные переводы" нудных янки, которыми мудреватые кудрейки снабжали командировочную чернь.

Кузмина и Кроули объединяет многое. Оба пренебрежительно относились к Уайльдсу, и оба ему подражали. Оба пропагандировали свои пристрастия в художественной прозе. Кузмин в "Крыльях", Кроули - в "Дневнике Наркомана". Один и другой воздерживаются от графического описания хорошо им знакомых, но рискованных сюжетов на страницах книг, адресованных массовому читателю. Хотят понравиться и заработать. Кузмин заменяет гомоэротический "подробняк" "разговорами о Суинберне", а "самый большой негодяй" ставит точку как раз там, где сэр Питер и Лу приступают к сексоделическому марафону. Жокейский хлыст и высокие ботинки из черной кожи, которые вместе с белым порошком дарит одной из подружек Лу богатый старик, также не разъясняются. На страницах "Дневника" хватает "метафизических намеков" и "занавешенных картинок".

Прибыв в Неаполь, молодые влюбленные стремятся проникнуть в самый скверный притон этого города. Что ожидают они там увидеть, Кроули не уточняет. Возможно, те самые "живые картины", что загнали в гроб бунинского господина из Сан-Франциско.

"Дневник", безусловно, стоит в одном ряду с такими вещами, как "Фальшивомонетчики" Андре Жида, "Джентльмены предпочитают блондинок" Аниты Лус, "Серебряная Звезда" Бориса Зайцева (кроме того, ему принадлежит непревзойденный перевод повести Бекфорда "Ватек", любимой книги Кеннета Энгера), драматургией Ноэля Коварда и, конечно, романами Ильфа и Петрова, где, кстати, Кроулианская формула Do what thou wilt прозвучала во всей красе и мощи великорусского языка: "Как пожелаем, так и сделаем".

Автор выбрал себе имя Лам, царь Лестригонов, и он полновластный хозяин повествования. Поэтому сам Бестия-666 неизменно появляется в самом выгодном свете, и произносит исключительно своевременные истины. Как и любой из нас в собственных глазах. А в одной из глав даже читает длинное стихотворение "Жада", об ужасах "cold turkey" и русской девице-наркоманке. Доктор Филгуд,

знающий толк в снадобьях, женщинах и курортах (книга, по сути, и заканчивается "на югах", как и самый Кроулианский из советских фильмов "Опекун"), он ведет себя строго, как джентльмен, и разговаривает афоризмами, достойными попеременно и Лорда Генри, и Остапа Бендера.

Описание Аббатства Телема ("вот с женою как-то раз мы попали на Кавказ:") напоминает рекламные проспекты мутных туристических фирм, приглашающих вас посетить: Как известно, репатриацию составляют два вида - те, кто поддался ("а когда порядком окосели, на Саян он нас завербовал") пропаганде, и те, кто мастера зазывать, но уже оттуда. Первый шаг к психоделической "Алие"? "Ехать было заманчиво, хотя очень рискованно", - сардонически пел Александр Шеваловский с ансамблем "Обертон".

Поминутно хочется ("подмывает", как выражались переводчики 70-х с их "милашками" и "крошками", Ain't we hell!) возразить Царю Лестригонов словами того же Лорда Генри - "I can finish your idyll for you".

Бестия-666 неотразим как всякий Великий Комбинатор. Но главный герой этой "Москва-Петушки" эпохи Ар-Дэко не он, и не героин, и не молодой лорд Пендрагон: Лу! Наделенная сугубо скифскими чертами, абсолютно "нездешняя" для презираемого самим Кроули буржуазного Лондона: Лу.

Многое из "divine decadence" того периода, вскользь отображенное на страницах романа давно уже уползло из разряда излишеств в атрибут буржуазной обыденности. Секс, наркотики, портисхед, англия - все с маленькой буквы. Остались "вечные двое" - Мастер и созданный им дивный образ. Они и теперь здесь. Сияют. Лу буквально змеится по страницам хроники "Рай - Ад - Чистилище" - до последней строки: Образ, знакомство с которым достойно бессонной ночи. "Такие женщины живут в романах, встречаются они и на экране": И, наконец: "Ее смех напомнил мне Рождественский звон колоколов в Москве", - это уже не молодой авиатор-аристократ, это сам "граф Звэрэфф" восхищается плодом своего вынужденного вдохновения (нужны были деньги, и Кроули надиктовал книгу своей тогдашней Бабалон за какие-то три недели).

Уже на скалах баснословного аббатства вырвется у сэра Питера: "Я только сейчас заметил, какая она высокая".

Вряд ли люди, послужившие Кроули прототипами для главных героев, были такими, какими он их описал. Как и все, кто "видит женщин, в них не видя человека", Господин Зверь был одиночка и фантазер. Он был похож на Дональда Плезенса и Яшку Купцевича из "Дела Пестрых", читал стихи голосом Галича и угощал гостей крепчайшим перцем, сочинял матерные стихи, достойные быть пропетыми Костей Беляевым: Неожиданно стал моден среди самых серых личностей, но не стал от этого ни капли хуже.

В духе Кроулианской помпезности, мне хотелось бы посвятить этот бесполезный труд (нет, не "двум Владимирам", как у Аркадия Северного, пожалуй, короля посвящений) - двум художникам. Толе Шлецеру (1960-1984?), который зачем-то предпочел "bad case of indiscretion" пути Магического Джихада, где и повстречал я лучезарный талант Светы Дорошевой, чьи рисунки украсили страницы данного издания. До закохания едэн крок.

Теперь вам остается пристраститься к истории двух башлевитых Babes in the wood, и о том, как помог им Опытный Волк. Впэрэд, братья, до світлої мэты, - как говорят англичане.

Гарик Осипов 9-11.08.99

Алистер Кроули. Дневник наркомана

АЛАСТРОЭЛЬ

Деве-Хранительнице Святого Грааля
в аббатстве Телема в "Телепилусе", а также

АСТАРТЕ ЛУЛУ ПАНФЕЕ,

самой младшей из его членов, я посвящаю
эту историю Геркулесовых трудов, предпринятых ради избавления

Человечества от всех видов зависимости.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это правдивая история.

Она была изменена ровно настолько, сколь того требует тайна имен.

Это ужасная история; но это также история надежды и красоты.

Она раскрывает с пугающей ясностью бездну, на краю которой дрожит наша цивилизация.

Но тот же самый Свет освещает путь человечества: и мы будем сами виноваты, если шагнем через край.

Сия история говорит правду не только об одной из человеческих слабостей, но (по аналогии) обо всех других; и ото всех них есть лишь один путь избавления.

Как сказал Гленвиль: "Человека полностью не одолеют ни ангелы, ни сама смерть, кроме как через слабость его собственной ничтожной воли".

Твори, что ты желаешь, да будет то Законом.

Алистер Кроули

* КНИГА ПЕРВАЯ. РАЙ *

ГЛАВА I. РЫЦАРЬ ЗАГУЛЯЛ

Да, я определенно был не в духе. Только я не думаю, что это состояние возникло как реакция на прожитый день. Разумеется, на смену возбуждению от полета всегда приходит обратная реакция; но ее действие отражается скорее на состоянии тела, а не духа. Не разговариваешь. Валяешься и куришь, и пьешь шампанское.

Нет, мое паршивое состояние было совсем другим. Я проанализировал свои мысли - летчики экстра класса быстро этому учатся - и в самом деле устыдился. Взять меня, какой я есть, ничего не опуская - я был одним из счастливейших смертных.

Война подобна волне; кого-то она накрывает, кого-то топит, а от кого-то не оставляет и мокрого места; но некоторых она выбрасывает прямо на берег, прямо на сверкающий золотой песок, где они недосягаемы для дальнейших капризов фортуны.

Разрешите пояснить.

Меня зовут Питер Пендрагон. Мой отец был вторым сыном в семье, и часто ссорился с моим дядей Мортимером, когда оба они были мальчиками. Он перебивался в качестве практикующего терапевта-хирурга в Норфолке, и так и не сумел поправить свои дела женитьбой.

Но как бы то ни было, он наскреб достаточно, чтобы я смог получить какое-никакое образование, так что, когда разразилась война, мне было двадцать два года от роду, и я как раз защитил свой диплом медика в Лондонском университете.

А затем, как я уже сказал, подкатила волна. Моя мать вступила в Красный Крест и погибла в первый год войны. Всеобщее смятение было таково, что я

узнал про это лишь спустя полгода.

Перед самым перемирием умер от гриппа и мой отец.

Я пошел служить в авиацию; делал я это неплохо, правда так и не был уверен до конца ни в самом себе, ни в своей машине. Мой командир эскадрилии говаривал мне, что из таких как я никогда не выходят великие асы.

- Старые дела, тебе не хватает инстинкта, - сказал он, добавляя к существительному полностью бессмысленное прилагательное, с помощью которого, однако, умудрился прояснить свое высказывание.

- А получается, - добавил командир, - только потому что у тебя аналитический склад ума.

Что же, пожалуй у меня и в самом деле ум аналитический. Поэтому я и принялся за эти записки. Вообще, к концу войны я оказался "рыцарем". Это вышло, как мне до сих пор кажется, благодаря канцелярской ошибке какого-то чиновника.

Что до дяди Мортимера, он так и жил своей жизнью ракообразного; хмурый, богатый, суровый, старый холостяк. Мы не слышали о нем ни слова.

А потом, около года назад, он скончался; и к своему удивлению я оказался единственным наследником пяти-шести тысяч годового дохода, а также еще и владельцем Барли-Грандж - и в самом деле чертовски красивого места в Кенте; достаточно неотдаленного, чтобы было удобно состоятельному молодому человеку, не чуждому светской жизни, каким я стал; но главным плюсом имения было наличие искусственного водохранилища, достаточно просторного, чтобы служить аквадромом для моего гидроплана.

Пускай у меня и отсутствует, как сказал Картрайт, инстинкт авиатора; но это единственный вид спорта, который меня волнует.

Гольф? Когда пролетаешь над площадкой для гольфа, какую же мелкой дрянью смотрятся все эти люди! Какими напыщенными пигмеями!

Теперь по поводу моей депрессии. Когда наступил конец войны, и я остался без гроша, без работы, полностью ограбленный военным временем (даже если бы у меня и были какие-то деньги), чтобы продолжить свою медицинскую карьеру, мне пришлось разработать совершенно новую психологию. Знаете, когда вы участвуете в воздушном поединке, то ощущаете себя обособленным от всего. Во всей Вселенной нет никого кроме Вас и Боша, которого вы пытаетесь подбить. В этом есть нечто обособленное и богоподобное.

Так что, когда я оказался вышвырнут благодарным государством на улицу, я превратился в животное совсем нового вида. В самом деле, мне частенько приходила в голову мысль, что никакого "Я" вообще нет; что мы - простые средства выражения чего-то еще; и полагая, что мы принадлежим самим себе, становимся просто жертвами глубокого заблуждения.

Ладно, черт с этим! Ясно, как божий день - я превратился в отчаявшееся дикое животное. Мне слишком хотелось есть, скажем так, чтобы тратить время на мучительные размышления о том о сем.

И вот тогда-то и пришло письмо от адвокатов.

Это был еще один новый опыт в моей жизни. До этого я не имел представления до какой низости способно опуститься раболепие.

- Между прочим, сэр Питер, - сказал мистер Вольф, - конечно потребуется время, и не малое, чтобы уладить эти дела... Ведь унаследованная собственность велика, очень велика. Однако, я полагаю, что учитывая нынешние времена вы не будете обижаться, сэр Питер, если мы вручим вам для начала чек на тысячу фунтов.

Только когда я очутился за дверями, до меня дошло как сильно он нуждался в том, чтобы вести мое дело. Мог бы и не беспокоиться. Он управлял делами бедного старого дяди Мортимера достаточно хорошо все эти годы; едва ли я захотел бы передать их в руки нового человека.

Что меня действительно порадовало во всей этой истории, так это один пункт в завещании. Старый краб просидел всю войну в клубе, хватая за рукав всех, кто оказывался рядом; и все же продолжал отслеживать, чем я занимаюсь. В завещании было сказано, что он делает меня своим наследником "за блестящие заслуги перед отечеством в трудную для последнего годину".

Такова истинно кельтская психология. Когда закончен разговор, всегда остается нечто такое, о чем ни сказано ни слова, но что проходит сквозь землю, и упирается в ее центр.

А теперь подошло время рассказать о самом забавном во всем этом деле. Я, вдруг, с изумлением осознал, что дикий зверь, рыскавший в поисках заработка, был по-своему довольно везучей тварью, точно также как был по-своему счастлив и бог сорви-голова, дравшийся в воздухе, играя в бабки с жизнью и смертью.

Ни один из этих двух не стал бы раскисать от неудачи; но благополучный светский молодой человек создание куда более посредственное. Его утомляло все на свете, и даже пережаренная котлета раздражала до глубины души. В вечер моего знакомства с Лу я завернул в кафе "Глициния", пребывая в некотором злобно-тупом остолбенении. Причем единственным досадным инцидентом за день было письмо от адвокатов, которое я обнаружил в клубе после перелета из Норфолка в Барли-Грандж и последующего приезда в город на авто.

Мистер Вольф дал весьма разумный совет оформить запись на распоряжение частью моего имущества; на тот случай, если я женюсь, но с поисками доверенных лиц вышла какая-то дурацкая заминка.

Я питаю отвращение к законам. Они представляются мне просто чередой препятствий, мешающих поступать разумно. И все-таки, разумеется, формальности следует соблюдать, так же как ты уславливаешься насчет взлета и посадки, когда летаешь. Но уделять им внимание - зверская морока.

Я решил, что не помешает слегка перекусить. На самом деле мне нужен был не обед, а общение с людьми. Просто ума не доставало понять, что это так. Но нет никакого человеческого общения. Каждый человек одинок навсегда. Однако, если вы окружены более-менее приличной компанией, вы можете забыть про этот ужасающий факт на достаточно долгий период, чтобы дать вашему мозгу оправиться от острых симптомов заболевания - то есть от размышлений.

Прав был мой старый командир. Я слишком много думаю; как Шекспир. Это занятие и заставило его написать чудесные вещи о сне. Я правда подзабыл какие именно; но было время, когда они меня впечатляли. "Старикан знал, какой это ужас, отдавать себе отчет в чем-либо", - говорил я себе.

Поэтому, когда я заглянул в кафе, полагаю истинным моим мотивом была надежда найти там кого-то, с кем я мог бы проговорить до утра. Люди считают, что многословие - признак многомыслия. По большей части это не так; даже напротив - это механическая уловка организма, с целью снять с себя мыслительное напряжение; также как упражнения мышц помогают телу забыть на время о своем весе, о своей боли, изношенности, и о своей предопределенной гибели.

Вы видите какие мрачные мысли могут посещать молодого человека, даже если он и ходит у Фортуны в любимчиках. Это заразная болезнь цивилизованного мира. Мы находимся в переходном периоде между крестьянской тупостью и чем-то, что еще как следует не развито.

Итак, я вошел в зал кафе и присел за один из мраморных столиков. На мгновение я испытал радостный трепет - оно мне так сильно напомнило про Францию, про те дни, когда я испытывал яростный азарт от игры со Смертью.

Я не увидал там ни одной знакомой души. Но двух мужчин за соседним столиком я знал, по крайней мере, в лицо. Кто не знал этого свирепого седого волка - человека, созданного для сражений, высокий лоб которого, тем не менее, выдавал его презрение к мирской суете. Противоречивые элементы его природы сыграли с ним злую шутку. Джек Фордхэм звали его. В свои шестьдесят он все еще оставался самым беспощадным и неумолимым из публицистов. "Багровы и клыки, и когти", - как сказал Теннисон. И все же он по-прежнему находил время писать великие вещи; и не дал в битве с этим миром деградировать своей мысли, а стилю испортиться.

Напротив него сидел слабенький, добродушный журналист-работяга по имени Вернон Гиббс. Он практически в одиночку заполнял своей писаниной номер за номером одного еженедельника, причем делал это год от года с изобретательностью опытного шелкопера и трудолюбием механического орудия, отточенного длительной практикой.

Но при этом он продолжал мнить о себе нечто, ибо инстинкт подсказывал ему, что он был создан для лучшей участи. В результате чего он только и делал, что спивался все больше и больше.

В госпитале я узнал, что тело человека на семьдесят пять процентов состоит из воды; но в данном случае, как в старой песенке, видимо он был в

родстве с тем МакФерсоном, у которого был сын:

"Что женился на Ноевой дочке
И едва не испортил потоп
Выпив всю воду.
Он так бы и поступил,
В этом я убежден,
Только будь туда намешано
Три четверти или больше
Виски "Glen Livet".

Хрупкая фигура молодого старика с опухшим носом, который портил его природную выдающуюся красоту, пусть и подпорченную годами сумасшедших страстей, появилась в кафе. Его холодные голубые глаза были юркими и злобными. Он производил впечатление некой твари, вылезшей из темного закоулка - пришелец с того света, озирающийся кого бы сцапать. За ним по пятам ковылял его прихвостень - огромный, распухший, бледный как мучной сидящем, нечищенном и закапанном. Его белье было грязно, а опухшее лицо изрыто прыщами; жуткая злая ухмылка висела на его мокром рту, чье внутреннее убранство напоминало пережившее бомбардировку кладбище.

Едва они вошли, все кафе забурлило. Чего-чего, а дурной славы этой парочке, вожаком в которой был граф Бамбльский, хватало. Казалось, каждый почуял в воздухе беду. Граф подошел к соседнему от меня столику и умышленно остановился в шаге от меня. Глумливая усмешка перекосила его рот. Он указал на двоих за столом.

- Пьяница Бардольф и Старинное Ружье, - сказал он, гневно дергая своим луковичным носом.

Джек Фордхэм не полез в карман за ответной колкостью.

- Славно прорычал, Задница, - ответил он спокойным тоном, и так метко, точно вся сцена была отрепетирована заранее.

Глаза безумного графа вспыхнули опасным огнем. Он сделал шаг назад и занес свою трость. Но Фордхэм, будучи старым воякой, предвосхитил жест безумца. Он провел в мятежных штатах Индии всю свою молодость; и если он чего-то не знал о драках, значит оно того и не стоило. В частности, Фордхэм прекрасно понимал, что безоружный человек в сидячем положении за закрепленным столом мало что может сделать против человека с палкой. Он выскользнул из-за стола точно кошка. И прежде чем Бамбль смог опустить свою трость, старик поднырнул снизу и ухватил лунатика за глотку.

Борьбы, в сущности, и не было. Ветеран потрянул противника почти как бульдог и, не ослабляя хватки, швырнул того на пол одним мощным рывком. Все заняло не более пары секунд. Фордхэм придавил коленом грудь поверженного забияки, который скулил, задыхался и молил о снисхождении, говоря при этом человеку на двадцать лет старше него, которого он сам же и спровоцировал на драку, что тот не должен его обижать по причине их столь давней дружбы!

Толпа в таких делах всегда ведет себя, как мне кажется, весьма странно. Все, или почти все, норвят вмешаться; но в действительности никто этого не делает.

Однако, в данном случае инцидент угрожал принять серьезный оборот. Старик прямо-таки вышел из себя. И был шанс, что он придушит насмерть шавку, визжавшую у него под коленом.

Мне хватило ума, чтобы протиснуться к старшему официанту, веселому, дородному французу, который, в свою очередь, вклинился в круг зевак. Я даже помог ему оттащить Фордхэма от поверженной фигуры его противника.

Одного прикосновения оказалось достаточно. К старику мгновенно вернулось самообладание, и он спокойно возвратился за свой столик, не выказав никаких признаков возбуждения, кроме выкрика: "Шестьдесят к сорока, шестьдесят к сорока".

- Принимаю, - раздался голос человека, едва ступившего в пределы кафе минутой позже разыгравшейся сцены. - Но что за лошадь?

Я услышал эти слова, как слышит их человек, погруженный в сон; потому что мое внимание было внезапно отвлечено.

Бамбль и не пытался встать. Он так и лежал, хныча. Я отвел взгляд от столь отвратительного зрелища, и оказался в плену двух громадных сфер. В

первый миг я даже не понял, что это были два глаза. Это прозвучит нелепо, но моим первым впечатлением было одно из тех ощущений из ниоткуда, которые посещают пилота во время полета на высоте десяти тысяч футов. Жутко странная вещь, скажу я вам - мне она напоминает атмосферные помехи, какие бывают в радиоприемнике; у меня она вызывает странное чувство! Некое подобие зловещего предупреждения о том, что есть кто-то еще во Вселенной и окружающем тебя пространстве: и оно не менее откровенно пугающее, чем осознание противоположной вещи, что ты вечно одинок, и оно ужасает.

Я полностью выпал из времени в вечность. Я ощутил себя в близости от некой колоссальной силы, способной влиять во благо и во зло. Я чувствовал себя так, словно только что родился на свет - не знаю, понятно ли говорю. Ничего не поделаешь, я не могу это высказать по-другому.

Словно моментальное осознание: до этого мига в моей жизни так и не случилось ничего существенного. Полагаю, вам знакомо состояние выхода из-под наркоза, вызванного эфиром или закисью азота у зубного врача - вы возвращаетесь куда-то, в какие-то знакомые места, но то место, откуда вы возвращаетесь называется нигде, и все-таки вы там побывали.

Как раз это и случилось со мной.

Я пробудился от вечности, от бесконечности, от состояния ума несравненно более живого и разумного, нежели все, что мне было известно до сих пор, и хотя я не мог подыскать этому имя, мне открылось буквально следующее - эта безымянная мысль о ничто в действительности была двумя огромными черными сферами, в которых я увидел себя. Припомнилось некое видение из средневековой истории о волшебнике и медленно, неспешно я заскользил вверх из глубин, чтобы уразуметь, что эти две сферы были всего лишь два глаза. И затем уже мне стало ясно - и догадка эта звучала как абсурдная и смехотворная шутка - что эти два глаза были расположены на девичьем лице.

Я смотрел поверх рыдающей туши шантажиста на лицо девушки, которой никогда раньше не видел. "Ладно, это ничего, что не видел. Все равно я знал тебя всю мою жизнь", - сказал я себе тогда. И когда я сказал "всю мою жизнь", я ничуть не имел ввиду ту "мою жизнь" в качестве Питера Пендрагона. Я даже не имел ввиду ту жизнь, что простирается через века. Я имел ввиду жизнь совсем другого рода, с которой столетия ничего не могут поделать.

И затем Питер Пендрагон встрепетнулся и окончательно придя в себя задался вопросом, не слишком ли неучтиво он разглядывает то, что, как подсказывал ему его здравый смысл, было всего лишь лицом довольно обычной и даже не особенно привлекательной девушки.

Я смутился и торопливо отошел к своему столику. Теперь мне казалось, что официанты уже не один час увещевают графа подняться с пола.

Я допивал свой напиток машинально. Когда я поднял глаза, девушка исчезла.

А сейчас я собираюсь сделать довольно банальное замечание. Надеюсь, оно по крайней мере поможет хоть кого-нибудь убедить в моей нормальности.

Между прочим, каждый человек в конечном итоге ненормальный, потому что он уникален. Однако, мы позволяем себе раскладывать людей по полочкам, не особенно заботясь о том, что же каждый из них представляет сам по себе.

Итак, я надеюсь вы ясно понимаете, что перед вами молодой человек, очень похожий на сотню тысяч других молодых людей своего возраста. Я также делаю это примечание, потому что его смысл является в сущности основным содержанием данной книги. И примечание это, после оглушительного рева фанфар, звучит так: хотя меня лично несколько не заинтересовало зрелище, свидетелем которого я оказался, депрессия покинула мою голову. Как говорят французы: "Un clou chasse l'autre (Клин клином вышибает)".

В дальнейшем я разузнал, что некоторые народы, в частности японцы, отталкиваясь от этого факта, смогли создать точную науку. Так, например, они ударяют в ладоши четыре раза "с тем, чтобы отогнать злых духов". Это, конечно, только оборот речи. Вот что они делают на самом деле: физический жест пробуждает разум от летаргии, так что беспокоившая его идея оказывается заменена новой. Они знают массу уловок, чтобы эта новая мысль не пропала, и чтобы она оказалась приятной. Более подробно об этом позже.

Вот что произошло в тот момент: мой рассудок охватила буйная, черная и

совершенно бесцельная ярость. Я понятия не имел как она была вызвана. Кафе показалось мне отвратительным - как холерный барак. Бросив монету на стол, я с изумлением отметил, что она скатилась на пол. Я выскочил из этого заведения так, словно дьявол шел за мной по пятам.

Те полчаса, что последовали за этим событием, нисколько не отложились в моей памяти. Я испытывал отчаянное чувство, словно меня забросили в мир невероятно глупых и злобных карликов.

Совершенно внезапно я очутился на Пиккадилли. "Старый добрый Питер, старый повеса, чертовски рад тебя видеть. Вот теперь мы на пару и покутим", - промурлыкал мне в ухо знакомый голос.

Говоривший был симпатичный валлиец, все еще в цвете лет. Некоторые люди почитали его одним из лучших скульпторов нашей эпохи. Он и в самом деле деле имел последователей, которых я мог бы только квалифицировать как "отталкивающих почти бездарей".

В глубине души он считал человечество бесполезным и что род человеческий ни на что не годен, разве что в качестве подходящих тел, которые могли бы ему позировать как модели. Тот факт, что они притворяются живыми, вызывал у него скуку и отвращение. Его раздражение доросло до такой степени, что у него появилась привычка выпивать намного больше, чем это нужно и обычному человеку. Физически он был гораздо крупнее и подхватил меня под руку, точно полицейский, забирающий в участок. Он лил мне в уши нескончаемый поток путаных воспоминаний, каждое из которых казалось ему невероятно радостным.

Я злился только полминуты; потом расслабился и начал почти засыпать, убаюкиваемый его потоком слов. Удивительный человек, девять десятых всего времени похожий на слабоумного, и все-таки за всем этим можно было разглядеть искры гениальности, озаряющие глубокую ночь его ума. Я понятия не имел, куда он меня тащит. Мне было все равно. Я был окутан сном и проснувшись, обнаружил, что снова сижу в Кафе "Глициния".

Старший официант как раз возбужденно описывал моему компаньону, что за дивную картину тот пропустил.

- Мсье Фордхэм едва не убили мсье Лорда, - булькал он, заламывая пухлые руки. - Едва не убили мсье Лорда.

Нечто в этой речи разбудило во мне непочтительность и я разразился истерическим хохотом.

- Паршиво, - вымолвил мой спутник. - Паршиво! Этот Фордхэм тоже еще тот тип, ничего не может сделать по-человечески. Послушай, сегодня ночью я гуляю. Ты пойд и будь умницей, сходи скажи об этом всем мальчикам и девочкам... Пусть приходят и мы пообедаем.

Официант достаточно хорошо знал, о ком шла речь, и очень скоро я обменивался рукопожатиями с совершенно незнакомыми мне людьми, причем с видом, подразумевающим самую теплую и неистощимую привязанность. Компания и в самом деле подобралась весьма выдающаяся. Один из мужчин был толстый немецкий еврей, который с первого взгляда напомнил мне кусок консервированной свинины, слишком долго пролежавшей летом в неподходящем месте. Но чем меньше он говорил, тем больше делал; и деяния его составляли одно из величайших сокровищ рода человеческого.

Далее следовал говорливый, радушный человек с копной седых волос, и странной кривой улыбкой на лице. Он походил на персонажей Диккенса, но больше, чем кто-либо из современников, сделал для возвращения к жизни английского театра.

Женщин я невзлюбил. Они казались мне недостойными этих мужчин. Похоже, великим людям нравится выступать в окружении уродов. Я полагаю по этому же принципу короли в старину держали при себе для забавы шутов и карликов. "Одни рождаются великими, другие достигают величия, третьим его навязывают". Как бы то ни было, его бремя обычно оказывается слишком тяжким для их плеч.

Помните ли вы рассказ Фрэнка Харриса про Гадкого Утенка? Если нет, то вам не помешает его вспомнить.

Страшнее всего в полете - это страх самого себя, чувство, что ты оторвался от положенного тебе места и теперь все милые знакомые вещи под тобой превратились в жестоких, враждебных чудовищ, готовых тебя раздавить, если ты к ним прикоснешься.

Первая из дам была толстая, наглая, рыжеволосая потаскуха, которая напоминала мне белого опарыша. Испорченность сочилась у нее сквозь кожу. Она была напыщенна, претенциозна и глупа, и выдавала себя за великий авторитет в литературе; но все ее знания были знаниями попугая; а ее собственные потуги в словесности представляли собой самую оголтелую ахинею, какая только когда-либо была напечатана даже по стандартам той клики болтунов, которую она финансировала. На ее оголенном плече лежала рука низенькой худой женщины с простым хорошеньким личиком и якобы детскими манерами. Она была немка из низов. Ее муж - влиятельный член Парламента. В народе говорили, что он живет на ее заработки. Ходили слухи и похуже. Я слышал от двух или трех умников, что, по их мнению, именно она, а не бедняжка Мата Хари, передала бошам чертежи наших танков.

Говорил ли я, что моего скульптора звали Оуэн? И его звали, зовут и будут звать так, пока Искусство остается Искусством. Одной нетвердой рукой он опирался на стол, другою указывал гостям куда садиться. Глядя на него, я подумал о ребенке, играющем в куклы.

Как только первая четверка расселась, я увидел еще двух девушек, стоявших за ними. Одну, Виолет Бич, я уже встречал. Она была эксцентричная штучка - еврейка, по-моему. На голове у нее был пучок желтых волос, растрепанных как у Петрушки, а тело облегалo дикое платье цвета киновари - на тот случай, если кто-то ее все-таки не заметит. Еще ей нравилось походить на французского апаша, поэтому она носила, надвинув на глаз, старое кепи для игры в крикет, а с губы ее свисала размокшая сигарета. Однако она определенно обладала талантом сочинителя, и я в самом деле был очень рад встретить ее снова. Должен признаться, я всегда немного застенчив с незнакомыми людьми. Обмениваясь рукопожатиями, я услышал, как она произносит своим странным голосом, высоким и в то же время глуховатым, как-будто с ее горлом было что-то не в порядке:

- Извольте познакомиться с Мисс -

Я не разобрал фамилии; так никогда и не научился правильно различать необычные слова. Как выяснилось в дальнейшие сорок восемь часов, ее звали Лейлигэм - звали, и в то же время не звали. Однако я предупреждаю - не пытайтесь поторавливать меня. Всему свое время.

Между тем я узнал, что обращаться к ней полагалось не иначе как к "Лу". "Беспредельная Лу" было ее прозвище среди посвященных.

Я ото всей души хочу, чтобы вы сейчас поняли одну простую вещь: едва ли существует кто-нибудь, кто бы знал, как работает его ум; не сыскать и двух одинаковых умов, как заметил Гораций или какой-то другой старый ишак; и, к тому же, сам процесс мышления вряд ли вообще именно таков, как мы его себе представляем.

Поэтому вместо того, чтобы опознать в этой девушке обладательницу очей, столь поразивших меня ранее, я позволил факту знакомства затмить собой само знакомство - не знаю, ясно ли я выражаюсь. То есть этот очевидный факт не пожелал всплыть в моей памяти. Я начал мучиться вопросом: где я мог видеть ее раньше?

И вот еще одна странная вещь. Не думаю, что я бы смог узнать ее по внешности. Хватка ее руки, вот что навело меня на след, хотя я до того в жизни к ней не прикасался.

Только не подумайте, что я предаю всему этому такое большое значение. Не отвергайте сказанное мною, как мистический треп. Загляните сами в прожитые вами годы, и если вы не сможете там отыскать полдюжины столь же необъяснимых инцидентов, столь же безрассудных, столь же претящих упорядоченному викторианскому рассудку, лучшее, что вы можете сделать, так это лечь спать рядом со своими пращурами. Только это. Спокойной ночи.

Я уже говорил вам, что Лу была "вполне ординарная и не особенно красивая девушка". Не забывайте, что это было первое впечатление моего "плотского ума", который, как утверждает апостол Павел, есть "противен Господу".

Мое подлинное первое впечатление явилось настолько сильным психологическим опытом, что для его описания попросту нет адекватных слов.

Теперь же, сидя с Лу рядом, и имея возможность следить за ее болтовней, я обнаружил, что мое "плотское мнение" переменялось. Она определенно не была

хорошенькой с точки зрения публики варьете. В ее лице было что-то непреодолимо монгольское: плоские щеки, высоко поднятые скулы, раскосые глаза; широкий, короткий и подвижный нос; тонкий и длинный рот, словно неровная кривая линия безумного заката. Глаза были зеленые и маленькие, шаловливые, как у эльфа. Ее густые волосы были на удивление бесцветными; они были заплетены в толстые косы и обмотаны вокруг головы, напоминая мне проволочную намотку на динамо-машине. Это смешение монгольской дикости с дикостью нордического типа производило колдовской эффект. Ее необычные волосы очаровывали меня. Они были того самого нежного льняного оттенка, такого тонкого - нет, я не знаю как вам об этом рассказать... Я не могу думать о них, не теряя рассудка.

Было непонятно, почему она оказалась в этой компании. С первого взгляда было ясно, что ей не место в этой среде. Каждый ее крохотный жест был окружен подобием нимба, в котором светилась почти аристократическая утонченность. Она была явно не склонна притворяться человеком искусства. Очевидно, ей случайно пришлось по душе эти люди, в точности как тонголезские туземцы способны заинтересовать старую даму из Методистской Миссии, поэтому она и подвизалась среди них. Ее мать не возражала. Хотя, впрочем, учитывая сегодняшние нравы, мнение матери роли не играло.

Не думайте, что кто-то из нас был особенно пьян, за исключением старины Оуэна. Если хотите знать, лично я выпил всего один бокал белого вина. Лу вообще ни к чему не прикоснулась. Она лепетала себе, точно невинное дитя, от переполнявшей ее сердце радости. В обычной ситуации, думаю, я выпил бы больше, чем тогда. Я и не закусывал. На еду я также обращал мало внимания. Теперь-то я, конечно, знаю, что это было - тот самый многократно осмеянный феномен, любовь с первого взгляда.

Внезапно нас перебили. Высокий мужчина пожимал руку Оуэна. Вместо привычных слов приветствия он произнес очень низким, четким и трепетным голосом, в котором словно вибрировала непостижимая страсть:

- Твори, что ты желаешь, да будет то Законом.

В компании произошло беспокойное движение. В частности, немку, казалось, выбило из колеи уже одно простое появление этого человека.

Я окинул его взглядом. И, да, мне стала понятна перемена погоды. А Оуэн тем временем отвечал:

- Совершенно верно, совершенно верно, это как раз именно то, чем я занимаюсь. Заходите, и я покажу вам мою новую группу. Я нарисую вас еще разок - в тот же день, в то же время. Совершенно правильно.

Кто-то вполголоса представил нам нового гостя - господин Царь Лестригонов.

- Присаживайтесь прямо сюда, - гудел Оуэн - Вам надо выпить. Я то знаю вас как свои пять пальцев; Мы знакомы уйму лет, и я понимаю, что вы трудились целый день напролет и заработали себе на выпивку. Садитесь сюда, а я поймаю официанта.

Я уставился на Царя, который пока что не произнес после своего оригинального приветствия ни единого слова. В его глазах было нечто устрашающее. Они не видели ничего перед собой. В раскинувшемся перед ними беспредельном ландшафте я был всего лишь случайностью, начисто лишенной всякого смысла. Его глаза смотрели параллельно; они были устремлены в бесконечность. Ему все было безразлично. О как я возненавидел эту гадину!

Как раз к этому времени подошел официант.

- Сожалею, сэр, - обратился он к Оуэну по поводу заказанного им брэнди `65.

Оказалось, что уже восемь часов сорок три минуты, тринадцать и три пятых секунды пополудни. Лично я не знаю, что такое закон. В Англии вообще никто не знает, в чем собственно заключается закон, этого не знают даже те глупцы, которые пишут законы. А мы не соблюдаем законы, но и не наслаждаемся теми свободами, которые нам завещали наши прадеды; над нами довлеет запутанная и фантастическая система полицейской администрации, пожалуй, не менее пагубная, чем даже у американцев.

- Не надо извиняться, - сказал Царь официанту обособленно ледяным тоном. - Вот она - та свобода, за которую мы сражались.

Я был полностью на стороне сказавшего эти слова. Весь вечер меня не

тянуло к выпивке, однако теперь, когда мне запретили выпивать, мне тотчас захотелось совершить налет на их чертовы погреба, атаковать столичную полицию и сбросить с самолета пару бомб на старых дураков из Палаты Общин. И все-таки я не питал ни тени симпатии к этому человеку. Меня раздражал его пренебрежительный тон. В нем было что-то нечеловеческое, оно-то и рождало во мне враждебное к нему отношение.

Царь Лестригонов обернулся к Оуэну:

- Лучше приезжайте ко мне в студию, - вымолвил он протяжно. - Там стоит пулемет, испытанный на сотрудниках Скотланд-Ярда.

Оуэн вскочил с готовностью.

- Буду рад, разумеется, видеть и всех остальных, кто пожелает присоединиться. До гроба не прощу себе, что выступил невинным орудием расчленения столь совершенной компании.

Приглашение прозвучало как оскорбление. Я покраснел до ушей, и едва сумел заставить себя с трудом отказаться.

Между тем остальные участники отреагировали на него довольно странно. Еврейка из Германии сразу же поднялась, остальные не шелохнулись. Ярость кипела в моем сердце. Я мгновенно осознал, что именно произошло сейчас. Вторжение Царя Лестригонов автоматически поделило участников вечеринки на великанов и карликов. И я оказался в числе последних.

Мисс Вебстер, немка, не сказала за ужин почти ни слова. Но как только трое мужчин повернулись к нам спинами, она не без едкости заметила:

- Мне думается, нам незачем рассчитывать на выпивку господина Царя. Давайте-ка махнем в "Курящий Пес".

Все живо согласилось. Ее предложение, как показалось, ослабило скрытое напряжение.

Мы расселись в такси, которым по какой-то непостижимой причине все еще дозволено было беспрепятственно курсировать по улицам Лондона. Что ж, пока нам разрешено есть, дышать и передвигать ноги, не бывать нам никогда расой праведников!

ГЛАВА II. ЧЕРЕЗ КРАЙ!

Мы добирались до "Пса" не более четверти часа, но время проходило утомительно. Меня оседлала опарышеподобная дама. Ее присутствие делало меня уже почти трупом. Это было для меня чересчур.

Но эта попытка помогла, по-моему, мне смутно осознать истинную природу моего чувства к Лу.

"Курящий пес", ныне бесславно вымерший, был ночным клубом, оформленным одним ужасным маленьким прохвостом, который растратил жизнь, пропихивая себя в искусство и литературу. Танцевальный зал заведения представлял собой смехотворную, бестолковую, пошлую, дурную подделку под Климта.

Пропади все пропадом, пускай я и не лучший воздухоплаватель, но я человек воздуха. И я презираю всех этих полухудожников с их позой, бахвальством и напыщенной болтовней. Ненавижу мошенников.

Не прошло и пяти минут, как я оказался в состоянии свирепого нетерпения. Миссис Вебстер и Лу все еще не прибыли. Прошло десять минут, потом двадцать, и я впал в слепую ярость, крепко напился дрянного алкоголя, которым провоняло все это место, и пустился в пляс с незнакомкой.

Крикливая сирена, владелица-датчанка, осыпала бранью одного из своих профессиональных увеселителей - я полагаю, это была какая-нибудь долгая, угрюмая, глупая история ревности на сексуальной почве. Оркестр играл оглушительно громко. Тонкая грань моих ощущений притупилась. В каком-то пылающем кошмаре, я разглядел, наконец, сквозь клубы дыма и клубную вонь, злую ухмылку госпожи Вебстер.

Невзирая на свою миниатюрность, она умудрилась заполнить своим телом дверной проем. Она привлекла мое внимание в точности также, как привлекает внимание появление ползущей змеи. Заметив меня, она тотчас бросилась с восторгом в мои объятия и зашептала мне на ухо что-то, чего я не расслышал.

Внезапно весь клуб, скажем так, онемел. В двери вошла Лу. С ее плеч ниспадал оперный плащ темно-лилового цвета с золотой оторочкой - одеяние императрицы или (могу ли я так выразиться?) жрицы. Все заведение замерло, разглядывая ее. И я еще гадал, не прекрасна ли она!

Она шагала не по земле. "Vera Incessu Patuit Dea" ("*Походкой истинной богини*" - прим.ред.), - как нас учили в школе. И она ступала, напевая великолепную литанию капитана Д.Ф.С.Фуллера... "Ты, О златой сноп желаний, что стянут прекрасным маковым жгутом! Я боготворю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!"

Она пела в полный голос, который звучал несколько по-мужски. Красота ее была столь лучезарна, что она озарила мой рассудок как восходящее солнце после долгого ночного полета. "Как медленно карабкается солнце впереди, но погляди на запад! Там светом залита земля!"

Словно отвечая на мою думу, вновь загредел ее голос: "Ты, О золотое вино солнца, пролитое на темные груди ночи! Я боготворю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!"

Первая часть песнопения была чем-то вроде грегорианского напева, подстраивающегося к ритму слов. Но припев заканчивался одинаково. И-А-О передает произношение последнего слова. Каждый гласный длится как можно дольше. Казалось, она старается выдохнуть последний кубический миллиметр воздуха каждый раз, когда произносила эти звуки.

"Ты, О багряный урожай жизни, пролитый в чашу могилы! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Боготворю Тебя, И А О!"

Лу подошла к столу, за которым мы сидели. Он был покрыт грязной, потрескавшейся скатертью. Она заглянула мне прямо в глаза, хотя я был уверен, что она меня не видит.

"Ты, О красная кобра желания, вынутая из мешка руками дев! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!"

Она удалилась от нас, подобно лилово-грозовому облаку, озаренная солнцем, оторванная от сосков рассвета некой незримой молнией.

"Ты, О обжигающий меч страсти, заточенный на наковальне плоти! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!"

Шквал почти безумного восторга прокатился по клубу. Словно канонада зениток. Джазбанд грянул что-то еще более дикое.

Танцоры стали бесноваться с пущей яростью, задыхаясь от собственного буйства.

Лу вновь придвинулась к нашему столику. Только трое из нас были оторваны от остального света. Вокруг звенел пронзительный смех бешеной толпы. Показалось, что Лу прислушивается. И снова у нее вырвались слова... "Ты, О безумный вихрь хохота, бьющегося в спутанных локонах сумасбродства! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!"

С тошнотворной ясностью я осознал, что госпожа Вебстер, между тем, вливает мне в уши целый доклад о карьере и характере Царя Лестригонов: "Он живет где-то там, в месте под названием Телепил. И хотя он и выглядит моложе, ему более ста лет. Он успел побывать везде и все испробовать, и каждый его шаг оставляет кровавый след. Он самый злой и опасный в Лондоне человек. Упырь он, и живет за счет погубленных жизней".

Признаюсь, я питал к этому человеку крепчайшее отвращение. Но столь неистовое и горькое обличение того, кто, очевидно, был дружен с двумя величайшими в мире художниками, не прибавило черных пятен в его досье. И если честно, госпожа Вебстер не впечатляла меня, как авторитет в области поведения других людей.

"Ты, О Принц-Дракон воздуха, опьяненный кровью закатов! Я боготворю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!"

Дико ужалила меня ревность. Ее мертвенно-бледный демонический спазм. По той или иной причине мне померещилась некая связь между этим куплетом загадочного напева Лу и личностью Царя Лестригонов. Это не ускользнуло от Гретель Вебстер и она поспешила незаметно ввести очередную дозу отравы.

- О да, мистер Бэзил Кинг Лам очень большой Дон Жуан. Он очаровывает дам тысячей различных трюков. Лу влюблена в него по уши...

И снова эта баба допустила ошибку. Я пренебрег ее упоминанием Лу. Уже не помню, что именно я ответил, наверно вроде того, что Лу не похожа на

слишком уж уязвленную стрелами Амура.

Госпожа Вебстер улыбнулась тончайшей из своих улыбок.

- Я полностью с вами согласна, - проворковала она шелковым голосом. - Сегодня Лу - самая прекрасная женщина в Лондоне.

"Ты, О благоуханная сладость цветов, струящаяся по лазурно-воздушным полям! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!"

Девушка явно находилась в необычном состоянии. Как будто она обладала двумя сущностями во всей широте их возможностей - божественной и человеческой. Она остро осознала все, что творится вокруг нее, абсолютно владела собой и окружением, и все-таки одновременно была затеряна в некой неземной форме блаженства, которая, будучи непонятной по сути, напоминала, однако, некоторые обрывочные и фрагментарные переживания, испытываемые мною во время полетов.

Полагаю, что каждый читал "Психологию Полета" Л. де Гиберн-Зивекинга. Позволю напомнить вам оттуда следующие слова: "Все типы людей, которым доводилось летать, знакомы с тем неясным, тонким отличием, которые полеты накладывают на каждого из них. Очень мало кто знает в точности, что это такое. И едва ли кто-либо из них может выразить свои чувства. И ни один из них не признался бы в них, даже если бы мог... Понимаешь без слов, что ты сам по себе, что все обособлены друг от друга и никогда один не сможет проникнуть в тайник души другого, в тот тайник, на котором зиждется индивидуальная жизнь".

Чувствуешь себя вне всяких отношений с посторонними вещами, даже самыми насущными. И все-таки сознаешь, что все о чем тебе было ведомо - лишь картинка, выдуманная твоим же умом. Вселенная, этот мир - не более чем зеркало твоей души.

В таком состоянии начинают понимать вздор любого сорта, видеть смысл в бессмыслице.

"Ты, О непоколебимый венец Небытия, разрушающий и созидающий Мир! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Боготворю Тебя, И А О!"

В достаточной мере поняв, что должна чувствовать Лу, извергая эти страстные и бессмысленные словеса своим вулканическим ртом, меня захлестнула ярость. Сделанный Гретель намек по капле просачивался в мой мозг: "Этот противный алкоголь делает из людей скотов. Отчего так возвышенна Лу? Она вдохнула своим носиком чистейший снег Небесных вершин".

"Ты, О белоснежный кубок Любви, пенящийся алой похотью! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Боготворю Тебя, И А О!"

Я трепетал и вздрагивал от ее пения; и затем нечто, я едва понял что именно, заставило меня обернуться и посмотреть в лицо Гретель Вебстер. Она сидела справа от меня; ее левая рука была под столом и она смотрела на ладони. Я посмотрел туда же.

На крохотном треугольнике вен между мизинцем и безымянным пальцем высился холмик мерцающей пыли. Ничто из ранее виданного мною, так меня не привлекало! Чистая и яркая, бесконечная красота этого вещества! Конечно, я видел этот порошок и раньше, особенно в госпитале, но это было совсем другое дело. Оно было оттенено плотно, как бывает оттенен бриллиант оправой. И казалось живым, беспрестанно мерцающая. Во всей Природе ничего не было подобного этому порошку, кроме разве что тех пушистых кристаллов, что блестят обдуваемые ветром на губах ледниковых расселин.

То, что случилось дальше, отпечаталось в моей памяти, как трюк фокусника. Не помню каким жестом она пригласила меня, но когда ее рука медленно приподнялась до края стола, к ней склонилось мое лицо - покрасневшее, горячее, гневное и полное страстного желания. Казалось я действовал чисто инстинктивно, но нимало не сомневаюсь, что это все же было результатом неявного внушения. Я втянул горстку пудры через ноздри одним вдохом. Даже тогда я чувствовал себя, как задыхающийся человек в угольной шахте, спасенный в последний момент, вдохнувший, наконец, полные легкие чистого воздуха.

Я не знаю, все ли чувствовали подобное, подозреваю, что тут сыграли свою роль и мое медицинское образование, и прочитанные книги, и людская молва вкупе с эффектом от всех гробокопательских статей в газетах.

С другой стороны, нельзя не отдать должное и такому специалисту, как

Гретель Вебстер. Несомненно она стоила того, что ей платили боши. Вне всяких сомнений она выбрала меня в качестве жертвы операции "Die Rache" ("Месть"), ведь я подбил кое-кого из их довольно знаменитых асов.

Но тогда ничего подобного мне в голову не приходило. Нимало не полагаю, что мне удалось достаточно веско объяснить то душевное волнение, в которое меня повергло появление Лу. Она казалась мне недосыгаемой, живущей за пределами моих мечтаний.

Если не принимать в расчет воздействие спиртного, то именно ее недосыгаемость повергла меня в нестерпимую депрессию. Было что-то звериное в том, как я себя ощущал, что-то от загнанной в угол крысы.

"Ты, О Королева вампиров Плоти, что обвилась змеей вокруг горла мужчины! Обожаю Тебя, Эвоэ! Боготворю Тебя, И А О!"

О ком она думала, о Гретель или о себе? Ее красота, я был ею удушен, захлебывался, она рвала мне горло. Я обезумел, стал одержим глухой, терпкой похотью. Я ненавидел ее. Но как только я поднял голову, как только внезапная, мгновенная кокаиновая удаль метнулась от моих ноздрей к мозгу - следующая строка отдает стихами, но иначе не скажешь - продолжаю! - точно солнце выглянуло из-за туч депрессии в моем сознании.

Я прислушивался, словно во сне, к пышному, смелому голосу Лу:

- Ты, О свирепый водоворот страсти, всосанный устами Солнца! Я боготворю тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!

Все стало по-другому - я начал понимать, что она говорит, я стал частью этих слов. Я распознал за один миг причины моей недавней подавленности. Ее порождало то, что я чувствовал себя посредственностью перед Лу! Теперь я стал ее мужчиной, ее самцом, ее хозяином!

Я привстал, чтобы схватить ее за талию, но она унеслась по полу, словно осенний лист накануне бури. Я поймал взгляд глаз Гретель. Они сверкали зловещим торжеством. И на мгновение и она, и Лу, и кокаин, и я сам - все оказались безвыходно замкнуты в путанном смятении гибельной догадки.

Но мое физическое тело уже отрывалось от земли. То было прежнее дикое веселье, которое чувствуешь, взлетая в погожие дни. Я очутился в центре зала, неведомо мне как. Теперь и я тоже гулял по воздуху. Лу обернулась, ее рот - алая сфера... Таким я видел солнце, восходящее над Бельгией, над извилистой линией побережья, над матовоголубым туманным изгибом моря и неба, с единой мыслью в моей голове, которая пульсировала в унисон с моим восторженным сердцем. На этот раз мы не промахнулись, мы попали в склад боеприпасов. Я сам и был этот склад. И я взорвался. Я был одновременно убийцей и убитым. И по небу мне навстречу плыла Лу.

- Ты, О всадник из свиты Солнца, чьи шпоры покрыли кровью бока ветра! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Боготворю Тебя, И А О!

Мы попали в объятия друг друга с неизбежностью земного тяготения. Во всей Вселенной нас было только двое - она и я. И лишь одна сила действовала во Вселенной, та, что влекла нас друг к другу. И она, эта сила, соединив нас, закружила...

Мы летали вверх и вниз по полу клуба, хотя, конечно, не было никакого пола, и самого клуба, не было ничего кроме горячего ощущения, что ты это все, и должен со всем слиться. Ты сам - непрестанно кружащаяся в вихре Вселенная. Утомление было невозможно, ибо запас твоей энергии был равен поставленной задаче.

- Ты, О танцор с позлащенными ногтями, распускающий звездные косы Ночи! Я боготворю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!

Гибкое, тонкое тело Лу лежало на моей руке. Это звучит нелепо, но она напомнила мне легкий плащ. Запрокинув голову назад она распустила тяжелые кольца волос.

Неожиданно оркестр смолк. На миг нам стало там нестерпимо больно, словно нас хотели уничтожить.

Меня охватило абсолютное отвращение ко всему, что меня окружало. Я лихорадочно прошептал, точно умирающий, которому надо сообщить нечто жизненно важное, пока он еще жив, несколько слов насчет того, что "не в силах торчать в этом хлеву".

- Выйдем на воздух.

Она не ответила ни "нет", ни "да". Я попусту тратил слова, обращаясь к

ней.

"Ты, О река Любви, чьи воды сладки от пения птиц, чей щебет сквозит сквозь покрытую галькой грудь Жизни! Я боготворю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!"

Ее голос поник до внятного шепота. Мы очутились на улице. Вышибала остановил для нас такси. Наконец-то я оборвал ее песню. Мои губы оказались на ее губах. Мы объезжали арену Вселенского цирка на колеснице Солнца. Мы не знали, куда мы едем, и нам это было все равно. Мы совсем не чувствовали времени. Ощущения сменяли одно другое, но не было средства ими управлять. Как будто твои внутренние часы внезапно сошли с ума.

Я не засекал время, но, субъективно выражаясь, должно быть его прошло немало, прежде чем наши губы рассоединились, ибо как только это случилось, я обнаружил, что мы успели отъехать очень далеко от клуба.

Она обратилась ко мне в первый раз. В ее голосе трепетали темные, непостижимые глубины бытия. Я задрожал всеми фибрами своей души. И вот каковы были ее первые слова:

- В твоём поцелуе есть горечь кокаина.

Совершенно невозможно передать тем, у кого нет опыта в этих делах, даже частицу значения сказанных ею слов.

То был кипящий котел порока, и вот внезапно он хлынул, пузырясь через край. Ее голос густо звенел адским весельем. Он пробудил во мне ярость солнца. Я с пущей яростью заключил ее в объятия. Мир почернел в моих глазах. Я ничего больше не замечал. Я стал самым чувством! Я был всеми способностями чувствовать, доведенными до предела. И все-таки, параллельно с этим, мой организм продолжал автоматически действовать.

Ее лицо ускользало от меня.

"Ты, О дыхание ветров, опьяненное штормами, что вырывается со стоном из груди гор! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Боготворю Тебя, И А О!"

Песня вырывалась из ее груди всхлипами чудовищной силы.

Я мигом догадался, что это был ее метод сопротивления. Она все пыталась убедить себя, что она космическая сила, а вовсе никакая не женщина, и что мужчины ничего для нее не значат. Она отчаянно боролась со мной, скользя по-змеиному в тесноте кабины. Разумеется, это на самом деле было такси, но я не знал этого тогда, и не уверен в этом до конца даже сейчас.

"Мне бы сейчас, - сказал я про себя с яростью, - понюхать еще этого снежка. Вот тогда бы я ей показал!"

В то же мгновение она стряхнула меня, точно перышко. И неожиданно мне больше уже не было хорошо. Как-то необъяснимо я вдруг упал духом и, обнаружив к моему изумлению в кармане десятиграммовый пузырек, высыпал из него шепотку кокаина на руку и алчно втянул его со вкусом в ноздри.

Не спрашивайте, как она попала ко мне в карман. Полагаю, Гретель как-то умудрилась это сделать. Моя память на этот счет молчит. Одно из забавных свойств кокаина - никогда нельзя знать наверняка, какую шутку он с вами сыграет.

Я напоминал себе американского профессора, который хвастал, что у него первоклассная память, единственный недостаток которой - на нее нельзя положиться.

Не могу также сказать, то ли это свежая доза наркотика увеличила мою силу, то ли Лу попросту наскучило меня дразнить, но теперь она уже по собственной воле извивалась в моих объятиях, прижимаясь губами к моему сердцу. Простите меня за очередную порцию поэзии - но иначе нельзя - ритм в этом состоянии возникает естественно - все образует одну великую гармонию. И ничто не может нарушить мелодию. Казалось, голос Лу доносится из неимоверной дали - глубокий, низкий, мрачный напев:

"Ты, О низкий стон девственниц, падающих в обморок, уловленных силой рыдающей Любви! Я боготворю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!"

Свершилось - наши моторы в первый раз работали в унисон! Все случайные неполадки были устранены. Не осталось ничего, кроме густого созвучия двух рокочущих пропеллеров.

Знаете, как бывает во время полета - вы вдруг видите пятнышки в небе. Нельзя разглядеть невооруженным глазом - то ли это Братец Бош направляется тебя подстрелить, то ли кто-то из наших, а может быть союзник. Но ты можешь

распознать, кто друг, а кто недруг по звуку моторов, у них всегда разный ритм. Так и приходится один ритм признавать дружеским, а другой враждебным.

И вот Лу летит вместе со мною по ту сторону вечности, крыло к крылу; ее низкий настойчивый пульс отлично вторит шумному галопу моего.

Вещи такого рода происходят вне времени и пространства. И было бы совсем неверно говорить о том, что случилось в такси, как о чем-то имеющим начало и конец. Но тут наше внимание от вечной истины, от тайного венчания наших душ, отвлек водитель, который остановил машину и открыл дверцу.

- Вот мы и прибыли, сэр, - сказал он, хитро улыбаясь.

Мы тут же стали прежними - сэр Питер Пендрагон и Лу Лэйлигэм. Декорум прежде всего!

Благодаря потрясению, этот инцидент глубоко запал мне в память. Я крайне отчетливо помню, что расплатился с шофером, но потом абсолютно теряюсь в догадках насчет того, как мы оказались в том месте.

Кто дал таксисту этот адрес и где мы вообще находимся?

Я мог только предположить, что это сделала, сознательно или нет, сама Лу, поскольку она без тени смущения нажала на кнопку электрического звонка. Дверь отворилась немедленно. Целая лавина малинового света пролилась на меня из представшей перед нами просторной мастерской.

"Ты, О алый дракон пламени, опутанный паучьей сетью! Я боготворю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!" - воспарил звонко и чисто голос Лу.

Словно шквал нахлынуло на меня отвращение, ибо в дверном проеме высилась зловещая, черная фигура Царя Лестригонов в объятиях Лу.

- Я не сомневалась, что вы не будете против, если мы к вам заглянем, несмотря на поздний час, - ворковала Лу, обвивая руками его шею.

Чего проще было бы с его стороны согласиться, пускай и с неохотой, сказав несколько банальных слов. Но вместо этого он напыщенно изрек:

- Четверо врат ведут в один дворец; из серебра и золота пол в том дворце; там лазурный жемчуг с янтарем; и все изысканные духи; жасмин и роза, и эмблема смерти. Пускай войдет по кругу или сразу во все четыре двери; и пускай ступит на дворцовый пол.

Я был беспредельно рассержен. Ну почему он всегда ведет себя либо как прохвост, либо как клоун. Но мне не оставалось ничего другого, чтобы принять ситуацию за данность и вежливо войти.

Он пожал мне руку небрежно, однако с силой большей, чем это заведено между хорошо воспитанными незнакомцами в Англии. И пожимая ее, он смотрел мне прямо в глаза. Его неумолимо загадочный взгляд прожег мой мозг до дна и глубже... Однако, его слова полностью несоответствовали его действиям.

- Как там сказал поэт? "Rather a Joke to fill up on coke" ("*Шутя занюхать кокаина*") - не об этом ли речь, Сэр Питер?

Как, во имя Дьявола, он только узнал, что именно я принимал.

- Люди, которые знают слишком много, не должны разгуливать по свету, - раздраженно произнес кто-то внутри меня. Но кто-то тотчас же не менее туманно ему возразил:

- Этим объясняется обыкновение этого мира делать мучениками своих первопроходцев.

Сказать по правде, мне было стыдно, но Лам успокоил меня. Он указал рукой на кресло-громадину, покрытое персидским ковром-хорасаном. Он угостил меня сигарой и дал прикурить. Затем налил в большой изогнутый бокал бенедиктина и поставил его на столик, сбоку от меня. Его спокойное гостеприимство, как и все остальное, мне не нравилось. Меня не покидало неудобное чувство, что я лишь марионетка в его руках.

В комнате кроме него находилась еще одна персона. На кушетке, покрытой шкурами леопардов, возлежала одна из самых странных женщин когда-либо мною виденных. На ней было надето белое вечернее платье с бледно-желтыми розами, такие же цветы украшали ее прическу. Она была североафриканской мулаткой.

- Мисс Фатима Халладж, - объявил Лам.

Я встал и поклонился. Но девушка не обратила на мой кивок никакого внимания. Она, казалось, напрочь предала забвению все дела подлунного мира. Ее кожа отливала той глубокой, густой голубизной ночного неба, которую только самые вульгарные глаза принимают за черный цвет. Лицо было грубое и чувственное, однако с широкими и повелительными бровями. Нет интеллекта

более аристократического, чем тот, который происходит от древнего и ныне редкого Египетского рода.

- Не обижайтесь, - мягко вымолвил Лам, - она никого не обделяет своим надменным презрением.

Лу сидела на ручке софы, ее длинные, изогнутые пальцы цвета слоновой кости трогали волосы темнокожей девушки. От чего-то мне стало тошно; я был сконфужен, чувствовал беспокойство. Пожалуй, впервые в жизни я не знал как мне себя вести.

Меня взбрела в голову мысль: это просто усталость и мне не стоит тревожиться по этому поводу.

Словно в ответ на эту мысль Лу вынула стеклянный пузырек с позолоченной пробкой из своего кармана и, отвинтив ее, вытряхнула немного кокаина на тыльную сторону ладони. Она сверкнула в мою сторону призывным взглядом.

Комната вдруг наполнило эхо ее песнопения:

"Ты, О наглая девственная любовь, окутанная сетью из диких роз! Я Тебя боготворю, Эвоэ! Обожаю Тебя, ИАО!"

- Именно так, - весело одобрил Царь Лестригонов. - Вы простите меня, надеюсь, если я осмелюсь спросить у вас, насколько много вы знаете о действии кокаина?

Лу ответила сердитым взглядом, я же предпочел откровенность. Высыпав умышленно крупную дозу на ладонь, тут же ее употребил. Не успел я закончить, как действие понюшки не заставило себя ждать. Я почувствовал себя господином над кем угодно.

- Кстати, между прочим, - заявил я высокомерно, - сегодня ночью я пробовал его впервые, и нахожу это снадобье довольно приятным...

Лам загадочно улыбнулся.

- Ах, да, а что говорит наш старинный поэт? Кажется Мильтон?

- Улыбкой демона мне мозг порви

В коньяк, любовь и кокаин меня мокни.

- Какой вы же глупый, - воскликнула Лу, - в эпоху Мильтона кокаин еще не был изобретен!

- Разве в этом повинен Мильтон? - парировал Царь Лестригонов.

Неожиданность и несвязность хода его мыслей подчас приводила меня в замешательство.

Он повернулся спиной к Лу и посмотрел мне прямо в лицо:

- Недурной препарат, вы находите... да, сэр Питер? Пожалуй, так оно и есть. И я сам приму дозу, чтобы не было недоразумений.

Сказано-сделано. Я вынужден признать, что этот человек начинал меня интриговать. В какую игру он играл?

- Я слышал, вы один из наших лучших авиаторов, сэр Питер... - продолжил он.

- Да. Я немного летаю, время от времени, - подтвердил я.

- Аэроплан - отличное средство передвижения, но только в том случае, когда за штурвалом специалист, иначе приземление может оказаться довольно жалким, а?

- Премного благодарен, - ответил я, уязвленный его тоном. - Так случилось, что я изучал еще и медицину.

- О, тогда все в порядке, разумеется.

Он согласился с учтивостью, которая гораздо глубже ранила мое самомнение, чем если бы он открыто бросил вызов моей компетенции.

- В таком случае, - обрадовался Лам, продолжая, - я надеюсь, что мне удастся пробудить ваш профессиональный интерес к случаю, который, я думаю, вы согласитесь со мной, есть нечто близкое к злоупотреблению. Моя маленькая подружка прибыла сюда сегодня или скорее уже вчера вечером, накачанная под завязку морфием. Неудовлетворенная результатом она проглотила большую дозу Anhalonium Lewinii, пребывая в беспечном неведении относительно лекарственной совместимости. Предположительно скуки ради она затем выпила еще и целую бутылку Grand Marnier Cordon Rouge; и сейчас, чувствуя легкое нерасположение, по некоторой причине, пытаться отгадать которую будет верхом самонадеянности, она приводит дела в порядок как раз с помощью этого вашего "очень недурного препарата".

Он отвернулся от меня и внимательно осмотрел девуцу. Я заметил, какая

ужасающая бледность осветлила ее темно-синюю кожу. Она утратила свой здоровый оттенок и напоминала кусок сырого мяса, только-только начинающий портиться.

Я вскочил на ноги. Инстинкт подсказывал мне, что девушка на грани коллапса. Хозяин студии склонился над ней. Он оглянулся на меня через плечо и заметил с горькой иронией: "Типичный случай злоупотребления".

Дальнейшую четверть часа он боролся за жизнь девушки. Оказалось, что Царь Лестригонов весьма искусный врач, несмотря на то, что он никогда не изучал медицину официально.

Но я не отдавал отчета в происходящем. Меня ничто не заботило. В моих венах пел кокаин. Лу порывисто приблизилась и бросилась мне на колени. Она поднесла к моему рту бокал с крепчайшим ликером, напевая песню экстаза:

"Ты, О сверкающий кубок света, пенящийся кровью из звездных сердец! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Боготворю Тебя, И А О!"

Мы впали в глубокий-глубокий транс. Его прервал Лам.

- Не сочтите меня негостеприимным, - обратился он к нам, - она приходит в себя, но я должен отвезти ее домой. Так что, либо почувствуйте себя как дома, либо позвольте мне доставить вас, куда пожелаете.

За этим последовало еще одно вторжение. В дверь позвонили. Лам бросился открывать. На крыльце стоял высокий человек.

- Твори, что ты желаешь, да будет то Законом, - сказал Лам.

- Любовь - закон, любовь подчиняется воле, - прозвучало в ответ.

Все это походило на пароль и отзыв.

- У меня к вам разговор на час.

- Разумеется, я к вашим услугам, - отвечал наш гость - только вот...

Он смолк.

Мой мозг был необычайно ясен. Моя уверенность в себе была безграничной. Меня осенило, и я увидел выход. Чертенек хихикал в моем сердце: "Что за дивный план оказаться наедине с Лу!"

- Видите ли, мистер Лам, - сказал я скороговоркой. - Я умею водить любые машины. Позвольте мне доставить Мисс Халладж домой.

Арабская девушка уже топталась за моей спиной.

- Конечно, конечно, - лепетала она слабым, но возбужденным голосом. - Это будет всего лучше... Я вам страшно признательна.

Впервые за целый вечер она заговорила.

- Да, да, - пропела и Лу. - Я хочу кататься при лунном свете.

Наша компания протиснулась в открытую дверь. По одну сторону темно-малиновые каскады электрического света, по другую безупречная роскошь нашей Спутницы.

"Ты, О хрупкий колокольчик лунного света, затерявшийся в звездных садах! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Боготворю Тебя, И А О!"

Далее сцена развивалась со скоростью сновидения. Мы были в гараже - выехали оттуда на улицу, потом - Египтянку в ее отель - ну уж а дальше...

ГЛАВА III. ФАЭТОН

Лу льнула ко мне, а я сжимал руль. Слова были нам ни к чему. Наша страсть уносила нас трепетным потоком. Я совсем забыл, что это была машина Царя Лестригонов. Мы мчались словно дьявол в Никуда. Безумная мысль пронзила мой мозг. Ее подбросило мне мое "Бессознательное", второе и основное "я". Тогда же какое-то знакомое место на улице напомнило мне, что я веду машину не обратно в студию. Некая неведомая сила внутри повернула меня в сторону Кента. И я истолковывал себя самому себе. И знал, что собираюсь сделать. Мы направлялись в Барли-Грандж; а потом... О, потом - неистовый полет в Париж при лунном свете!

Эта идея утвердилась во мне независимо от моих размышлений. По-своему, она была решением уравнения, условиями которого, в свою очередь, были: во-первых, несколько безумное отождествление Лу со всякими идеями лунного романтизма; далее, моя физическая привычка авиатора к полетам; и в-третьих,

традиционная ассоциация Парижа с экстравагантными увеселениями и буйством любви.

Я вполне сознавал тогда, что мое нравственное и умственное чувство выброшено за борт на время; но мое отношение к ним предельно простое: "До свидания, Иона!"

Первый раз за всю свою жизнь я стал абсолютно самим собой, освобожденный от всяких ограничений тела, интеллекта и воспитания, которые удерживают нас, обычно, в рамках так называемого здравого смысла.

Я припоминаю, что как будто вопрошал себя, не сумасшедший ли я, и отвечал: "Конечно, сумасшедший. Ведь здравомыслие - это компромисс. Здравомыслие тянет нас назад".

Будет довольно бессмысленно пытаться вам описать поездку в Барли-Грандж. Она длилась едва ли полсекунды. И она длилась долгие, долгие зоны.

Всякие сомнения на мой собственный счет были растоптаны копытами неоспоримых фактов. Ни разу в жизни я не управлял машиной лучше. Я выкатил гидротанк так, как кто-нибудь другой извлекает из портсигара сигарету. Машина взмыла точно орел. Нежный, мягкий голос Лу сливался с шумом мотора в прелестном антифоне:

"Ты, О дрожащая грудь ночи, что мерцает четками лун! Я боготворю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!"

Мы воспарили туда, где рассвет. Я пересек рубеж трех тысяч. Я слышал стук моего сердца. Оно стучало в едином ритме с мотором.

Я набрал полные легкие чистого, незагрязненного воздуха. Он звучал в октаву с кокаином; та же бодрящая дух сила, но по-иному выраженная.

Великолепная мелодия слов Зивекинга всплыла в моей памяти. Я повторял их, блаженствуя. Они воплощали биение британского мотора.

- Глубокий вдох! И легкие полны! И мозг летит, летит ко всем чертям!

Ветер нашей скорости упразднил все мои привычные телесные ощущения. Кокаин в сочетании со скоростью анестезировал их. Я был развоплощен; вечный дух; Высшее существо, порознь.

- Возлюбленная Лу! Возлюбленная Лу! Лу, Лу, совершенство, возлюбленная!

Должно быть, я прокричал припев. Даже посреди рева, я расслышал ее ответное пение:

"Ты, О Летняя нежность губ, что жарко мреет алым цветом страсти! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Боготворю Тебя, И А О!"

Даже вес воздуха стал для меня невыносим. Взовьемся еще выше, еще и еще выше!

- И в яростном неистовстве! И в безрассудстве! Неистовом безрассудстве ко всем чертям!

"Ты, О искаженный вопль урагана, что пронесся, кружась, по листве лесов! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Боготворю Тебя, И А О!"

И тут я почувствовал, что нас уносит некий бушующий вихрь. Земля улетела от нас, точно камешек, брошенный в темное ничто. Мы были свободны, мы навсегда избавились от оков, в которых пребывали с самого рождения:

- Взмывая ввысь! Взмывая ввысь! Взмывая, взмывая ввысь, ввысь!

Перед нами, высоко в серой бледности, стоял Юпитер - квадратная сапфировая вспышка.

"Ты, О яркая утренняя звезда, что находится меж грудей самой Ночи! Я обожаю Тебя, Эвоэ! Боготворю Тебя, И А О!"

Я прокричал ей в ответ:

- Искатели звезд! Открыватели звезд! Звезд-близнецов, отливающих серебром!

А между тем я поднимал машину все выше и выше. Толща грозových облаков повисла между мною и зарей. Проклятье, как они посмели! Я должен их перелететь и растоптать.

"Ты, О Лиловая грудь шторма, на которой молния оставила следы своих зубов! Я боготворю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!"

Болезненные, точно бездомные дети, клочья тумана окружили нас. Я понял ликование Лу в облаках. Если кто и был неправ на этот раз, то это был я. У меня не было столько кокаина, чтобы принимать все, как бесконечный экстаз. Ее любовь вознесла меня до триумфальной страсти. И я понял этот туман.

"Ты, О несбираемая роса, что увлажняешь уста зари! Я боготворю Тебя, Эвоэ! Обожаю Тебя, И А О!"

В этот миг моя практическая сторона заявила о себе с удивительной внезапностью. Я увидел сквозь туман береговую линию. Я знал маршрут как свои пять пальцев и буквально на волосок отклонился от кратчайшего пути в Париж. Я плавно свернул южнее.

Подо мною катились серые волны. Мне показалось (достаточно безумная мысль), что их движущиеся складки напоминают смех глубокого старца. Внезапно меня осенило - что-то было не так! Спустя мгновение прибор безошибочно показал, в чем дело. У меня кончилось горючее.

Моя память осветилась яркой вспышкой ненависти к Царю Лестригонов. "Типичный случай злоупотребления!" Все равно, что сказать мне в лицо, что я - дурак. Я вообразил его морской стихией, которую сотрясает глумливый хохот.

А я то насмеялся над моим старым командиром эскадрильи. Не классный я летчик, да? Вот я покажу ему! И я был недалеко от истины. Я летал несравнимо лучше, чем когда бы то ни было. И, тем не менее, умудрился упустить простейшую опасность.

Я неожиданно осознал, насколько паршиво может закончиться наше путешествие. Оставалось только одно: выключить мотор и планировать, как есть. От этой перспективы мне стало не по себе.

Эх, нюхнуть бы разок! Пока мы пикировали по широкой спирали к морю, мне удалось извлечь мою бутылочку. Разумеется, мне сразу стало ясно, что на таком ветру все улетит мимо носа. Тогда я вытащил пробку и просунул в горлышко язык.

Мы все еще находились на высоте тысячи футов над морем. "У меня уйма времени, бесконечно много времени, - подумал я, как только наркотик подействовал, - чтобы принять решение". Я действовал с отменным самообладанием. Мы приводнились в сотне ярдов от рыболовецкого парусника, который только что вышел в море из Дия.

Через пару минут нас подобрала и взяли на буксир. Потом они развернули судно и отбуксировали мою летательную машину к берегу.

Первое, о чем я подумал, несмотря на всю нелепость нашего положения, это "вот бы заправиться и продолжить". Однако, сочувствие людей на берегу было сдобрено обильными насмешками. В вечерних туалетах, с которых капает в четыре часа утра! Как Гедда Габлер - "так не поступают".

Но тут мне снова помог кокаин. Какого дьявола меня должно волновать, что они все подумали!

- Где бы я мог раздобыть горючее? - спросил я у капитана посуды.

Он мрачно улыбнулся в ответ:

- Тут одной заправки мало.

Я бросил взгляд на машину. Он был совершенно прав. Неделя на ремонт, по меньшей мере.

- Вам бы лучше, сэр, пойти в гостиницу и получить там что-нибудь из теплой одежды. Посмотрите, как дрожит ваша дама.

Это была чистая правда. Ничего другого не оставалось, и мы медленно побрели вверх по берегу.

О сне, конечно, не могло быть и речи. Мы оба сверкали свежестью. Все, в чем мы нуждались, это горячая еда - много еды.

И мы ее получили.

Казалось, будто мы вступили в абсолютно новую фазу. Авария избавила нас от игры в оркестровую ораторию; однако, с другой стороны мы по-прежнему были готовы к напряженной практической деятельности.

Каждый из нас съел по три завтрака. И мы говорили за едой без умолку; большей частью это была бурная, агрессивная бессмыслица. Все-таки мы оба сознавали, что вся эта история только камуфляж. На самом деле мы должны как можно скорее пожениться, пополнить запасы кокаина, уехать и веселиться и ныне, и присно, и во веки веков.

Мы послали в город за необходимыми нарядами и отправились на охоту за кюре. Он оказался стариканом, долгое время жившим вдали от мирской суеты. Он не усмотрел в нас ничего особенно дурного, кроме нашей молодости и энтузиазма; и он очень сожалел, что тут нужны три недели отсрочки.

Добрый старикан объяснил нам, что таков закон.

- О, да это пустяк, - выдохнули мы. - Ловим первый же поезд до Лондона.

Обошлось без инцидентов. Мы оба были полностью анестезированы. Ничто нас не тревожило. Нам не претило ни ожидание на перроне, ни медленный ход старого состава.

Все это была часть плана. Мы были вне себя от жизни, от колоссального ее темпа. Скорость самолета превратилась в простой символ, физическую проекцию превосходства нашего духа.

Два следующих дня пролетели в какой-то пантомиме. Грязный офис, где грязный человечек сочетал нас браком. Мы отвезли Ламу его машину. Я с изумлением обнаружил, что мы бросили ее на открытом месте над обрывом у озера.

Я устроил миллион дел, и все это в водовороте, в котором утонул всякий здравый смысл. Не прошло еще и сорока восьми часов, а мы уже собрали чемоданы и отбыли в Париж.

Деталей никаких я не запомнил. Все события выступали как отдельные металлы, образующие в слиянии сплав, имя которому Восторг. За все это время мы ложились спать один только раз, и спали крепко, а проснулись свежие, без единого следа утомления.

Мы навестили Гретель и получили от нее запас кокаина. Разумеется, она не примет никакие деньги от ее дорогого сэра Питера, и она счастлива видеть Лу, Леди Пендрагон; и не соизволим ли мы заглянуть к ней после медового месяца?

Этот визит крепко застрял в моей памяти. Мне кажется, я все же каким-то образом догадывался, что эта женщина является, так сказать, главной пружиной целой операции.

Она представила нас своему мужу, тучному и одышливому старику с пузом и бородой, репутацией праведника и елейной манерой говорить правильные вещи ни о чем. Но я предугадывал определенную пронизательность в его взгляде: она шла вразрез с его маской показного неведенья.

Был там и еще один человек - некто вроде недоделанного священника-нонконформиста, по имени Джейбз Платт, который довольно рано понял, что миссия его жизни ходить и везде творить добро. Кое-кто утверждал, что он сделал немало добра - для себя. Его политическое кредо звучало несложно: если ты что-нибудь видишь - останови это; все сущее неправильно; этот мир очень злое и порочное место.

Вдобавок он был также энтузиастом принятия закона, который пресек бы в корне наркотическую чуму.

И мы улыбались с пониманием и сочувствием, хитро поглядывая при этом на хозяйку дома. Если бы старый дурак только знал, сколько кокаина мы приняли, пока сидели и аплодировали его напыщенным и плоским речам!

Мы от всего сердца посмеялись над этим глупым инцидентом, сидя в вагоне. В отдаленной перспективе он не покажется нам столь уж комичным; но очень трудно объяснить словами, так уж повелось, что именно будет щекотать твое чувство юмора, а что нет... Вполне возможно, что любое другое событие подействовало бы на нас точно также. Мы были на восходящей кривой. Восторг любви вступил в комбинацию с восторгом от кокаина; а романтизм и авантюризм наших жизней создавали опьяняющее обрамление для двух этих драгоценностей высочайшей пробы.

"Каждый день, во всем, я делаюсь лучше и лучше".

Ныне знаменитая формула м-сье Куэ с точностью изображает график кокаинового медового месяца. Нормальная жизнь - это аэроплан до взлета. Сначала серия мелких толчков, более менее движемся, только и можно сказать. Потом она начинает четко взлетать. И уже ничто не препятствует полету.

Но по-прежнему существуют психические препятствия; ограда, скопление построек, вязовая роща или что бы там ни было. Всегда немного боишься из-за того, что их необходимо перескочить. Но как только машина взмывает в бескрайнюю синеву, тотчас приходит душевное веселье, которое сопутствует обретению неограниченной свободы.

Это чувство должны были знать наши деды, те, что жили в Англии, когда свобода в этой стране не была еще уничтожена законодательной властью; или скорее передачей законодательной власти в ручонки мелкого чиновничества и приказного люда.

С полгода назад, я получил из-за границы немного табаку. Черный "perique" - "перик" чистейший, из Луизианы, лучший в мире. Мало-помалу мне наскучило заниматься его нарезкой, и я отправил перик для этой цели к табачнику.

Что вы, как можно! Никак нельзя без разрешения со стороны Таможни!

Наверное, мне бы и в самом деле следовало сдать полицию.

Да, когда увлекаешься кокаином на полную катушку, теряешь всякое представление об ухабистом характере нашего старого, округлого сфероида. Зато начинаешь проявлять куда большую компетентность в делах житейских, то есть в известном смысле этого понятия.

Месье Куэ полностью прав, как и сторонники Христианской Науки, говоря, что половина всех наших бед происходит от того, что мы признаем, что они есть, поэтому если мы забудем про их существование, то они и в самом деле прекратят существовать!

Не для этой ли цели имеется у нас старая поговорка - "с глаз долой, из сердца вон"?

Когда у тебя кокаиново-медовый месяц, ты и в самом деле делаешься выше простых смертных. Каждую проблему ты атакуешь с абсолютной уверенностью. Это комбинация, которую французы называют "elan" (бодрость) и "insouciance" (наглость/беспечность).

Британская Империя обязана своим появлением именно этому духу. Наши молодые люди дошли до Индии и разных других мест, и перешагнули через всех только потому, что они были слишком невежественны, чтобы сознавать все трудности, ожидающие их на этом пути. Их учили, что если у тебя в жилах здоровая кровь (а в школах и университетах доводили до автоматизма мысль, что ты властелин творения и не можешь ошибаться, и не должен даже замечать поражений), то все будет в полном порядке.

А теперь мы теряем Империю, потому что оказались "поражены бледной немочью раздумья". Интеллектуалы довели нас до положения "жалкой кошки из старой поговорки". Дух Гамлета занял место духа Макбета. А Макбет только потому и погиб, что Макдуфф отнял у него мужество своим толкованием того, что сказали ведьмы.

И Кориолан потерпел неудачу только потому, что остановился и задумался. Как сказал поэт: "Любить знание значит ненавидеть жизнь".

Кокаин устраняет все колебания и сомнения. Однако, наши предки обязаны свободой своего духа подлинной свободой, добытой ими в бою; а кокаин - это просто "пиратская кружка рома перед боем". Тем не менее, пока его хватает, все хорошо.

ГЛАВА IV. "AU PAYS DE COCAINE" - В СТРАНЕ КОКАИНА

Я не могу припомнить подробности нашей первой недели в Париже. Подробности перестали существовать. Мы мчались от наслаждения к наслаждению в одном неиссякаемом порыве. Мы не останавливались ни перед чем. Я не смогу описать и частицу слепого, безграничного блаженства любви. Каждый эпизод был в равной степени изыскан.

Париж, конечно, умеет подать себя особым образом людям как раз в таком состоянии ума. Мы жили под напряжением в десять раз превышавшем нормальное. И это соответствовало истине как в буквальном, так и переносном смысле. Я захватил с собою из Лондона тысячу фунтов, думая о радостях безрассудства. К черту расходы, ведь мы собирались веселиться!

Я воспринимал тысячу фунтов как сумму достаточную, чтобы расписывать Париж всеми цветами радуги довольно долгое время; однако к концу недели эта тысяча пропала; еще одну тысячу, затребованную мной по телеграфу, постигла та же участь; и на их месте только и появилось, что пара нарядов для Лу и несколько не самых дорогих ювелирных изделий.

Мы считали, что живем очень экономно. Мы были так счастливы, что не замечали траты денег. Отчасти потому, что любовь не нуждается в крупных

суммах, и я никогда раньше не знал, что такое любовь.

Утренние часы были заполнены тем, что я назвал бы медовой частью месяца. Это занятие не оставляло нам времени, чтобы слоняться по Монмартру. Нас мало волновала пища, мы едва замечали, что едим. Сон, как будто, тоже сделался нам не нужен. Мы не ведали утомления.

При первом же намеке на усталость, рука наведывалась в карман. Одна щепотка дарила нам ощущение утонченнейшей прелести порока, и мы снова катили на четвертой скорости дальше!

Пожалуй, стоит вспомнить только одно событие - от Гретель Вебстер пришло письмо и коробка. В посылке находилось стеганое кимоно для Лу, одна из тех роскошных шелковых вещей, которые в Японии носят гейши, голубое, как летнее небо, сплошь покрытое вышитыми золотом драконами с алыми глазами и языками.

Надев его, Лу смотрелась как никогда впечатляюще, ослепительно великолепно.

Я никогда особо не увлекался женщинами. Несколько любовных интрижек из тех, что подвернулись мне, были довольно убогими и глупыми. Они не открыли мне, какие возможности таит в себе любовь. На самом деле, я считал ее несколько преувеличенным удовольствием; кратким и скотским ослеплением, за которым неотступно следуют скука и отвращение.

Но с кокаином все обстоит совершенно по-другому.

Хочу подчеркнуть тот факт, что кокаин в действительности - анестезирующее средство. Этим объясняется его подлинное действие. Не чувствуешь своего тела. (Как всем известно, с этой целью его и применяют в хирургии и зубоврачебном деле).

Только не думайте, что это означает уменьшение физических радостей брака. Совсем наоборот, но они обретают эфирную легкость. Животная сторона интенсивно стимулируется настолько того требует ее участие в действии; однако происходит полная трансмутация животной страсти.

Я происхожу из весьма утонченной, наблюдательной расы, которой легко внушить отвращение. Неотделимые от любовных дел маленькие интимные происшествия, способные в обычных обстоятельствах покоробить твои деликатные чувства, перестают это делать, когда твоя топка полна кокаином. Любое такое событие трансмутируется, словно бы "небесной алхимией", в разновидность духовного блаженства. Ты ощущаешь свое тело с невероятной остротой. Но, как уверяют нас буддисты, в действительности оно является источником боли и неудобств. Все мы подсознательно чуем, что так оно и есть; и это как раз то, что кокаин полностью устраняет.

Позвольте мне еще раз подчеркнуть отсутствие какого-либо обратного действия. Именно в этой сфере, как нигде, проявляется inferнальная тонкость этого снадобья. Если идешь в разнос обычным путем с помощью алкоголя, получаешь то, что американцы называют "хмурым утром после веселой ночи". Природа предупреждает нас о нарушении нами правил, и Природа наделила нас достаточным здравым смыслом, чтобы понимать - беря взаймы, мы обязаны расплачиваться.

Мы употребляем алкоголь с незапамятных времен: и в народном сознании зафиксировано, что хотя стаканчик на другое утро, "собачий волос", как мы его называем, и поправит ваши дела, его едва ли хватит, чтобы захлебнуться этими волосами.

Но в случае с кокаином все эти предосторожности ничуть не помогают. Никто особо не пострадает от наркотической ночи, при условии, что у него хватит ума на другой день посетить турецкие бани, и "подлечиться" пищей и двойной порцией сна. Только кокаин настойчиво говорит: "Живи по средствам", - и гарантирует их неистощимость.

Как я уже говорил, он обладает обезболивающим действием. Он притупляет все ощущения, которые могут повлечь за собой то, что психологи называют "торможением". Человек начинает пренебрегать абсолютно всеми правилами. Он пышет здоровьем и бурлит бодростью духа. Слепое возбуждение столь возвышенного свойства не оставляет места для каких-либо тревог. И в то же время в этом возбуждении есть глубина и покой. Ничто в нем не намекает на ту грубость, которая ассоциируется у нас с банальным пьянством. Сама идея грубости и банальности оказывается упразднена. Это напоминает видение Петра

в Деяниях Апостолов, когда ему было сказано: "Нет ничего в тебе самом нечистого".

Не так ли сказано и у Блейка: "Все живое свято". Каждый поступок - священнодействие. Инциденты, которые в обычном состоянии досаждают или препятствуют, воспринимаешь как простое сырье для веселых насмешек. В точности как когда вы бросаете кубик сахара в шампанское, и оно начинает пениться вновь.

Ну да ладно, мы отвлеклись от темы. И это тоже как раз то, что делает кокаин. Трезвый ход мысли оказывается прерван. Отклоняешься по касательной, свежей, неистовой, невероятной касательной по любому поводу. Пропадает чувство меры; и, несмотря на миллионы миль, которые ты бодро прошел свернув с пути, ты никогда не потеряешь из виду цель, к которой надо стремиться.

Так, например, покамест я записывал все эти вещи, я ни на секунду не упустил из виду, что я рассказываю вам о коробке и письме от Гретель.

В Париже мы познакомились с одной девицей. Она была наполовину Индианкой - прелестная малышка с шармом чертенка и запаснейших историй, какие только существуют на свете. Она жила кокаином. Более или менее необразованная, и поэтому описывавшая свое существование следующим образом: "Я нахожусь в просторном красивом саду, и в руках у меня полно свертков, которые я то и дело роняю; и когда я наклоняюсь за одним, у меня тут же падает другой, и все это время я плыву вдоль по саду".

Итак, вот что писала Гретель:

- Моя ДОРОГАЯ ЛУ, - я не могу и начать рассказывать о том самом дне, и с каким восторгом я встретила вас, Миледи, да еще и с таким роскошным мужчиной в качестве мужа. Я не виню вас за столь поспешное замужество, но, с другой стороны, и вы не должны строго судить старых друзей за то, что они не пророки! Так вот и я не сумела застать вас с поличным. Однако, как бы то ни было, я не теряла времени. Вы знаете, как бедно я живу, но, надеюсь, оцените маленький подарок, который я посылаю вам, не как подарок ради подарка, а в знак моей глубокой любви к самой милой и очаровательной из известных мне девушек. Скажу вам по секрету, моя милая Лу: "Порою то, что внутри, лучше того, что снаружи". С моим самым благосклонным почтением и наилучшими пожеланиями милому сэру Питеру и вам, хотя я не могу надеяться, что вы помните о моем существовании в данный момент,

- Вечно преданная Вам,
"Гретель".

Лу бросила мне письмо через стол. По причине или без, но оно меня разозлило. Я не желал слышать ничего о ней. Она мне не нравилась и я ей не доверял.

- Наглая идиотка, - сказал я, будто бы огрызаясь. Сказал не своим голосом, то был, сдается мне, заговоривший изнутри некий глубинный инстинкт самосохранения.

Между тем, Лу вся сияла по этому поводу. Я хотел бы дать представление о всех искристых свойствах каждого ее слова и поступка, но вряд ли сумею. Ее глаза блистали, губы трепетали, щеки рдели румянцем весенних бутонов. Она была воплощением кокаинового духа; кокаином во плоти. Одним своим существованием она делала Вселенную бесконечно восхитительной! Послушайте, если вам так уж угодно, она была одержима дьяволом!

Любая из так называемых здоровых личностей была бы шокирована при ее появлении. Она представляла собой сирену, вампира, Мелузину, опасного и дивного демона, которого трусы были вынуждены изобрести, чтобы оправдать собственный недостаток мужества. Она была настроена отобедать прямо здесь в номере, где она могла бы надеть новое кимоно и танцевать для меня на обеденном столе.

Паюсную икру мы ели ложками. Кого волнует, что она стоит в три раза дороже своего веса в золоте? И нечего упрекать меня в экстравагантности; если вам охота кого-то обвинять, обвиняйте Кайзера. Он заварил всю эту кашу; и когда мне вздумается поесть паюсной икры, я буду есть паюсную икру.

Мы пожирали ее по-волчьи. Глупо предавать значение подобным пустякам.

Яства сменяли друг друга на нашем столе, а Лу плясала точно горячечный демон. Она с удовольствием приняла для себя психологию Восточной обольстительницы и чаровницы. Я был ее паша, ее воин-самурай, ее

великолепный махарджа с кривою саблей по колено, готовый отрубить ей голову под любым предлогом.

А она была Ouled Nail с татуированными щеками и подбородком, с насурьмленными бровями и красным накрашенным ртом.

Я был Туарег в маске, полонивший ее разбойник пустыни.

Она разыгрывала передо мной тысячи утонченно-безумных ролей.

У меня слабое воображение, у меня сугубо аналитический мозг; однако, я упивался устроенной ею для меня игрой. Точно не помню сколько раз за время нашего обеда превращался я из цивилизованного супруга в пижаме с Бонд-Стрит в разъяренного безумца.

И только когда официанты оставили нас, подав кофе и ликеры, которые мы пили как воду, Лу внезапно сбросила свой мерцающий наряд.

Она встала посреди комнаты и выпила полфужера бренди с ликером. Гипнотическая дерзость этого ее жеста исторгла из меня внутренний вопль. Я подскочил, точно притаившийся в засаде тигр при виде оленя.

Лу хихикала всем телом от некоего неугомонного возбуждения. Знаю, знаю что "хихикать всем телом" не говорят; но никак иначе выразить это я не могу.

Она перехватила мой бросок, как будто всю жизнь играла в защите за сборную Англии по регби.

- Давай ножницы, - прошептала она.

Я мгновенно сообразил, куда она гнет. Все было совершенно верно - мы несколько заигрались, перегнули палку с этим снежком. Думаю, что мы приложились не менее пяти раз. Если вам так любопытно - вернитесь назад и пересчитайте их - сколько мне надо, чтобы взлететь на десять тысяч футов над несчастными утесами Дувра, благослови их Господь! Но все сходилось, как цена гвоздей в конских подковах, что казалось забавным моему отцу, когда я был малышом. Вы понимаете, что я имею в виду - принцип Мартингейла (удвоение ставок) и тому подобное. Мы определенно перекушали снега.

Пять раз! Вообще-то немного, после двух недель, какие наши годы...

У Гвендолен Оттер сказано:

- Сердце моего сердца, при бледном свете луны,

Почему мы завтрашней ночи ждать должны?

И это на самом деле совпадает по духу.

- Сердце моего сердца, уйди с дождя,

Еще немного кокаину ждет тебя.

- Сердце моего сердца, уйди с дождя,

Давай примем еще немного снежка.

Знаю, что поэт из меня никудышный, так что выдающаяся авторесса вполне может позволить себе улыбку, если только это светская улыбка, и тихонько перешагнуть через мои останки. Но дух произведения я угадал точно.

- Всегда вдыхай, пока не придется остановиться,

Еще одна понюшка, старый приятель!

Нет, не годится, надо с достоинством:

"Вдыхай! Через край!" -

- так будет лучше. С достоинством и патриотично, да и идею выражает гораздо лучше. И если вам это не нравится, наводите справки в другом месте.

Отвергаю упреки в безрассудной расточительности. В нашем распоряжении оставались еще весьма основательные ресурсы. Мы не уклонялись от "оплаты заказов", как какая-нибудь фирма мошенников.

Вы прекрасно знаете, как трудно хранить спички. Совершенно тривиальная вещь спички, ими пользуются постоянно, их всегда легко заменить; и никто не удивляется, если вдруг его коробок оказывается пустым; так вот, я не считаю, что хотя бы на миг нарушил чувство меры в этом вопросе.

И давайте оставим в покое мой полет в Париж при лунном свете. Признаю, что горячего мне не хватило; но ни для кого ни секрет, что когда ты впервые по уши влюблен, состояние это способно вызвать временное расстройство твоих обычных навыков.

Что бы люди не болтали про Гретель, она оказалась надежным другом, и мне было приятно признать очевидность этого факта. Причем она оказалась надежным другом в самом необычном смысле этого слова. Не вижу оснований не отметить, что она вела себя, как верный друг в самом раннем, насколько вам это по силам вообразить, викторианском смысле.

Она была не просто верным, но и мудрым другом. Она явно предвидела, что наступит день, когда все наши запасы снежка растают.

Теперь я хочу, друзья, чтобы вы все уяснили из прочитанного, что мужчина, если он называет себя мужчиной, не из тех, кто способен прервать медовый месяц с девушкой в японском кимоно, каким я его расписал выше и, напялив кучу гнусной одежды, носиться по всему Парижу в поисках торговца наркотиками.

Вы мне, конечно, тотчас возразите, что всего и делов то было позвонить официанту, и тот принес бы мне пару кубометров. Но вы так считаете просто потому, что не представляете, в каком отеле мы имели невезение остановиться. Мы попали туда, не чуя никакой беды. Он стоял почти рядом с Пляс Д`Этуаль и, для невооруженного взгляда казался абсолютно респектабельной гостиницей для отпрысков аристократических семейств.

Не увлекайтесь мыслию, будто я хочу раскритиковать это заведение. Все это из-за того, что из Франции была выпита вся кровь; но коридорный на нашем этаже был семейный человек средних лет и, вероятно, почитывал и Ламартина с Паскалем, и Тэна, и всех остальных ужасающих старых зануд, когда не занимался доставкой икры в наш номер. Но я не вижу ни малейшей пользы скрывать от вас, что лицо его постоянно имело выражение человека, который чем-то шокирован, в особенности об этом говорил фасон его бородки. И всякий раз ему что-то в нашем номере подчеркнуто не нравилось, когда он туда являлся.

Я где-то и сам немного психолог, и мне было совершенно ясно, что такой человек не станет доставать для нас кокаин, если только мы не предложим ему за это пост министра табачной промышленности.

Итак, разумеется, я не собираюсь упрашивать вас, чтобы вы поверили, будто Гретель Вебстер было что-либо известно об этом противном старом ханже-коридорном! Она попросту проявила мудрое предвидение и дружеское участие. Сомнений нет, опыт у нее имелся - бушели, баррели, мешки и все прочие меры опыта, которым меня не учили в школе.

Она попросту, не вникая в ход событий, должно быть, сказала про себя следующее: "По той или иной причине, эти симпатичные ребята могут оказаться в критический момент своей карьеры почти без снежка, и поэтому мне следует позаботиться, чтобы они его имели".

Думая обо всем этом, я, тем временем, раздобыл маникюрные ножницы, и моя Лу как раз кромсала ими швы на подкладке кимоно вокруг тех мест, где ее восхитительные крепкие пальчики нащупали то, что мы в госпитале называли инородным телом.

Да, мы не ошиблись. Гретель смогла постичь нашу психологию, а мы смогли постичь психологию Гретель, и все прошло чудесно, как зеленый горошек с жареной уткой.

Не смейте и думать, что мы испортили кимоно. То была всего лишь складка в стеганой изнанке. Из нее показался драгоценный белый шелковый мешочек; и мы вскрыли его, и перед нами заблестел снег, перед блеском которого меркнут снега на вершине Монблана.

Как вы знаете, когда на него посмотришь, то обязательно понюхаешь. Для чего он нужен? Этого не знает никто. Не надо рассказывать про "операции на горле". У Лу с горлом все в порядке. Она поет как Мельба, и выглядит как персик; она и есть Персик-Мельба - это как дважды два.

Да уж мы понюхали, и еще как! А потом мы кружили в танце несколько лет - по часам, наверное, восемь или девять минут - но что за толк рассуждать о часах, когда Эйнштейн уже доказал, что время является всего лишь одним из измерений пространства? Что с того, что астрономы открыли, будто наша планета вертится со скоростью 1000 миль в час, или там поворачивается на тысячу миль в минуту, если мы не можем вертеться вместе с ней?

Нелепо было бы бродить вокруг и остаться позади; а может быть, чего доброго, оказаться на Луне, где и поговорить не с кем, кроме Жюль Верна, Герберта Джорджа Уэллса и прочей толпы им подобных писателей.

Однако вы не подумайте, что белый шелковый мешочек был так уж мал.

Лу наклонилась над столом и выпустила изо рта свой длинный тонкий язык, точно муравьед в Национальном Биографическом Словаре, или как он там называется, и ввинтила его в белоснежную массу, едва не сведя меня с ума.

Я хохотал, как гиена, думая о сказанных ею словах. "В твоём поцелуе есть горечь кокаина". Весельчак Суинберн всю жизнь говорил о горьких поцелуях. Что он мог знать, бедный старый мальчик?

Что такое настоящий поцелуй, узнаешь только с полным ртом кокаина. Одно лобзание раскладывается на бесчисленные фазы, как в сочинениях разных там Бальзаков и Золя, Ромен Ролланов и Д.Х.Лоуренсов и многих других. И вы совсем не устаете! Вы несетесь на четвертой скорости всю дорогу, и двигатель урчит как кошечка, большая белая кошечка со звездами, мерцающими у нее на шерстке. И он всегда не такой и всегда тот же самый, и он не кончается, и ты теряешь разум, и продолжаешь жить без него, и, по всей вероятности, вы вообще не понимаете о чем я говорю, а меня это ни капли не волнует, и мне вас ужасно жаль, и вы можете во всем этом убедиться сами в любой момент... Способ прост - найдите девушку вроде Лу и много белого порошка.

Что там говорит этот приятель Лам?

- Улыбкой демона мне мозг порви,

В коньяк, и кокаин, и поцелуй его мокни.

Птица со странностями, этот чудаковатый Лам! Впрочем, сдается мне, эти стишки свидетельствуют, что он в этих вещах разбирается. Ну разумеется, почему бы и нет. Я сам видел, как он принимал кокаин. Тот еще фрукт! Ставлю шиллинг. Копают глубоко. И знает много. Но это не повод для подозрений. Не понимаю, за что людишки его так ненавидят. Не понимаю из-за чего. Я и сам так окрысился на него. Возможно, что он совершенно достойный малый "в принципе". У него есть странности - но это не портит человека, если он человек.

Черт, если придирается к мелким странностям, чего стоит Лу! Еще та чудачка, но я все же люблю ее.

- Дай мне еще раз нюхнуть с твоей руки.

Смех моей милой Лу напоминал звон московских колоколов на Русскую Пасху, которая, как известно, бывает не тогда, когда у нас. Они передвинули время туда или сюда - не могу вспомнить куда именно - если только вы понимаете, что я имею в виду.

Она подбросила пустой шелковый мешочек в воздух и поймала его ртом, страстно щелкнув зубами, чем снова почти свела меня с ума. Как бы я хотел быть птицей, чтобы эти острые белые маленькие лезвия откусили мне голову.

А вы практичная девочка, моя Леди Пендрагон! Она не стала доходить до самого дна, и вместо этого уже вырезала новый пакетик, и когда его открыли, птицы не запели, но она воскликнула пронзительно и возбужденно: "Посмотри, Петушок, это не снег!".

Здесь нужно пояснить, что она прозвала меня Петушок с намеком на тот факт, что меня зовут Питер (*намек на трехкратное отречение апостола Петра до "петушиного крика"*).

Я вышел из транса. Я смотрел на вещество, и глаза мои при этом были, должно быть, тупыми и остекленевшими. Затем мой врачебный навык пришел мне на выручку.

Это была белая пудра. Она имела тенденцию крошиться комочками и смахивала на мел. Я растер ее между большим и указательным пальцами. Понюхал. Запах не говорил мне ни о чем. Тогда я попробовал ее на вкус. Это тоже ничего мне не дало, так как нервы моего языка были полностью анестезированы кокаином.

Но исследование это было сущей формальностью. Теперь знаю, зачем я все это проделал. Обыкновенный жест самца. Мне хотелось пустить Лу пыль в глаза. Я пожелал впечатлить ее масштабами своей учености; ведь мне с самого начала было известно, без чьей-либо подсказки, что это такое.

Знала об этом и она. Чем дольше я знал Лу, тем больше меня впечатляли широта и разнообразие ее познаний.

- О, Гретель мила сверх меры, - прощбетала она. - Каким бы "приятным и утешительным" не был "коко", он может наскучить, и она об этом догадалась. Поэтому наша любезная старая подруга решила прислать нам еще и немного героина. И после этого еще найдутся люди, говорящие нам, что жизнь не стоит того, чтобы ее прожить!

- Когда-нибудь пробовала? - спросил я, и отсрочил ответ поцелуем.

Когда худшее было позади, она рассказала мне, что пробовала, да, но

только раз и самую крохотную дозу, которая, насколько ей помнится, не возымела над ней никакого эффекта.

- Вот и хорошо, - промолвил я с высоты моих широких познаний. - Здесь все зависит от вычисления физиологической дозы. Героин и в самом деле очень хорош. Стимулирует он гораздо лучше, чем морфий. Вы получаете такое же острое, блаженное спокойствие, но без вялости. А что, Лу, дорогая, не читала ли ты Де Куинси и прочих, что пишут про опиум? Опиум, как тебе известно, это смесь - в него входит что-то около двадцати различных алкалоидов. Лауданум, пожалуйста - его принимали Кольридж, и Клайв - разные важные персоны. Это раствор опия в алкоголе. Но самый активный и значительный элемент в опиуме - это морфий. Ты можешь принимать его всевозможными способами, но лучший результат дает инъекция. Однако это не совсем удобно и всегда присутствует опасность занести грязь. Приходится постоянно опасаться заражения крови. Он дивным образом стимулирует воображение. Он убивает боль, и тревогу, точно амулет. Но в тот самый момент, когда вас одолевают самые красочные идеи, когда вы возводите дворцы из золота ваших намерений, вы одновременно чувствуете, что на самом деле действительного ничего не стоит, и это само по себе дарит вам чувство жуткого превосходства надо всем, что есть в этом мире. И поэтому, с объективной точки зрения, это ни к чему не приводит. Все то, что делает морфий, делает и героин. Ведь, как тебе известно, он является производным от морфия - "Диацетил-Морфин", таково его техническое название. Только вместо купания в инертной философии он делает тебя острым, как горчица, в смысле доведения до конца твоих замыслов. Сам я его никогда не принимал. Полагаю, нам ничто не помешает приступить прямо сейчас.

Себя я вижу в этой сцене вышагивающим по комнате и прихорашивающимся, точно павлин. Лу, с отвалившейся челюстью, глазела на меня, очарованная, своими огромными (кокаин расширяет зрачки) глазами. Птичий самец красуется перед своей подругой. Я требовал от нее обожания за ошметки моих познаний; фрагменты, которых я успел нахвататься, бросив учебу.

Лу всегда практична; она вкладывает частицу таинства и священнодействия во все, что делает. Было нечто торжественное в том, как она пересыпала героин с лезвия ножа на тыльную сторону своей ладони.

- Мой Рыцарь, - промолвила она, сверкая глазами. - Ваша Дама снаряжает вас на битву.

И она поднесла кулак к моим ноздрям. Я вдохнул наркотик с неким ритуальным почтением. Не могу представить, откуда взялось это наитие. Может дело в том, что блеск кокаина побуждает принимать его с жадностью, в то время как тусклость героина намекает на серьезность операции?

Мне казалось, я прохожу какой-то весьма важный церемониал. Когда я все сделал, Лу отмерила дозу и себе. Она проглотила ее с глубоким и мрачным интересом.

Это напомнило мне о манере моего старого профессора в университете, когда он пришел проинспектировать нового больного; случай был загадочный, но явно критический. Возбуждение, порожденное кокаином, несколько застыло. Наши мысли замерли, и в то же время их остановка была столь же напряженной, как и предшествовавшее ей движение.

Мы снова смотрели друг другу в глаза с неменьшим, чем ранее, пылом; но это был как бы пыл иного рода. Как будто мы оказались избавлены от необходимости бытия в привычном смысле слова. Мы оба гадали - кто мы, что мы, и что должно случиться; и, в то же время, мы были абсолютно уверены, что ничего произойти не может.

Это было экстраординарнейшее ощущение. Из тех, которые не под силу воображению обычного ума. Бери выше - я не верю в то, что даже самый великий художник на свете смог бы придумать то, что чувствовали мы, а если бы и смог, то все равно не сумел бы это описать.

Я вот и сам пытаюсь сейчас это описать, но чувствую, что получается неважно. Подумать только, даже у английского языка есть свои пределы. Когда математики и ученые мужи желают обменяться мнениями, обычный язык для этого не очень подходит. Им приходится изобретать новые слова, новые символы. Вы только посмотрите на уравнения Эйнштейна.

Когда-то я знал человека, знакомого с Джеймсом Хинтоном, тем самым, кто изобрел четвертое измерение. Он был довольно сообразительный малый. Но

Хинтон все равно, даже о самых обычных предметах, думал в шесть раз быстрее его, так что когда Хинтону требовалось объяснить себя, он попросту не мог этого сделать.

Вот почему новый мыслитель несет с собой великое беспокойство. А они все воют, что не могут его понять; и это их очень раздражает; и в девяти случаях из десяти они подвергают мудреца преследованиям и объявляют его Атеистом и Дегенератом, либо немецким шпионом, либо - Большевиком, или любым другим ругательным словом, которое в моде на данный момент.

Кое-что об этом рассказал Уэллс в своей книжке про гигантов, а кое-что и Бернард Шоу в "Назад к Мафусаилу". В этом нет ничьей персональной вины, но проблема существует, и вам ее не преодолеть.

И вот я, какой я есть, совершенно ординарная личность, наделенная вполне посредственными мозгами, внезапно оказался отрезан от всего остального мира в своем дивном месте, сознавая, что должен поведать нечто абсолютно грандиозное, но что именно я не смог бы объяснить даже самому себе.

А прямо напротив меня стояла Лу, и я инстинктивно понял, по родству наших страстей, что она побывала в том же месте, где и я.

Мы не нуждались в общении посредством членораздельной речи. Мы прекрасно понимали и так; и мы выражали это понимание в каждом нежном взгляде и жесте.

Мир неожиданно застыл в гробовой тишине. Мы были наедине с ночью и безмолвными вещами. Наше место было в вечности, и мы узнали об этом неким необъяснимым путем; и эта бесконечная тишина расцветала загадочно объятиями.

Героин подействовал. Мы почувствовали себя коронованными колоссальным спокойствием. Мы были господами; мы пустили ростки из ничто в бытие! И теперь бытие медленно пробуждало нас к действию. В наших натурах была необходимость, и она требовала выражения, и после первого интенсивного взаимопроникновения наших индивидуальностей мы достигли равнодействия всех составляющих нас сил.

В определенном смысле счастье наше было так громадно, что мы не смогли его вынести; и незаметно мы скользили к пониманию необходимости выражения несказанных таинств посредством тайных же священнодействий.

Но все это происходило на огромном расстоянии от реальности. Скрытая цепь ассоциаций связывала эту новую истину с очевидно банальным фактом, что Монмартр находится под боком, что за окнами ночь, и самое время выйти и продолжить кутеж.

Мы одевались, как мне кажется, с тем самым чувством, которое испытывает свежеиспеченный епископ, впервые надевая свое облачение.

Но ничего из этого не углядел бы и даже не заподозрил никто из тех, кто видел нас в тот момент. Одеваясь, мы смеялись, напевали и обменивались веселыми пустяками. Спускаясь по ступеням вниз, мы чувствовали себя божествами, сходящими на землю из запредельного бессмертия.

Под кокаином мы замечали, как странно улыбаются, глядя на нас, люди. Наш энтузиазм бросался в глаза. Нас даже слегка раздражало, от чего все они не двигаются в едином темпе; но на этот раз все было совсем иначе. Чувство нашего превосходства над остальным человечеством присутствовало постоянно. Наше величие нельзя было описать словами. Наши голоса звучали отдаленно, очень отдаленно. Мы были серьезно убеждены, что портье сознает - поймать такси ему велят Юпитер и Юнона.

Мы не сомневались, что наш шофер также знает, что он управляет солнечной колесницей.

- Совершенно чудесное вещество, - сказал я Лу, проезжая Триумфальную Арку. - Не знаю, что ты имела в виду, говоря, что оно не оказало на тебя никакого особенного эффекта, но выглядишь ты абсолютно божественно!

- Еще бы, - рассмеялась Лу. - Королевская дочь вся сияет изнутри; ее наряд шит золотом, и лицо ее подставлено поцелуям, словно комета, что несется к солнцу... А ты и не знал, что я королевская дочка? - и она улыбнулась с таким изысканным соблазном, что я чуть было не упал в обморок от восторга.

- Спокойно, Петушок, - щебетала она. - Все в порядке. Ты - верх совершенства. Я - верх совершенства. И я твоя женушка.

Я вполне мог ободрать обшивку такси. Я считал себя великаном. Гаргантюа передо мною был пигмеем. Мне ужасно хотелось разнести что-нибудь в щепки, и это меня совсем взбесило, потому что больше всего мне хотелось распотрошить не кого-нибудь, а Лу, и в то же время она была самым драгоценным и нежным фарфоровым изделием, какой делали в эпоху династии Минг, или как там еще называлась эта чертовья эпоха.

Самая хрупкая, утонченная красота! Коснуться ее означало осквернить. Внезапно я почувствовал весь скотский смысл супружества.

Тогда еще я не имел понятия об уничтожающих любовь свойствах героина, которые и были причиной внезапной перемены чувств - я не постиг это загадочное предзнаменование. Такие определенно стимулирующие вещества, как алкоголь, гашиш и кокаин дают Купидону развернуться. Разрушительный эффект в смысле желания наступает только при обратном действии. Ты, так сказать, влезаешь в долги, потому что живешь не по средствам.

Но наркотики, если можно так выразиться, философического типа, каковыми принципиально являются морфий и героин, непосредственно враждебны активным эмоциям и эмоционально активным действиям. Нормальные человеческие чувства претворяются в то, что внешне выглядит как нечто равноценное им по духу. Обычная доброжелательность принимает космические размеры, оборачивается безграничной, терпимой филантропией в силу того, что к ней не подходит никакой моральный кодекс. Более чем сатанинская гордыня распирает грудь. Как сказано у Бодлера: "Знакомо ли тебе беспредельное презрение, которое делает душу столь доброй?"

Пока мы подъезжали к Бютт-Монмартр по направлению к Сакре Кер, мы не проронили ни звука; исчезнув в нашем тихом блаженстве. Вы должны понять, что мы и без того достигли высшей точки возбуждения. Поддерживать нас в этом состоянии и входило в обязанности героина.

Нет, мы не рвались на пылающих крыльях против ветра в небо, мы были распростерты, паря в беспредельности эфира. Время от времени мы принимали свежие дозы тусклой мягкой пудры. Прodelьвали мы это без жадности, спешки и даже без желания. То было ощущение бесконечной власти, которую может позволить бесконечная осмотрительность. Сама Воля чего-либо желать была, казалось, упразднена. Мы направлялись в никуда, потому что нашей природе было свойственно так поступать.

И с каждым мгновением все больше и больше абсолютизировалось наше блаженство.

Под кокаином ты и в самом деле хозяин всего; но это все имеет для тебя острейшее значение.

Под героинном чувство владычества возрастает до той точки, когда вообще ничего не имеет значения. Пропадает даже нежелание делать то, что ты ненароком делаешь, нежелание, которое позволяет не шевелиться курильщику опиума. Тело представляется самому себе настолько всецело, что его естественные отправления вас больше не волнуют.

Опять же, невзирая на сознаваемую нами бесконечность, мы сохраняем, параллельно ей, чувство совершеннейшей пропорции в отношении всех обыденных дел.

ГЛАВА V. ГЕРОИНЯ НА ГЕРОИНЕ

Я велел таксисту высадить нас на Пляс Дю Тертре. Мы захотели прогуляться по краешку Бютт и поглядеть оттуда на Париж.

Роскошная стояла ночь. Нигде кроме Парижа не насладишься столь мягкой и вкрадчивой тишью; горячий воздух легок и сух; все не так как в Англии.

От Сены поднимался, струясь, самый нежный бриз, которому наша фантазия приписывала благоухание Юга. Сам Париж смотрелся как матово-голубая клякса; из чьих изгибов выглядывали Пантеон и Эйфелева Башня. Они символизировали историю человечества; благородное, солидное прошлое и деятельное, механизированное грядущее.

Завороженный, я оперся о парпет. Рука Лу обвила мою шею. Мы были

неподвижны до такой степени, что я мог чувствовать тихий стук моего сердца.

- Что за чудная встреча, Пендрагон!

Несмотря на подразумеваемую неожиданность, голос был низок и обаятелен. Я оглянулся.

Если бы меня спросили, то я бы несомненно ответил, что всякое беспокойство мне претило; и вот как раз накатило и оно - внезапное, бурное, неприятное; и оно меня никак не беспокоит.

В улыбке и выражении лица воскликнувшего мужчины было нечто испытующее. Я мгновенно узнал его, хотя мы не виделись со школьных времен. Его звали Эльгин Фекклз. Он учился в шестом математическом, когда я был в начальных классах.

К моему третьему семестру он был назначен старостой; он выиграл конкурс на Оксфордскую стипендию - лучше себе и представить нельзя. И вдруг без всякого предупреждения исчезает из школы. Мало кому было известно почему, и те, кто знали, привторялись, что не знают. Но и в Оксфорде он так и не появился.

С тех пор мне довелось услышать о нем лишь однажды. В клубе. Его фамилия всплыла в связи со слухами о каком-то финансовом мошенничестве. Я запомнил, но довольно смутно, что это было как-то связано с тою неприятностью в школе. Он был не из тех мальчиков, которых исключают по ординарному поводу. Тут определенно был замешан его тонкий интеллект. Признаюсь вам, в школе он был для меня чем-то вроде героя. Он обладал всеми недостающими мне наичценнейшими качествами в самом полном объеме.

Я знал его не очень близко, но, тем не менее, был страшно шокирован его исчезновением. Оно почему-то отпечаталось в моей памяти, когда множество куда более важных вещей не оставили и следа.

Он почти не переменялся с тех пор, как я видел его в последний раз. При среднем росте, у него было долгое и узкое лицо. В выражении его лица было нечто клерикальное. Глаза были маленькие, серого цвета, и он имел привычку моргать. Нос большой и крючковатый, как у герцога Веллингтона; тонкие и сжатые губы. На лице его невозможно было отыскать ни малейшей морщины.

Фекклз сохранил прежнюю беспокойную, нервную подвижность, которая так выделяла его среди мальчиков. О нем можно было сказать, что он постоянно настороже и ожидает, будто что-то вот-вот случится... И все-таки сказать, что это его подавляет, было бы неправильно. Он обладал превосходной самоуверенностью.

Пока я припоминал его, он успел пожать мне руку и уже болтал о былых временах.

- Я слышал, между прочим, что ты уже сэръ Питер, - сказал он. - Так держать. Я всегда причислял тебя к победителям.

- Кажется, мы с вами уже встречались, - вмешалась Лу. - Ну конечно, это же Мистер Фекклз.

- О да, и я вас хорошо запомнил. Мисс Лейлигэм, не так ли?

- Давайте забудем о прошлом, пожалуйста, - улыбнулась Лу, беря меня под руку.

Не знаю отчего, но я испытал неловкость, объясняя, что мы теперь муж и жена.

Фекклз отбарабанил набор поздравлений и спросил:

- Могу ли я представить мадмуазель Аидэ Лямурье?

Девушка за его спиной улыбнулась и склонила голову.

Аидэ Лямурье была блестящая брюнетка со сверкающей улыбкой и булавочными зрачками глаз. Она состояла из массы чарующих противоречий. Ее нос и губы указывали на более чем изрядный след семитской крови, но клинообразный контур лица выказывал наследственные черты совершенно противоположного племени. У нее были впалые щеки и "вороньи лапки" портили уголки ее глаз. Темнолиловые веки намекали на занятия чувственными удовольствиями до изнеможения. При роскошных волосах у нее практически отсутствовали брови. Вместо них она нарисовала карандашом две черные дуги. Она была густо и безвкусно накрашена. На ней было надето просторное и несколько дерзкое вечернее платье, синее, в серебряных блестках, подпоясанное желтым, в черную крапинку, кушаком. Поверх него была накинута мантия из черного шелка, отороченная киноварного цвета кисточками. Ее руки

были мертвенно тонки. Было нечто непристойное в крючковатых ее пальцах, унизанных гигантскими кольцами с сапфирами и бриллиантами.

Она держалась с живую томностью. Казалось, ее постоянно необходимо побуждать к действию, но едва угасал первый толчок, она тут же погружалась в свои глубокие думы.

Ее радушие было явным притворством; но от нас обоих, от Лу и от меня, не ускользнуло это при рукопожатии и мы ощутили тонкую и загадочную симпатию, которая оставила за собой пятно невыразимого зла.

Я не сомневаюсь, что это безмолвное причащение не ускользнуло от Фекклза, и что оно, по той или иной причине, доставило ему огромную радость. Его поведение сделалось вкрадчиво-почтительным, и он, как мне показалось, взял на себя командование, когда предложил:

- Могу ли я рискнуть, предложив вам с Леди Пендрагон отужинать с нами в "Маленьком Савояре"?

Аидэ взяла под руку меня, а Лу шла впереди с Фекклзом.

- Мы и сами туда собирались, - говорила она ему, - и будет просто прекрасно оказаться там, в кругу друзей. Я вижу, вы довольно старый друг моего супруга?

Он принял рассказывать ей про школу. Будто бы случайно, он выдал подробности относительно обстоятельств, приведших к его исключению.

- Мой старик, понимаете, вращался в деловых кругах Лондона, - слышалась его болтовня. - И он угрожал свои сбережения где-то в районе Ломбард-стрит (Фекклз натянуто хихикнул), откуда он уже не смог их вынуть, чем и положил конец моей академической карьере. Он уговорил старого Розенбаума, банкира, взять меня на должность личного секретаря, учитывая мой талант финансиста. На этом посту я был как рыба в воде, и дела мои с тех пор шли замечательно. Но Лондон не место для человека по-настоящему амбициозного. Не позволяет развернуться. Вашему покорному слуге Эльгину Фекклзу подавай Париж или Нью-Йорк.

Не знаю почему я не поверил ни единому слову в этой байке; но я - не поверил! Героин действовал чудесно. Я ни коим образом не был склонен беседовать с Аидэ. Она также не желала меня замечать, и не произнесла ни слова.

В таком же состоянии находилась и Лу. Она явно слышала, что втолковывал ей Фекклз, но не делала замечаний и вообще сохраняла тотальную отрешенность. Весь эпизод не занял и трех минут. Мы вошли в "Маленький Савояр" и заняли наши места.

Похоже, наши друзья были хорошо знакомы хозяину. Он приветствовал их с преувеличенной французской суетливостью. Мы заняли столик у окна.

Этот ресторан висит на крутом склоне Монмартра, точно орлиное гнездо. Мы заказали ужин - Фекклз расторопно и со знанием дела, все остальные с полнейшим безразличием. Я взглянул на Лу. Я впервые в жизни видел эту женщину. Ее имя ни о чем мне не говорило. Внезапно мне срочно захотелось выпить большое количество воды. Но я не смог бы даже заставить себя налить ее в стакан. Мне трудно было даже кликнуть официанта, но, по-моему, я все-таки произнес слово "вода", ибо Аидэ наполнила мой бокал. Улыбка скользнула по ее лицу. И это был первый признак жизни, который она подала. Даже рукопожатие было по сути механическим рефлексом, а не умышленным действием. Чем-то зловещим и тревожным веяло от этой ее гримасы. Как будто она ощутила у себя во рту привкус некой мерзостной горечи.

Я посмотрел на Лу еще раз и заметил, что она стала совсем другого цвета. Она выглядела ужасно больной. Мне же было все равно. Меня охватил рой мыслей на этот счет. Я запомнил, что любил ее страстно, и в тоже время ее, оказывается, не существует. Дьявольское блаженство - вот как я бы назвал состояние, источником которого стало мое равнодушие.

Я находил забавным, что она, быть может, отравила себя. Мне определенно было крайне нехорошо. Но и это меня не беспокоило.

Официант подал блюдо мидий. Мы сонно их поедали. Это тоже была часть рабочего дня. Мы смаковали их потому, что они были смакуемы; но ничто не имело значения, даже получение удовольствия. Меня поразило тот факт, что Аидэ попросту притворяется, что ест, но я приписал это ее рассеянности.

Мне стало гораздо лучше. Фекклз легко и гладко болтал о разнообразных

пустяках. Никто не обращал внимания. Он, со своей стороны, не замечал, казалось, какого-либо недостатка вежливости.

Я точно чувствовал усталость. Решив, что Шамбертен меня взбодрит, я проглотил пару стаканов.

Лу продолжала разглядывать меня несколько испуганно, как если бы ей был надобен некий совет, и она не знает, как об этом спросить. Это было довольно забавно.

Мы приступили к главному блюду, когда Лу внезапно поднялась из-за стола. Фекклз, изобразив на лице притворную тревогу, поспешно последовал за ней. Я видел, как официант берет ее под другую руку. Нет, в самом деле, это было забавно. С девушками всегда так - они никогда не желают знать, что такое "достаточно".

И тут же я осознал, с пугающей неожиданностью, что дело не ограничивается одним только слабым полом. Я вовремя успел выйти.

Если я промолчу о событиях последовавшего часа, то отнюдь не по причине этого незначительного инцидента. По его заключении мы снова сели за стол.

Мы пили глоточки старинный Арманьяк; он нас подкрепил. Но вся сила ушла из нас, как если бы мы выздоравливали после какой-то очень долгой и губительной болезни.

- Тут не о чем тревожиться, - сказал Фекклз со своим странным смешком. - Пустячная неосторожность.

Я скривился при этом слове. Оно напомнило мне о Царе Лестригонов. Я ненавидел этого типа больше, чем когда-либо. Он начинал меня преследовать. К чорту! Будь он проклят!

Лу доверила нашу историю Фекклзу целиком и он признался, что знаком с такого рода делами.

- Видите ли, мой милый Сэр Питер, - говорил он. - Вам нельзя принимать Г. так, как можно К., и когда вы мешаете два напитка, платить приходится дьявольскую цену. Как и со всем остальным в этой жизни, вам необходимо выяснить ваш предел. Очень опасно разгуливать, когда вы работаете с Г. или М., и, что уже совсем катастрофично, есть.

Должен признаться, я чувствовал себя жутким глупцом. В конце концов, не я ли серьезно изучал медицину; и вот уже второй случай, когда любитель учит меня что и как.

Но Лу кивала довольно жизнерадостно. Бренди вернул ей цвет лица.

- Верно, - сказала она. - Я все это слышала и раньше, но, как вы понимаете, одно дело слышать, а совсем другое пройти через все это самой.

- Опыт - единственный учитель, - согласился Фекклз. - Все это нормально, но главное дело начинать неспеша, чтобы дать себе возможность приноровиться.

Все это время Аидэ просидела без движения, точно истукан. От нее исходила весьма курьезная аура. Определенное очарование заключалось у нее в полном отсутствии очарования.

Извините, пожалуйста, за парадокс. Я только хотел сказать, что она обладала всеми качествами, которые обычно привлекательные. Она сохранила остатки поразительной, пускай и эксцентричной, красоты. Она обладала громадным богатством опыта, и это было очевидно; и не только им, но и скрытой энергией, усиливающей обычно неотразимость; впрочем, она была начисто лишена того, что мы зовем магнетизмом. Слово это не научное - тем хуже для науки. Оно описывает природное явление, причем один из важнейших фактов, применимых на практике. Все, чем интересуется человек - от кабака до империи - движется магнетизмом и больше ничем. И наука его игнорирует, потому что нет механических приборов для его измерения!

Жизненная воля этой женщины была в целом направлена к некой потаенной святине внутри собственной ее души.

Наконец впервые за целый вечер она начала говорить. Во всей необъятной вселенной ей был интересен лишь один предмет - героин. Голос ее звучал монотонно.

Позднее Лу говорила мне, что ей он напомнил панихиду тибетских монахов далеко-далеко за неумолимыми снегами.

- Это - единственная вещь, которая существует, - каким-то необычно экстатично-отрешенным тоном произнесла Аидэ.

Угадывалось, что она извлекает из своей печали какую бесконечную, нечестивую радость. Словно бы она получала болезненное удовольствие от того, что часть ее духа пребывала в меланхолии, а другая - в чудовищных грезах; в ее расположении духа и в самом деле присутствовало некое мученическое величие.

- Вы не должны ожидать мгновенных результатов, - продолжила она. - Нужно переродиться в нем, выйти за него замуж и умереть от него, прежде чем вы его поймете. Люди все разные. Но любому требуется как минимум несколько месяцев для того, чтобы избавиться от этого глупого занудства жизни. Пока вы имеете животные страсти - вы животное. Как отвратительна уже одна только мысль о еде, о постели, и прочих потребностях! Живешь, как скотина! Само дыхание бывает чудовищно, когда знаешь, что дышишь. Сколь нестерпимой была бы жизнь даже среднего человека, если бы он постоянно и остро осознавал процесс пищеварения.

Она слегка содрогнулась.

- Вы читали Мистиков, сэра Питер? - перебил ее Фекклз.

- Боюсь, что нет, голубчик, - ответил я. - Дело в том, что я вообще не читал почти ничего кроме того, что следовало по программе.

- А я пару лет ими увлекался, - заявил Фекклз, после чего резко замер и покраснел.

Эта мысль явно пробудила какие-то весьма неприятные воспоминания. Он попытался скрыть свое смущение разговорчивостью, и принялся детально разбирать догматы Святой Терезы, Мигеля из Молино и ряда других, прославившихся по этой части.

- Главное, как видите, - суммировал он, в конце концов, - согласно теории, что все человеческое в нас является первейшим препятствием на пути к святости. Секрет святых в том, что они отвергают все ради одного, ради того, что они называют Божественной Святостью. И это не просто те вещи, которые мы называем пороками или грехами - они то как раз по сути и есть элементарные формы зла - бьющая через край похабщина. Настоящая трудность едва начинается, когда мы навсегда отвергли вещи такого рода. На пути к святости каждое телесное или умственное проявление само по себе является грехом даже в том случае, когда оно действительно оказывается чем-то таким, что обычное благочестие относит к разряду добродетелей. Вот и у Аидэ похожие идеи.

Аидэ безмятежно кивнула головой.

- Я и не представляла себе, - сказала она, - что эти люди так умны. Я всегда считала их любителями путаных религиозных идей. Но теперь мне ясно. Да, это означает жизнь в святости; если уж вам так необходимо определение на языке морали, а, как я полагаю, вам, англичанам, это необходимо. Соприкосновение любого рода, даже прикосновение к себе самой кажется мне разным. В свое время я была главой племени, в английском смысле слова, нечестивцев. Теперь я уже не помню, что такое любовь, кроме слабой тошноты всякий раз, когда она попадается мне на глаза. Я почти совсем не ем - только скоты способны погрязнуть в существовании, требующем троекратного питания в день. Я почти совсем не разговариваю - слова это отбросы, и все в них - ложь. С моей точки зрения настоящий язык до сего времени не изобретен. Жизнь человека, жизнь героина? Я извела и ту, и другую; выбрала то, что выбрала и не жалею об этом.

Я сказал что-то насчет того, что героин укорачивает жизнь. Тусклая улыбка мелькнула на ее впалых щеках. В ее недоброжелательном блеске было нечто пугающее, и оно заставило нас замолчать.

Она опустила взгляд на свои руки. И тут я впервые заметил с предельным изумлением, какие они у нее невероятно грязные.

- Разумеется, если считать жизнь в годах, - пояснила она причину своей улыбки, - то вы правы, героин ее сокращает. Но разве астрономические исчисления подходят, когда речь идет о жизни души? Пока я не обратилась к героину, год следовал за годом, и не происходило ничего стоящего. Это походило на детские каракули в бухгалтерской книге. Ныне же, когда я окунулась в героиную жизнь, одна минута или час - неважно - содержит больше подлинной жизни, чем любой пятилетний период в дегенеративные дни, предшествовавшие моему духовному возрождению. Вы говорите о смерти. Почему бы вам о ней не говорить? Смерть это совершенно то, что вам подходит. Вы,

животные, должны умирать и вы это знаете. Но я, я очень далека от уверенности, что когда-нибудь умру; и эта идея мне безразлична также, как любая другая из ваших обезьяних идей.

Здесь она снова впала в безмолвие, откинулась назад и закрыла глаза.

Я не говорю, что я какой-то там философ; но даже с точки зрения простейшего здравого смысла было очевидно, что ее позиция является неприступной для всякого, кому взбрело бы в голову ее атаковать. Как сказано у Г.К.Честертона: "Выбор души неоспорим".

Часто приходится слышать доводы в пользу того, что человечество и в самом деле лишилось счастья, характерного для братьев наших меньших, как только обрело самосознание. Именно это и подразумевает идея "Грехопадения". Мы стали как боги, познали добро и зло, ценою мучений, и - "в глазах его смерти предвиденье".

Феккльз уловил мою мысль. Медленно и с выражением он процитировал:

- Он плетет насмешку и ею одет,

Свет и жать не будет.

Его жизнь - созерцание или грезы,

Между сном и сном.

Думы о великом викторианце похоже охладили его. Он вырвался из объятий депрессии, зажег сигарету и сделал большой глоток бренди.

- Айдэ, - вымолвил он с напускной веселостью, - открыто живет во блуде с типом по имени Барух де Спиноза. По-моему, Шопенгауэр называет его "Derr Gott-betrunkene Mann".

- Муж бого-опьяненный, - слабо промурлыкала Лу, бросив на Айдэ сонный взгляд из-под своих тяжелых век с набухшими голубыми венозными жилками.

- Да, - подхватил Феккльз. - Она всегда носит с собой одну из его книг. Она засыпает под его слова и, когда ее глаза открыты, взгляд падает на страницу.

Он говорил, постукивая пальцами по столу. Его быстрая интуиция улавливала, насколько нас обеспокоил тот странный инцидент. Феккльз щелкнул пальцами, подзывая официанта. Тот расценил его жест как веление подать счет, и отправился за ним.

- Позвольте мне отвезти вас и сэра Питера обратно в ваш отель, - обратился наш "хозяин" к Лу. - Вас слегка потрепало, и я прописываю ночной отдых. Доза Г. пойдет вам на пользу утром, она вас взбодрит, но Бога ради, не перебарщивайте понапрасну. Только крохотная доза и затем кокаин, кокаин, постепенно, когда начнете чувствовать, что пора уже подниматься. Ко времени ланча вы будете чувствовать себя как пара младенцев.

Он оплатил счет и мы вышли из ресторана. Словно по заказу, такси как раз высаживало компанию у дверей. Таким образом, мы спокойно доехали до дома.

Лу и я, мы оба чувствовали полнейшее изнеможение. Она лежала на моей груди, взяв меня за руку. Я заметил, как ко мне возвращается сила, по зову ее слабости. И любовь наша произросла заново из угара пустой темноты. Из меня улетучилась всякая страсть; и в этом искупительном омовении мы были крещены и наречены именем Любви.

Однако, несмотря на усилия природы избавить нас от излишков принятой нами отравы, сказывался остаточный эффект. Прибыв в отель, мы, вопреки сильной усталости, уговорили, ясное дело, Феккльза с Айдэ подняться к нам для финальной выпивки. Но глаза наши не хотели оставаться открытыми; и как только они ушли, мы сделали все, чтобы как можно скорее залезть под простыни нашей двуспальной кровати.

Едва ли нужно рассказывать моим женатым друзьям, что в предыдущие ночи процесс отхода ко сну представлял собою весьма дотошный ритуал. Но в данном случае, это была просто попытка побить рекорд по скорости. Прошло пять минут с момента ухода Феккльза и Айдэ, и свет в нашем номере погас.

Я воображал, что засну мгновенно. На самом деле, понадобилось некоторое время, чтобы понять, что ничего так и не выйдет. Я находился в состоянии наркоза, которое трудно отличить от сновидения. В действительности, если начать подыскивать определения и объяснять различия, чем дальше вы заберетесь в своих размышлениях, тем темнее будет суть противоречия.

Но глаза мои определенно не были закрыты; я лежал на спине, а между

тем, засыпаю не иначе как на правом боку, или, что в достаточной мере странно, в сидячем положении. И пока я так лежал, мысли мои принимали все более осмысленный вид.

Вам известно как незаметно блекнут мысли, когда засыпаешь. И вот, пожалуйста, они, словно волна в приемнике, блекли наоборот.

Я оказался практически лишен желаний физического плана. Как будто стало невозможно желать шевелиться или говорить. Я купался в океане чрезвычайного спокойствия. Мой ум работал, но он был активен исключительно в особых пределах. Такое впечатление, что я не управлял ходом моих мыслей.

В обычном состоянии сей факт меня бы крайне раздражал. Но сейчас он вызвал у меня лишь любопытство. Я попробовал, в виде эксперимента, зафиксировать мысль на чем-нибудь определенном. Технически мне было это по силам, но в тоже время, я сознавал, что рассматриваю такую попытку, как не стоящую усилий. Я так же заметил, что все мои мысли были единообразно приятны.

Любопытство побудило меня сосредоточиться на идеях, которые нормально являются источником раздражения и беспокойства. Сделать это не составило труда, но они меня больше не огорчали. Я начал вспоминать происшествия в прошлом, которые практически стерлись из памяти благодаря свойству рассудка блокировать источники раздражения.

Я открыл, что данная утрата памяти была кажущейся, а не реальной. Я вспоминал каждую деталь вплоть до ее мельчайших подробностей; но самые досадные и унижительные пункты ничего для меня не значили. Я наслаждался, вспоминая их, не меньше, чем читая грустную сказку. Я мог бы зайти еще дальше, и утверждать, что неприятные случаи были предпочтительнее всех прочих. Тому причина, полагаю, была оставленная ими на памяти отметина большой глубины. Наши души выдумали память, так сказать, с целью регистрации осознанных опытов, и посему чем глубже каждый опыт ощутим, тем лучше наши умы выполняют намерения наших душ.

"Forsitan haec olim meminisse juvabit" (Кто-то, быть может, и кое-что вспоминает, ликуя), - говорит Эней у Вергилия, перечисляя свои тяготы. (Странно, между прочим! Я цитировал латынь не более дюжины раз с тех пор, как кончил школу). Вот так - наркотики, как старость, убирают недавние воспоминания, и оставляют, оживляя, чьи-то давно забытые идеи.

Глубже всех инстинктов укоренено в нас наше страстное желание все знать по опыту. Вот почему все попытки утопистов сделать из нашей жизни приятную рутину, всегда вызвали в душе человека подсознательное отвращение и бунт.

Прогрессирующее благополучие викторианской эпохи, вот что стало причиной Великой Войны. То была реакция школьника, которому запретили играть.

Это курьезное состояние ума обладало неизменным качеством; поток мыслей протекал через мой мозг, подобно неотразимой реке. Я чувствовал, что его невозможно остановить, и даже сколько-нибудь изменить его течение. В моем сознании было нечто от свойств неподвижной звезды, что движется в космосе по закону своей неизменной судьбы. И этот поток влек меня от одного набора мыслей к другому, медленно и без нажима; это походило на приглушенную симфонию. Она включала все возможные воспоминания, меняющиеся незаметно из одного в другое без тени намека на дисгармонию.

Я сознавал, что время летит, потому что где-то далеко пробили церковные часы с огромными, неисчислимыми интервалами. Из них мне стало ясно, что я устроил себе белую ночь. Рассвет ворвался ко мне через открытые французские окна балкона.

Века, долгие века спустя, раздался колокольный звон, возвещавший об утренней мессе; и постепенно мои мысли стали замедляться, тускнеть; активная радость мышления стала пассивной. Мало-по-малу на мои мечтания легли тени, затем наступило забытье.

ГЛАВА VI. БЛЕСК НА СНЕГУ

Когда я проснулся, Лу уже была полностью одета. Присев на край моей постели, она взяла меня за руку, и склонила лицо, подобное бледному цветку. Она увидела, что я уже не сплю и ее уста опустились на мои с изысканной нежностью. Губы ее были крепки и мягки; их поцелуй возвратил меня к жизни.

Она была необычайно бледна и ее жесты отличались безволием и томностью. Я осознал, что и сам крайне изнурен.

- Я так и не смогла заснуть, - призналась она, - и перед этим, как мне казалось, я довольно долго пыталась привести себя в порядок. Мысли в моей голове метались как сумасшедшие - прекрасно я провела время - лучше некуда! Я просто не могла встать, пока не вспомнила, что этот тип, Фекклз, сказал насчет похмелья, мол, чем ушибся, тем и лечись. Итак, я выкатилась из постели, доползла до Г. и взяла одну маленькую щепотку, и села на пол, пока он не подействовал. Все-таки это великая вещь, если приноровиться. Он привел меня в норму за одну минуту. Так что я приняла ванну и нарядилась во все это. И я все еще чуточку под ним... Ты согласен, что мы переусердствовали, ведь правда, Петушок?

- Спрашиваешь, - вяло ответил я. - Хорошо, что у меня есть нянька.

- Так точно, - сказала Лу со странной улыбкой. - Его величеству пора принять лекарство.

Она дошла к бюро и принесла мне дозу героина. Эффект получился удивительный! Казалось, я не могу шевельнуть ни единым мускулом, как если бы лопнули пружины всех моих нервов. И вот, за две минуты одна понюшка полностью вернула мне дееспособность.

Правда, едва ли в ней была хотя бы доля радости. Да, я нормально пришел в себя, но оказался не в том состоянии, которое можно было бы назвать хорошей формой. Я был вполне способен сделать все, что потребуется, но мне как-то не очень хотелось это делать. Я решил, что мне помогут ванна и душ; и в самом деле, одеваясь после них, я чувствовал себя совсем по-другому.

Воротясь в гостиную, я застал Лу танцующей вокруг стола изящный танец. Она набросилась на меня как дикий зверь, повалила на кушетку, и осыпала, примостившись сбоку на коленях, страстными поцелуями.

Но она догадалась, что я не в том состоянии, чтобы как-то на них ответить.

- Тебе по-прежнему требуется нянька, - весело рассмеялась она, сверкая глазами, обнажая блестящие зубы и ноздри, трепещущие от возбуждения. На кончике прелестно выщегося локона я увидел, как знакомо блеснул кристалл.

Она побывала в снежной буре!

Моя хитрая кривая улыбка дала ей понять, что я догадался о ее замыслах.

- Да, - возбужденно вымолвила она. - Теперь я вижу, как это делается. Приводишь себя в порядок с помощью Г., а потом вдогонку принимаешься и за К. Давай, подставляй лапу.

Ее рука дрожала от возбуждения. Она открыла ладонь, и на ней мерцала горстка искристого снега.

Я втянул ее с подавленным восторгом. Я знал, что какие-то несколько секунд отделяют меня от заражения ее неистовым и великолепным опьянением.

Кто это сказал, что вам достаточно посыпать солью хвост птицы и тогда вы сможете ее поймать? Наверное, этот субъект возомнил себя знатоком данного дела, но он все перепутал. Все, что вам нужно сделать, это попасть снегом себе в нос, и тогда-то вы уж точно поймаете любую птицу.

А все же, что было известно Метерлинку об этой старой, глупой Синей Птице?

Счастье зарыто в тебе самом, и кокаин - инструмент для его добычи.

Однако, не вздумайте забывать о заурядном благоразумии. Надеюсь, никто не против такого определения. Немного здравого смысла, осмотрительности, не помешает и рассудительность. Ведь, как бы вы ни были голодны, вы не захотите съесть дюжину быков на вертеле. *Natura non facit saltum.* (От природы никуда не денешься).

Главное, это применение знаний в разумных пределах. Мы выяснили, как работает машина, и ничто в целом мире не могло помешать нам вылететь отсюда и долететь хоть до Каламазу.

Поэтому я принял еще три щепотки, перемежая их осмысленными

интервалами, и снова пришел в рабочее состояние.

Я гонялся за Лу по номеру; и, смею заметить, мы опрокинули немало мебели, что нас нимало не беспокоило, ибо не нам предстояло ставить ее на места.

Важно было, что я настиг Лу; и вскоре нам стало не хватать воздуха; и затем, проклятье, как раз именно тогда, когда мне захотелось выкурить трубочку перед завтраком, зазвонил телефон, и портье осведомился, дома ли мы для г-на Эльгина Фекклза.

Ведь я говорил вам раньше, что мне не было особого дела до этого типа. Как заметил Стивенсон, "если он тот единственный узел, который связывает нас с домом, то я думаю, что большинство из нас проголосует за путешествие за границу". Однако, вчера вечером он вел себя довольно прилично и, чорт возьми, нет более невинного пустяка, чем приглашение на ланч. И к тому же он мог дать еще несколько технических советов относительно нашего дела. Я не принадлежу к числу самоуверенных субъектов, воображающих, что урвав клочок сведений, они осушили источник мудрости до дна.

Поэтому я ответил: "Передайте, не будет ли он столь любезен подняться к нам".

Лу упорхнула в другую комнату поправить прическу, привести в порядок лицо, и тому подобное, что женщины, видимо, всегда должны поправлять и приводить в порядок; а тем временем является Мистер Фекклз с наиболее изысканными манерами, которые я когда-либо видел у представителей рода человеческого, и чередой любезных распросов и извинений на кончике языка.

Он сказал, что не стал бы и вовсе нас беспокоить визитом так скоро после того случая с злоупотреблением, только он уверен, что оставил у нас свой портсигар, которым очень дорожит, поскольку его подарила тетя Софрония.

Ну и конечно же, он и был там, где его оставили, как раз на столе, или скорее под столом, потому что его перевернули.

Когда мы вернули столу прежнее положение, то ясно увидели, что портсигар лежит под ним и, стало быть, лежал на столе до того, как тот был опрокинут.

Фекклз от души посмеялся над юмористическим характером происшествия. Я тоже считаю его по-своему забавным. Но с другой стороны, я не думаю, что это никчемное дело стоило такого уж внимания. Как бы то ни было, наш приятель должен был получить свою вещицу и, в конце концов, когда перед вами стол вверх ногами, что толку делать вид, будто вы этого не замечаете. И вероятно, лучший способ проигнорировать инцидент, это обратить его в приятную шутку.

И должен вам сказать, что Фекклз проявил тактичность совершенного джентльмена, избегая любых прямых намеков на обстоятельства, ставшие причиной обстоятельств, которые были ответственны за обстоятельства, вызвавшие обстоятельства, которые было столь трудно не заметить. Надеюсь, вы все поняли.

Между прочим, этот Фекклз был прошлым вечером милейшим человеком. Он сопровождал Лу через наихудшее, строго соблюдая хороший вкус в тот самый момент, когда ее естественный защитник, то есть я, был физически неспособен приложить необходимые эти-как-их-там.

Ну и разумеется, при настоящем положении вещей, мне хотелось послать Фекклза в то место, о котором современное христианство решило забыть. Впрочем, я как минимум собирался пригласить его на ланч. Но пока я собирался выразить словами сей щедрый импульс, в гостиную вплыла Лу, словно ангел, сходящий с небес.

Она направилась прямохонько к Фекклзу, взяла и поцеловала его прямо у меня на глазах, упрасивая остаться и позавтракать с нами. Вот так. Взяла и опередила меня.

Но, должен признать, что я хотел быть наедине с Лу - не только в тот момент, но и всегда; я был чрезвычайно рад услышать от Фекклза:

- Вы в самом деле очень любезны, леди Пендрагон, и я надеюсь, вы когда-нибудь скоро повторите ваше приглашение, но меня ждут к ланчу две личности с Биржи. Намечается грандиозная сделка. У Сэра Питера уже денег больше, чем представления, что с ними делать, в противном случае я был бы только счастлив позволить ему предложить пройти на *rez-de-chaussee**. (*первый этаж - франц.*)

Конечно, мне приятно, что я, знаете ли, миллионер и все такое. Одно дело, когда ты носишься по Лондону холостой и абсолютно довольный сигарой за шиллинг и креслом в ложе Виктория-Палас, но когда ты проводишь медовый месяц с девушкой, которую самые интимные ее подруги называют "Беспредельная Лу", это совсем другое дело.

Фекклз не знал, что за эти две недели я потратил больше трети моего годового дохода. Но, разумеется, я не стал бы рассказывать этому типу о своих неурядицах. Мы, Пендрагоны, довольно гордая порода, особенно с тех пор как Сэр Томас Мэлори описал нас во времена Генриха VIII. Мы всегда чуточку превосходили самих себя. На этом мой бедный старый отец и свихнулся.

Тем не менее, мне не пришло в голову ничего другого, кроме как упрашивать этого человека выбрать в ближайшем будущем день, когда бы мы могли славно пошуметь в "Палляре".

Я считаю "Палляр" самым лучшим рестораном в Париже, а вы?

Итак, появляется красная записная книжечка, и Мистер Фекклз сначала кусает карандаш, а затем качает головой сначала в одну, затем в другую сторону.

- Чортов Париж! - произносит он, наконец. - В нем просто тонешь среди светских приглашений. Вся неделя занята.

И как раз зазвонил телефон. Лу сделала два шага к аппарату.

- О, Мистер Фекклз, это вас, - сказала она. - Но как узнали, что вы находитесь здесь?

Фекклз снова пустил свой странный смешок.

- Это как раз то, о чем я вам говорил, Леди Пендрагон, - говорил он, подходя к трубке. - Я очень-очень нужный человек. Такое впечатление, что меня ищут все, кроме полиции, - он хихикнул, - и они могут нарваться на меня сейчас в любую минуту... Ну да Бог с ними.

Он сделался вдруг серьезен, как только заговорил по телефону.

- Ах да, - говорил он собеседнику. - В самом деле досадно. Что такое? В четыре часа? Ладно, я там буду.

Повесив трубку, он просиял и подошел к нам, протягивая руки.

- Дорогие мои друзья, - сообщил он, - здесь вмешалось провидение, не иначе. Мой ланч отменяется. И если ваше приглашение все еще в силе, я стану самым счастливым человеком в Европе.

Ну да, конечно, двух таких людей в Европе быть не могло. Я чувствовал адскую скуку. Но не мог выразить ничего, кроме самой бурной радости.

Искренне радостный вид моей Лу не сделал новость приятнее. Она взяла инициативу в свои руки, как будто бойко перебирая пальчиками заиграла сонату.

- Давайте завтракать здесь, - говорила она. - Это будет более intime. Ненавижу питаться публично. Я хочу танцевать между блюдами.

Лу позвонил метрдотелю, пока я угощал Фекклза сигаретой, оплакивая свою непредусмотрительность - следовало бы смешать с табаком заряд динамита.

Лу затеяла страстную дискуссию с мэтром. Она победила по очкам, к финалу шестого раунда. Мы начали через полчаса - с паюсной икры.

Не знаю, почему каждый обязан ей наслаждаться; но бессмысленно вмешиваться в ход цивилизации. Я ее ел; и если обстоятельства будут схожими и завтра; я буду есть ее опять.

Говоря бессмертными словами Браунинга: "Ты солгала, Д`Ормеа, но я не сожалею". Кроме того, это был не простой ланч. Он был важен для будущего.

Ланч решительно удался с самого начала. Мы все находились в лучшей форме. Фекклз болтал свободно и безответственно, с легкостью шампанского. Он рассказывал о себе и о своем поразительном везении в финансовых вопросах; однако он ни разу не остановился ни на одном из предметов достаточно долго, чтобы у собеседника сложилось определенное впечатление или появилась возможность ответить. Он пересыпал свои замечания веселенькими анекдотами, и к концу трапезы просил прощения за чрезмерное увлечение сделкой, заключением которой он был занят в последнее время.

- Я буквально одержим ею, мне даже страшно, - признался он. - Но, эта сделка имеет, или точнее будет иметь большое значение для моих дальнейших перспектив. К несчастью я не такой миллионер, как вы, старина. Мои дела шли очень хорошо, но как-то так вышло, все ушло также легко, как и пришло. Но я

все-таки наскреб двадцать тысяч, чтобы выкупить восьмую часть из того нефтяного предложения, про которое я тебе рассказывал.

- Нет, - вставила Лу. - Вы нам об этом не рассказывали.

- А я был уверен, что рассказывал, - ответил Фекклз, смеясь. - Оно не идет у меня из ума, в особенности с тех пор, как я узнал, что ланч откладывается. Мне нужны пять тысяч, видите ли, вот я и думал вытянуть их из тех двух пташек. Трудность в том, что я не могу занять денег просто так, за красивые глаза; а вводить этих пташек в курс дела мне тоже нельзя, иначе они попросту хапнут все сами. Кстати, это мне напоминает одну хорошую штуку, которую я давеча слышал от..., - и он отбарабанил забавную историю, которая ничем не была связана с тем, что говорилось перед этим.

Я и не слушал его историю. Мой мозг работал, спрыснутый, помимо всего прочего, еще и шампанским. Разговор напомнил мне, что я должен не сегодня, так завтра запросить телеграфом очередную тысячу фунтов.

Я подсознательно чувствовал бурное раздражение. Этот тип рассуждал о миллионах с такой легкостью, что я не мог не признать, что по современным стандартам являюсь, в самом деле, очень бедным человеком. Пять или шесть тысяч в год и, возможно, еще пятнадцать сотен от ренты имения Барли-Грандж. И это не считая inferнального подоходного налога и тому подобного - я действительно был немногим лучше нищего, и надо было принять в расчет еще Лу.

Я всегда считал драгоценности вульгарщиной; кольцо с печаткой и булавка для галстука для мужчины, а для женщины - несколько безделушек, очень скромных, в хорошем вкусе - но это было пределом.

Однако, Лу была абсолютно другой. Она могла носить любое количество барахла и с феерической быстротой менять его, не моргнув глазом. Я купил ей вчера днем в Картье пару сережек - три алмаза на нитке, светло-голубая подвеска изящной грушевидной формы... И когда она ела, пила и говорила, они покачивались рядом с уголками ее рта в самой изысканной манере, и вовсе не опошляли ее.

Я понял, что мой долг, как женатого мужчины, купить ей ту нитку жемчуга с большой черной жемчужиной как подвеской. А там было еще кольцо с неограненным изумрудом! Как безумно это могло бы смотреться с ее волосами! И еще, разумеется, когда мы вернемся в Англию, она должна быть представлена ко Двору - не вижу в этом ничего унижительного для нас, Пендрагонов, но кто там приводит свою жену на прием без диадемы.

И, кроме того, вы же знаете каковы портнихи!

Просто не существует предела вещам, которые цивилизованный мужчина должен иметь, когда он женится! И вот он я, открыт для всех намерений и замыслов - очередной кандидат на пособие неимущим.

Я рывком выбрался из своих грез. Мой ум созрел для действия. В голове сложился план, и я решил взять быка за рога.

Лу истерично смеялась над каким-то дурацким анекдотом.

- Послушай, Фекклз, - сказал я. - Надеюсь, что ты расскажешь мне побольше об этом нефтяном бизнесе. Сказать тебе по правде, я не такой уж богатый человек, каким ты, наверное, меня считаешь...

- Мой дорогой друг... - протянул Фекклз.

- На самом деле, можешь быть уверен - все действительно было очень хорошо, когда я оставался холостяком. Неприхотливые вкусы, ну ты понимаешь. Но с этой маленькой леди о вкусах не поспоришь.

- Ну разумеется, - очень серьезно ответил Фекклз. - Да, я отлично это осознаю. Я бы выразил это следующим образом - дела обстоят так, что твой настоящий долг перед собой и перед твоими наследниками состоит в том, чтобы сделаться преуспевающим богачом. Но, как ты знаешь, деньги стали страшно кусаться после войны. Принимая во внимание коллапс иностранных валют, ослабление покупательной способности денег и то, что все золото мира заперто в Вашингтоне, картина складывается довольно неприглядная. Но, впрочем, как ты понимаешь, просто существуют такие ситуации, при которых перед человеком с настоящими мозгами раскрывается масса возможностей. Викторианское процветание сделало всех нас богатыми, но мы не знаем, ни как удержать это богатство, ни что с ним делать дальше.

- Да, - вставил я, - позолоченные грани имбирного пряника, похоже,

начали осыпаться.

- Ну да ладно, послушай, Пендрагон, - сказал он, поворачивая свой стул наполовину так, чтобы встретиться со мной лицом к лицу под прямым углом, и делать свои замечания, постукивая по тарелке своей "Короной", - будущее связано с двумя вещами, причем развернуться можно настолько, насколько позволяют большие деньги. Одна из них нефть, другая - хлопок. Сейчас я ничего не знаю о хлопке, но я даю голову на отсечение любому толстосуму, что если он возьмет да и вложит в нефть четыре тысячи пунктов на двенадцать тысяч сверх того, то он может, вопреки всему, не слезать всю оставшуюся жизнь с дивана.

- Да, я понимаю это, - воодушевленно отозвался я. - Конечно, я не знаю азов финансового дела; но то, что ты говоришь, абсолютно исполнено здравого смысла. И у меня есть своеобразное чутье на такие вещи, я надеюсь.

- Почему? То, что ты так говоришь, это очень любопытно, - возразил Феккльз, как будто в великом удивлении. - Я и сам думал примерно также. Мы знали, что у тебя есть смелость и отвага, и это самое существенное в любой игре. И делать деньги - величайшая из существующих игр. Но, помимо прочего, у меня есть предчувствие, что у тебя правильно повернуты мозги для такого бизнеса. Ты столь же проникателен и расчетлив, прямо как доктор прописал, и у тебя кроме того хорошее воображение. Я не имею в виду те дикие причуды фантазии, которые ты находишь в своих прихотях, а говорю о хорошем, здоровом, основательном воображении.

Если бы обстановка была обыденной, я сразу должен был обеспокоиться столь прямым и лестным комплиментом от человека, который, судя по всему, прекрасно во всем разбирался, и отождествлял свой собственный мозг со всеми блестящими мозгами по всему миру. Но в моем настоящем настроении я принял это замечание как довольно естественное.

Лу засмеялась мне в ухо.

- Это правильно, Петушок, дорогой, - защебетала она. - Это то, куда ты врываешься и выигрываешь. Пришел, увидел, победил. Я действительно должна была иметь эти жемчужины, ты же понимаешь.

- Она совершенно права, - согласился Феккльз. - Когда ты разберешься со своим медовым месяцем, присоединяйся ко мне, и мы, засучив рукава, вступим в игру во имя всего этого изо всех сил, и когда выйдем из нее, Дж.Д.Рокфеллер будет кусать локти.

- Ладно, - сказал я, - будем жить настоящим. Я не хочу бесцеремонно вмешиваться, но если бы я мог пригодиться тебе в этой твоей сделке...

Феккльз кивнул головой.

- Нет, - промолвил он, - это вовсе не такое дело, как может казаться на первый взгляд. Я вкладываю в сделку все до последнего шиллинга; но это рискованный бизнес, как ни крути, и я не могу рассчитывать, что ты вложишь пять тысяч в качестве первого пая. Конечно, будет довольно здорово, если все это пройдет...

- Давай перейдем к деталям, мальчик мой, - сказал я, пытаюсь чувствовать себя бизнесменом до мозга костей.

- Дело само по себе довольно простое, - начал Феккльз. - Речь идет о выкупе опции на разработку скважин в месте под названием Ситка. Они были в порядке до войны, но, по-моему, толком их так и не разрабатывали. С тех пор их забросили, так что могут потребоваться любые деньги, чтобы снова занести их на карту и вернуть к эксплуатации. Но это все мелочи. Я и мои друзья знают, что никто до них еще не добрался, и если мы обратимся к процессу Фелденберга в случае именно этого вида нефти, что залегает в Ситке, мы практически получим мировую монополию на самую высококлассную нефть из тех, что существует. Мне не нужно тебе объяснять, что мы сможем продавать ее по нашей собственной цене.

Я мгновенно увидел великолепные возможности этого плана.

- Разумеется, мне не нужно тебе говорить, что язык нужно держать за зубами, - продолжал Феккльз. - Если информация выплывет наружу, любой финансист в Париже купит это дело через наши головы. Я мог бы и вовсе не заводить об этом разговор, принимая во внимание две вещи. Я знаю, что ты ведешь себя абсолютно честно - это даже не обсуждается; но важнейший нюанс заключается в том, что я, как тебе и рассказывал, довольно суеверен и верю в

окультизм.

- Ах да, - закричала Лу, - тогда, разумеется, вы знаете Царя Лестригонов.

Фекклза передернуло, как будто он моментально получил оплеуху. На мгновение он пришел в совершенное замешательство. Походило на то, что он вроде бы собирался кое-что сказать, но решил этого не делать. Его лицо стало темным как грозное облако. Было невозможно ошибиться в самой сути этой ситуации.

Я повернулся к Лу, издав, как я предполагаю, довольно противный смешок.

- Репутация нашего друга, - заметил я, - похоже, достигла мистера Фекклза.

- Ну, - вымолвил Фекклз, взяв себя в руки с подчеркнутым усилием. - Я взял за правило ничего не говорить дурного о людях, но в реальной действительности, это уже чересчур. Вы, наверное, все об этом знаете, и, не принося никому вреда, будет уместно сказать, что этот человек - неопишущий негодяй.

Вся моя ревность и ненависть вырвалась из подсознания. Я чувствовал, что если бы здесь был Лам, то я бы застрелил его как бродячую собаку. Мой старый однокашник деликатно уклонился от неприятной темы.

- Вы не дали мне закончить, - пожаловался он. - Я собирался сказать, что у меня нет особенных талантов в финансах и такого рода вещах в обычном смысле этого слова, но у меня есть интуиция, которая меня никогда не подводила - как демон Сократа, - вы помните, а?

Я кивнул. У меня осталось некоторое слабое воспоминание о Платоне.

- Ну вот, - сказал Фекклз, постукивая сигарой, с манерой Почтенного Мастера, призывающего Ложу к порядку. - Я сказал себе, когда встретил вас прошлым вечером, что лучше родиться счастливым, чем богатым, и вот предомной человек, который родился счастливым.

Вот это совершенно правильно. Я никогда не был способен сделать что-либо, исходя из моих собственных способностей. И после всего, с чем я столкнулся, на меня обрушились подарки судьбы.

- Ты ухватил фортуны за вихор, Пен, - заявил он с воодушевлением. - Каждый раз, когда ты будешь оказываться не у дел, я буду давать тебе десять тысяч в год как талисману, приносящему счастье.

Лу и я пребывали в крайнем восхищении. У нас едва хватило терпения выслушать детали плана нашего друга. Цифры были убедительны; но эффект от них просто ослеплял нас. Мы никогда и не мечтали о богатстве такого уровня.

В первый раз в моей жизни меня охватило прозрение относительно власти, которую дарует богатство, и сообразно тому, в тот же самый миг, я осознал насколько велики мои настоящие амбиции.

Этот человек, конечно, был прав, и высказался достаточно ясно относительно моей удачи. А она во время войны была изумительной. Затем было наследство, и Лу в довершение всего этого; и вот здесь я встретил старину Фекклза благодаря абсолютной случайности, и тут же появилась возможность этой великолепной инвестиции. И самое настоящее дело - он излагал его четко, давая понять, что это была, строго говоря, не пустая болтовня - и оно прямо-таки просилось мне в руки.

Мы были настолько вне себя от радости, что едва могли уловить практические детали. Требуемое вложение составляло четыре тысячи девятьсот пятьдесят фунтов.

Трудностей в получении такого пустяка, разумеется, не было, но, как я сказал Фекклзу, это будет означать продажу какого-нибудь скотского запаса ценных бумаг или еще чего-то в этом роде, на что может уйти два или три дня. Времени было в обрез; опция могла стать недействительной и уплыть в другие руки, если ее не выкупить в течение недели, а сейчас была уже Среда.

Тем не менее, Фекклз помог набросать Вольфу записку, объясняющую срочность дела, и он должен был появиться у нас в субботу в девять часов со всеми бумагами.

Между тем, само собой, он не бросит меня, но в тоже время он не может рисковать, теряя самый удачный ход за всю свою жизнь. В случае, если бы возникли какие-то помехи, он должен знать, что за шаги можно предпринять и отдавать себе отчет, сможет ли он поднять пять тысяч со своей стороны.

Однако, он позволит в любом случае сделать меня совладельцем части его ценных бумаг. Фекклз хотел моего участия в этой сделке, если бы речь шла только о совершении, просто из-за моей удачи.

Итак, он покинул нас в великой спешке. Лу и я взяли такси и провели день в Булонском Лесу. Нам казалось, будто кокаин овладел нами с новой силой, или же это была добавка героина.

Мы жили с той же умопомрачительной скоростью, как и в ту первую ночь. Интенсивность переживаемого была даже более экстраординарной; но нас не уносило ею прочь.

При этом ощущении каждый час длится частицу секунды, но каждая секунда длится целую жизнь. Мы были способны принять ежеминутные детали жизни во всей их полноте.

Попытаюсь объяснить это тщательнее.

"Вильям Завоеватель, 1066 г., Вильям Руфус, 1087".

Этим выражением можно в одной строчке обозначить весь период царствования Герцога Нормандии. В то же время, историк, специально изучивший этот период английской истории, способен написать десять томов, и может, в какой-то степени, сделать одновременно оба аспекта знания одинаково значимыми для своего сознания.

Мы были в сходном положении. Мгновения сменяли одно другое, как вспышки бесчисленных молний, но каждая вспышка озаряла совершенно иной пейзаж, в котором мы успевали рассмотреть каждую деталь. Мы словно бы овладели абсолютно новой ментальной способностью, божественной по отношению к нормальному течению мысли. Точно также сравнивать все-понимающий мозг великого человека науки с мозгом дикаря, когда они оба посмотрят через одинаковые оптические инструменты на одного и того же черного таракана.

Невозможно поделиться этим с тем, кто не испытывал всеподавляющего восторга подобного состояния.

Другая замечательная и необычная черта этой ситуации заключалась в том, что мы, судя по всему, были наделены тем, что я должен назвать даром телепатии, или как бы это лучше выразиться. Нам не нужно было объяснять себя друг другу. Наши умы работали вместе, как у тех первоклассных опорных полузащитников, которые привыкли играть в паре.

Часть наслаждения, кроме того, приходила от знания, что мы были исключительно недостижимы для всего, с чем мы могли столкнуться. Простой факт - мы успевали за одно и то же время гораздо больше обдумать, чем обыкновенные люди.

Мы были похожи на свору борзых, а остальной мир - на великое множество зайцев, только диспропорция в скорости безмерно увеличилась. Это было состязание пилотов с кучерами.

Мы отправились в постель рано той ночью. Мы уже немного устали от Парижа. Темп его был слишком медленным для нас. Это как сидеть на опере Вагнера. Там есть некоторые блестящие моменты, конечно, но большую часть времени нас терзают длинными и монотонными пассажами, такими, как диалог между Вотаном и Эрде. Мы хотели быть предоставлены сами себе; никто другой, кроме нас, не мог поддерживать нашего темпа.

Разница между сном, бодрствованием и пробуждением снова была ослаблена, нет, почти упразднена. Период сна был просто как краткая мимолетная рассеянность, и даже наши сны продолжали эскалацию нашей любви.

Необходимость каждого инцидента была ничтожной. В обыденности поступки человека до определенной степени заторможены. Как гласит пословица, человек семь раз отмеряет, прежде чем отрезать. Мы больше не меряли семь раз. Желание трансформировалось в действие, не подвергаясь анализу. Утомление тоже было полностью отменено.

Мы проснулись на следующее утро с восходом солнца. Мы стояли на балконе в халатах и наблюдали его восход. Мы чувствовали себя с ним единым целым, свежие и столь же жаркие, пылающие, горячие, как и оно. Неисчерпаемая, неистощимая энергия!

Мы танцевали и пели во время завтрака. Мы болтали, как обычно - оба говорили одновременно, как будто на пределе наших голосов, составляя планы на день, и у каждого струился в мозгах водопад экстатического наслаждения и неугасимого смеха.

Мы только-только решили провести утро, совершая покупки в магазинах, когда в нашу комнату внесли карточку.

Я был на мгновение изумлен, когда прочитал, что наш посетитель был конфиденциальным клерком мистера Вольфа.

- Ох, нет нам покоя, - проговорил я, а затем припомнил мою телеграмму за день до того.

Меня охватила внезапная острая тревога. Может что-то не в порядке? Но кокаин заверил меня, что все в порядке.

- Полагаю, мне надо увидеться с этим приятелем, - сказал я, и попросил коридорного пропустить его наверх.

- Не позволяй ему надолго тебя задерживать, - заметила Лу, с раздражением надув губки, и побежала в ванную после скорого объятия, такого жаркого, что оно привело в беспорядок мой новый галстук от Чарвета.

Человек вошел. Мне быстро наскучила важность его манер, и я стал даже испытывать отвращение к его торжественной почтительности. Конечно, некоторые люди любят, когда с ними обходятся как в своем роде с беспомощным игрушечным императором, но подобные вещи не стыкуются с Парижем. И еще меньше они стыкуются с кокаином.

Меня так раздражало, что этот парень явно чувствовал себя принужденно, и также то, что он был так очевидно горд собой, тем, что его послали в Париж обсуждать важное дело с настоящим рыцарем во плоти.

Если есть та вещь, которой учат больше всего полеты, так это ненависть к снобизму. Даже Гартер становится незаметным и незначительным, когда ты летаешь над облаками.

Я не мог даже заговорить с этим человеком, пока он не станет более человечным. Я заставил его сесть, выпить и выкурить сигару, перед тем как я позволю ему говорить о бизнесе.

Естественно, все было абсолютно в порядке. Вся проблема заключалась вот в чем - шесть тысяч фунтов нельзя было получить немедленно, и так как они были срочно мне нужны, необходимо подписать некие бумаги, которые мистер Вольф немедленно составил, подписать расписку в получении моей телеграммы, и было бы лучше сделать это в консульстве.

- Разумеется, нет проблем, вызовите такси, - сказал я. - Я спущусь через минуту.

Он спустился вниз по лестнице. Я вбежал к Лу и сказал ей, что мне надо сходить к консулу по делу: я вернусь через час, и мы можем отправиться за покупками.

Мы приняли большую понюшку снежка и поцеловались на прощание так, как будто я отправлялся в трехлетнюю экспедицию на Южный Полюс. Затем я схватил свою шляпу, перчатки и трость и встретился с моим человеком у выхода.

Выпивка и воздух Парижа придали ему ощущение собственного достоинства. Вместо того, чтобы скромно и униженно ждать меня возле машины, он уже сидел в ней; и хотя его приветствие было еще торжественно уважительным, в нем теперь было намного больше от посла, чем от клерка. Он сдержал природный порыв и не приподнял шляпу.

Я сам чувствовал любопытное наслаждение своей собственной важностью. В то же время, я чудовищно торопился и отчаянно спешил вернуться к Лу. Мой мозг подгоняла мысль о ней. Я расписался там, где они мне сказали, и консул обстучал всю бумагу вдоль и поперек марками, и мы поехали обратно в отель, где клерк извлек застегнутый кожаный бумажник из мистически загадочного заднего кармана и отсчитал мне мои шесть тысяч в сто-фунтовых банкнотах.

Само собой, я должен был пригласить этого парня на ланч, но это было лишь соблюдением приличий. Я был несказанно рад, когда он, извинившись, отклонил мое предложение. Он должен был успеть на двухчасовой поезд назад в Лондон.

- О Господи Боже, как долго тебя не было, - сказала Лу, и я мог видеть, что она заполнила время моего отсутствия самым замечательным образом. Это было очевидно с головы до пят. Она танцевала вокруг меня, как безумная, с небольшими судорожными движениями, на которые я не мог не смотреть с подчеркнутой нервной раздражительностью. Тем не менее, она была лучезарной, ослепительной, светящейся, и взрывалась от возбуждения.

Да, ну вы понимаете. Я не люблю оставаться на бобах. Мне надо было

включиться в атмосферу. Я швырнул в себя, наверное, целую лопату снежка. Определенно, я заслуживаю того, чтобы Совет Графства платил мне шиллинг в час.

Впрочем, у нас определенно не было никакого времени заниматься теми вопросами, которые обсуждают в Парламенте. Предо мной стояла Лу, почти вся в слезах, потому что ей нечего было надеть, практически никаких украшений - вся идея рыцарства заключается в том, что когда ты видишь неправильное, твой долг - исправить это.

К счастью, в настоящий момент у нас не было никаких трудностей. Все, что нам надо было сделать, это поехать вниз к Рю де ла Пье. Я определенно почти лишился чувств, когда увидел все эти жемчужины у нее на шее. И этот неограненный изумруд! Господи, как он шел к ее волосам!

Эти торговцы в Париже - несомненно художники. Продавец узрел в одно мгновение, в чем ошибка. Не было ничего, чтобы как следует гармонировало с ее голубым платьем, и он показал нам сапфир и алмазный браслет, и большое кольцо маркиза в платиновой оправе,. Уже совсем другое дело! Но продавец по-прежнему держался крайне смущенно. Он был озадачен; вот что это было.

И тут его лицо прояснилось. У него появилась блестящая мысль. Ты всегда можешь доверять этим малым, когда сталкиваешься с действительно хорошим человеком. Чего не хватало, так это чего-то красного!

Я скажу вам о рте Лу; длинные, неровные, змеиные, алые полосы всегда извивались и двигались, как если бы жили отдельной самостоятельной жизнью, и будто их хозяйка беспрестанно подвергалась какой-то восхитительной и прелестной пытке!

Продавец немедленно увидел, что там необходимо. Рот должен был символически повторен. В этом весь секрет искусства. Так что он извлек змейку из кроваво-красных рубинов.

Мой Бог! Это была наиболее прекрасная вещь, которую я когда-либо видел в своей жизни, за исключением самой Лу. И на нее нельзя было смотреть без мысли о ее губах, и ты не мог думать о ее губах, без того, чтобы не поцеловать их, и мне было по плечу доказать Парижу, что моя жена - самая прекрасная женщина в мире, а это в свою очередь можно было доказать самым обычным способом, - появившись с ней в лучших нарядах и самых замечательных украшениях. Это был мой долг перед ней, как перед моей женой, и я прекрасно мог позволить себе это сделать, потому что я был относительно богатый человек, если начинать с малого, и, кроме того, пять тысяч, которые я вкладывал в бизнес Фекклза, могли означать что-то около четверти миллиона, по крайней мере, по самым консервативным и сдержанным расчетам, как я это оценивал собственными глазами.

И все это был чистый доход, так что нет причины в мире, почему человек не может потратить такую сумму самым благоразумным образом. Даже сам мистер Вольф придавал особое значение трудностям получения приемлемых доходов с капитала в наши времена.

Он рассказал мне, как многие люди помещали свои деньги в алмазы и меха, которые всегда сохраняют свою цену, в то же время как государственные ценные бумаги и им подобные вещи всегда являются предметом неожиданного налогообложения, с одной стороны, обесценивания с другой, и с перспективой Европейского аннулирования долгов или отказа от выполнения обязательств, неясно вырисовывающегося позади них.

Это был мой долг и обязанность, как семейного мужчины, купить так много драгоценностей для Лу, насколько я мог бы себе это позволить. И в тоже время, человек должен быть осторожным и предусмотрительным.

Я купил все вещи, о которых упоминал, и заплатил за них. Я не поддался соблазну приобрести зеленую жемчужную булавку для своего галстука, хотя я желал бы ее иметь, потому что она могла бы напоминать мне о глазах Лу каждый раз, когда я ее надеваю. Но она была действительно довольно дорогой, и Мистер Вольф очень серьезно предупреждал о попадании в долги, так что я расплатился за остальные покупки, и мы вышли, и думали, что поедем в Bois на ланч, и тогда мы приняли еще больше снежка в такси, и Лу начала плакать, потому что я ничего не купил для себя. И мы приняли еще немного снежка... У нас было довольно много времени, - никто не садится за ланч раньше двух часов. Мы отправились назад в магазин и купили зеленую жемчужину, и это

привело Лу в такой восторг, что такси стал походить на аэроплан; а если разобраться, гораздо больше аэроплана.

Глупо не иметь желаний делать что-то. И если ты начинаешь что-то делать, ты стараешься сделать это как можно лучше. Что там говорил тот парень? "Я жизнь свою в булавку не ценю". Вот это правильный дух. "Отпустите меня, джентльмены, я в призрак превращу его, что освободит меня".

Это дух Пендрагона, и это дух воздухоплатателя. Забирайся на вершину и оставайся на ней, и застрели любого другого, кто посмеет на нее забраться!

ГЛАВА VII. КРЫЛЬЯ ПТИЦЫ ПАРНУСС

Ланч в ресторане "Де Ля Каскад" походил на ланч во сне. Мы, казалось, знали, что в действительности вкушаем пищу даже не чувствуя ее вкуса. Кажется я уже говорил раньше, что этот феномен обусловлен анестезией от кокаина.

Когда я делаю подобные замечания, я понимаю, что это выскакивает из меня канувший в Лету, без вести пропавший студент-медик.

Но вы на это не обращайте внимания. Суть в том, что когда внутри вас оказывается правильное количество снежка, вы не можете ощущать что-либо в банальном смысле этого слова. Вы только улавливаете это неким отрешенным образом. Вот боль, но вам не больно. Вы наслаждаетесь наличием боли, как вы наслаждаетесь, читая об ужасных вещах в школьном учебнике истории.

Но вот в чем беда кокаина: его почти невозможно принимать, зная меру; как, например, почти все, кроме американцев, умеют пить виски. От каждой дозы вам делается все лучше и лучше. Он разрушает вашу способность рассчитывать.

Мы уже обнаружили этот факт, когда выяснили, что запас, полученный от Гретель, которого, как мы были убеждены, нам почти определенно хватит надолго, иссякает самыми быстрыми темпами. А ведь совсем недавно запас этот прибыл в том самом платье, и казалось решил все проблемы.

Всего лишь несколько дней нашего загула и то, чего мы добивались тремя-четырема понюшками, чтобы, так сказать, войти в состояние, теперь требовало почти постоянной дозаправки для продолжения полета. Однако, это не имело значения, учитывая наш обильный запас. В этом кимоно должно было быть килограмма два либо "К", либо "Г". И если восемь гранов для героина довольно большая доза, вы можете легко подсчитать, как славно можно проводить время, располагая целым фунтом.

Вы помните, как оно получается - двадцать гран это вес одной пенни, а вес трех пенни - один скрупул; забыл, сколько скрупулов составляет одну драхму, восемь драхм - это одна унция, а двенадцать унций - один фунт.

Я все перепутал. Мне никогда не понять английскую систему мер и весов. Ни разу не встречал кого-то, кто мог бы это сделать. Но смысл в том, что вам надолго хватит вашего фунта, если принимать по восемь гранов порошка.

Ну вот, сейчас вам все станет ясно. 15 гранов - это один грамм, а тысяча граммов - уже килограмм, и килограмм - это 2,2 десятых фунта. Я не уверен только в одном - то ли это 16-и унциевый фунт, то ли 12-и. Но я все равно не вижу особой разницы, поскольку если у вас есть фунт кокаина или героина, ясно, что вам их достанет надолго, и несколько нелепо расписывать их прием по нотам, как партитуру оркестру.

Квейн утверждает, что люди, привычные к опиуму и его производным, способны принять колоссальное количество кокаина без всяких хлопот. Обычно, полграмма кокаина может вызвать смерть, но мы употребляли препарат с абсолютной беззаботностью.

Зачем его отмерять, если ты не пользуешься шприцем? Просто принимаешь дозу, когда чувствуешь, что ее надо принять. В конце концов, таково правило природы. Мы едим, когда мы голодны. Нет ничего хуже для здоровья, чем установление фиксированного рациона из определенного числа блюд в день.

Великий старый британский принцип "мясо три раза в день" стал причиной того, что выработка мочевиной кислоты в английском организме превысила

потребность в ней самым предрассудительным образом.

Этому противится физиология и экономика, и даже геология, как мне кажется.

С тех пор мы жили совершенно здоровой жизнью. Мы нюхали кокаин, если ее темп замедлялся, и применяли героин, как только кокаин демонстрировал готовность закусить удила.

Крепкий здравый смысл - вот все, что нужно для принятия разумных доз, соответствующих физиологическим показаниям. Нужна гибкость. Устанавливать себе фиксированные дозы в зависимости от ваших духовных потребностей - это просто духовный социализм. Природа наш лучший советчик. Мы поднаторели в этой игре.

Несчастье, случившееся с нами в "Маленьком Савояре", научило нас мудрости. Мы с каждым часом летели по жизни все увереннее.

Этот малый Куэ, как говорят американцы, "пайкер" (*скряга, трус, осторожный игрок - прим. ред.*); "С каждым днем я во всем становлюсь все лучше и лучше", а все играю по маленькой, а? Этот тип просто увлекся рифмой. Зачем ждать какого-то определенного дня? Мы достигли уровня, когда в счет идет каждая минута.

Точно как один шотландец ответил сыну, когда тот, пройдя половину десятимильной дороги к церкви, вдруг сказал: "А денек-то славный!" "А стоит ли он того, чтобы о нем вспоминать?"

Думая о днях, вы начинаете думать о годах, и думы о годах наводят вас на мысль о смерти, что совсем уже смешно.

Лу и я жили минуту за минутой, секунду за секундой. Каждое тиканье часов отмечало для нас интервал между вечностями.

Мы были наследниками жизни вечной. До смерти нам не было дела. Тот, кто сказал "Завтра не наступит никогда" был довольно неглупым типом.

Мы находились вне времени и пространства. Мы жили согласно наставлениям нашего Спасителя. Не думайте о дне завтрашнем.

Страсть к перемене мест охватила нас. Париж стал совершенно несносен. Нам надо было попасть в какое-нибудь место, где не считают время.

Разница между днем и ночью не имеет особого значения; но абсолютно нестерпимо быть среди людей, которые работают по часам.

Мы жили в мире Тысячи и Одной Ночи; несовместимом с ограничениями. Париж постоянно напоминал нам о пигмеях, которые жили по часам, если это можно назвать жизнью.

Смешно и чудовищно начинать и заканчивать работу по общему графику. Нам следовало отправиться куда-нибудь, где нам не досаждали бы подобные глупости...

Один чрезвычайно досадный инцидент испортил нам ланч в "Каскаде". Мы произвели чудесное впечатление, когда входили. Мы впорхнули, точно бабочки, готовые присесть на лилии. По столам прошел гул. Лу всех и каждого отравляла своей красотой. Ее драгоценности ошеломили своим блеском толпу.

Я подумал об ассамблее эллинов времен расцвета, которую неожиданно взяли и посетили Аполлон и Венера.

Мы трепетали не только от наполнявшего нас экстаза, но и от пьянящего сознания, что целый мир любит нас, и завидует нам. Своим появлением мы низвели его до содержимого помойного ведра.

Сам старший официант превратился в верховного жреца. Будучи гением (а он им и был), официант тотчас постиг суть ситуации. Он принялся советовать нам, что заказать, мысленно преклонив перед нами колени.

Казалось, мы принимаем почести от менее коронованных особ. А через пять или шесть столиков от нас сидел наш старый знакомый - Царь Лестригонов.

С ним рядом был типичный француз с большой красной розеткой и аристократически подстриженными седыми усами и бородкой. Это был какой-то министр, или что-то в этом роде. Я не мог точно назвать его пост, но мне случалось нередко видеть его в газетах: кто-то из близкого окружения президента. До нашего прихода главным объектом интереса был он.

Мы пришли - и он сдулся, как пузырь.

Царь сидел к нам спиной, и как мне показалось, нас не видел, ибо не обернулся, хотя все в помещении посмотрели на нас и начали перешептываться.

Этот тип больше не внушал мне ненависть; он был до нелепого

посредственен. Это-то как раз и раздражало. Когда он со своим другом собрался уходить, они прошествовали мимо нашего столика направо и налево раздавая улыбки и поклоны.

И вот надо же, чорт! Главный официант подносит мне его карточку. "Не забудьте меня, когда я вам понадоблюсь", - нацарапал он на ней карандашом.

Чертовская, наиглупейшая неуместность! Абсолютно неизвинительная, нестерпимая назойливость! Кому может понадобиться Господь Всемогущий - Царь Лестригонов?

Я бы ответил ему горячей отповедью, если бы этот мерзавец не улизнул. Ладно, не стоит. Он имеет значение не большее, чем кофейная гуща.

Однако инцидент засел в моей памяти. И продолжал раздражать меня весь остаток дня. Таких людей следует вышвыривать из жизни раз и навсегда.

Нет, ну не проклятье ли, ведь этот тип был по всем статьям негодяй! Так считали все. Так чего же он путается под ногами? Никто не просил его встревать.

Я сказал нечто в этом духе Лу, и она заметила весьма остроумно.

- Ты попал в точку, Петушок, - воскликнула она. - Он надоедлив и прогнил, прежде чем созрел - такова его природа.

Я припомнил нечто подобное у Шекспира. Чем Лу замечательна, так это тем что она ненавязчиво умна.

И в тоже время, как я говорил, этот тип все не выходил у меня из головы. Мысли о нем были такими противными, что пришлось принять немало кокаина, чтобы перебить привкус во рту.

Но раздражение не прошло, оно приняло иную форму. Мне действовала на нервы сама буржуазная атмосфера Парижа.

Ну так и не нужно оставаться в этом скотском месте. Следовало выловить Фекклза, чтобы заплатить ему наличными, и убраться куда-нибудь на Капри, где людей не так часто беспокоят по мелочам.

Я был переполнен безумным желанием увидеть Лу, вплывающей в Голубой Грот, наблюдать, как бегают по ее светящемуся телу фосфоресцирующие огоньки.

Мы велели шоферу остановиться у отеля, где жил Фекклз, и вот тут-то мы и споткнулись о гигантскую корягу.

Месье Фекклз, сказал нам управляющий, внезапно уехал этим утром. Да, он оставил все тяжелые вещи. Да, он может вернуться в любой момент. Но он ни словом не обмолвился, куда направляется.

Ну конечно он вернется в субботу утром, чтобы получить наши пять тысяч. Мне было ясно, как следует поступить. Я оставляю для него эти деньги, а у управляющего возьму расписку, и прикажу переслать бумаги в Калигулу, что на острове Капри.

Я начал пересчитывать наличные. Мы сидели в коктейль-холле. И тут я почувствовал себя совершенно беспомощным и сбитым с толку.

- С-слушай, Лу, - произнес я, заикаясь. - Я бы хотел, чтобы ты их сосчитала. У меня не получается правильно. По-моему я немного переусердствовал.

Она прошлась по различным кармашкам моего портфеля.

- А в кармане у тебя денег нет? - спросила Лу.

Я обшарил себя с уже отчетливой тревогой. Ни один из карманов не был пуст, но это все были мелкие деньги, много мелочи. Тысяча фунтов здесь и сотня там, пятьдесят фунтов в моей жилетке, масса мелких купюр -

Тем временем Лу выпотрошила содержимое и моего портфеля. Общая сумма составила всего семнадцать сотен.

- Боже мой! Меня ограбили! - воскликнул я, задыхаясь; мое лицо горело от ярости и гнева.

Лу сохраняла рассудок и спокойствие. В конце концов, это были не ее деньги! Она принялась вычислять на клочке гостиничной бумаги.

- Боюсь, что все сходится, - объявила она, - бедный ты, дряной мальчик.

Я неожиданно протрезвел. Точно, с цифрами все было в порядке. Я заплатил ювелиру, не подумав.

Клянусь Юпитером, мы попали в переделку! Инстинктивно я чувствовал, что телеграфировать насчет денег Вольфу невозможно. Должно быть голова моя поникла; так вот, прямо носом вниз. Лу обняла меня за талию и вонзила свои ногти мне под ребро.

- Прекрати, Петушок, - сказала она. - Нам крупно повезло. У меня всегда были сомнения насчет этого Фекклза, и этот его неожиданный отъезд, на мой взгляд, подтверждает, что все это подозрительно.

Моя мечта о четверти миллиона растворилась в воздухе, но я не испытал ни малейшего сожаления. В конечном итоге, я поступил благоразумно, вложив мою наличность в нечто осязаемое. Фекклз был явный мошенник. Отдай я ему эти пять тысяч, я никогда бы больше не услышал ни о Фекклзе, ни о деньгах.

Ко мне начало возвращаться душевное спокойствие.

- Знаешь что, - промолвила Лу, - давай забудем про это. Напиши Фекклзу записку и скажи, что не сумел собрать деньги к назначенной дате, и давай уберемся отсюда. В любом случае, нам следует экономить. Давай отправимся в Италию, как мы и собирались. Обмен чертовски хорош, а жизнь восхитительно дешева. Глупо тратить деньги, когда у тебя есть Любовь и Кокаин.

Моя душа слилась с ее душой в полном согласии. Я черкнул записку-извинение для Фекклза и оставил ее в отеле. Мы рванули в Итальянское консульство, где завизировали наши паспорта, получили у портье билеты в спальный вагон, и пока горничная упаковывала наши вещи, мы вкушали последний роскошный обед.

ГЛАВА VIII. VEDERE NAPOLI E POI - PRO PATRIA - MORI

УВИДЕТЬ НЕАПОЛЬ И ПОТОМ - ЗА ОТЕЧЕСТВО - УМЕРЕТЬ

Нам как раз хватило времени, чтобы попасть на Лионский вокзал и занять места в *train de luxe* (*фирменный поезд - франц.*). Чувство бесконечного облегчения охватило нас, когда мы оставили Париж позади; и ему сопутствовала непреодолимая усталость, которая, сама по себе, была несказанно приятна. Едва наши головы коснулись подушек, как в тот же миг мы, словно младенцы, погрузились в изысканный и глубокий сон. А пробудились мы уже рано утром, когда нас невероятно повеселил, наполнив легкие, альпийский воздух; он вызывал в нас трепет своей чрезвычайной насыщенностью; он поднимал нас над мелочностью цивилизации, вознося к причащению с вечностью; наши души воспарили к древним вершинам, что высились подобно башням над железнодорожными путями. Они струились сквозь прозрачность озер и смеялись вместе с ярящейся Роной.

В представлении многих людей опасность наркотиков состоит в том, что к ним охотно прибегают ради избавления от легкого уныния, скуки или расстройства. Это, конечно, верно; но если бы она ограничивалась только этим, настоящей угрозе подвергалась бы лишь незначительная часть человечества.

Например, это блестящее утро, сверкание солнца на снегах и на водах, я - тварь, ликующая от этого сияния; пронзительно-чистый воздух, играющий в наших легких - мы решительно сказали себе, с любовью и здоровьем и счастьем, пылающих в наших молодых глазах, что нам не нужен никакой другой элемент, чтобы придать совершенство поэме существования.

Я сказал это без тени сомнения. Мы чувствовали себя как христианин, сбросивший бремя грехов, когда бежали из Парижа с его цивилизацией, условиями, короче всем тем, что выдумано нынешним веком.

Нам не было надобности избавляться от уныния, ровно как и увеличивать наше и без того уже бесконечное опьянение; мы, наша любовь и безмерная красота постоянно меняющегося ландшафта, путешествие в идеальных условиях, совершаемое ради удовольствия и безграничных возможностей, предоставляемых им!

И все-таки, почти тотчас после всех сказанных нами слов, лукавая улыбка появилась на личике Лу и воспламенила сходный тайный и утонченный восторг и в моем сердце.

Она угостила меня щепоткой героина с таким видом, будто раздавала некое изысканно-эзотерическое причастие. Приняв его, я отсыпал ей такую же дозу на свою ладонь, как будто некое смутное исступленное желание пожирало нас. Мы приняли наркотик, не потому что испытывали в нем потребность; но потому что

сам акт употребления был, в некотором смысле, религиозным.

Именно то обстоятельство, что в приеме не было никакой необходимости, и придавала этому действию оттенок ритуальности.

При всем этом, я бы не сказал, что доза эта как-то особенно улучшила наше самочувствие. Это была одновременно рутина и ритуал. Причащение это было одновременно и воспоминанием, как у протестантов, и таинством, как у католиков. Оно напомнило нам, что мы были наследниками царского наслаждения, в котором мы постоянно пребывали. Но оно также и придало этому наслаждению новую силу.

Мы отметили, что несмотря на альпийский воздух нам не так уж и хочется завтракать, и мы, ощущая внезапно связавшее нас родство страстей, пришли к выводу, что пища смертных слишком вульгарна для богов.

Это родство страстей было так сильно и так утонченно, и проникло в наши сердца так глубоко, что мы почти не осознавали тот грубый и беспощадный факт, что когда-то мы существовали порознь. Прошлое оказалось вымарано из нашей памяти спокойным созерцанием нашего блаженства. Нам стала понятна неизменная экзотичность, исходящая от истуканов Будды; таинственный успех улыбки Моны Лизы, а также и неземное, невыразимое ликование во всей фигуре Аидэ Лямурье.

Мы курили в сиящем молчании, пока экспресс скользил по равнинам Ломбардии. Случайные фрагменты строчек Шелли об Эвганейских холмах проплывали в моей памяти словно лазурные или лиловые фантомы.

"The vaporous plain of Lombardy
Islanded with cities fair."

Торгашеский дух столетия превратил эти города большею частью либо в курятники, либо в выгребные ямы, однако Шелли, точно само солнце, по-прежнему сияет безмятежно.

"Many a green isle needs must be
In this wide sea of misery."

Все, чего коснулось его перо, расцвело до бессмертия. И вот я и моя Лу живем в стране, которую увидели его пророческие глаза.

Я подумал о той несравненной идиллии, и я бы не назвал ее островом, куда он приглашает Эмилию в своем "Эпипсихидионе".

Лу и я, моя любовь и я, моя жена и я, мы не просто направлялись туда; мы были там всегда и будем там всегда. Ибо название острова, название дома, имя Шелли, мое и моей Лу, все они сливались в одном имени - Любовь.

"The winged words with which my song would pierce
Into the heights of love's rare universe
Are chains of lead about it's flight of fire,
I pant, I sink, I tremble, I expire."

Я отметил, что наши физические сущности и в самом деле не более, чем проекции наших мыслей. Мы оба дышали глубоко и быстро. Наши лица покраснелись от насыщенной солнечным светом крови в наших членах; от вальса, в котором кружилась наша любовь.

Вальс? Нет, это был какой-то более неистовый танец. Быть может, мазурка. Нет, что-то еще более дикарское...

Я подумал о яростном фанданго цыган Гранады, об умопомрачении религиозных фанатиков-мавров, что наносят сами себе удары священными топориками до тех пор, пока кровь не начинает струиться по их телам - безумный багрянец под кинжальными ударами солнечных лучей, образующий лужицы алой жижи во взвихренном, истоптанном песке.

Я думал о менадах и Вакхе; я глядел на них внимательными глазами Эврипида и Суинберна. И оставаясь неудовлетворенным, я алкал все более и более чуждых символов. Я сделался Колдуном-шаманом, я председательствовал на пиру людоедов, распаяя банду желторожих убийц на все более яростное бесчинство, в то время как лишайщик рассудка бой тамтамов и зловещий визг трещоток уничтожал все человеческое в моей пастве, высвобождая их стихийные энергии, и Валькирии-вампиры с воплем врывались в самое средоточие бури.

Я даже не знаю, можно ли назвать эту картину видением или дать ей какую-то психологическую классификацию. Это просто случилось со мною, и с Лу, хотя мы продолжали вполне пристойно сидеть в нашем купе. Постепенно нарастала уверенность в том, что Аидэ, какой-бы она не была плебейкой,

банальной и невежественной, прикоснулась каким-то образом к колоссальному мальстриму вечных истин.

Нормальные действия и реакции ума и тела - не более, чем дурацкие покрывала на лице Иисуса.

Не важно, что с ними случится. Весь фокус был в том, чтобы с помощью какой-нибудь уловки заставить их заткнуться.

Мне стала понятна ценность слов. Она зависела вовсе не от их поверхностного значения, а от содержащихся в них жреческих тайн.

"In Xanadu did Kubla Khan

A stately pleasure-house decree."

Эти имена не означают ничего определенного, но они задают атмосферу поэмы. Возвышенное зиждется на неразборчивом.

Я понял прелесть имен в рассказах Лорда Дансени. Я понимаю, как "варварские имена вызываемых духов", используемые магами, завывания и насвистывания гностиков, мантры набожных индусов взвинчивают их души, пока голова не начинает кружиться от славы божией.

Даже названия тех мест, мимо которых проходил поезд, возбуждали меня именно потому, что они были незнакомые и звучные.

Больше всего меня возбуждала надпись по-итальянски "E pericoloso sporgersi" ("*высовываться опасно*" - *ит.*). Вне всякого сомнения, она немного значила для любого, кто говорил по-итальянски. Но для меня это была ключевая фраза магии. Каким-то путем я связал ее с моей любовью к Лу. Каждая вещь была символом моей любви, кроме тех случаев, когда зануда-рассудок утверждал противоположное.

Все это утро мы провели кружась в грандиозном водовороте транса. Мне то и дело приходила на память надпись под картиной одного из нынешних сумасшедших художников-модернистов: "Четыре красных монаха, несущие черного козла через снега в Никуда".

Она, очевидно, поясняла расположение цветов; однако фантастический идиотизм этой фразы, и тонкий намек на зловещую порочность, заставляли меня задыхаться от подавленной экзальтации.

"Первый звонок" прозвучал пугающе внезапно. Я резко встрепенулся, и обнаружил, что я и Лу уже несколько часов не обменялись ни единым словом, что мы несемся сквозь сотворенную нами самими вселенную с колоссальной скоростью и дьявольским восторгом. И в тоже время, я догадался, что мы всю дорогу успевали автоматически "подкокаиниваться", не ведая, что творим.

Материальный мир стал значить настолько мало, что я больше не знал, где я нахожусь. Наша поездка полностью смешалась в моей голове с двумя или тремя предыдущими экскурсиями по континенту.

Лу впервые оказалась где-либо дальше Парижа, и она то и дело спрашивала у меня насчет места и времени. В ее случае, привычка к странствиям не породила пренебрежения, но я оказался не в состоянии рассказать ей о нашем маршруте самые обычные вещи. Я даже не знал в каком направлении мы движемся; скоро ли покажутся Альпы, и в какой тоннель мы въезжаем, будем ли мы проезжать Флоренцию, и в чем разница между Женевой и Генуей.

Те, кто знаком с этим маршрутом, поймут, как безнадежно были спутаны мои мысли. Я едва распознавал утро и вечер. Я с абсолютной уверенностью описывал вещи, которые по всей вероятности вообще не имели места.

Мы продолжали подъем в горы, и глядя на карту, вывешенную в коридоре, я по-прежнему не мог определить, где же мы находимся. Мы сопоставляли сроки и расстояния, только увеличивая путаницу.

Я пустился в сложнейшие астрономические расчеты, пытаюсь определить следует ли нам перевести стрелки часов на час назад или на час вперед у границы; я и по сей день не знаю, пришел ли я к верному заключению. У меня была явная возможность узнать истину; но я и не стал пытаться.

Помню только, как я вышел в Риме размять ноги, и какой-то безумный порыв толкнул нас попробовать осмотреть виды за двадцать или сколько-то минут стоянки.

Мы чуть было это не сделали; но на платформе мне поджидал шок. Случилось невозможное.

- Вот так удача, - воскликнул голос в окне третьего от нас вагона. -

Совпадение самое необычное, какое только может быть! Как вы поживаете?

Мы посмотрели вверх, с трудом веря своим ушам. Кто бы это мог быть, как не наш друг Фекклз!

Разумеется, я предпочел бы увидеть дьявола собственной персоной. В конце концов, я тоже поступил с этим типом довольно низко, и в данном случае сам проявил себя круглым дураком. Но что поразило меня больше всего со второго взгляда, так это инкогнито, каковым он путешествовал. Его с трудом можно было узнать.

По-моему, я уже упоминал, что у него были светлые волосы и плешь, а бороду он брил. Но теперь он оказался темноволос; а паричок безмолвно указывал Природе на ее неумолимость. Черные усики и эспаньолка завершали маскарад. Но вдобавок к ним, его манера одеваться была сама по себе камуфляжем. В Париже его туалет был корректен. Он был похож на выходца из маленького городка и из хорошей семьи.

Однако теперь он был одет как курьер или, возможно, коммерсант высокого класса. В его щеголеватости проскальзывал элемент подчеркнутой обыденности. Я инстинктивно понял, что он бы предпочел, чтобы я не упоминал его имени.

В это мгновение поезд тронулся с места, и нам пришлось запрыгнуть на подножку. Мы сразу же прошли в его вагон. В своем купе он был единственным пассажиром.

Я уже попытался описать тот шок, который произвело на мои нервы появление Фекклза. Конечно, я в любом случае должен был чувствовать себя весьма неудобно, однако кокаин помог мне легко преодолеть этот барьер.

Инцидент пришелся весьма кстати; дополнительное приключение в прекрасной сказке, которую мы переживали. Лу и сама хихикала не переставая, что еще месяцем раньше я расценил бы как верх неприличия. Но все казалось в равной мере изысканным в этот медовый месяц, полный чудесных совпадений.

Фекклза похоже наше столкновение крайне позабавило. Я поинтересовался с уместной степенью озабоченности, дошла ли до него моя записка. Он сказал, что нет, так как был внезапно отозван по делу. Я пересказал ему ее содержание, дополнив его извинениями.

Долгая поездка сильно меня утомила. Я стал воспринимать вещи серьезнее, хотя кокаин и мешал мне осознать ситуацию до конца.

- Милейший, - возразил он, - я крайне огорчен уже тем, что Вам пришлось беспокоиться на этот счет. А между прочим, произошло вот что. Я отправился на встречу с этими людьми к четырем часам, как и было условлено по телефону, и они на самом деле вели себя достойно в отношении этой сделки, так что я позволил им сделать взнос на пять тысяч, и они тут же выписали мне чек. Но как вы могли вообразить, что я способен отвернуться от старого товарища. В любое время, как только вы окажетесь при свободной наличности, вносите вашу долю, и дело с концом. Можете взять из моей.

- Ну это уже слишком мило с вашей стороны, - сказал я. - И я этого не забуду. Я думаю, будет правильно, раз вы уже успели это дело провернуть, подождать, пока я вернусь в Англию.

- Как вам будет угодно! - отвечал Фекклз. - Не надо вам вообще думать о бизнесе. С моей стороны, пожалуй, скверно было заговаривать о делах с новобрачными.

Лу подхватила разговор.

- Ну расскажите же нам! - начала она. - Зачем этот маскарад! Он вам прекрасно идет, и вы это знаете. Но все же, я, в конце концов - женщина.

Фекклз вдруг сделался очень загадочен. Он подошел к двери в купе, выглянул в коридор и посмотрел по сторонам; затем он задвинул ее и заговорил шепотом.

- Это очень серьезное дело, - сказал он, и смолк.

Он вынул из кармана ключи и начал играть с ними, точно сомневаясь, стоит ли заходить так далеко. Наконец он засунул их обратно решительным жестом.

- Видите ли, старина, - произнес он. - Я с вами рискую. Всем нам известно, что вы сделали для Англии во время войны, и принимая во внимание все обстоятельства, вы едва ли не первый, кто пришел мне на ум.

Он снова резко смолк. Мы смотрели на него в недоумении, несмотря на пузырившееся в нас некое слепое, подавленное возбуждение, природу которого

мы едва ли бы смогли описать.

Фекклз достал трубку и принялся довольно нервно грызть эбонитовый чубук. Затем сделал глубокий вздох и посмотрел Лу прямо в лицо.

- Вам это ничего не напоминает? - прошептал он еле слышно. - Человек покидает Париж ни с бухты-барахты, посреди крупного финансового проекта, и оказывается в Италии с измененной внешностью.

- За вами следит полиция, - хихикнула Лу.

Он искренне и добродушно рассмеялся.

- Уже теплее, - сказал он. - Но попробуйте еще.

Объяснение тотчас же сверкнуло в моем мозгу. Он заметил, о чем я думаю, и с улыбкой кивнул головой.

- О, я поняла, - вымолвила Лу с умным видом и, наклонившись к Фекклзу, прошептала ему на ухо следующее:

- Секретная служба.

- Она самая, - мягко произнес Фекклз. - И тут вы и подвернулись. Вот посмотрите.

Он достал из кармана паспорт и раскрыл его. Месье Гектор Лярош из Женева. Курьер по профессии.

Мы понимающе кивнули.

- Я не знал, что и думать, оказался в тупике, когда увидел вас, - продолжил он. - Я иду по следу одного очень опасного человека, который втерся в доверие ряда англичан, живущих на Капри. Ведь вы туда направляетесь, не так ли?

- Да, - хором ответили мы, чувствуя как возрастает наше международное значение.

- Ну и вот, положение дел таково: появись я на Капри (а это очень маленькое место) без продуманной легенды, люди станут смотреть на меня и говорить обо мне, и если они будут смотреть достаточно пристально и говорить слишком много, десять к одному, что я - замечен, необязательно - раскрыт, но замечен как очень подозрительный иностранец. И если человек, которого я ловлю, насторожится, значит я абсолютно ничего не смогу сделать.

- Да, - вымолвил я. - Все это мне понятно, только вот - ладно, мы готовы сделать что угодно ради старой доброй Англии, какой разговор, но чем мы можем помочь вам конкретно?

- Ну, - заметил Фекклз. - Я не вижу, чем это может вам особенно помешать. Вам не придется даже замечать меня. Но если бы я мог выступать как ваш курьер, приехать раньше вас, снять вам комнаты, присматривать за вашим багажом, нанимать для вас лодки и тому подобное, мне не пришлось бы давать объяснения, кто я такой. При таком положении дел это могло бы даже избавить вас от хлопот. Здешние жулики - самые ужасные в округе; и каждый, кто выглядит как турист, особенно из породы молодых людей, подлежит всякого рода вымогательствам и грабежу.

Надо же, дело смотрелось почти как ниспосланное провидением; между прочим, я и сам подумывал найти человека, чтобы тот отгонял шакалов; и вот, благодаря Фекклзу, две птицы оказались биты одним камнем.

Лу явно была в восторге от этого соглашения.

- О, но вы нам должны разрешить не только это, - волновалась она. - Если бы мы только могли помочь вам выследить этого гада!

- Ручаюсь, так и будет, - сердечно успокоил ее Фекклз, и мы все пожали друг другу руки. - Всякий раз, в случае, когда вы сможете пригодиться, я скажу вам, что надо делать. Но вам, конечно, следует запомнить правила разведки - абсолютное молчание и повиновение. Стоите вы или падаете, вы всегда один на ринге, и если арбитр скажет "Аут", вы выходите из игры, и никто не поможет вам подняться.

Наш медовый месяц определенно развивался самым чудесным образом. Мы оставили фальшивых людишек гнить в их собственной фальши. И вот мы оказались, без какого-либо усилия с нашей стороны, прямо в центре чарующей интриги самого загадочного рода. И все это выпало в добавление к самой дивной любви, какая только бывает в мире, к героину и кокаину, помогающим нам наслаждаться мельчайшими подробностями нашего приключения.

- Ладно, - обратился я к Фекклзу. - Вы спустили меня с небес на землю. Я постараюсь забыть, что вы там говорили насчет моих мозгов, потому что

молодому человеку негоже пыжиться от интеллектуального тщеславия. Бесспорно одно: я - самый счастливый человек на свете.

Далее месье Гектор Лярош подарил нам чудесный час, повествуя о некоторых своих военных подвигах. Он был столь же скромн, сколь отважен; но невзирая на все это, мы могли достаточно ясно увидеть какую поразительную хитрость поставил он на службу нашей стране в грозную для нее годину. Мы могли представить себе, как он смыкает кольцо вокруг Гуннов, неуклюжих умом и медлительно-педантичных.

Единственным неприятным происшествием за весь вечер было его нежелание угоститься снежком. А вы уже поняли, что это такое - это означает, что человек в некотором роде не участвует в вечеринке. Феккльз извинился, объяснив, что это запрещено правилами. Он, правда, согласился с нами, что это паршивый формализм, но "они, конечно, по-своему правы. Ведь полно молодцов, которые не знают меры, и могут, перебрав, выдать что-нибудь лишнее - не мне вас учить".

Так что мы оставили его наедине с трубкой и вернулись в наше уютное купе, где провели в высшей степени славную ночь, шепотом обсуждая воображаемые интриги, каким-то образом укреплявшие крылья, на которых возносила нас наша любовь. Мы оба так и не заснули. Мы просто проплыли через темноту, чтобы застать зарю, ласкающую гребень холма Позилиппо и первый проблеск рассвета, посылающий свой восторженный привет голубым водам Неполитанской бухты.

Едва поезд остановился, как Гектор Лярош уже стоял у входа в вагон и отдавал приказания на бойком итальянском. Мы получили лучший номер в лучшем отеле; и наши вещи прибыли лишь на десять минут позже нас. Завтрак своим совершенством напоминал поэму, и ложа в опере уже была закреплена за нами, а на завтра уже был заказан рейс на Капри, где для нас был зарезервирован номер в "Калигуле". Мы осмотрели Музей утром, и съездили на автомобиле в Помпеи днем, и Месье Лярош устроил для нас все таким чудесным образом, что конец дня застал нас совершенно свежими, мурлычущими полураскрытыми устами магическую сентенцию:

"Dolce far niente". (*Сладостное безделье - ит.*)

Большинство людей, что бредут спотыкаясь по этому свету, кажется делают это безо всякого понятия о возможностях, которые способно предоставить им наслаждение. Это, естественно, вопрос темперамента.

Но даже те немногие, кто в состоянии оценить язык Шелли, Китса и Суинберна, смотрят на развиваемые ими представления, как на утопию.

Большинство людей мирится с идеей, что головокружительная экзальтация "Прометей Раскованного", например, строится на игре воображения. Я вообще подозреваю, что давая кокаин или героин, сколь искусно бы их не мешали, среднему человеку, ничего особенного не добьешься. Нельзя рассчитывать на мозги, там где их нет и не было.

В девяносто девяти случаев из ста любой стимулятор, каким бы ни была его природа, воздействует, уничтожая запреты системы образования.

Обычный пьяный человек теряет внешний лоск цивилизованности. Но если вам попадется подходящий экземпляр, то наркотик вполне успешно может подавить его рациональное мышление, в результате чего на свободу вырвется его гениальность. Вот вам идеальный пример - Кольридж. Когда ему случилось принять верное количество лауданума, он создал в мечтах Кубла Хан, одно из наивысших сокровищ нашей словесности.

Но почему поэма не завершена? Да потому что человек от Порлока явился к нему по делу, и вернул его в нормальное состояние, так что Кольридж забыл все, кроме нескольких строчек.

Сходным образом мы видим, как Герберт Спенсер принимал морфий каждый день своей жизни, десятилетие за десятилетием. Без морфия он был бы всего лишь ворчливым инвалидом, целиком озабоченным болью своего тела. А с морфием он был гением, чья философия подвела итог мысли XIX столетия.

Но Лу и я обладали врожденным влечением к романтике и приключениям. Одного экстаза первой любви было бы довольно чтобы мы переросли самих себя, а действие наркотиков только усиливало и одухотворяло это чувство.

Атмосфера Капри вкупе с гениальной способностью Феккльза препятствовать всякому вмешательству в наши удовольствия, превратили наши первые две недели

на острове в бесконечный транс неземной красоты.

Фекклз не давал нам скучать, но притом никогда не докучал. Он снял с наших плеч всякую заботу и устраивал экскурсии к Анакапри, на виллу Тиберия и в различные гроты. Пару раз он порекомендовал нам дикие ночи Неаполя, и мы бесчинствовали в особо утонченных притонах разврата, которыми изобилует этот город.

Ничто не становилось для нас сюрпризом, ничто не повергало в шок. Каждый житейский инцидент извлекал отдельную ноту по ходу неопишуемой симфонии.

Он знакомил нас с экстравагантнейшими персонажами. Возил нас по самым таинственным кварталам. Но все, что происходило, лишь вплетало ткани опьянения в гобелен любви.

Мы участвовали в абсурднейших авантюрах. И даже когда они оборачивались с обыденной точки зрения разочарованием, само разочарование, казалось, предавало остроты всей шутке.

Мы не могли не быть благодарны этому человеку за его заботу о нашей безопасности. Мы наведывались во множество мест, где невинный турист считается законной добычей; и его живописный Итальянский отгонял многих, так сказать, спортсменов. Даже в отеле он целую неделю оспаривал счет у управляющего, и заставил-таки его принять цифру значительно ниже той, которую он лелеял в своих мечтах.

Конечно, большую часть времени у него отнимало наблюдение за человеком, которого он выслеживал; и он постоянно развлекал нас донесениями о том, как движется это дело.

- Если мне удастся повернуть все как следует, мне будет вас во век не отблагодарить, - заявил он. - Это означает поворотный пункт в моей официальной карьере. Я честно признаюсь вам, что они не принимали меня всерьез, из-за одного-двух допущенных мною просчетов. Но если эта пташка окажется у меня в мешке, они не смогут мне отказать, чтобы я у них ни попросил, .

В то же время было ясно, что он испытывает неподдельный дружеский интерес к своим "влюбленным птичкам", как он нас называл. Сам-то он однажды испытал в любви глубокое разочарование и отошел от этих дел. Но к счастью это не испортило его натуру, и ему доставляло настоящее удовольствие видеть людей, чье счастье столь идеально.

Единственное, говорил он, что его немного беспокоит, так это то, что он никак не может выйти на людей, владеющих "Жареным Котом", крайне возбуждающим и опасным ночным клубом, где допускались удовольствия в своем роде столь эзотерические, что никакое другое место в Европе не могло идти с ним в сравнение.

ГЛАВА IX. THE GATTO FRITTO

(ЖАРЕННЫЙ КОТ - ит.)

Где-то к концу третьей недели, как я узнал из Дневника Лу (сам я потерял всякое представление о времени), Фекклз явился с победным блеском в глазах.

- Я связался с кем нужно, - сообщил он, - но считаю, что обязан вас честно предупредить - "Гатто Фритто" - довольно опасное место. Я готов взять вас туда, если вы будете в маске и с пистолетом в кармане; но я никак не могу допустить по совести, чтобы с нами пошла и леди Пендрагон.

Я принял столько кокаина, что едва понимал, о чем он говорит. Легче всего было выразить согласие кивком головы и наблюдать, как сражаются облака за объятия солнца.

Я ставил на большого белого слона на горизонте. Там были еще две черные кобры и фиолетовый бегемот, которые выступали против него; но я ничем не мог помочь. С такими великолепными бивнями он должен был бы их одолеть; и при одном взгляде на его ножищи было ясно, что старое солнце не имеет ни единого

шанса и пропадет, как собака. Не понимаю, как люди не чувствуют и могут не волноваться, когда происходит такого рода битва. И на что, в таком случае, рефери?

Лу складывающаяся перспектива донельзя разозлила ситуация. Она начала визгливо протестовать: дескать она тоже обязательно пойдет в "Гатто Фритто", а если не пойдет, то сама наловит котов, зажарит их и заставит меня съесть!

Не помню, как долго она скандалила. Слушать ее было полнейшее наслаждение. Я то знал, что это значит, как только мы сможем избавиться от этой свиньи Фекклза.

Пропади все пропадом, а в медовый месяц третий лишний!

Тогда Фекклз обратился за поддержкой ко мне с подобием увечного, беспомощного протеста, умоляя меня проявить настойчивость.

Я ответил ему: "Фекклз, старина, ты парень, что надо. Ты всегда мне нравился в школе; и я никогда не забуду того, что ты сделал для меня за эти последние тридцать или сорок лет на Капри, и если уж Ллойд Джордж может доверить тебе поимку подлеца, за которым ты охотишься, то почему я не могу доверить тебе познакомить нас с развлечениями в "Жареном Коте"?"

Лу захлопала в ладоши, визжа от восторга, однако Фекклз сказал: "Ладно, тогда все в порядке. Но это очень серьезное предприятие. В таком настроении вы на него не пойдете. Туда надо идти очень тихо, на трезвую голову, и открыться только когда прозвучат слова "Через край"".

Мы сделали вид, что сосредоточились, чтобы ему угодить, но я не мог все же до конца закрыть глаза на тот факт, что я, похоже, проигрываю свои деньги, потому что белый слон взял и превратился во вполне ординарного зебу или брахманскую корову, или в лучшем случае во двугорбого верблюда или Бактрианского дромадера, то есть наконец в животное полностью неподходящее по своей натуре, чтобы выигрывать деньги тем осмотрительным людям, которые на него поставили.

Взволнованный этим обстоятельством я едва ли был в состоянии понять природу предложений, излагаемых выступившим с докладом Высокочтимым Братом Фекклзом, Действительным Заместителем Главного Генерального Секретаря.

Но вчерне они сводились к следующему: следовало запереть все наши бумаги и драгоценности, оставив лишь немного мелочи, ради предосторожности, а Фекклз прибудет как условлено, с маскарадными костюмами неополитанских рыбаков для меня и Лу. Мы не должны брать с собой ничего, кроме револьверов каждый, и опять же небольшого количества мелочи, после наступления темноты следует проскользнуть с террасы отеля так, чтобы нас никто не заметил, к катеру, который доставит нас в Сорренто; там нас будет ждать автомобиль, который привезет нас в Неаполь около часа ночи, и тогда уже мы пойдем в питейное заведение "Fauno Ebbrio" ("*Пьяный Фавн*" - *ит.*), и как только набережная обезлюдует, он подберет нас и отведет прямо в "Жареный Кот", и там мы в первый раз сможем узнать каква эта жизнь на самом деле.

Я назвал это вполне правильной, достойной, здоровой программой. Ведь долг каждого Англичанина - узнать без каких-либо помех для собственного бизнеса как можно больше о загранице. Сведения этого рода всегда пригодятся на случай еще одной европейской войны. Ведь знанием именно таких вещей Фекклз и был обязан тем положением, которое он занимал в Секретной Службе, будучи доверенным конфидентом тех таинственных разведок, что оберегают благосостояние нашей возлюбленной державы.

Благодарю вас, на этом можно завершить развлекательную программу на сегодня.

Именно это я хотел сказать Фекклзу. Он всегда инстинктивно понимал, когда его присутствие становилось нежелательно. Поэтому сразу же после того, как мы пришли к предварительным договоренностям, он поспешно принес извинения, поскольку долг требовал его присутствия на вилле, где остановилась его жертва, так как надо было установить диктофон в комнате, где тот собирался обедать.

Таким образом Лу была в моем распоряжении вплоть до завтрашнего дня, когда он явится с маскарадными костюмами. И я не собирался терять ни минуты.

Признаюсь, я чувствовал себя паршиво от того, как подвело меня белое облако. Я бы погнался за этим глупым старым солнцем и сам, не будь я женат.

Как бы то ни было, мы были одни, одни навсегда, Лу и я, на Капри, и все

это было слишком здорово, чтобы в это поверить! Свет солнца и свет луны, и свет звезд! Все они читались в ее глазах. И с каким вызывающим жестом она вручила мне кокаин! Я знал, что значит быть сумасшедшим. Я мог превосходно понять, отчего глупые шуты, которые не лишены рассудка, боятся его потерять. Я и сам был таким, пока не знал ничего лучшего.

Этот паршивый народишко измеряет мир на свой аршин. Он затерян в необъятных просторах Вселенной, и в следствии этого боится всего, чему случается превзойти его собственные пределы.

Мы с Лу отбросили в сторону жалкие мерилы человечества. Подобные вещи хороши только для ученых мужей и портных; но мы одним прыжком отождествили себя со Вселенной. Мы были также несоизмеримы, как отношение окружности к ее диаметру. Мы были столь же выдуманы и нереальны с их точки зрения, как квадратный корень из минус единицы.

Человечество не имело никакого права нас судить. Ошибкой было уже рассматривать нас как простых бесперых двуногих. Возможно мы и выглядели человеческими существами в их глазах; присылали же они нам счета и все прочее, как будто мы и в самом деле были людьми.

Но я отказываюсь отвечать за ошибки посредственных животных. Я потакаю им в их заблуждениях, потому что они - лунатики, а лунатикам не надо противоречить. От этого, однако, очень далеко до признания, что за их галлюцинациями стоит какая-либо фактическая основа.

Я бывал в их дурацком мире здравого смысла где-то миллион лет тому назад, когда меня еще звали Питер Пендрагон.

Но зачем вспоминать болезненное прошлое? Разумеется сильными не становятся за одну минуту. Возьмем к примеру орла. Кто он такой, пока пребывает в яйце? Ничто, всего лишь яйцо с возможностями. И вы не ждете, что вылупившись из яйца он в первый же день слетает на Нептун и обратно. Ведь не ждете!

Но день ото дня, во всех отношениях, он становится лучше и лучше. И если я когда-нибудь шлепнусь и вспомню о своем происхождении от раздвоенной редиски, все, что мне будет нужно - это поцелуй из уст Лу или понюшка кокаина, чтобы вернуться туда, где мой дом родной - в Рай.

Не смогу вам ничего рассказать о последующих двадцати четырех часах. Достаточно будет сказать, что все мировые рекорды были побиты, и еще раз побиты. И мы дышали просто как пара голодных волков, когда появился Фекклз со своими косттюмами и пистолетами!

Он повторил прежние инструкции, присовокупив к ним почти отеческий совет, сказанный весьма доверительным тоном.

- Я знаю, что вы меня простите; я ни на секунду не ставлю под сомнение вашу абсолютную способность постоять за себя, но вы никогда раньше в этих местах не бывали, и не должны ни на миг не забывать о резком и бурном нраве обитателей итальянского Юга. Он подобен внезапному шквалу, которого так опасаются рыбаки. Часто это просто выплеск эмоций и выглядит страшно только со стороны, но вам следует держаться подальше от любых ссор. В "Пьяном Фавне" может быть полно пьяных хулиганов. Сядьте у двери; и если кто-нибудь начнет приставать, тихонько улизните и гуляйте, пока все не прекратится. Вам ни к чему связываться с полицией.

Мне была очевидна мудрость его указаний, хотя с другой стороны, лично сам я не прочь был подраться. Единственной мухой в аптечном настое медового месяца, пусть я этого и не замечал, было как раз некоторое отсутствие возбуждения от азартной игры со смертью, к которому меня приучила война.

Достаточно было мимолетного напоминания об этих диких страстях - ссоры двух лодочников, бранящегося по пустяковому поводу туриста, - чтобы кровь ударила мне в голову. Я только и хотел, что законного предлога для умерщвления нескольких сотен человек.

Но природа мудра и снисходительна, и мне всегда удавалось избавиться от этого с помощью Лу. Тяга к убийству и тяга к сексу нераздельно связаны в нашем прошлом. Все, чего цивилизации удалось добиться, так это научить нас притворяться, будто мы этого не замечаем.

План стартовал без малейшей заминки. Наша комната выходила на террасу, погруженную в густую тень. Вряд ли в отеле мог быть кто-нибудь еще, учитывая время года. Небольшой ряд ступенек, сбоку от террасы, вывел нас под арку,

увитую виноградной лозой, а затем - на ослиную тропу, которая на Капри считается дорогой.

Никто не обратил на нас никакого внимания. Прогуливались влюбленные парочки, ватаги крестьян, на ходу поющие под гитару, да двое-трое счастливых рыбаков, плетущихся домой из винной лавки.

Мы нашли катер на причале, и тотчас впали в восторженное состояние. Нам показалось, что и минуты не прошло, а мы уже очутились в Сорренто, где уселись в поджидавший нас громадный родстер. Без единого слова мы тронулись с места на предельной скорости. Красота этого маршрута общеизвестная; и все-таки:

- We were the first that ever burst
Into that silent sea.

Мир был сотворен заново ради нас. Он возник в виде калейдоскопических фантазмогорий восхитительных звуков, картин и запахов; и все они казались простыми украшениями для нашей любви, обрамлением для бриллианта нашей сверкающей страсти.

Даже те несколько миль на въезде в Неаполь, где дорога проходит через унылые, омраченные торгашеским духом пригороды, приняли новый вид. Это были простые очертания зданий на фоне неба. Но нам они каким-то образом напомнили выщербленный контур партитуры Дебюсси.

Но все эти красоты, какими бы изысканными и захватывающими они ни были, содержали в себе нечто поверхностное. На дне наших сердец, вот где бурлило и вздымалось добела раскаленное озеро расплавленного inferнального металла.

Мы еще не знали, какие ужасные, чудовищные гадости поджидают нас в "Гатто Фритто".

Я установил, что действие наркотиков частично стирает свежие пласты памяти. Ими же достигается сходный результат и в плане морали, только еще более эффективный. Труды бесчисленных поколений, потраченные на эволюцию, оказались загублены в один месяц. Мы все еще сохраняли до некоторой степени условности приличия; но мы понимали, что это с нашей стороны только искусное обезьянничание.

Мы вернулись к горилле. Любой акт похоти или насилия казался всего лишь естественным способом выплеснуть нашу энергию!

Мы ничего друг другу об этом не говорили. Оно было, воистину глубиннее и темнее всего, что может быть передано членораздельной речью.

Ну да, человек отличается от низших животных, и прежде всего в вопросе языка. Использование языка вынуждает оценивать свои мысли. Вот почему великие философы и мистики, те, кто имеют дело с представлениями, которые не могут быть выражены в каких-то терминах, постоянно вынуждены употреблять негативные прилагательные или одергивать разум, формулируя свои мысли в виде серии противоречивых заявлений. В этом объяснение "Символа Веры" Афанасия Великого, чьи пункты озадачивают этого человека.

Для понимания божественного, нужно быть божественным самому.

Но в равной степени верно и обратное. Страсти преисподней находят выход только в шумном безумстве скотства.

Автомобиль затормозил в конце грязной улочки, где и притаился "Пьяный Фавн". Водитель указал на полосу света, что зигзагом исходила от него, бросая зловещий отблеск на противоположную стену.

В дверях стояла нахальная черноволосая девица в короткой юбке, с кричащей шалью на плечах и золотыми сережками в ушах. Мы были немного пьяны от быстрой езды, наркотиков и всего остального - ровно настолько, чтобы сознавать, что это - часть нашей политики, казаться чуточку пьянее, чем мы были на самом деле.

Мы прошли к двери, шатаясь и вертя головами из стороны в сторону. Мы уселись за столик и заказали выпивку. Нам подали одну из тех гнусных итальянских подделок под ликер, что на вкус отдают шампунем.

Но вместо тошноты это пойло вызвало у нас восторг, мы наслаждались им, как одним из условий нашей игры. Одетые под неополитанскую чернь, мы с головой ушли в нашу роль.

Мы влили огненную жижу себе в глотку, будто это был "Курвуазье `65". Напиток подействовал на нас с удивительной быстротой. Он словно выпустил наружу роящийся караван тех муравьев, что прогрызают себе дорогу сквозь

джунгли бытия, он подействовал точно серная кислота, выплеснутая на женское лицо.

В притоне не было часов, а свои мы, конечно, оставили у себя в номере. Мы стали выказывать легкое нетерпение. Мы не могли припомнить, говорил ли нам Фекклз или нет, насколько он задержится. В зале было душно. В этом месте толпился самый отъявленный сброд Неаполя. Одни несли обезьянью тарабарщину, другие сами себе распевали пьяные песни; а некоторые обменивались бесстыдными ласками; кое-кто был уже погружен в скотский ступор.

Среди последних был большой и сильный громила, который неким образом привлек наше внимание.

Мы думали, что ничем не рискуем, разговаривая по-английски; и, насколько я помню, мы вынуждены были беседовать во весь голос. Лу заявила, что этот человек - тоже англичанин.

На первый взгляд он явно спал; но когда, наконец, оторвал от стола свою голову, то вытянул ручищи и потребовал выпить по-итальянски.

Он осушил свой стакан одним глотком, после чего неожиданно подошел к нашему столу и обратился к нам по-английски.

Мы моментально распознали по акценту, что изначально этот тип был более или менее джентльменом, но его лицо и голос рассказывали долгую историю падения. Должно быть он катился под откос много лет - давно достиг дна, и открыл для себя, что там ему живется легче всего.

На свой скотский манер он нам симпатизировал: он предостерег нас, что наши маски могут стать источником опасности; любой видит нас насквозь, и сам факт, что мы их надели, мог быстро вызвать подозрение в неополитанской башке.

Он заказал еще спиртного, и выпил за Короля и Державу с некой угрюмой гордостью за свое происхождение. Он напоминал мне опустившегося англичанина, описанного Киплингом.

- Да не бойтесь вы, - успокоил он Лу. - Я не допущу, чтобы вас здесь обидели. Такой-то персик? Только не наложите от страха в штаны!

Это замечание повергло меня в безумный гнев. Пусть этот тип проваливается к черту!

Он мгновенно это заметил, и зловеще ухмыльнулся с жутким смешком.

- Все в порядке, мистер, - сказал он. - Никто не хотел никого обижать, - и, обняв Лу своей лапой за шею, попытался ее поцеловать.

Секунду спустя я был на ногах и двинул его правой в челюсть. Удар сбил его со скамьи и он растянулся на полу.

Мгновенно поднялся шум. Все мои бывшие боевые инстинкты тотчас прорвались на поверхность. Мне тотчас же стало ясно, что мы накануне того самого скандала, которого нам столь мудро советовал избегать Фекклз.

Целая толпа - мужчины и женщины - повскакивали с мест. Они напировали на нас, точно охваченный паникой рогатый скот. Я замахнулся моим револьвером, как кнутом. Волна отхлынула назад, точно бурун, когда он разбивается о скалу.

- Прикрой меня сзади! - крикнул я Лу.

Едва ли она нуждалась в подсказке. В критический момент в ней вспыхнул дух истинной англичанки.

Удерживая толпу стволom и взглядом, мы пробивали себе дорогу к выходу. Один человек поднял стакан и намеревался его бросить, однако *padrone* (*хозяин - ит.*) вынырнул из-за стойки и одним ударом обезоружил его.

Стакан разбился об пол. Атака на нас выродилась в град угроз и воплей. Мы очутились на свежем воздухе, а также в объятиях полдюжины полицейских, которые набегали с обоих концов улицы.

Двое из них прошли в распивочную. Гам затих, словно по волшебству.

И затем мы выяснили, что находимся под арестом. Нас допрашивали на бойком, возбужденном итальянском. Ни я, ни моя возлюбленная не понимали ни слова из того, что они нам говорили.

Из притона вышел сержант. Он показался нам человеком интеллигентным. Он сразу же понял, что мы были англичане.

- Inglese? - поинтересовался он. - Inglese?

И я ответил мощным эхом: "Inglese, Signore Inglese", - будто это улаживало все дело.

Среди англичан на материке распространена иллюзия, что дескать факт английского подданства позволяет им творить, что вздумается. И в этом есть доля правды, потому что обитатели Европы твердо убеждены, что все мы - безобидные сумасшедшие. Поэтому нам и разрешается целый ряд поступков, которые европейцы ни на миг не потерпели бы со стороны предположительно разумной персоны.

В данном случае, я почти не сомневаюсь, что будь мы в подобающей нам одежде, нас бы вежливо проводили до гостиницы, или посадили бы в автомобиль без дальнейшего шума, кроме, возможно, нескольких поверхностных вопросов, с целью произвести впечатление на подчиненных сержанту людей.

Но поскольку все было не так, он недоверчиво покачал головой.

- *Arme vietate* (оружие запрещено), - произнес он торжественно, указывая на револьверы, которые все еще находились в наших руках.

Я попытался объяснить ему суть приключения на ломаном итальянском. Лу вела себя куда более благоразумно, воспринимая всю эту историю, как глупую шутку, и исходя пронзительным истерическим хохотом.

Что до меня, то кровь моя кипела. Я не собирался терпеть вздор от этих проклятых итальянцев. Несмотря на кровь римлян, которая является законной гордостью их древнейших фамилий, мы всегда как-то уже инстинктивно думаем об итальянце, как о черномазом.

Нет, мы не называем их "дагос" или "уопс", как это делают в Соединенных Штатах, добавляя неизменный эпитет "грязный"; но чувствуем тоже самое.

Я начал задирать сержанта; и этого, конечно, было вполне достаточно, чтобы нарушить равновесие в игре не в нашу пользу.

Нас скрутили. Сержант сказал отрывистым тоном, что нам следует пройти в комиссариат.

Два порыва боролись во мне. Первый - это перестрелять их как собак, и скрыться; а второй - уподобиться заблудившемуся ребенку, и пожелать, чтобы появился Фекклз и вытащил нас из этой неприятности.

Итак, нас увели в полицейский участок и бросили в разные камеры.

Даже и не пытаюсь описать ту кипящую ярость, что не давала мне заснуть всю ночь. Любые попытки соседей проявить сочувствие отвергались мною с обидой и раздражением. По-моему они инстинктивно догадались, что я попал в беду не по своей вине, и спешили по-своему грубовато проявить доброту к незнакомцу.

Наихудшим в этом деле было то, что нас обыскали и отняли нашу опору, дорогую бутылочку с золотым верхом! С ее помощью я мог бы легко привести себя в состояние, когда все это показалось бы смешным, как это уже случалось так часто раньше; и в первый раз я познал жуткий спазм сердца, который вызывает воздержание.

И это был пока только намек на дальнейший кошмар. Во мне было достаточно вещества, чтобы продержаться какое-то время. Но даже при таком положении вещей, состояние было довольно скверное.

Я чувствовал полнейшую беспомощность. Я начал раскаиваться, что отвергал попытки сокамерников пойти мне навстречу. Я приблизился к ним и пояснил, что я "*Signor Inglese*" у которого "*molto danaro*" (*много денег - ит.*); и если кто-нибудь сделает одолжение и угостит меня щепоткой кокаина (это я показал жестом), то он не останется без благодарности, и это не просто слова.

Меня сразу же поняли. Они сочувственно посмеялись, прекрасно понимая, что это за случай. Но, как обычно бывает, никто не ухитрился протащить что-нибудь в камеру. Не оставалось ничего другого, кроме как дожидаться утра. Я лежал на скамье, ощущая себя жертвой все более и более острого раздражения.

Часы проходили, точно шествие наследников Банко перед глазами Макбета; и голос во мне продолжал повторять: "Макбета умертвил сон, Макбет больше никогда не будет спать!"

Я испытывал жуткое тревожное ощущение, словно меня выследил некий невидимый враг. Меня обуял совершенно беспричинный гнев на Фекклза, как если бы это по его вине, а не по моей собственной, я попал в этот переплет.

Вы можете считать это странным, но я так и ни разу не подумал о Лу. Мне было все равно, страдает она или нет. Мой ум всецело занимали только мои

личные физиологические ощущения.

Сразу по прибытии комиссара, меня проводили к нему. Похоже, они решили, что наше дело представляет важность.

Лу уже находилась в кабинете. Комиссар по-английски не говорил, и переводчик в эту самую минуту был также недоступен. Она выглядела абсолютно несчастной.

Удобств, чтобы привести в порядок свой туалет, у них не имелось, и при свете дня наш маскарад выглядел смехотворно.

Волосы Лу спутались и были грязны. Цвет лица был желтоватый, с вкраплениями нездоровой красноты. Глаза мутные, налитые кровью. Под ними появились темно-фиолетовые круги.

Меня крайне разозлил ее непривлекательный вид. Уже потом мне в первый раз вдруг открылось, что я и сам, наверное, не похож на Принца Уэльского в День Дерби!

Комиссар был коротенький субъект с бычьей шеей; очевидно выскочка из народной массы. Соответственно он обладал преувеличенным чувством своего значения.

Он говорил с нами почти грубо, и явно презирал нашу неспособность понимать его язык.

Что до меня, то боевой дух покинул меня полностью. Все, на что я был годен, это назвать наши имена тоном школьника, вызванного к директору и апеллировать к "Consule Inglese".

Клерк комиссара похоже всполошился, услышав, кто мы такие, и заговорил со своим начальником быстрым приглушенным голосом. Нам попросили написать наши имена на бумаге.

Мы показалось, что мы выберемся отсюда со всеми приличиями. Я был уверен, что "Сэр" не может не подействовать, а "Кавалер Креста Виктории, Рыцарь Британской Империи" вряд ли не произведут впечатления.

Я ни капли не сноб; но я был искренне рад, что в кой веки раз, являюсь важной персоной.

Клерк с бумагой выбежал из кабинета. Он тут же вернулся, весь сияя, и предложил вниманию комиссара одну из утренних газет, проводя пальцем по строчкам со сдерживаемым восторгом.

Мой дух воспрянул. Какой-нибудь параграф светской хроники явно подтверждал нашу личность.

Манеры комиссара сразу же изменились. Его новый тон не был совсем уж дружелюбным и сочувственным, но я приписал это его плебейскому происхождению.

Он что-то сказал насчет "Consule", и направил нас в приемную. Клерк показал, что нам придется ждать здесь - сомнений не было - прибытия консула.

Прошло не больше получаса; но он показался вечностью. Нам с Лу нечего было сказать друг другу. Мы только и чувствовали, что невыносимое желание поскорее убраться от этих дряных людишек, снова попасть в "Калигулу", принять ванну, съесть обед. Но прежде всего - успокоить свои нервы доброй и крепкой дозой героина и несколькими щедрыми порциями кокаина.

ГЛАВА X. МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ ЛОПНУЛ

Мы поняли, что наши беда позади, когда в приемную продефелировал высокий, загорелый джентльмен во фланелевом костюме.

Мы инстинктивно вскочили на ноги, но он не обратил на нас никакого внимания, только взглянул краем глаза и скривил свой рот в курьезном компромиссе между улыбкой и знаком вопроса.

Клерк с поклонами проводил его в кабинет. А мы все ждали и ждали. Мне было совершенно непонятно, о чем они могли там разбираться так долго.

Но вот, наконец, солдат у дверей поманил и нас. Вице-консул сидел на софе в отдалении. Склонив голову на бок, он бросал пронизательные пристальные взгляды, и настойчиво кусал ноготь большого пальца, словно находился в состоянии крайне нервной растерянности.

На меня нахлынуло чувство полнейшего унижения. То был преходящий, лихорадочный всплеск, но после него я стал еще слабее.

Комиссар развернулся в своем кресле к нашему спасителю, и что-то сказал, что очевидно означало: "Пожалуйста открыть огонь".

- Я - здешний вице-консул, - начал тот. - И, как я понимаю, вы настаиваете, что вас зовут Сэр Питер и Леди Пендрагон.

- Они самые, - мой ответ был жалкой попыткой казаться небрежно-развязным.

- Не сомневаюсь, что вы меня простите, - промолвил вице-консул, - если я скажу, что на взгляд среднего итальянского чиновника вы не совсем подходите для этой роли. Паспорта у вас с собой?

Уже одно присутствие английского джентльмена возымело положительный эффект и помогло мне взять себя в руки.

Я сказал, с большей, чем прежде, уверенностью, что наш агент организовал нам показ в Неаполе некоторых зрелищ, о которых обычный турист ничего не знает, и в порядке избежания возможного беспокойства, он же порекомендовал нам надеть этот маскарад - и так далее, вплоть до того, чем закончилась эта история.

Вице-консул улыбнулся - снисходительно, как мне показалось.

- Признаться, кое-какой опыт у нас имеется, - произнес он неспешно, - когда молодые люди, наподобие вас, попадают в разного рода неприятности. Нельзя ожидать от каждого знания всех хитростей; и кроме того, если я правильно понимаю, вы совершаете свадебное путешествие.

Я подтвердил этот факт с несколько смущенной улыбкой. Мне пришло в голову, что парочки молодоженов традиционно были предметом беззлых насмешек со стороны людей в менее блаженном положении.

- Совершенно верно, - ответил вице-консул. - Сам я не женат, но несомненно это весьма впечатляет. Кстати, как вам понравилось в Норвегии?

- В Норвегии? - переспросил я, полностью изумленный.

- Ну да, - повторил он. - Как вам понравилось в Норвегии; климат, селедка, тамошние люди, ее фьорды и глетчеры?

Тут должно быть закралась какая-то большущая ошибка.

- Норвегия? - повторил я не своим голосом.

Я был на грани истерики.

- Я ни разу в жизни не бывал в этих местах. И если это что-то вроде Неаполя, то я не желаю их видеть!

- Это гораздо более серьезное дело, чем вы думаете, - парировал консул.

- Если вы не в Норвегии, то где же вы?

- Как это где, я - здесь, черт побери, - огрызнулся я с очередной слабой вспышкой гнева.

- Позвольте спросить, с каких пор? - прозвучало в ответ.

Тут он меня и поймал. Я понятия не имел, как долго я не был в Англии. Даже на пари я не смог бы ему назвать, какой сегодня день или месяц.

Меня выручила Лу.

- Завтра будет ровно три недели, как мы покинули Париж, - сказала она достаточно определенно, несмотря на слабый и утомленный тон ее голоса, в глубине которого были слышны раздражение и страдание. Я с трудом признал в нем те богатые и глубокие оттенки, которые пленили мое сердце, когда она декламировала свою превосходную "Литанию" в "Курящем Псе".

- Мы провели здесь два дня, - продолжила она, - в отеле "Музео-Палас". После чего остановились в "Калигуле" на Капри; и наша одежда, паспорта, деньги и все остальное находится там.

Я не мог не обрадоваться той легкости, с какой она вышла из критического положения; ее практичный здравый смысл, ее память на детали, что так важно в делах, пускай мужской темперамент и рассматривает их как необходимое неудобство.

Все эти качества абсолютно необходимы в случае бюрократической неразберихи.

- Вы совсем не знаете по-итальянски? - спросил консул.

- Всего несколько слов, - призналась Лу. - Правда, знание Сэром Питером французского и латыни помогают ему улавливать смысл того, о чем пишут в газетах.

- Хорошо, - сказал консул, томно вставая, - так получилось, что именно в этом суть дела.

- Я понимаю главные слова, - ответил я, - а вот с причастиями у меня неважно.

- Тогда, возможно, я избавлю вас от лишних трудов, если я предложу вашему вниманию вольный перевод одной заметки в этой утренней газете.

Он протянул руку, взял ее у комиссара и приступил к чтению, бегло, но ровно, выговаривая фразы.

- Англия всегда впереди, если речь идет о романтике и приключениях. Знаменитый ас, Сэр Питер Пендрагон, Кавалер Креста Виктории, Рыцарь Британской Империи, недавно взволновавший Лондон своей внезапной женитьбой на ведущей светской красавице, мисс Луиз Лейлигэм, нисколько не намерен проводить свадебное путешествие каким-либо общепринятым путем, как и следовало ожидать от джентльмена со столь отважным и склонным к приключениям характером. Он пригласил свою невесту провести сезон занимаясь скалолазанием без проводника на Йостедадь Браэ, самом большом леднике Норвегии.

Я мог видеть, что комиссар буквально сверлит дыры в моей душе своими глазами. Что до меня, то я был совершенно сбит с толку бесцельной фальшивостью этой заметки.

- Но, Боже правый! - воскликнул я. - Ведь все это полнейший вздор.

- Извините, - произнес консул немного мрачно. - Я не дочитал до конца.

- Прошу прощения, сэр - ответил я учтиво.

- Этими фактами, а также легким внешним сходством с Сэром Питером и Леди Пендрагон, воспользовались двое хорошо известных международных мошенников. Выдавая себя за чету молодых аристократов, последние появились в Неаполе и его окрестностях, где их жертвами уже успели стать несколько торговцев.

Он бросил газету, убрал руки за спину и строго посмотрел мне в глаза.

Я был не в силах встретить его взгляд. Обвинение было таким абсурдным, уродливым, таким неожиданным! Я чувствовал, что вина читается в каждой черточке моего лица.

С запинкой я изрек какое-то слабенькое, но бурное опровержение. У Лу слух был по-прежнему лучше моего.

- Но, помилуйте, это нелепо, - возразила она. - Пусть пошлют за нашим агентом. Он знает Сэра Питера со школьной скамьи. Вся эта история позорна и отвратительна. Не понимаю, как только газетам позволяют такие вещи.

Консул, кажется, сомневался, как ему поступить. Он нервно поигрывал цепочкой своих часов.

Я упал на стул, и отметил, что они не предложили нам сесть, когда мы вошли - и вдруг вся сцена перестала занимать мой мозг. Я не сознавал ничего, кроме страстной жажды наркотиков. Мне хотелось их физически, как не хотелось до сих пор ничего в жизни. Но и умственно мне их тоже хотелось. Они, и только они, прояснили бы мой разум от этого смятения, и указали бы мне выход из этой дрянной ситуации. Более всего мне хотелось их морально. У меня не доставало духа выстоять под этим внезапным шквалом ураганного огня.

Однако Лу держалась бойко. Она сохраняла мужество, хотя я и мог видеть, что она почти теряет сознание под гнетом различных обстоятельств.

- Пошлите за нашим курьером, Гектором Лярошем, - настаивала она.

Консул пожал плечами.

- Но где его взять?

- Как это где, - удивилась Лу, - да он должно быть ищет нас по всему городу. Когда он попал в "Пьяный Фавн" и обнаружил, что нас там нет, и услышал, что произошло, он наверняка очень встревожился за нас.

- В самом деле, мне непонятно, почему он сейчас не здесь, - заметил консул. - Ведь он должен был узнать, что вас арестовали.

- Быть может с ним что-то случилось, - предположила Лу. - Правда, это было бы совсем уже странное совпадение.

- Да, такие вещи случаются, - согласился консул.

Похоже ему было несколько легче общаться с ней, чем со мной, и расположен он к ней был явно лучше. Ее магнетическая красота и очевидный аристократизм не могли не возыметь своего эффекта.

Я любовался ею со стороны безмерно, и совсем иначе, чем прежде. Я и не

подозревал, что она способна выходить из положения с таким самообладанием.

- Не хотите ли вы присесть? - предложил консул. - Уверен, что вы сильно устали.

Он подал ей стул, и снова занял свое место на софе.

- Как-то нескладно получается, - вернулся он к теме, - видите ли, я не очень-то верю всему, что печатают газеты. И в этой ситуации есть несколько пунктов, которые и вы сами, похоже, не понимаете. И я не могу не отметить, что ваше неведение относительно их, производит весьма благоприятное впечатление.

Он помешкал, кусая губу, и вытянул шею.

- Дело очень трудное, - наконец продолжил он. - И те его факты, что на поверхности, выглядят без сомнения паршиво. Вас поймали переодетыми в одном из наихудших мест Неаполя, и вы действительно держали в руках оружие, которое strengst verboden (*строго запрещено - нем.*), как говорят в Германии. С другой стороны то, как вы себя ведете, выставляет вас такими, извините за прямину выражения, дураками, что это не вызывает сомнения в вашей невиновности; ну и то, что вы британцы, - тут он дружелюбно улыбнулся, - также несомненно, и мне думается, что я обязан сделать для вас все, что смогу. Прошу извинить, но мне нужно побеседовать с моим здешним другом.

Лу обернулась ко мне с триумфальной улыбкой; одной из ее бывших гордых улыбок, если только не считать того, что она была, если можно так выразиться, выжата из сердца в несказанной агонии.

А комиссар, тем временем, размахивал руками и орал на консула, который отвечал с похожей живостью языка, сохраняя однако свою непреодолимую апатичность.

Затем их разговор резко прекратился. Оба поднялись.

- Я все это уладил с моим здешним другом, ведь у него большой опыт работы с нахальными британскими туристами. Вы пройдете со мною в консульство под охраной двух его людей, - он снова улыбнулся, теперь саркастически, - из опасений, что вы снова попадете в беду. Вы можете получить назад все свои вещи, за исключением револьверов, ношение которых запрещено.

Как мало понимал он, какой всплеск радости вызвали в нас последние слова!

- Я пошлю с вами на Капри одного из моих клерков, - сказал консул. - Вы получите ваши паспорта и деньги, и все необходимое, после чего сразу же возвратитесь ко мне, чтобы привести дела в полный порядок.

Мы получили наши вещи у сержанта, и принесли извинения за минутную отлучку.

Черт возьми, как же мы этого хотели!

Пятью минутами позже мы снова почти стали самими собой. Все случившееся виделось нам грандиозной забавой, так что бодрость нашего духа передалась и сопровождающему. Он приписал ее, несомненно, перспективе избавления от неприятностей.

Лу всю дорогу тархтела о нашей жизни в Лондоне, а я рассказал историю, убрав лишь "снежную" тему нашего романтического бегства, и консул оттаял совершенно. Наша уверенность успокоила и его.

Мы пожали друг другу руки посреди всеобщего радушного смеха, и отправились под присмотром чрезвычайно деловитого итальянца, который хорошо говорил по-английски.

Успев на катер до Капри, имея избыток свободного времени, мы развлекали помощника нашего консула разными забавными анекдотами. Тот был очень доволен, что с ним общаются на такой дружеской ноге.

Мы поднимались на Пьяццу в фуникулере с ощущением почти что парения над землей. Нам чертовски не повезло, но через пять минут этому придет конец. И несмотря на экзальтацию, я дал зарок, что больше ни за что не совершу подобную глупость.

Конечно было ясно, что случилось с Фекклзом. Каким-то образом он не сумел узнать о нашем аресте, и дожидается, томимый тревогой и нетерпением, нашего возвращения в отеле.

В то же время, было несколько смешно среди бела дня требовать у портье ключ в таких нарядах.

Я не совсем понял неподдельное удивление в его глазах. Дело тут было не

просто в одежде - я почувствовал это задницей. Тут же явился и управляющий, он кланялся и расшаркивался, точно обезьяна. Похоже, он утратил свое самообладание. Поток приветственных слов катился по очень каменистому дну.

Я не мог толком уловить, что, собственно, он говорит. Но смысл последней фразы был понят мной без ошибок.

- Я в таком восторге, что вы переменяли решение, Сэр Питер, однако я и не верил, что Капри можно покинуть так скоро! Капри, наш прекрасный Капри!

Что за вздор болтает этот малый? Изменил решение? Все, чего я хотел, это переменить одежду.

Клерк сделал несколько быстрых пояснений на итальянском, и я чуть было не упал, наблюдая за лицом управляющего, когда он поднял глаза и увидел двух типов, явно детективов, застывших в дверях.

- Я не понимаю, - сказал он с внезапной тревогой. - Я совсем ничего не понимаю, - и ринулся к своему столу.

- Где наш агент? - воскликнула Лу. - Он должен все объяснить.

Управляющий напыжился изо всех сил.

- Ваша милость несомненно правы, - вымолвил он.

Но вежливый оборот речи не мог скрыть тот факт, что управляющий напоминал человека, который неожиданно провалился через люк-ловушку в подвал, утыканный чем-то острым.

- Тут какая-то ошибка, - добавил он. - Позвольте, я выясню.

Он обратился к барышне за столом по-итальянски. Та, покопавшись в выдвижном ящике, извлекла оттуда телеграмму.

Управляющий вручил ее мне. Она была адресована Лярошу.

"Срочный дел обязн выхатъ Рим ночью. Плати счет весчи жду Музео-Палас Неаплъ во-врем помать дненой поезд. Пендрагон".

Большая часть слов была с ошибками; но смысл был достаточно ясен. Должно быть кто-то решил нас разыграть. Заметка в газете, по всей вероятности, также была частью этого замысла. Поэтому я предположил, что Лярош находится в Неаполе, в отеле, недоумевая, почему мы не показываемся.

- Но где же наш багаж? - воскликнула Лу.

- Как где, - ответил управляющий. - Агент Вашей Милости оплатил счет, как положено. Лакеи помогли ему упаковать вещи, и он только-только успел на утренний катер.

- Но в каком часу это произошло? - не отставала Лу, тщательно перечитывая телеграмму.

Она пришла через несколько минут после того, как мы покинули отель.

Барышня передала нам еще одну телеграмму, и на этот раз ее адресатом был управляющий. "Сэр Питр и Леди Пендрагом выржат сви сожаления покиду так вензапно и всегда будут имет самы теплы восоминания счастливых ременах в Калигуле и ндеются врнутса по возмостии ранше. Агент дудет заботса о деталях".

Внезапно меня осенило, что во всей этой фантастической околесице имеется только один лоскуток правды. Наш агент позаботился о деталях с эффективностью, достойной лучших традиций его профессии.

Тоже самое открылось и Лу, словно человеку, занятому решением шахматной задачи. Ее лицо сделалось абсолютно белым от холодной и сосредоточенной ярости.

- Видимо он наблюдал за нами и в Париже, - тихо рассуждала она. - Видимо он узнал, что мы потратили деньги, которые должны были вложить в его аферу, и твердо решил, что лучшим для него ходом будет заполучить драгоценности и остаток наличных.

Внезапно она присела, съехала и начала плакать. Плач перерос в бурную истерику, настолько обеспокоившую управляющего, что он счел необходимым послать за доктором.

Кучка лакеев и постояльцев собрались в вестибюле отеля. Героем момента стал наружный швейцар.

- Как же, конечно, - провозгласил он триумфально на ломаном английском.

- Мистер Лярош отбыл этим утром на семичасовом катере. Я думать, что вам его никогда не поймать.

События недавних нескольких часов изнурили меня так, что исчерпалось и второе дыхание. Я повернулся к клерку консула, и заговорил. Но голос исходил

не от меня, казалось это говорит засевающий во мне зверь; тот изначальный Пендрагон, если вы понимаете, что я имею в виду; существо со слепыми инстинктами и автоматическим аппаратом мышления.

- Вы видите, дело плохо, - услышал я себя. - Паспортов нет, денег нет, вещей нет - ничего нет!

Я говорил о себе автоматически в третьем лице. Процесс человеческой жизни и деятельности целиком остановился, по крайней мере в этом отеле. Кучка бормочущих сплетников напоминала рой moskitov.

Помощнику консула ситуация была достаточно ясна; но я заметил возросшую подозрительность со стороны детективов. У них руки чесались арестовать меня на месте.

Помощник яростно спорил с ними немыслимое количество времени, утонув в нескончаемом потоке слов. Похоже неудобнее всех на Капри чувствовал себя управляющий. Он возносил безмолвные протесты небесам - на земле его все равно никто не слушал.

Ситуация стронулась с мертвой точки по возвращении Лу, которую вела под руку горничная в сопровождении доктора, который шел с видом человека, встретившегося с Королем Страхов и выбившего из него всю дурь.

Состояние Лу было в высшей степени неустойчиво, она поочередно то бледнела, то заливалась краской. Я ненавижу ее. Ведь это она меня ввергла в такой скандал.

- Ладно, - заявил помощник консула, - мы просто должны вернуться в консульство и объяснить, что произошло. Не убивайтесь, Леди Пендрагон, - добавил он. - Не может быть сомнений, что этого типа поймают уже через несколько часов, и вы получите назад все ваши вещи.

Конечно, я был достаточно вменяем, чтобы видеть, что он не верит ни слову из того, о чем говорит. Пословица "Пошли вора ловить вора" не применима к Италии. Вот если бы вор был достоин кражи, это была бы совсем иная история.

В тот вечер катера в Неаполь больше не было. Нам ничего не оставалось, кроме как ждать до утра. Управляющий был настроен до крайности сочувственно. Он раздобыл для нас кое-что из одежды, и даже если это было и не совсем то, к чему мы привыкли, то по крайней мере лучше того ужаса, что был надет на нас. Он заказал особый обед с большим количеством шампанского, и велел подать его в наилучшем номере отеля.

Инстинктивный такт итальянца подсказал ему, что не стоит помещать нас в наши прежние комнаты.

Время от времени он заглядывал и бодро справлялся, как мы себя чувствуем, заверяя нас, что по телеграфу уже разослано предписание схватить мистера Ляроша Феккльза.

По ходу вечера мы ухитрились изрядно напиться; но веселья в этом не было. Слишком сильным был шок, слишком гнусным разочарование. И, кроме того, обнаружилась полная пропажа того, что было главной движущей силой нашей жизни - нашей любви друг к другу.

Она пропала, словно была упакована в наш багаж. Единственным моментом, доказавшим родство наших страстей, стал момент, когда Лу, практичная во всем, извлекла наши до смешного маленькие запасы героина и кокаина.

- Вот и все, что у нас осталось, - прошептала она с душевной мукой, - до Бог знает каких времен.

Вдобавок нас терзал страх, что и это смогут у нас отнять. Мы были снедаемы тревогой относительно разрешения нашей тяжбы с полицией. Мы даже сомневались, не обернется ли против нас и консул, и не отметет ли наш рассказ, как очередной обман.

Утро выдалось неприятно холодным. Нас била дрожь. Было слишком холодно, и море выглядело беспокойным. Спали мы плохо и беспокойно, терзаемые отвратительными видениями.

До консульства добрались две живые развалины. Но, несмотря ни на что, там нас ожидала небольшая удача. Наш багаж отыскался в одном из отелей Сорренто. Все, что можно было продать, включая запас наркотиков, изобретательный мистер Феккльз, разумеется, увел.

Хоть по крайней мере у нас снова были паспорта и кое-что из одежды; да и сам факт находки багажа подтверждал наши показания.

Консул был крайне отзывчив, снова пошел вместе с нами к комиссару, который довольно великодушно отпустил нас с миром, очевидно еще более убежденный, чем прежде, что все англичане - безумцы, и если уж нам приспичит еще раз путешествовать, то делать это следует в детском манежике.

Понадобилось три дня, чтобы из Англии пришли телеграфом деньги. Бродить по Неаполю было крайне унизительно. Нам казалось, что на нас показывают пальцем, как на комический дуэт из очень низкопробного фильма.

Мы заняли довольно денег, чтобы на них можно было существовать, и уж конечно мы видели им только одно применение. Мы сидели в номере маленького отеля, где редко бывали англичане, и выползали оттуда только по ночам, пытаясь купить наркотики.

Это была мрачная и зловещая эпопея. Нас постоянно сопровождал так называемый гид низайшего класса. Утомленные духом, мы волочились из одной грязной и сомнительной улочки в другую; вступали шепотом в долгие переговоры с наиболее отвратительными представителями человеческой расы, и через раз покупали безвредную пудру по вопиющей цене, рискуя стать жертвами шантажа, а то и чего-нибудь похуже.

Но потребность в снадобье неумолимо тянула нас дальше. Наконец нам повстречался честный поставщик, и у него мы получили запас настоящего порошка. Но даже и тогда нам, похоже, не стало лучше. Большие дозы вернули нас к нашему нормальному, то есть пред-наркотическому состоянию. Мы стали напоминать Европу после войны.

Лучшее и худшее, что нам удалось - полностью возненавидеть себя, друг друга, Неаполь и жизнь в целом.

Дух авантюры умер - он был мертв, как и его предшественник, дух Любви. Нам едва достало мужества, после очень хорошего ланча в "Гамбринусе", принять решение полностью сменить эту чертову атмосферу.

Мы льнули друг к другу, точно двое утопающих - вот, чем стала наша любовь. Мы пожали руки, дав обет вернуться в Англию, и сделать это как можно быстрее.

По-моему, мне не удалось бы сделать и этого. Но снова меня выручила Лу. Мы сели в *veittura* (*вагон - ит.*) и уже там взяли билеты.

Мы возвращались в Лондон, поджав хвосты, но все-таки мы возвращались в Лондон!

* КНИГА ВТОРАЯ. АД *

ГЛАВА I. СТОЛ СКУДЕЕТ

17 августа.

Мы в "Савое". Петушок ушел на встречу со своим адвокатом. Бедный мальчик, он выглядит ужасно плохо. Чувствует позор от того, что его надул этот Фекклз. Но откуда ему было знать?

На самом деле это была моя ошибка. Следовало бы все это предвидеть.

Мне и самой паршиво. В Лондоне страшная жара, гораздо жарче, чем было в Италии. Я хочу уехать и жить в Барли-Грандж. Нет, не надо; вернуться туда, где мы были, вот чего я хочу. Г. осталось пугающе немного. К. полно; только его и хочешь много.

Качество порошка вызывает у меня сомнение. Эффект уже не тот, что был раньше. Сперва все приходило так быстро. Больше не приходит.

Он делает ваш ум очень полным; обнажает подробности, но не заставляет вас думать, говорить и поступать с замечательным осознанием скорости. Я думаю, что мы переутомились, вот в чем дело.

Положим, я намекну Петушку, что нам следует дать отбой на неделю,

восстановить физические силы и потом начать все заново.

С таким же успехом я могу телефонировать Гретель и разжиться большим запасом. Если мы собрались жить в Барли-Грандж, то должны запастись кокаином основательно. Там-то уже не будет никакой возможности его раздобыть; и, кроме того, нужно быть осмотрительными...

Август, будь он неладен! Гретель, конечно, нет в городе - она в Швейцарии, сказал дворецкий. А когда вернется, им неизвестно. Знать бы, когда собирается Парламент...

Петушок вернулся к ланчу с весьма вытянутым лицом. Мистер Вольф отчитал его как следует из-за денег. Что же, он совершенно прав. Мы прожигали жизнь.

Петушок хотел выйти со мной и купить мне украшения, чтобы возместить украденное; но я ему не позволила, ничего, кроме часиков и обручального кольца.

Из-за этого я испытываю жуткое ощущение. Потерять свое обручальное кольцо - дурная примета. Новое мне кажется совсем чужим.

Мы долго обсуждали отсутствие Гретель. Попробовали в одном, потом в другом месте, но там нам ничего не дали. Я пожалела, что Коки не показал им свой диплом.

Газеты отвратительны. Что за дурацкая, в самом деле, пора. В какую не загляни, везде что-нибудь про кокаин. Этот старый дурак, Платт, вступил на тропу войны. Он хочет "возбудить в общественном мнении чувство страшной опасности, которая угрожает мужскому и женскому населению Англии".

Одна из газет полностью поместила его доклад. В нем он утверждает, что это - замысел немцев расквитаться с нами.

Разумеется, я всего лишь женщина и все такое; но даже мне это забавно слышать.

Мы ходили попить чаю с Мэйбел Блэк. Все говорили про наркотики. Кажется их всем не хватает; однако Лорд Лэндсенд только что возвратился из Германии и говорит, что там их купить совсем легко, но никто не хочет.

Значит весь немецкий народ состоит в тихом заговоре, чтобы уничтожить нас? Я никогда особо не прислушивалась ко всем историям об inferнальном коварстве Гуннов.

Мы, впрочем, слышали про подпольные поставки, и, по-моему, их легко можно получить этим путем...

Не знаю, что с нами обоими. Повстречав старую компанию, мы почувствовали себя капельку лучше, и возомнили, что будем сейчас отмечать это событие.

Ничего не вышло.

Обед был чудесный, но затем случилась ужасная вещь - самая ужасная за всю мою жизнь. Петушок пожелал пойти в театр! Ударьте меня по голове кочергой, разрешаю. Я его больше не привлекаю, а я так сильно его люблю!

Он подошел к кассе, справиться насчет билетов и, пока его не было - что само по себе действительно ужасно - я обнаружила, что просто повторяю себе: "Я так сильно его люблю".

Любовь умерла. И все же это неправда. Ведь люблю же я его всем сердцем и душой; и все равно, почему-то я не могу. Я хочу быть способной любить, пока не приду в себя. О, ради чего надо об этом говорить!

Я знаю, что люблю его, и все же я знаю, что я никого не могу любить.

Приняла много-много кокаина. Он притупил мои чувства. Я смогла возомнить, что я его люблю.

Мы сходили на спектакль. Он был ужасно глупый. Я все время думала, как мне хочется любить, и как мне не хватает наркотика, и как мне хочется прекратить его принимать в таких количествах, чтобы снова от него становилось хорошо.

Я не могла чувствовать по-настоящему. Было тупое, слепое чувство дискомфорта. Кроме того, я ужасно нервничала. Как будто я умудрилась попасть в некий капкан; как будто я вошла не в тот дом и не могу из него выбраться. Я не знала, что может оказаться за всеми его дверьми, и осталась совсем одна. Там был и Петушок; но он ничем не мог мне помочь. Я не могла его позвать. Связь между нами порвалась.

И все-таки помимо страха за себя, был еще более глубокий страх за него. Во мне есть нечто, что будет по-прежнему любить его, нечто более глубокое,

чем жизнь, но он со мной предпочитает не разговаривать.

Я просидела весь спектакль, словно в кошмаре. Я льнула к нему в отчаянии; и он, казалось, не понимает ни меня, ни моей потребности. Мы были друг другу чужими.

Мне показалось, что он был в неплохом настроении. Он разговаривал в знакомой манере, легко и с шармом; но каждая улыбка была оскорблением, каждая ласка - ударом ножа.

В "Савой" мы возвратились крайне усталые и издерганные. Целую ночь мы принимали Г. и К.; мы не смогли заснуть и говорили о наркотиках. Наша беседа переросла в долгий спор о том, как их нужно употреблять. Мы догадывались, что делаем что-то неправильно.

Я так гордилась его познаниями в медицине, но и они, похоже, так ничего и не прояснили.

В медицинских книгах, кажется, говорится о так называемой "наркотической девственности". Главное было вернуть ее назад; и, согласно книгам, единственный способ этого достичь - не принимать ничего, причем долгое время.

Питер утверждает, что аппетит и есть то же самое. Если вы съели плотный ланч, трудно ожидать, что вы проголодаетесь к чаю.

Но опять же, чем заниматься в промежутке?

18 Августа

Провалились допоздна. Вроде бы я выспалась, но была чересчур слаба, чтобы встать с постели.

Мы подкрепили себя обычным способом и умудрились спуститься по лестнице к ланчу.

Лондон совершенно пуст и ужасающе скучен. Прогуливаясь по Бонд-Стрит мы случайно столкнулись с Мэйбел Блэк. Она выглядит такой больной, что на нее страшно смотреть. Она слишком сильно одурманивает себя, как я посмотрю. Конечно, ее беда - отсутствие мужа. Вокруг нее столько мужчин... Она могла бы выйти замуж в любой день.

Мы немного об этом поболтали. Не хватает энергии, сказала она, и сама мысль о мужчинах ей отвратительна.

Она носит чудные ботиночки. Чуть ли не каждый день она надевает новую пару, и почти никогда не выходит в них больше двух раз. По--моему, она немного чокнутая...

Почему-то Лондон выглядит по-другому. Бывало, меня занимала каждая забавная деталь. Я хочу прийти в себя. Наркотики почти помогли мне это сделать, но всегда остается маленький поворот, за который они вас никогда не...

19 Августа

Мы воротились с Бонд-Стрит, отупевшие от скуки. Неожиданно для себя мы уснули; а когда проснулись, уже наступило это утро. Не могу понять, отчего такой долгий сон не освежает. Мы оба абсолютно изнурены.

Петушок сказал, что еда пойдет нам на пользу, и велел по телефону подать завтрак нам в постель. Однако, когда его принесли, никто из нас, ни он, ни я не смогли прикоснуться к еде.

Я не забыла, что говорила про духовную жизнь Аидэ. Мы были подготовлены занять место в новом порядке человеческой цивилизации. И совершенно правильно, что каждому следует подвергнуться некоторой доле неудобств. Чего вы еще ожидали? Это естественный способ...

Мы привели себя в норму пятью-шестью приемами героина. Нет смысла принимать кокаин, если вы уже себя не чувствуете довольно хорошо...

Запас и в самом деле ужасающе невелик. Чорт бы побрал эту глупую привычку устраивать праздники. Как некрасиво со стороны Гретель бросить нас вот так.

Мы пошли в кафе "Глициния". Кто-то представил нас кому-то, кто-то сказал, что мог бы достать то, чего мы хотели.

Но обнаружилась уже новое препятствие. Полиция считает, что уделять внимание волне преступности - дело хлопотное и опасное. Потом, они слишком заняты усовершенствованием правил. Англия совсем не та, что до войны. Вы все время не можете понять, где вы находитесь. Никто не интересуется политикой так, как это было раньше, и никому нет больше дела до великих идей.

Меня учили, что Хартия Вольностей и свобода личности, и вообще свобода медленно расширяются от случая к случаю, час от часу и так далее и тому подобное.

Всевозможные вмешательства в гражданские права проходили у нас под носом без нашего ведома. Откуда мне знать, возможно ли носить зеленую шляпку с розовым платьем или это уже криминал.

Что ж, пожалуй и криминал; но мне кажется, что полиции до этого не должно быть никакого дела.

Давеча я прочитала в газете, что народное собрание в Филадельфии порешило, что от юбки до земли должно быть не меньше семи с половиной дюймов - или не больше. Я не знаю сколько, и не знаю почему. Как бы то ни было, в результате цена на кокаин подскочила с одного фунта за унцию до всего, что вы пожелаете заплатить. Поэтому, разумеется, каждый его хочет, нужно ему это или нет, и любому, кроме члена парламента ясно, что если вы предлагаете человеку за вещь цену в двадцать, тридцать раз больше ее стоимости, то он пойдет на любые неприятности, чтобы всучить ее вам.

Ну так вот, наш человек оказался мошенником. Он попытался всучить нам пакетики со снежком в темноте. Он старался помешать Петушку проверить содержимое, делая вид, что опасается полиции.

Но, как обычно, Петушок оказался силен по части химии. Он был не тем человеком, который купит борный порошок по гинее за понюшку. Он заявил торговцу, что скорее примет таблетки Бичема (слабительное - прим.перев.).

За что я Петушка люблю, так это за его остроумную речь. Но по той или иной причине, эти вспышки остроумия не происходят, как бывало - не столь часто, я имею в виду. Кроме того, он, похоже, шутил с самим собой.

Большую частью, я не понимаю смысл его слов. Еще новость - он стал помногу сам с собою разговаривать. Это выглядит отталкивающе.

Я не знаю, почему это случилось. Малейшая вещь раздражает меня до абсурда. Думаю это от того, что каждый инцидент, даже приятные вещи, отвлекают меня от единственно важной мысли - как пополнить запас, уехать в Кент, немного отлежаться и развлечься уже по-настоящему, как нам это удавалось месяц назад.

Я уверена, тогда бы к нам вернулась любовь; а она - единственная вещь, имеющая смысл в этом или следующем из миров.

Я чувствую, что до нее рукой подать; но промахиваюсь на целую милю - от этого еще хуже, когда так близко, и все же - так далеко...

Только что мне в голову пришла очень забавная вещь. В нашем сознании есть нечто, что мешает думать о том, чего тебе не хватает.

Последней глупостью было с нашей стороны рыскать по Лондону за наркотиком, и связаться с дрянными людишками, как это вышло у нас в Неаполе. До сегодняшнего вечера мы и не догадывались, что нам следует, только и всего, проведать Царя Лестригонов. Уж он-то даст то, что нам необходимо, по сходной цене.

Странно, также, что первый об этом подумал Петушок. Мне известно, как ненавистен ему этот человек, хотя он признается в этом только когда бывает вспыльчив, что, как я знаю, абсолютно ничего не значит...

Мы приехали в студию Лама на такси. Вот не везет, он куда-то вышел! Там была девушка, высокая, худая женщина с белым лицом, напоминавшим клин. Мы несколько раз намекнули ей, однако она не поняла и, как ни измучены мы были, мы не стали портить рыночные отношения, прямо сказав ей, что нам нужно.

"Царь должен быть завтра утром", - сообщила она.

Мы ответили, что придем в одиннадцать часов.

Вернулись к себе. Ночь прошла паршиво из-за экономии. Мы не осмеливались признаться друг другу, чего мы на самом деле теперь опасались больше всего на свете - как бы он не отвернулся от нас...

Не могу спать. Петушок тоже лежит с раскрытыми глазами и смотрит на потолок. Он не шевельнет и мускулом. Его безразличие ко мне бесит меня. Но, в конце концов, и он мне не интересен. Я не нахожу себе места, точно Вечный Жид. В тоже самое время я ни на чем не могу сосредоточиться. Вот, царапаю все происходящее себе в дневник. Описывая мои ощущения, я, в известной степени, отделяюсь от них.

А совсем уж отвратительно то, что я вполне понимаю, чем занимаюсь. Этот

путаный, брюзжащий хлам и есть заменитель, занявший место любви?!

Чем я проштрафилась перед любовью? У меня такое ощущение, будто я умерла и брошена в некое жуткое место, где нет ничего, кроме голода и жажды. Все потеряло значение, кроме наркотиков, а они, сами по себе, не дают избавления.

20 Августа

До чего же я устала, устала, устала!...

Мое предостережение насчет Царя подтвердилось. Имела место весьма неприятная сцена. Мы оба были страшно изнурены, когда приехали туда (Я что-то не могу согреть руки и ноги, и с моим почерком также творится что-то неладное).

Питер Пен решил, что будет лучше всего напомнить в шутливой манере сделанное когда-то Ламом замечание, что нам придется к нему обратиться, если возникнет нужда, а потом уже ознакомить его с предметом, в котором мы нуждаемся.

Но он грубо опередил нас, не успели мы и рта раскрыть.

- Ни к чему рассказывать мне, чего вам не хватает, - сказал Царь, - нужда налицо.

Он произнес эти слова уклончиво, так, чтобы нас не обидеть; но мы инстинктивно поняли, что он имеет в виду мозги.

Однако Питер, отчаянный чертенок, не уступил своих позиций. Вот за что я его люблю.

- Ах да, героин, кокаин, - вымолвил Царь. - Очень сожалеем, но на данный момент оными не располагаем.

Изверг, казалось, не сознавал наших страданий. Он разыгрывал перед нами извиняющегося приказчика.

- Но позвольте показать мне наши последние строки про морфий.

Я и Петушок обменялись тусклыми взглядами. Несомненно, морфий был бы лучше, чем ничего. И тогда (как вам это понравится?) зверюга извлекает журнал в голубой обложке из вертящегося книжного шкафа, и зачитывает вслух длинное стихотворение. Настолько драматичны были его интонации, настолько жива нарисованная им картина, что мы сидели, точно замороженные. Словно кто-то запустил в наши внутренности длинные щипцы и выкручивает их. Закончив чтение, Царь отдал стихи мне.

- Вы должны подклеить это, - сказал он, - в ваш Магический Дневник.

Что я и сделала. Сама не знаю зачем. В самоистязании есть некое удовольствие. Не так ли?

Жагда!

Не та, что в глотке

Пусть свирепей и злей

Средь физических мук -

Только она пробила сердце

Христа

Исторгнув единственный дикий крик

"Пить!" за всю Его агонию,

Пока солдаты играли в кости и пьянствовали:

И не та мягкая жагда

Что зовет рабочего к вину;

Не телесная жагда

(Будь неладно ее неистовство)

Когда рот полон песка,

А глаза слиплись, и уши

Морочат душу, пока ей

Не послышится,

Вода, вода рядом,

Когда человек ногти вонзает

Себе в грудь, и пьет свою кровь

Которая уже сгустилась

и свернулась.

Когда солнце - живой дьявол

Изрыгающий блевотину зла,

А ночь и луна лишь потешаются

Над несчастным на голой скале,
И высоко изогнутый купол небес
Как его небо, пересох и безводен,
И пещеры его высохшего сердца
Забиты песком солончаков!
Не она! не внесенная в список
Жажда;
Плоть и дух заодно
Предатели, обернулись черной душой
Ищут место ударить
По жертве, уже настроенной
По одной безмерной тональности раны;
Каждая кость в отдельности
Холодна, воплощение стона,
Что разлит из ледяного семени
Неумолимого червя Геенны;
Каждая капля реки
Крови дрожит и пылает
Отравой тайной и горькой -
Подобно последнему содроганию
Во плоти щербатых кинжалов.
(С глазами, налитыми кровью и тупо-остекленелыми
Вопящий Малаец бредет, спотыкаясь,
Через свой пораженный ужасом поселок).
Так и кровь ввинчивает свою боль
Сардонически сквозь сердце и мозг.
Каждый нерв в отдельности
Не спит, и бдит на кривой
Асимптоте которой "никогда!"
В гиперболическом "навсегда!"
Истерзанный и горящий змей
Стреляет в нее отравой,
Как будто это может утолить
Боль на десятую долю минуты.
Проснись, проснись навсегда!
Проснись, как не может никто
Пока сон - возможный финал,
Очнись в пустоте, в той бездне
Жажда которой есть эхо здешней
Что жертвует, мир без конца,
(Мир без конца, Аминь!)
Человека, который
Сбивается и поддается
На пресловутое "день и час"
На приманку снежно-звездного поля
Где цветет опиумный мак.
Всего лишь укол иглы,
Набранный из скважины чародея!
И этого довольно, чтобы переманить
Душу с небес в ад?
Или дух человека отвык, отучился
Страшиться своих богов и духов
Ради пресмыкания у пристрастия дьявольских стоп?
Неужто так ужасно неравенство сил -
Наследник чудесных веков,
И земного венца на час,
Господин прилива и грома
Против сока цветка?
Эх! в реве и рыке
Всех армий греха
Это единственное сражение
Которое он, как известно, никогда не выигрывал.

Раб этой жажды - не той,
О которой пишу здесь ничтожно,
Не той, что чернеет в мозгу от укусов,
А в душе еще пуще разбитой!
Не смеешь ты думать о худшем!
По ту сторону беснования и клекота
Ад физического желания
Лежит, в онемелом мозге,
На краю времени и пространства,
Бездна, неизмеренная, незапечатанная -
Там ее призрачный лик!
Это Она, она, что отыскала меня
В морфяной медовый месяц;
Шелком и сталью меня сковала,
Погрузив с головой в ядовитое молоко,
Ее руки даже сейчас сжимают меня,
Удушая до потери сознания
Которое все еще - но, О, как редко! -
Приходит при погружении иглы,
Взирает пристально и прямо,
Нет нужды ласкать и манить
Ее раба страхом поцелуя,
Ее ужас переходит в него
Зная, что чрево - гадючья матка,
В крапинках и черную полосу
По ржаво янтарным чешуям,
Там его могила -
Вытягивающая жилы скрипучая дыба
На которой он орет - как он орет!
Купол ее черепа сводчат,
Ее безумные монгольские глаза,
Чей взгляд искривили экстазы
От вещей неприкосновенных, вознесенных
Далеко по ту сторону звезд и небес,
Брызжет янтарем и гагатом -
И нос собачий чует добычу
Мясистый, тяжелый, вульгарный,
Звериный и перебитый,
А под ним - ее рот, что каплет
Кровью с губ
Скрывающих клыки змеи,
Каплет на ядовитое вымя,
На горные склоны, что тревожат
И твой дух болезненно содрогается
При намеке, что худшее еще впереди.
Оля! золотая блесна
В крючках бесконечной боли,
Роковая, фанатичная подруга
Отравленного тела и мозга!
Оля! Имя, что глядит с ухмылкой
Распутного томления и мошенничества,
Шепчет в бесноватые уши
Секретное заклинание своего рабства.
Омерзение и в самом деле сильно,
А соблазн еще сильнее,
Раскачивает на качелях тлеющей кадиланицы
дым чувств одуряющего запаха!
За моей спиной, за спиной, надо мной
Стоит она - зеркало любви.
Нежны ее пальцев суставы;
Ногти полированы и заострены,
И с золотыми шпорами:

Ими она терзает мозг.
Ее похоть холодна, угрожающе;
И бледны ее Китайские щеки,
Когда она изящно поглощает, нечестивая
Устами спрута, и зубами
Черными и истертыми,
Кровь и пульпу с ногтя.
В былые дни для заклатья ее
Одного быстрого укола было довольно:
Она явилась как воплощенная любовь,
В те часы, когда я впервые пробудил ее.
Мало помалу я открыл
Правду о ней, сорвав покровы,
Горестную за пределами всех границ,
Гнусную по ту сторону отвращения.
Черная, эта чума из колодца,
Как видны ее гноящиеся прыщи,
Как кусают зловонные поцелуи
Когда ласкает ее аспид.
Дракон манящий и пугающий,
Тигр похоти и ярости,
Живой в цепях мертвецов,
Живучая слизь среди праха,
Позорно-бесстыдная как пламя,
Оргия выделений брюхатого чрева
Вместе с ненавистью за пределами целей или имен -
Оргазм, смерть, диссолюция!
Знаешь теперь отчего ее глаза
Так страшно сверкают, разглядывая
Ужасы и мерзости
Раскрывающиеся, точно грязные цветы?
Смех, схоронивший покой,
Агония за решеткой печали,
Смерть, лишенная мира,
Не само безумие ли она?
Она поджидает меня, лениво поглядывая,
Пока луна убивает луну;
Луна ее триумфа близится;
Скоро она пожрет меня целиком.
И Вы, Вы - чистоплюи пуритане и прочие,
Кто не познал изнуряющей тяги к морфину,
Вопите от презрения, если я назову вас братьями,
Кривите губу, глядя на ярость маньяка,
Глупцы, семь раз обманутые,
Вам она не знакома? Ладно!
Ей и улыбнуться не надо, чтобы
Разорить вас ко всем чертям!
Морфий всего лишь искра
От того векового огня.
Она же единое солнце -
Прообраз всех желаний!
Все, чем бы вы были, вы есть -
И в этом венец страстного стремления.
Вы рабы звезды Полюнь.
Разум, если осмыслить - безумие
Чувство, на поверку - боль.
Каким блаженством было бы в сем усомниться!
Жизнь - физическая мука, болезнь ума;
И смерть - из нее не выход!
"Оля" также напомнила мне саму себя. Меня посещает болезненное желание
стать непревзойденно жестоким и распутным чудовищем.
Лам говорил мне об этом еще очень давно. Он сказал, что в этом фантазме

заключено мое стремление "возвратиться к прообразу". La nostalgie de la boue. (*ностальгия по мраку - франц.*)

Петушок утратил все свое достоинство. Он вымаливал хотя бы понюшку. На самом деле нам не было до такой степени скверно, однако описание жажды в этой ужасной поэме обострило и нашу жажду.

- Милейший, - произнес Царь грубо, - я не торгую наркотиками. Вы пришли не в ту лавочку.

Петушок повесил свою головку, его глаза стали стеклянными. Но нужда в наркотике толкала его пробовать в отчаянии каждую уловку.

- Черт возьми, - вымолвил он, сколько хватило духа. - Вы же сами подстрекали нас, мол продолжайте.

- Определенно, - признал Царь, - и теперь я подстрекаю вас остановиться.

- Я-то думал, что вы верите в "делай, что тебе нравится"; вы ведь это все время говорили.

- Прошу прощения, - резко парировал Царь. - Я никогда не говорил ничего подобного. Я говорил "Твори, что ты желаешь", и повторяю это еще раз. Но это лошадь несколько иной масти.

- Но нам нужен порошок, - взмолился Питер. - Нужен и все. Зачем вы втянули нас в это дело?

- Зачем, - тонко усмехнулся Царь. - Да потому что моя воля заключается в том, чтобы вы поступали сообразно своей собственной воле.

- Ясно, тогда я хочу порошок.

- Сэр Питер, вы - проницательный психолог, и все же вы не уловили мою мысль. Боюсь, что я ее скверно выразил.

У Петушка все бурлило внутри, однако, он был слаб, на грани обморока и походил на ягненка. Я бы убила Царя Лестригонов, если бы имела для этого средства. Я понимала, что он умышленно истязает нас ради собственного удовольствия.

- О, я понял, - сказал Петушок. - Ведь я забыл, кем вы были. Сколько вы хотите?

Прямое, сделанное в упор оскорбление, не вызвало у меня даже улыбки. Он обратился к высокой девице, которая сидела за столом и корректировала гранки.

- Обратите внимание на характерную реакцию, - сказал он ей, как если бы мы были парой кроликов, подвергнутых им вивисекции. - Они не понимают мою точку зрения. Они неверно цитируют и мои слова, которые слышат от меня при каждой встрече. Они не могут правильно истолковать четыре слова одной-единственной фразы "Твори, что ты желаешь". И, наконец, осознав свою неспособность понять они тотчас же решают, что я должен быть одним из самых грязных негодяев, избежавших петли.

Он снова повернулся к Петушку, слегка кивнув в знак извинения.

- Попробуйте же понять, что я говорю, - произнес он очень серьезно.

Ненависть распирала меня, подозрение переполняло до краев, я была ошеломлена презрением. И все же он вынудил меня почувствовать свою искренность. С гневной яростью я раздавила эту догадку.

- Я поощряю вас принимать наркотики, - продолжил Царь, - в точности, как я поощряю ваши полеты. Наркотики претендуют на власть над каждым человеком.

- Неужто так ужасно неравенство сил -

Наследник чудесных веков,

И земного венца на час,

Господин прилива и грома

Против сока цветка?

Эх! в реве и рыке

Всех армий греха

Это единственное сражение,

Которое он, как известно, никогда не выигрывал.

Дети, вы - цвет нового поколения. Вы не должны ничего бояться. Вы должны покорить себе все. Вам необходимо научиться использовать наркотики, также как ваши предки научились использовать молнию. Вы должны суметь подчинить их собственной воле и использовать их сообразно обстоятельствам.

Он смолк. Острая потребность в наркотике держала Питера настороже. Он следил за доводами Царя с напряженной живостью.

- Верно, - согласился Питер, - и как раз в данный момент звучит команда "продолжать".

Лицо Царя Лестригонов расцвело улыбкой глубокого удовлетворения; и худенькое тело девушки за столом вздрогнуло, точно его приятно пощекотали.

Чутье подсказало мне почему. Она уже слышала похожий аргумент раньше.

- Разумно излагаете, сэр Питер. Это будет хорошо смотреться в широкой рамке, незамысловатой, из красного дерева, пожалуй, над камином.

По той или иной причине этот разговор нас взбодрил. Несмотря на отказ в наркотике, мы оба почувствовали себя намного лучше. Петушок выстрелил крупным калибром.

- То есть, господин Лам, суть вашего учения в том, что каждый человек должен стать абсолютным хозяином своей судьбы.

- Верно, верно, - согласился Учитель с нарочито громким вздохом. - Я ожидал быть побитым в споре. Меня всегда бьют. Однако и я тоже хозяин своей судьбы. "Если Сила вопрошает Зачем, тогда она - Нemoщь", как написано в "Книге Закона"; и судьба не велит мне выдать вам в это утро какие-то наркотики.

- Но вы сталкиваетесь с моей Волей, - возразил Петушок, почти оживившись.

- Мне долго придется объяснять, - парировал Царь, - почему я считаю ваше замечание неверным. Но процитируем "Книгу Закона" еще раз: "Довольно всяческих Потому, что будь они, сволочи, прокляты". Давайте я вам лучше расскажу вместо этого одну историю.

Мы тактично изобразили нетерпение и готовность ее послушать.

- Величайшим альпинистом своего времени был, как вы знаете, покойный Оскар Экенштайн.

Сказав это, он сделал несколько малопонятный и сложный жест; однако я смутно догадалась, что он был как-то связан с церемониалом почитания мертвых.

- Мне крупно посчастливилось быть усыновленным этим человеком; он научил меня лазить по горам, в частности, делать глиссаду. Он заставлял меня съезжать по склону в самых сложных позициях; головой вперед и так далее; и я должен был катиться по льду, не пытаясь себя спасти до его команды, и только тогда, у самого финиша я должен был прийти в себя, и пока он считает до пяти, перейти в положение сидя или стоя, по его выбору, либо свернуть в сторону, либо остановиться. И постепенно его упражнения делались все более опасными. Все это звучит, конечно, довольно непонятно, но, между прочим, он был единственным, кто научился "глиссаде" сам и обучал делать других столь совершенно.

- Как бы то ни было, приобретенная эта способность пригодилась мне еще во многих случаях. Сберегая час времени, порою сберегаешь чью-нибудь жизнь, и мы могли бы нырять с опаснейших склонов, где (в частности) можно напороться на осколок льда, идя на высокой скорости, если бы точно знать, что сможешь затормозить в то самое мгновение, когда заметишь угрозу. Мы могли, вероятно, опуститься на три тысячи футов там, где обычные люди без специальной тренировки спускались бы на веревке шаг за шагом, и, кто знает, рисковали в результате попасть в ураган, застигнутые темнотой.

Больше всего это мне помогло несколько лет назад, когда мне довелось командовать экспедицией в Гималаях. И вот кули побоялись пересекать заснеженный склон, кончавшийся над ужасным обрывом. Я велел им наблюдать за мной, бросился на снег головой вперед, съехал вниз как мешок овса, и вскочил на ноги на самом краю пропасти.

Когда я снова к ним подошел, людишки эти так и стояли, разинув рты от ужаса и изумления. Они последовали за мной через *mauvais pas* (*опасное место - франц.*) ни секунды не колеблясь. Видимо они решили, что все это магия или что-то вроде этого. Неважно что. Но они, по крайней мере, были уверены, что смогут пересечь опасный участок без вреда для себя, ведомые человеком, столь очевидно пользующимся протекцией горных богов.

Петушок стал белый, как смерть. Он с абсолютной ясностью понял суть анекдота. Ему было стыдно как мужчине, что он пребывал во власти слепого

черного влечения. Он не верил, что Царь, на самом деле, рассказывал правду. Он думал, что этот тип рисковал своей жизнью, чтобы только заставить этих кули перейти на другую сторону. Казалось немыслимым, чтобы человек мог обладать такой абсолютной силой и уверенностью. Иными словами, он судил о Царе Лестригонов по себе. А о себе ему было известно, что он не первоклассный летчик. Ему льстило, что он пренебрегал столькими опасностями. Поэтому презрение Царя к тому, что люди именуют героизмом, его взгляд на неоправданный риск, как на простую животную дурость, резануло его точно как удар кнутом. Быть готовым их принять - это да. "Я жизнь свою в булавку не ценю".

Лам не испытывал восторга при виде крысы, загнанной в угол. Сделать себя полноправным хозяином в любом возможном положении - таков был его идеал.

Два или три раза Петушок пытался раскрыть рот; но так и не нашел слов. Царь Лестригонов подошел и взял его за руку.

- Наркотики - это тот самый склон горы перед нами, - сказал он, - и я - хитрый старый Экенштайн, а вы, соответственно, молодой амбициозный Царь. И я команду: "Стоп!", - и когда вы покажете мне, что смогли остановиться, когда возьмете себя в руки, и встанете на скате, смеясь, вот тогда-то я и покажу вам, куда идти дальше.

Какой-то извилиной мозга мы понимали, что человек этот неумолим. Мы ненавидели его той ненавистью, какой слабые всегда ненавидят сильных, но мы были вынуждены его уважать, восхищаться им, и по этой причине он был нам еще более отвратителен.

ГЛАВА II. БАБЬЕ ЛЕТО

Мы ушли в ярости и подавленном настроении, скрипя зубами. Какое-то время прогуливались молча. Неожиданно таксист предложил свои услуги. Мы апатично уселись в его машину, приехали назад к себе и тут же бросились каждый на свою постель. Мысль о ланче вызывала отвращение. Мы были чересчур расстроены и ослаблены, чтобы чем-нибудь заняться. Надежды на разговор не было, мы бы непременно поругались. Я впала в состояние бессонной муки. Мне сжигали мозг воспоминания о визите в студию. Воображение рисовало, как шипит мясо моей души, заклеенное раскаленным добела железом Воли Царя Лестригонов.

Я взяла в руки этот дневник. Записав все подробности, ощутила чувство облегчения.

Меня воспламенила страстная решимость окончательно одолеть Г. и К.; но руки мои были связаны за спиной, ноги закованы в цепи с ядром. Этот зверь не заставит меня остановиться. Мы достанем все, что нам надо, в обход него. Мы не желаем, чтобы с нами обращались, как с детьми; мы достанем, сколько захотим, и будем принимать все время, пусть это нас и погубит.

Конфликт внутри меня бушевал до вечера. Петушок погрузился в сон. Он храпел и стонал. Он походил на арестанта. Вот уже два дня, как он не бреется. Да и у меня самой черные ногти. Все мне кажется липким и клейким. Я не одевалась. Набросила одежду кое-как.

Петушок проснулся к обеду. Мы не могли спуститься вниз в таком виде. Внезапно нас ужалила догадка, что мы вызываем подозрение в этом отеле. Мы испытывали ужасный страх перед разоблачением. Ведь они могут что-нибудь предпринять. И, что хуже всего, мы толком не знаем, чего именно ожидать. И чувствовали такую беспомощность, что едва могли пошевелить пальцем от слабости.

О, найти бы где-нибудь немного!...

Мой Бог! Что за удача! Какая же я дура. В кармане моего дорожного платья должен быть пакетик героина. Мы подползли друг к другу и разделили его содержимое. После длительного воздержания эффект был чудесный.

Петушок взбодрился до свирепости. Отчаянная душевная мука, которую он испытывал, подтолкнула его к быстрым решительным действиям. Он послал за

цирюльником и официантом. Собрать наши вещи явилась горничная. Мы заплатили по счету и оставили тяжелые сундуки в отеле, объяснив внезапный отъезд деловыми причинами. Мы поставили наши чемоданчики в такси и сказали: "Юстон, главная улица".

Петушок остановил одного типа у Кембридж-Цирка.

- Слушай, - прошептал он с нетерпением, - мы хотим какие-нибудь комнаты в Сохо. Во французском или итальянском заведении.

Тип с проблемой справился. Он подыскал нам темную комнатку на первом этаже на Грик-стрит. Хозяйка оказалась вроде как южанкой, с примесью негритянской крови. Ее лицо наводило на мысль, что она именно та женщина, которую мы искали.

Расплатились с таксистом. Петушок очень беспокоился. Он хотел найти человека, чтобы как можно быстрее осуществить наши желания. От нетерпения у него чесалось все тело, но все же он боялся. И вот мы уселись на кровать и начали строить планы.

21 Августа

Не могу ничего припомнить. Должно быть, я незаметно уснула в одежде. Петушка в комнате нет...

Целый вечер он мотался по городу; клубы и тому подобное. Мэйбел Блэк дала ему две порции кокаина; но у нее и самой было шаром покати. С Диком Уикхэмом они наведались в Лаймхаус. Неудачно! Они чуть было не подрались с какими-то моряками...

Мадам Беллини принесла завтрак. Жуткая, плебейская еда. Но нам надо немного поесть; я так ослабла...

Она пришла забрать посуду и прибрать в комнате. Исподволь я спровоцировала ее рассказать о своей жизни. В Англии она вот уже почти тридцать лет. Я кружила вокруг да около интересующего меня предмета. О нем ей было известно немного. Но думает, что сможет помочь. Одна из здешних женщин колется. Она поинтересовалась, сможем ли мы ей заплатить. В самом деле, это довольно забавно. Восемь тысяч годового дохода и одна из красивейших усадеб вблизи Лондона. И в какой-то грязной дыре у нас спрашивают: "Есть ли у нас деньги?!" Спрашивает карга, которая в жизни не видела и соверена, если только не стащила его когда-то у пьяного клиента.

Петушок, кажется, лишился здравого смысла. Он сунул ей в лицо 50 фунтов. Потому что его возмутило ее отношение. Она предпочла заткнуться. Либо думает, что мы полицейские шпики, либо задумала нас ограбить.

Вид наличных денег привел ее в замешательство! Он разрушил ее чувство меры. Мысли о честной сделке оказались выброшены из ее головы. Переменились и ее манеры. Она вышла из комнаты.

Питер велел мне самой сходить к девице-наркоманке. Он никогда раньше так со мной не разговаривал. Всякое половое влечение меж нами давно умерло. Мы пытались развить былую страсть. Получилось фальшиво, уродливо, противно; святотатство и деградация. Почему же так получилось? Ведь снежок усиливал любовь до невозможного. И все-таки я люблю его, как никогда. Мой мальчик. Должно быть, он заболел. Хотела бы я быть не такой усталой. Я о нем, как следует, не забочусь. И не могу думать ни о чем, кроме поисков Г. Похоже я особо и не вспоминаю о К. Мне он никогда особенно не нравился. От него у меня кружилась голова и я чувствовала себя больной.

Теперь у нас нет развлечений. Мы коротаем день в темном и отчаянно скучном сновидении. Я не могу думать ни о чем определенном. Чем больше мне хочется Г., тем меньше я способна мыслить и действовать, как следует, если хочешь получить желаемое.

Петушок вышел, хлопнув дверью. И она снова отворилась.

Я не могу пойти к той женщине вот так просто. Я пишу об этом, пытаюсь удержаться от слез.

Но я уже плачу, только слезы не текут.

Я стала хныкать как одна женщина, виденная мною однажды в больнице.

У меня нет носового платка.

Не могу заставить себя умываться в такой грязной, треснувшей ванне. Мы не захватили мыла. Полотенце запачкано и разорвано. Я должна принять немного героина.

Я только что побывала у Лилли Фицрой. Как могут мужчины давать ей

деньги? У нее седые, грубо окрашенные волосы. Лицо в морщинах, гнилые зубы. Конечно, она была в постели. Я грубо вытряхнула ее, пытаюсь разбудить. Я утратила всякое сочувствие к ближним, люди это видят, и это вредит мне в моей игре. Я должна изображать избыток доброты и нежности, которого во мне было так много; это давало повод окружающим считать меня приятной дурочкой.

Кто-то мне однажды сказал, что в литературе прилагательные портят существительные, так что вы с уверенностью можете вырезать "приятную" прочь.

Впрочем, она все же славная, немолодая, слабохарактерная бедняжка. Употребляет только М. и покупает его уже в виде раствора, готового к инъекции. Лилли заметила, что я пропадаю, и сделала мне укол в бедро. И хотя он не зацепил так, как Г., но остановил наихудшее в моем страдании. Она никогда не встает до чая. Я оставила ей пятерку, в обмен на обещание выяснять вечером у человека, достающего ей морфий, что он может сделать для нас.

Она сделалась весьма нежной в сентиментально-материнском стиле, рассказывала мне историю своей жизни и прочее в том же духе, и, казалось, не могла остановиться. Разумеется, я притворялась заинтересованной, дабы ее не злить. Ведь от этого может зависеть все.

Но самое ужасное, что уходя я позволила ей меня поцеловать. Интересно, стану ли такой же, если не брошу наркотики.

Что за абсолютный вздор! Насколько я могу судить, они наоборот позволяют ей не катиться так быстро в пропасть. Жилось ей, наверное, зверски паршиво. В том, как она вцепилась в пять фунтов - ключ ко всем ее несчастьям; в этом, да еще в ее невежестве относительно всего, кроме грязнейшего разврата и подлейших преступлений.

Морфин явно крепко помог мне. Я вполне пришла в себя. Об этом можно судить по тому, как я делаю эту запись. Моя точка зрения вполне объективна. Ко мне вернулось чувство пропорций. Я могу судить о вещах последовательно, у меня прибавилось физической силы, однако мне снова хочется спать...

Радость! Только что вошел Петушок, и он полон хороших новостей. Он выглядит отлично - ровно, как и чувствует. Он принес пробу от торговца, с которым познакомился в "Глицинии". Абсолютно нормальный продукт. Он ожил за секунду. Они работают вдвоем; человек с товаром и напарник-сторож. Деловые переговоры они проводят в уборной, и если заходит кто-нибудь чужой, торговец исчезает. В случае реальной опасности он избавляется от образца, смывая его бесследно в унитаз. Убыток пустячный; ведь они могут покупать сырье по несколько шиллингов за унцию, и перепродавать его, уж не знаю во сколько раз больше его веса в золоте.

Уж сегодня ночью мы точно не будем грустить!

22 Августа

Адская ночь!

Петушок был на свидании со своим поставщиком, и закупил на 10 фунтов Г. и на 15 К. Но героин оказался совсем не Г., а К. разбавлен до такой степени, что и говорить об этом не стоит.

Какие все же грязные и подлые твари эти люди!...

Как может один человек извлекать выгоду из горестной нужды другого. Во время войны тоже самое было со спекулянтами. Собственно так было всегда.

Я пишу это в турецкой бане. Я больше не в силах выносить этот отвратительный дом. Баня мне очень помогла. Массаж успокоил мои нервы. И после довольно долгого сна одна чашка чая возвратила меня к жизни.

Пыталась читать газету, но каждая строка берedit мою рану. Они, кажется, помешались на наркотиках...

Я считаю, что это и в самом деле вполне естественно. Не забуду, как мой отец однажды пояснил мне, что неравенство благосостояния и всякие злоупотребления в коммерции происходят из-за искусственных ограничений.

Надувательство прошлой ночи сделал возможным великий филантроп Джейбз Платт. Это именно его Дьявольский Наркозакон породил ту самую торговлю, которую он старается подавить. Ведь до сих пор ее не было нигде, кроме его прогнившего воображения.

На меня накатывают внезапные приступы крайней усталости. Наркотик мне бы помог. Все остальное не производит никакого эффекта. Все, что происходит, вызывает у меня желание сделать "вдох носом"; и каждый "вдох носом" влечет

за собой какое-нибудь происшествие. Из клетки нельзя убежать, но вся сложность ситуации заставляет меня... Ну вот, я не могу додумать то, что я начала говорить. Мой разум вдруг остановился. Это как если бы вы уронили сумочку. Вы нагибаетесь, чтобы ее поднять и вещи разлетаются по всей комнате, и всегда кажется, что вы собрали не все, и чего-то не достаёт. Никогда нельзя вспомнить, чего именно; но чувство досады остро. Оно мешается со смутным страхом. Мне и раньше часто случалось забывать вещи - это происходит с каждым, и постоянно, но это никого не беспокоит.

Однако теперь, всякий раз, если припоминаю, будто что-то забыла, я начинаю думать, не Г. ли это, или К., а может смесь их обоих так замутняет мой ум...

Моя память то и дело возвращается к тому американскому негру, которого мы повстречали в Неаполе. Он сказал, что снежок делает людей "ветренными и скептическими". Так причудливо и выразился. Полагаю, что под "скептическим" он подразумевал "подозрительный". По крайней мере, такой я стала. Ветренный - я не могу удержать мысль на предметах, как умела это раньше, кроме, конечно, одной вещи. Но даже она путаная. В мыслях нет ясности. В них боль и страх, и печаль - и зловещий восторг. И каждый, кого я вижу, вызывает у меня подозрение.

Я все гадаю, думают ли они о том, что я употребляю, и не могут ли они сотворить что-нибудь гнусное. Я постоянно жду от людей какого-нибудь грязного подвоха; но это не мания. С той ночи, когда встретила Петушка, я видела и вижу столько мошенничества и подлости, сколько не видела за предшествующую жизнь.

Похоже мы каким-то образом попали в дурное общество. Но и моим старейшим друзьям я тоже не могу доверять, как раньше. Все они одинаковы. Вот я и думаю, не мания ли это? Как ее можно отличить? А ведут они себя странно. Я в нерешительности. Можно ли быть вообще уверенным в чем-то? Нельзя. Чем больше ты об этом думаешь, тем больше убеждаешься, что так оно и есть.

Посмотрите, как подвел нас этот Фекклз. Насколько я могу судить, даже у таких по-настоящему милых женщин, как Гретель и Мэйбел Блэк, могут быть еще те мотивы. Я и себя-то, на самом деле, подозреваю. Да, по-моему, это она.

Я должна идти домой. Надеюсь, Петушок с Божьей помощью где-нибудь что-то нашёл!...

Я столкнулась с Мэйбел Блэк, когда она выходила из Бурлингтонского Пассажа. Она выглядела отлично, сплошные улыбки, очень короткая белая юбка и новая пара ботинок из лакированной кожи почти до колен. Наверно в них ужасно жарко. Она затащила меня попить чаю - чертовски стильное место; там были светильники в розовых абажурах; они отражались на голубом потолке; сочетание создавало самый дивный лиловый цвет.

Мы заняли альков за канареечными шторами и набором невиданно симпатичных подушек. Два плетеных стула и низкий столик дополняли убранство. Нам подали прелестнейший чай в яйцеподобных чашечках и сигареты "Долли" с добавкой розовых лепестков.

Мэйбел говорила со скоростью сто миль в минуту. На ее участке нашли самую ценную нефть - романтического мальчика шестидесяти пяти лет. Он сразу же купил ей нагайку с резной рукояткой из слоновой кости; голова лошади с рубиновыми глазами и золотой уздечкой.

Я спросила у нее, смеясь, это затем, чтобы старик не чудил? Впрочем, по-настоящему она любительница не плеток, а Г. У нее был полный пузырек и она отсыпала мне приличную порцию в конверт.

Первая проба, что за наслаждение! И затем - какие мы все странные! Едва это оказалось в моей сумочке, попало в мою кровь, мой разум начал работать свободно. Противное оцепенение сошло, как при пробуждении от кошмара, в котором вас душили. И тут меня осенила догадка, что совсем, или почти совсем, не героин дал такой эффект. Еще тогда в Неаполе, когда мы снова до него дорвались, он помог нам совсем немного.

Так почему же сегодня по-полудни я перенеслась на небеса? Откуда у меня вдруг взялись крылья?

Ответ пришел также быстро, как и ответ. Это атмосфера самой Мэйбел и ослабление моего беспокойства. И с облегчением пришел разумный страх перед

наркотиком. Я поинтересовалась, не вызывает ли его употребление у Мэйбел неприятностей.

- Без него не заснешь, - призналась она, как будто речь шла о пустяке, - и это время от времени действует мне на нервы.

Ей нужно было бежать, чтобы не пропустить обед со своим красавчиком. А я пошла в свою грязную каморку, и моя радость лилась через край. Петушок валялся на постели в бездонной депрессии. Он не пошевелился даже когда я вошла. Я бросилась к нему и покрыла поцелуями. Его веки распухли и отяжелели, из носа текло.

Я дала ему свой платочек и заставила сесть. Его одежда была смята и, конечно же, он был небрит. Я не смогла противиться искушению подразнить моего милого. Ко мне потоком вернулось мое желание любить. Мне было больно до дрожи, потому что он мне не отвечал. Я сжала боль в своем сердце. Моя кровь бушевала радостью власти. Я держала его в своих руках. Одно крохотное усилие, и он был мой. Мне не хватило выдержки насладиться до конца. Жалость и нежность наполнили мои глаза слезами и я отсыпала ему дозу тускло-белого чародейства.

Он втянул ее в летаргическом оцепенении, словно человек потерявший надежду на жизнь, и все-таки принимающий по привычке свои лекарства. Постепенно он стал отходить, но едва пришел в себя только после третьей дозы.

Я тоже приняла одну, не потому, что мне это было нужно, а чтобы составить ему компанию. Я отправила его побриться и купить свежее белье.

Написание этого дневника наполняет меня причудливым восторгом. Теперь я знаю причину, и это меня слегка возбуждает. Все дело в случайной фразе Царя Лестригонов: "Ваш магический дневник".

Я много флиртвала с Царем, однако все это было по большей части кокетством. Многое в этом мужчине мне не нравится.

Клянусь Юпитером, и я знаю по какой причине. Все от того, что я чувствую, как он презирает меня интеллектуально, и еще потому, что я его уважаю. Несмотря на мою неприязнь, я рвусь показать ему, что, в конце концов, я не такая уж дрянь.

Он заставляет своих учеников вести вот такие магические дневники. Я ощущаю себя участницей соревнований, и, кажется, мне удалось сотворить кое-что поинтереснее того, что делают другие, кто бы они ни были.

А вот и Питер Пен. Он так и не состарился...

Мы роскошно покушали в милом старом кафе. Царь Лестригонов подошел к нашему столику, но произнес всего несколько слов.

- Итак, вы его раздобыли, как я погляжу.

Коки тут же дал ему отпор.

- Чертовски не хочется подорвать вашу репутацию пророка, господин Царь, но вынужденная остановка не есть остановка. Я его раздобыл, как вы сказали, и теперь, с вашего любезного позволения, намерен продемонстрировать, что остановиться мы можем.

Манеры Царя Лестригонов изменились в мгновение ока. Его пренебрежительная усмешка превратилась в веселую зарю.

- Вот это разговор, - одобрил он. - Я рад, что вы уловили идею. Не подумайте, что я пытаюсь вас отвлечь, но если это окажется для вас труднее, чем вы воображали, не сочтите за унижение прийти ко мне! Я и в самом деле могу дать несколько приличных советов.

Я была рада, что Питер принял добрую порцию. Будучи в хорошей форме, он осознал, я полагаю, что дело это серьезное. Мы могли столкнуться с препятствиями.

23 Августа

Что за чудо была эта ночь!

Мы продолжали довольно усердно принимать героин. По моему мнению, кокаин его портит. Наша любовь расцвела так свежо, точно была сотворена заново. Мы впали в безграничное блаженство!

- Проснись, проснись навсегда!

Бодрствуй, как никогда

Пока сон - возможный конец,

Проснись в пустоте, в этой бездне.

Однако проснуться следует не в тех неопикуемых муках души и тела, о которых пишет поэт. У этого спокойствия нет формы. Зато есть любовь! Мы никогда так раньше не любили. Мы оскверняли любовь грубостью тела.

Тело - инструмент бесконечных наслаждений; но возбуждение и желание портят их утонченность. Мы чувствовали каждый свой нерв до тончайшего волокна. Для этого надо прилагать немислимые усилия, чтобы воздержаться от движений.

Под Г. хочется чесаться, и это доставляет бесконечное удовольствие. Но это всего лишь остатки животной потребности.

Немного погодя приходит способность наслаждаться уже одним ощущением, от которого хочется чесаться. Это безличное блаженство совершенно неопикуемо и неопикуемо совершенно.

Мне не по силам измерить величие моего ума, но я могу отметить изменение в целом его характера.

Я пишу эти строки, находясь в состоянии записывающего ангела. Я проживаю в вечности, и временные предметы превратились в докучные и глупые символы. Мои слова - покровы моей истины. Но я испытываю вполне определенный восторг, заполняя сей дневник.

Царь Лестригонов постоянно пребывает в основании моего мозга. Он - Юпитер, и я проистекла из его мысли; Минерва, Богиня Мудрости!

Самые грандиозные в жизни события - это недостойные мелочи. Мои возвышенные понятия так и носятся из никуда в никуда. За моим членораздельным гимном стоит незапятнанное безмолвие.

Я пишу не по какой-либо причине; даже не для себя; это автоматическое действие.

Я - дитя-первенец Царя Лестригонов, рожденный без матери. Я есть эмансипация его сущности.

Целую ночь я лежу не шевельнув и мышцей. Близость моего супруга окончательно дополняет магнетическое поле нашего уединения. Действие, слово и мысль в равной мере упразднены. Элементы моего сознания вовсе не являются мной. Они были лишь искрами, высеченными из наших Сущностей. И обе они были единой Сущностью, что и есть целое. Всякое позитивное выражение этого было при необходимости частичным, неполным и неадекватным. Звезды - это несовершенство Ночи; но по крайней мере эти мысли несоизмеримо быстрее и яснее всего другого, о чем я думала всю мою жизнь.

Если мне когда-нибудь придется очнуться - кажется, этому никогда не суждено произойти - я не смогу разобрать эту запись в дневнике. Она написана не с целью быть разборчивой или с каким-либо другим намерением. Сама идея наличия цели вообще ниже всякого презрения. О таких вещах могут мечтать только человеческие существа.

Как может иметь намерение высшее существо, обитающее в Вечности? Абсолютное, всецелое не может измениться; как же тогда оно может желать перемен? Оно действует в согласии со своей природой; но всякое такое действие не дает никакого эффекта. По существу это иллюзия; и чем глубже проникаешь в свою Сущность, тем меньше такие иллюзии оказывают на тебя влияние.

Пока длилась ночь, мои изысканные эмоции беспокоили меня все меньше и меньше. Я чувствовала, что в восхищении растворяюсь в отсутствии вмешательства в безмятежность моей души...

Думаю, эта запись напомнила мне о том, что я почитала за реальность. Пора было выйти к ланчу. Роскошная летаргия казалась мне непреодолимой...

Нет, это не голод; скорее привычка. Некий инстинкт, нечто темное и непристойное - память затаившегося животного побуждает вас подняться и выйти. Уклониться от этого можно приняв три или четыре малые дозы в быстрой последовательности. К. подошел бы лучше, но у нас его нет совсем.

1 Сентября

Столетие пролетело за столетием! Эти грязные апартаменты оказались Эдемом без Змея. Мы жили в невинном Неведении; без трудов, без мыслей. Мы даже не ели, ничего, кроме легких завтраков, которые приносила хозяйка.

Мы ее, между прочим, напугали. Она не может или не хочет доставать нам ни Г., ни К. А девушка-морфинистка пропала.

Я не уверена, да это и неважно, но по-моему домохозяйка - я никак не

запомню как зовут эту бабу; она напоминает мне о наших ужасных днях в Неаполе - рассказала нам, что эта морфинистка своровала в магазине кое-какие вещи и угодила в тюрьму. Это большая неприятность, потому что из-за нее мне пришлось одеться и навестить Мэйбел. На мою удачу она оказалась дома и у нее было полно того, что я хотела.

Наверное мы очень быстро увеличиваем дозу; но в этом я не вполне уверена, так как мы за этим не следим, да и за днями тоже. Считать вещи - какое презренное занятие! Чувствуешь себя таким униженным. Разница между духом и материей конечно же в этом. Быть ограниченным - это скотство!

Петушок соглашается со мной на этот счет. Он считает, что я сочиняю в некотором роде чудесные штуки. Но как только дело доходит до обыденных дел, мы то и... все время ссоримся. Цапаемся из-за ничего. Причина очевидна.

Потребность в разговоре разрушает симфонию тишины. Нестерпимо, когда тебя прерывают; а тебя перебивают, даже попросив передать сигарету.

Я не собиралась больше беспокоить себя походами в город, поэтому я заставила Мэйбел отдать мне все, чего ей не жалко. Она пообщила достать еще немного и прислать это к следующему воскресению...

Нам обоим нездоровится. Возможно эта темная, грязная комната с ее дурной атмосферой и уличный грохот действуют мне на нервы.

Мы могли бы уехать в Барли Грандж, но это чересчур хлопотно. Кроме того, этим можно разбить чары нашего счастья. Это нас обоих немного пугает.

Однажды такое уже было, и мы совсем не хотим рисковать. Нужно быть умелым рулевым, чтобы держаться избранного курса. Например, однажды вечером мы приняли слишком много, и этим довели себя до тошноты. Потребовалось три, а то и четыре часа, чтобы выйти, и это был абсолютный Ад. Временами в моем сердце поселяется страх. Конечно прекрасно, что у Питера есть познания в медицине. Он сходил и принес немного стрихнина, и с его помощью привел меня в порядок.

Шампанское изрядно содействует Г. Но вы не должны пить его залпом. Его нужно пить медленно, глоточками - в этом все дело. Это помогает вам шевелить руками. Мы отправили мальчика, и теперь у нас есть три дюжины маленьких бутылочек.

5 Сентября

Этот мир - свинья. И он сует свое рыло, куда его не просят. Мы исчерпали кредит в банке. Коки был вынужден написать мистеру Вольфу.

- Когда же это кончится! - восклицал он. - Дело доходит до ругани в Храме Божьем!

Отблеск былого Питера Пена!

8 Сентября

Хозяйка говорит, что сегодня вторник, а у нас осталась до ужаса мало денег. Почему люди не сдерживают обещаний? Я уверена, что Мэйбел сказала: "В воскресенье".

ГЛАВА III. СКРИП ТОРМОЗОВ

9 Сентября

У нас с Питером произошла долгая, омерзительная ссора, и мне пришлось потаскать его за волосы. Из-за этого я сломала себе ноготь. Я отрачивала их слишком долго. Не помню, когда последний раз делала себе маникюр.

По какой-то причине, они были сухими и ломкими. Я должна была привести их в порядок. Я послала на улицу мальчика, но мне не по душе мысль о том, что сюда заявится какая-то странная девица. Никогда не знаешь, что может произойти не так. На самом деле, это неважно. Тело просто невыносимо, и оно болит.

- Так и кровь ввинчивает свою боль

Сардонически сквозь сердце и мозг.

Я начала ненавидеть эту ужасную поэму. Она преследовала меня. Не понимаю, почему я должна ее вспоминать все время?

"Читала ли я ее?" - задавала я себе вопрос в изумлении. Или, наверное,

это следствие невероятного прилива интеллектуальной мощи, вызванного героином, освежило мою память. В любом случае, сам факт того, что в моем мозгу всплывали эти странные фрагменты, напоминал золотую рыбку, выскакивающую из воды и снова ныряющую посреди струящихся морских водорослей.

Ах да, моя ссора с Петушком. Он заявил, что мы не должны рисковать, стоя одной ногой в судебном деле; и я обязана пойти и выпросить новый запас у Мэйбел до того, как мы останемся совершенно на мели. Я не могу закрыть глаза на то, как Петушок морально деградирует. Ему следует стыдиться самого себя. Вместо того, чтобы перекладывать все на мои плечи, он должен был сам установить надежные контакты для того, чтобы нас регулярно обеспечивали порошком.

А Питер, абсолютно бесполезный, валяется все время на кровати. Он не мылся или брился в течение месяца, а ведь прекрасно знает, что я не переношу грязь и нечистоплотность. Среди всего прочего меня больше всего привлекало в нем то, какой он опрятный, ухоженный и живой. Он целиком изменился с того момента, как мы приехали в Лондон. Я чувствовала, что на него что-то плохо влияет...

Это место кишит вшами. Я обнаружила, что меня так раздражало. Полагаю, мне надо коротко подстричься. Я ужасно горжусь длиной своих волос, но надо быть практичной...

Немного полежала. Собираться, чтобы выйти наружу, такая чудовищная мука! Петушок придирался и постоянно ворчал.

Я вся оконечела. Умывание и одевание кажутся такой тратой времени, а кроме того еще раздражает постороннее вмешательство. Моя одежда выглядела просто ужасно. Я в ней спала. Хотела бы я, чтобы мы взяли с собой несколько чемоданов из "Савоя". Нет, не хочу, это вызвало бы массу неприятностей, и нарушило наш героиновый медовый месяц.

Лучше, чтобы все оставалось, как есть. Здесь не хватает, тем не менее, Жаклин. Мне нужна служанка, и она могла бы выйти и принести все эти вещи. Но мы оба чувствовали, что присутствие постороннего стало бы костью в горле. Старуха нас не беспокоила, хвала всевышнему. Я уверена, она все еще считает нас шпионами. Боже, а это что еще здесь валяется?....

Черт возьми! Это же письмо от Бэзиля!

(Примеч. - оригинал этого письма уничтожен. Оно печатается с копии из документов Мистера Кинга Лама. - Ред.).

- ДОРОГАЯ БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ ЛУ - Твори, что ты желаешь, да будет то Законом. Вы, убежден, простите меня, что я побеспокою вас письмом; но вы же знаете, насколько я чудаковат, а моя настоящая мания состоит в сборе информации о психологии людей, пытающихся продвинуться духовно тем путем, о котором мы говорили, когда вы так очаровательно осветили, подобно заре, на днях мою студию.

Находите ли вы, в особенности, что есть какая-либо трудность в том, чтобы объявить привал? Если так, то, возможно, причина не в том, что вы слышите со всех сторон - особенно от людей достаточно невежественных в предмете, таких как журналисты, врачи и попугаи - дескать в действительности это сделать невозможно? Разумеется, я не сомневаюсь, что вы немедленно убьете любое такое "пагубное предположение" контр-предположением. Оно, исходя из опыта, основано на моем позитивном утверждении, что люди сильного характера и высокого интеллекта, как вы и сэр Питер - которому, пожалуйста, передайте мои самые сердечные пожелания! - могут всегда прекрасно использовать эти вещества умеренно, как вы используете мыло.

Однако, помимо этого, не находите ли вы, что жизнь "Героини" делает вас чересчур "внушаемой"?

Как вы знаете, я решительно возражаю против методов Куэ и Бодуина. Они просят нас умышленно отвергнуть свободную волю и очистить менталитет для полугипнотического состояния средневекового крестьянина; вернуться назад как "свинья, которую помыли для того, чтобы она вновь валялась в грязи", из которой нас вытащила эволюция.

А сейчас, молю вас, воздержитесь от вальса с Другом Героя и не позволяйте Снеговикам повергнуть вас в состояние сознания, чересчур мечтательное и иллюзорное, чтобы сопротивляться воздействию любой навязчивой

идеи, которая явит себя ему с достаточной силой. Оно слишком мертво, чтобы чувствовать желание сопротивляться, но при этом настолько восторженно, что его в состоянии пленить восхищение перед любой подкупающе сильной личностью.

Я буду очень рад услышать вашу точку зрения по этим вопросам; и, само собой, подтвердить мою теорию, что такие люди, как вы и Сэр Питер, могут использовать эти вещества с пользой для себя и остальных, без опасности стать рабами. Я учил себя и многих других останавливаться, благодаря Воле; но каждое дополнительное свидетельство о действии этих веществ представляет для меня в моей работе большую ценность, дабы уничтожить трусливое суеверие, благодаря которому мужчины и женщины неспособны правильно и грамотно использовать по своему желанию все, что сотворила природа. Мы же приручили, помимо прочего, дикую молнию; неужели мы убежим прочь от пакетика порошка?

Любовь - Закон, любовь подчиняется воле.

Мои наилучшие пожелания Сэру Питеру,

Всегда Ваш,

БЭЗИЛЬ КИНГ ЛАМ.

Сатирическая, насмешливая глупость - или же он воплощение дьявола, как об этом нам рассказывала Гретель? Злорадствует ли он? Я не выношу зверя - и я подумала - однажды - ладно, не обращайтесь внимания! Питер взял это письмо. Что угодно, что угодно, только бы отвлечь его ум от скуки! И пока у нас по-прежнему нет энергии что-либо делать, мы берем все, что приходит к нам, и хватаемся за это, как за соломинку. "Это правда, - сказал Петушок к моему изумлению, - и мы должны оказаться в состоянии рассказать ему то, чего мы достигли". Затем последовала продолжительная ссора, как и после любого другого подобного инцидента. Вполне естественно, с этой бесконечной бессонницей и отходом ко сну в неправильное время. Я ненавидела Питера (и Ц.Л.) еще больше, так как понимала, что он все время прав. Если Ц.Л. - Сатана, то тогда нам по силам посмеяться последними. Я порвала это дьявольское письмо в клочки. Питер вышел - я надеюсь, что он ушел убивать его. Я хотела затрепетать от радости - просто еще один раз - если бы даже мне пришлось из-за этого повеситься.

Наши часы остановились. Не имеет значения. Я могу позвонить Мэйбел в любое время, когда захочу. Может быть я сделаю это сейчас. Выпью маленькую бутылочку и сделаю...

Уже вечер. Петушок не возвратился. Вот когда он мне нужен больше всего! Я страшилась самой себя. Я уже совсем трезва, как стеклышко. Я подошла к зеркалу, чтобы снять мою шляпку. Я не знала, кто передо мной. Мое лицо сделалось бесплотным. Цвет со щек полностью сошел. Волосы стали сухими и безжизненными, и лезли целыми пучками. Я полагаю, что возможно больна. Я почти решила послать за доктором. Но не отважилась. Какой ужас!...

Я должна собраться с силами и все записать.

Было около пяти часов, когда я добралась до Маунт Стрит. Если Мэйбел нет, тогда я могу подождать.

Дверь открыл незнакомец. Это испугало меня. Я почувствовала себя ужасно. Почему она сменила Картрайта? Я чуть не упала в обморок. Кажется, он мне что-то сказал?

В замешательстве я спросила: "Мисс Блэк дома?" Человек ответил так, словно отвечал на этот вопрос постоянно.

- Мисс Блэк умерла.

Что-то внутри меня вскрикнуло. "Но я должна встретиться с ней", - вскричала я, чувствуя, как земля неожиданно уходит у меня из-под ног.

- Я боюсь, что это невозможно, - сказал он, совершенно меня не понимая. - Ее похоронили вчера утром.

Так вот почему она не послала нам посылку с порошком! Я стояла, словно находилась в трансе. Я воспринимала его объяснения механически. Я не могла осмыслить то, что он говорил. Это была как пластинка, поставленная на граммофон.

- Она болела только два дня, - сказал человек. - Врачи называют это септической пневмонией.

Я предполагаю, что поблагодарила его, и автоматически ушла прочь. Я обнаружила себя дома, не понимая, как я сюда добралась. Что-то сказало мне, что настоящей причиной ее смерти был героин, хотя, в реальной

действительности, септическая пневмония может случиться с каждым в любой момент. Я знавала двух или трех людей, тоже отправившихся из-за этого на тот свет.

Как говаривал мой дядя Джон, совесть нас всех сделала трусами.

Царь Лестригонов всегда утверждал, что пока у человека остаются эмоции по отношению к каким-либо вещам, любовь или страх или что-нибудь еще, то он не может смотреть на них корректно. Вот почему врач не будет лечить свою собственную семью, и я хладнокровно и ясно сознавала, словно утопающая, что как только идея о Г. проявляется в моем сознании, я начинаю впадать в истерику и приходиться к самым идиотским заключениям. Героин сам наслаивается в моей жизни столь плотно, что все соприкасается с ним так или иначе.

Мое сознание одержимо мыслями о наркотике. Иногда это причудливый экстаз, иногда кошмарные опасения.

Раб этой жажды - не той,
О которой пишу здесь ничтожно,
Не той, что чернеет в мозгу от укусов,
А в душе еще пуще разбитой!
Не смеешь ты думать о худшем!
По ту сторону беснования и клекота
Ад физического желания
Лежит, в онемелом мозге,
На краю времени и пространства,
Бездна, неизмеренная, незапечатанная -
Там ее призрачный лик!

12 Сентября

Питер появился сразу же, как только я закончила писать этот отчет. Он казался гораздо более бодрым и держал в руках множество книг.

- Вот, - произнес он, вываливая все на кровать, - это освежит мою память в том случае, если у нас будут неприятности после прекращения приема. Я покажу господину Царю Лестригонов, что значит быть Пендрагоном.

Я сказала ему о Мэйбел. И тут произошла странная вещь. Вместо того, чтобы впасть в депрессию, мы ощутили поток загадочного возбуждения - сначала легкую дрожь, а затем энергия начала бушевать и реветь в каждой нервной клетке. Будто мысль о ее смерти оживила нас. Впервые он меня обнял - за многие недели или месяцы? Его горячее дыхание обвилось как змея вокруг моего уха, и вспушило мои волосы словно электрическая машина. С ужасающей напряженностью его голос, содрогаясь от страсти, загрохотал словами интоксикации:

Оля! золотая блесна
В крючках бесконечной боли,
Роковая, фанатичная подруга
Отравленного тела и мозга!
Оля! Имя, что глядит с ухмылкой
Распутного томления и мошенничества,
Шепчет в бесноватые уши
Секретное заклинание своего рабства.

Комната поплыла перед моими глазами. Мы были окутаны по спирали темно-голубым дымом, взрывающимся в малиновых вспышках.

Он сжал меня с эпилептической яростью, и закружил в каком-то дикарском танце. Я интуитивно почувствовала, что у него тоже самое видение. Наши души растворились в одной; гигантском призраке, который поглотил нас.

Я прошипела сквозь зубы следующие строчки, чувствуя себя огнедышащим драконом.

- Омерзение и в самом деле сильно,
А соблазн еще сильнее,
Раскачивает на качелях тлеющей кадиланицы
дым чувств одуряющего запаха!

Нам не хватало дыхания. Мой мальчик сел на край кровати. Я подползла к нему сзади. Я разметала свои волосы по его лицу и погрузила свои ногти в его скальп.

Мы жили героиновой жизнью, жизнью мира души. Мы идентифицировали себя с героями поэмы. Он был поэтом, обвитым маковыми головками, ядовитым маком,

развратившим его кровь, а я была фантомом его делириума, гнусным вампиром, что овладел им.

Маленькие капли крови выступили из его скальпа и свернулись чернотой под моими алчными ногтями. Он произнес следующие строчки, как если бы находился под неким жестоким принуждением. Слова вырывались из него, вызванные всеподавляющей необходимостью. Тон его голоса был бесцветен, будто смертная мука съела его душу. И вся эта отвратительная агония источала очарование скверны. Он переживал пароксизм удовольствия, такого, какое бы оно само по себе никогда бы не могло дать ему. А я была Оля, его любовь, его жена, мир без конца, демон, чье наивысшее наслаждение заключалось в его уничтожении.

- За моей спиной, за спиной, надо мной

Стоит она - зеркало любви.

Нежны ее пальцев суставы;

Ногти полированы и заострены,

И с золотыми шпорами:

Ими она терзает мозг.

Ее похоть холодна, угрожающе;

И бледны ее Китайские щеки,

Когда она изящно поглощает, нечестивая

Устами спрута, и зубами

Черными и истертыми,

Кровь и пульпу с ногтя.

Я наклонила его голову и впилась в его рот. Я втягивала его дыхание в свои легкие. Я хотела задушить его; но время еще не пришло. Сначала я промучу его несколько лет.

Я отскочила от него. Он тяжело переводил дух. Когда к нему вернулось дыхание, он свирепо взглянул на меня малюсенькими зрачками своих невидящих глаз.

Он начал декламировать с романтической печалью, срывающейся на демоническое веселье.

- Она явилась как воплощенная любовь,

В те часы, когда я впервые пробудил ее.

Мало помалу я открыл

Правду о ней, сорвав покровы,

Горестную за пределами всех границ,

Гнусную по ту сторону отвращения.

Мы закричали от восторга и зашлись в приступе истерического хохота, который полностью нас измотал. Я должна была немного поспать.

Когда я проснулась, он сидел за столом под желтой газовой лампой, читая купленные им книги.

Каким-то образом мы разом решили покончить с прошлым. Нас захватила неотступная мысль бросить прием Г.; и книги не слишком-то в этом помогли. Они были написаны в очень позитивном ключе. Авторы спорили между собой, как политики на Мирной Конференции.

Однако все они соглашались по двум пунктам; избавиться от привыкания своими усилиями не в человеческой возможности. В лучшем случае, надежда прискорбно мала. Единственный шаг - "лечение" в клинике. И еще они приводили очень подробные детали ужасов и опасностей этого процесса. Терапевт, по их словам, должен закалить свое сердце от проявления любых человеческих чувств, и беспощадно отказывать в настойчивых просьбах пациента. И он всегда должен стоять наготове со своим шприцом в случае неожиданного коллапса, угрожающего жизни.

Есть три принципиальных метода лечения: бросить наркотик сразу, и положиться на выживание пациента; затем следует долгий и скучный метод уменьшения ежедневной дозы. Это вопрос месяцев. В течение всего этого времени агония пациента продолжается в разбавленной форме. Это выбор между погружением в кипящее масло и тем, чтобы тебя опрыскивали им каждый день в течение неопределенного периода. И еще есть промежуточный метод, при котором ежедневная доза сокращается серией скачков. Как сказал Питер, человек приговорен к тому, чтобы его нерегулярно пороли, не зная точно когда. Человек будет жить в состоянии мучительного ожидания, которое, наверное,

станет самым морально болезненным, по сравнению с любым из других способов.

Во всех этих случаях не было ни намека на истинное понимание действительной ситуации, ни единой попытки устранить первоначальные причины привыкания; и все авторы признавали, что лечение только временная мера, и что пациенты, как правило, возвращаются к старым привычкам.

Создавалось тревожное впечатление, что пациент не может доверять честности доктора. Некоторые из них открыто защищали свое право обманывать пациентов, вкалывая им чистую воду. Другие руководствовались системой давать посторонние лекарства вместе с разрешенной дозой, с преднамеренной установкой сделать пациента настолько больным, что ему лучше бы было вынести пытки воздержания, нежели те, что изобрел его лечащий врач.

Я чувствовала также, что если отправлюсь в одно из таких мест, то никогда не узнаю, какую следующую шутку они надо мной сыграют. И не распознаю все эти жестокие неуклюжие ловушки, расставленные невежественными и бездушными шарлатанами. Я начала понимать всю глубину зависти, с которой обычный терапевт упоминает о торговцах вразнос патентованными средствами и о представителях Христианской Науки.

Они были знахарями, которым правительство выдало лицензию пытать и убивать за хорошие деньги. Они охраняли свои прерогативы с такой яростью, потому что осознавали свое собственное невежество и некомпетентность; если жертвы выведут их на чистую воду, их шарлатанское сословие будет стерто с лица земли. Они постоянно пытаются расширить свою тиранию. Они добиваются принятия новых законов, вынуждающих всех, больных или здоровых, ограничить себя пределами вивисекторского стола, где вырезают некий существенно важный орган тела. И им еще хватало наглости рассуждать о причинах. Они не понимали, в чем суть привыкания! По их мнению каждому следовало ввести инъекции всех видов омерзительных сывороток и вакцин, чтобы защитить от некой гипотетической болезни, которую они жаждали обнаружить...

Последние три дня были слишком муторными. Впервые я почувствовала необходимость писать, и меня по-прежнему подмывало изложить на бумаге эту отвратительную и роскошную сцену, когда нашу любовь прорвало, как абсцесс. В ней присутствовали все старые фантастические черты, но они приняли дьявольские очертания; мое же сознание пребывало в состоянии неопределенности. Мы захлопнули медицинские книги с содроганием, и выбросили их из окна на улицу. Собралась небольшая толпа; книги подобрали и прохожие начали обсуждать, как с ними надо поступить. Мы осознали опрометчивость нашего гнева. Нам не следовало привлекать к себе внимание! Мы запахнули эти вонючие и грязные занавески и зажгли свет.

Наша реакция на прочитанное была потрясающей. Мы сравнили спокойную уверенность Царя Лестригонов с недовольным карканьем "властей".

Петушок подвел итог цитатой.

"Каркнул Ворон: "Никогда!""

Наши мысли ходили ходуном, то налетая, то откатывая прочь, словно разгневанное море, ворвавшееся в пещеру. Эти три дня были озарены вспышкой колебаний и сомнений. Мы решили прекратить принимать Г.; и память о письме Лама напоминала веревку, которую держит надежный, заслуживающий доверия альпинист для новичка на осыпающейся скале.

Если бы только мы могли на что-то положиться! Однако, наши умы захлестнуло паникой.

Эти проклятые трусы от медицины! Эти напыщенные пророки зла! Каждый раз, когда мы возвращались к решению остановиться, они сбрасывали нас со скалы.

"Это за пределами сил человеческих".

Но они знают, с какой стороны мазать маслом свой хлеб. И их игра состоит в том, чтобы обескураживать доверчивых простофиль.

Впрочем, они явно переиграли. Они нарисовали свою картину в слишком грубых цветах и тем отвратили нас от нее.

Воздействие смерти Мэйбел, и тот факт, что наши запасы были столь скудны, сплелись воедино, чтобы придать нам решимости остановиться, чего бы это нам не стоило.

Мы яростно боролись час за часом. Были моменты, когда само воздержание очищало нас абсолютной болью необходимости страдать. Наше сознание поплыло.

Нас кружило на крыльях горя в пылающих небесах физической муки.

Я припоминаю, как Питер встал у стола, потерянный для всех ощущений действительности. Он вскричал пронзительным, каркающим голосом:

- Купол ее черепа сводчат,
Ее безумные монгольские глаза,
Чей взгляд искривили экстазы
От вещей неприкосновенных, вознесенных
Далеко по ту сторону звезд и небес,
Брызжет янтарем и гагатом -

Я слышала его голос сквозь бездны болезненной пустоты. Трепет сатанинского торжества явил мою душу и слагал симфонию своих воплей. Я вскочила, желая узнать себя в омерзительном фантазме, изображенном поэтом.

- И нос собачий чует добычу
Мясистый, тяжелый, вульгарный,
Звериный и перебитый,
А под ним - ее рот, что каплет
Кровью с губ
Скрывающих клыки змеи,
Каплет на ядовитое вымя,
На горные склоны, что тревожат
И твой дух болезненно содрогается
При намеке, что худшее еще впереди.

С другой стороны нас все время сковывали какие-то спазмы слабости; кошмарное ощущение тонущего духа, подобное неизбежному страху, что охватывает человека, когда он находится в лифте, и тот начинает опускаться слишком быстро, или когда пилот устремляется неожиданно вниз на самолете. Волны слабости обмывали нас, словно мы были трупами, выброшенными на берег после кораблекрушения. Кораблекрушения наших душ.

И в эти отвратительные часы беспомощности нас несло вниз по темной и медленно текущей реке инерции в направлении к стоячей и вонючей трясине безумия.

Мы были одержимы уверенностью в том, что никогда не сможем вырваться из нее. Вначале мы ничего не говорили. Мы утонули в торжественном оцепенении серьезности. Когда мы, в конце концов, обрели голос, его хватило только на то, чтобы проскулить о капитуляции наших неподкупности и чести!

Мы кое-как перебивались небольшим запасом Г. с добавкой стрихнина, чтобы спасти себя от полного коллапса всех наших физических способностей, и немного подбадривали себя в моральном плане остатками шампанского.

В эти моменты отречения мы разговаривали дрожащим шепотом, планируя пополнить запас порошка. И оба испытывали отчетливый стыд, признаваясь друг другу в своем предательстве. Мы чувствовали, что в будущем никогда не сможем потакать себе открыто и радостно, как делали это до сих пор. Мы должны стать скрытными и хитрыми; мы должны скрывать друг от друга наши действия, хотя они были очевидны для нас обоих.

Я ходила весь день на цыпочках, полагая, что Питер спит, но он повернулся как встревоженная змея, как только я направилась к двери.

- Куда ты идешь, Лу?

Его голос был одновременно жалобным и резким. Я не позаботилась о том, чтобы придумать предлог; но с готовностью ложь сама соскочила с моего языка.

- Я собираюсь к Бэзилю, посмотреть, не может ли он дать мне что-нибудь, чтобы каким-то образом нам помочь.

Я знала, что он не верит мне, и понимала, что ему наплевать на то, куда я отправилась, и что буду делать. Он не был шокирован моей ложью - я поступила так впервые за все время нашего знакомства.

Я взяла такси и кружным путем отправилась на студию. Моя ложь оказалась наполовину правдой. Я собиралась попросить его о помощи в лечении; но моя настоящая цель заключалась в том, чтобы заставить его, неважно как, выдать мне, по крайней мере, одну дозу. Мне было наплевать, каким образом получить ее. Я могла попытаться изобразить болезнь. Я могла сослаться на наши старые отношения, и украдкой посмотреть, не удастся ли мне найти что-нибудь самой и украсть. И я не хотела ставить в известность об этом Питера.

Помимо всего прочего это была пытка стыдом. Я всегда гордилась моим достоинством. Утонченная безмятежность заставила мой мозг поплыть, когда я вышла на улицу. Одиночество восхитило меня - тем, что я избавилась от Питера. Я ощущала его сдерживающее влияние, и отбросила его прочь. Я презирала себя за то, что полюбила его. Я хотела отправиться к дьяволу моим собственным путем.

Я застала Бэзиля внутри, и одного. Что за удача! Эта ненавистная длинная и тощая девица убралась таки прочь.

Бэзиль встретил меня своим обычным приветствием. Оно молниеносно обожгло, как оскорбление. Какое право он имел упрекать меня? И почему должно "Твори, что ты желаешь" звучать как укор?

Как правило, он добавлял что-то к этой фразе. Он перешел на свой обычный разговор, отличавшийся своеобразным запутанным изяществом. В нем всегда было нечто кошачье. Он напоминал мне великолепного, ужасного тигра, прокладывающего себе путь сквозь густые джунгли.

Но сегодня он резко и внезапно замолчал с непреклонной и суровой решимостью. Это выглядело, будто он выстрелил, и ожидал увидеть произведенный им эффект. Впрочем, он молча пригласил меня сесть в мое обычное кресло, прикурил мне сигарету и вложил ее в мой рот, включил электрический чайник, и сел на углу своего большого квадратного стола, покачивая ногой. Его глаза были абсолютно неподвижны, и я чувствовала, что они пожирали мое тело и душу дюйм за дюймом.

Я ерзала в моем кресле, как привыкла делать в школе, когда не ощущала себя уверенной в том, сумела ли я разобраться в чем-то или нет. Я попыталась скрыть свое смущение, начав оживленную беседу; но вскоре сдалась. Он не обращал никакого внимания на мои замечания. Для него они были просто одним из симптомов моей болезни.

Я поняла с пугающей несомненностью, что мои планы невыполнимы. Я не могла обмануть этого человека, не могла сыграть на его страстях, и не могла ничего украсть в его присутствии.

Неожиданно, моя ложь обернулась правдой. Я могла сделать только то, что сказала; попросить его о помощи. Нет, даже не это. В конце концов, я не смогла избавиться от Питера.

Находясь с Царем Лестригонов я обнаружила, что не могу думать о себе. Меня не покидали мысли о Питере. Я была абсолютно искренна, когда сказала с дрожью в голосе: "Петушок в ужасном состоянии".

Я хотела добавить то, что держала в голове: "Можете ли вы сделать что-то, чтобы помочь ему?", - затем изменила фразу до: "Не будете ли вы?", - и потом совершенно ничего не смогла произнести. Я знала, что это были лишние слова. Я знала, что он может, и что он поможет.

Он подошел и сел на ручку моего кресла, взял мои волосы, и начал играть с косами. Действие было абсолютно естественно и невинно, как котенок, играющий с мотком шерсти.

На секунду это уколело мое тщеславие в самое сердце. Я поняла, что он может делать подобные вещи, не соединяя их с какими-либо сексуальными намерениями: и в этом чувствовалось огромное превосходство над человеческими инстинктами, и заставляло меня доверять ему.

- Сэра Питера здесь нет, - сказал он с презрением и в тоже время ласково. Я знала, что его порадовало то, что я промолчала о собственных бедах.

- Но это были вы, моя дорогая девочка, и я видел вас в моей волшебной шпионской подзорной трубе на берегу с подветренной стороны, и ваши мачты были сорваны за борт, и перевернутый Юнион Джек трепетал на ветру, и ваш герой радист, выстукивал С.О.С.

Он оставил мои волосы и закурил свою трубку. Затем снова принялся с ними играть.

- Одни на лодках, другие на обломках ковчега, все они благополучно добрались до берега.

Когда человек столь фамильярно обращается с Новым Заветом, то цитата неким образом приобретает многозначительность даже для тех, кто не верит в правдивость самой книги.

Я чувствовала, что его голос был голосом пророка. И ощутила себя уже

спасенной.

- Вот, примите немного этого, - продолжил он, принеся белую таблетку с маленькой кедровой полки, и большой стакан холодной воды. - Запрокиньте вашу голову назад, чтобы она хорошо прошла, и прямо сейчас опорожните стакан до дна. Вот еще одна, и вы возьмете ее домой для вашего мужа, и не забудьте о воде. Это порядком успокоит вас; ваши нервы совершенно ни к черту. Через нескольких минут ко мне должны зайти гости. Но эта таблетка поможет вам продержаться ночь, а утром я появлюсь и навещу вас. Какой у вас адрес?

Я сказала ему. Мое лицо пылало от позора. Дом, где верхом респектабельности считалось пребывание пятиразрядного музыканта из джазбанда, и дно, которому даже мы затруднялись дать название.

Он черкнул адрес с таким видом, как будто это был "Ритц". Но я почувствовала в моем сверхвосприимчивом состоянии отвращение, мелькнувшее в его сознании. Это выглядело, словно он испачкал в дерьме свой карандаш.

После таблетки мне стало гораздо лучше; но я думаю, что воля этого человека была тому причиной. Я чувствовала себя почти нормально, когда поднялась уходить. Я не хотела, чтобы его друзья видели меня. Я слишком хорошо знала, на что я похожа.

Он остановил меня у двери.

- У вас нет ничего из веществ? Я верно понял? - спросил он.

И я почувствовала невыразимое ощущение облегчения. Его тон подразумевал, что он берет над нами шефство.

- Нет, - ответила я. - Мы употребили последние крохи некоторое время назад.

- Я не буду спрашивать вас, когда, - заметил он. - Я слишком хорошо знаю, насколько невнимательным становится человек в этом состоянии. И кроме того, когда он начинает этот эксперимент, часы для него ничего не значат, как вы понимаете.

Мое самоуважение вернулось ко мне, как кровь приливает к вискам. Он настаивал, чтобы мы относились к себе, как к пионерам науки и человечества. Мы проводили эксперимент; мы рисковали жизнью и положением ради рода человеческого.

Разумеется, это было неправдой. И еще, какой дурак скажет тебе о настоящих корнях его мотивов? Если он предпочитал настаивать, что мы делаем то, что делают всегда первопроходцы, как я могла противоречить ему?

Искрящаяся лавина блаженства захлестнула мой мозг. Может это и ложь; но, ей-Богу!, мы должны сделать так, чтобы это стало правдой.

Я полагаю, что в моих глазах зажегся свет, который позволил ему прочесть мои мысли.

- *Respice finem!* Суди по концу;

Мужа, а не дитя, мой друг!

- процитировал он задорно.

И затем, к моему абсолютному глубокому изумлению, он повел меня назад в студию, достал склянку с героином из кедровой шкатулки и вытряхнул небольшое количество на клочок бумаги. Он скрутил его и положил мне в руку.

- Не удивляйтесь, - засмеялся он, - ваше лицо говорит мне, что все в порядке. У вас нет этого взгляда утки, попавшей в шторм, который свидетельствует о полном порабощении. Как Сэр Питер очень умно заметил на днях, вы не можете остановиться, пока у вас не будет того, с чем остановиться. Вы, конечно, продолжаете ваш магический дневник?

- О, да, - вскричала я с радостью. Я понимала, насколько важны, по его мнению, были эти записи.

Он комично покачал головой.

- О нет, Мисс Беспредельная Лу, речь не о том, что я называю магическим дневником. Вам должно быть стыдно перед собой за незнание часов, минут и секунд со времени последней дозы. *Nous allons changer tout cela. (Мы все это переменяем - франц.)* Вы можете брать это, когда захотите. Я просто сделал вам своего рода спортивное предложение, и вы должны увидеть, как долго вам удастся воздерживаться. Но я доверяю вам сделать запись точного времени, когда вы решили осуществить понюшку, и верю, что вы скажете мне правду. Выбросите из головы раз и навсегда, что я не одобряю прием этих веществ. Это целиком и полностью ваше дело, а не мое. Но дело каждого - быть честным

перед самим собой; и вы должны смотреть на меня как на простое удобство, старую опытную руку в игре, чей опыт может быть полезен вам в подготовке к битве.

Я примчалась домой другой женщиной. Я не хотела спасать себя. Я ощущала себя доспехами, сделанными с целью защитить Питера. Моя неподкупность была необходима не только для моего собственного блага, но и для его.

Питера нет, так что я записала эти строчки. Как удивлен он будет... Мне странно, почему он так задерживается, и куда он ушел. Ожидание очень некомфортно, когда тебе нечего делать. Мне бы не помешала доза. Таблетка не сделала меня сонной; кажется, она успокоила меня. Она отодвинула от меня лезвие этого ненавистного беспокойства. Я могла выносить ее действие, если бы мне только удалось отвлечь мой ум от разных дел. Мое сознание продолжала неотступно терзать мысль о маленьком бумажном пакетике в моей сумочке. Я обогнула тысячи углов; но за ними всеми всегда оставалось ожидание. Есть что-то ужасающее в фатальности этого вещества. Казалось, оно хочет тебя убедить в том, что бегать от него бесполезно. Человеческие мысли всегда возвращаются к множеству предметов, которыми, по нашему представлению, мы вовсе не одержимы. Почему же мы должны испытывать одержимость с этим порошком, и невозможность избавиться от него? В чем разница?

ГЛАВА IV. ХУЖЕ СКОТОВ

13 Сентября

Удивительно, как мне удалось пережить все это. Питер пришел прошлой ночью сразу же после того, как я закрыла свой дневник. Я никогда еще в жизни не видела его таким: бешеные глаза, налитые кровью, наполовину вылезли из орбит. Он должен быть напился как сумасшедший. Он подскочил прямо ко мне, трясясь от гнева, и обдуманно ударил меня по лицу.

- Это послужит тебе уроком, - закричал он, и грязно выругался.

Я не могла ответить. Мне было слишком больно, - не от удара, а от изумления. Я нарисовала себе в мечтах совершенно другую картину.

Шатаясь, он отступил в середину комнаты и указал на кровь, что струилась по моему лицу. Грань его кольца порезала мне кончик уха. Мой вид поверг его в припадок истерического смеха.

Я испытывала к нему только одно чувство - он был болен, и моя обязанность состояла в том, чтобы ухаживать за ним. Я попыталась добраться до двери и позвать на помощь. Он подумал, что я убегаю и силком потащил меня через комнату на кровать, завывая от ярости.

- Так просто ты не смоешься, - завопил он, - но этого с меня довольно. Ты будешь ждать здесь, пока какой-нибудь Чертов мистер Кинг Лам не явится за тобой. Не волнуйся, я знаю, что он придет. Он любит грязь, мерзкое чудовище!

Я разрыдалась. Контраст между двумя мужчинами был слишком шокирующим. И я принадлежала этому вопящему, изрыгающему ругань скоту с его безумной завистью и бессмысленной жестокостью!

Да я бы лучше подметала пол в студии Бэзиля всю оставшуюся жизнь, чем быть Леди Пендрагон.

Какие же боги мастера иронии! Я купалась в радужном потоке славы; я была почти вне себя от счастья, думая, что стала женой человека в чьих венах течет кровь величайшего из Английских королей; того самого, чей блеск позолотил века романтикой; я думала, что могла бы носить под сердцем королевского наследника. Что за ослепляющее заблуждение!

И Питер сам показал себя достойным своего происхождения. Не он ли в числе прочих отразил нападение Гуннов-язычников и спас Англию?

Так вот он каков, конец мечты! Этот драчливый хулиган был моим мужем!

Я сидела потрясенная, пока его бессвязные оскорбления не ударили мне в голову; мое возмущение касалось не меня. Я заслужила все, что получила; но какое право имел этот выкрикивающий ругательства трус коснуться своими устами такого человека, как Царь Лестригонов?

Мое молчание, похоже, вывело его из себя больше, чем если бы я

ввязалась в ссору. Он раскачивался и ругался со слепой свирепостью. Казалось, он не замечал, где я находилась. Смеркалось. Он ощупью пробирался по комнате, разыскивая меня; но дважды прошел мимо, пока наконец не обнаружил. В третий раз он споткнулся прямо об меня, схватил за плечо и начал бить.

Я сидела, словно парализованная. Я не могла даже кричать. И снова, и снова он ругался и яростно колотил меня, но на этот раз так слабо, что я не чувствовала ударов. Кроме того, я была невосприимчива к любой возможной боли. Вскоре Питер отключился и повалился на кровать. На мгновение я подумала, что он мертв, но его затем охватила череда спазмов; его мускулы дергались и сокращались; руки судорожно хватали воздух; он начал бормотать быстро и неразборчиво. Я была ужасно напугана.

Я встала и зажгла лампу. Лицо бедного мальчика было бледно, как смерть; однако маленькие, темно-малиновые пятна пылали на его скулах.

Я села за стол и поразмышляла некоторое время. Я не осмеливалась послать за врачом. Он мог понять, в чем настоящая причина и забрать его у меня; забрать в одну из этих камер пыток, откуда он никогда не выберется.

Я понимала, конечно, что он хотел; немного героина привело бы его в сознание. Я сказала ему, что у меня есть порошок. Мне пришлось сказать ему об этом несколько раз, прежде чем до него дошло.

От одной только мысли о порошке Питер пришел в себя, но он все еще гневался, и приказал мне дать его с алчным рычанием. Если бы мне хотелось удержать его от употребления, мне не следовало бы говорить ему, что у меня есть.

Я принесла ему, присела рядом и, одной рукой держа его голову, поднесла ему порошок на ладони. Мое сердце потонуло как камень в омуте. Старое, знакомое занятие! - но как оно теперь отличалось во всех отношениях!

Конвульсии немедленно прекратились. Он почти сразу же приподнялся на локте. Единственным признаком расстройства было то, что он все еще тяжело дышал. Вся его злость тоже куда-то исчезла. Он выглядел усталым, словно выздоравливающий, но послушным, как ребенок. Он слабо улыбнулся. Я не знаю, отложилось ли у него в сознании или памяти то, что произошло. Он говорил так, как если бы ссоры не было вовсе. Цвет снова вернулся на его лицо, глаза зажглись.

- Еще одна такая же понюшка, Лу, - проговорил он, - и со мной все будет в порядке.

Я не совсем уверена в том, что сказал бы сейчас Царь Лестригонов; но я сама отвечаю за свои действия, и я не могла отказать ему.

Вскоре он погрузился в сон. На утро я выяснила причину случившегося. Он отправился к каким-то людям, которых знал по работе в госпитале, с целью при встрече попросить их дать ему немного героина, но они не осмелились сделать это. Они страдали от нанесенного им новым законом, этим Дьявольским Законом о Наркотиках, страшного оскорбления. Они прошли через долгое, долгое обучение и получили дипломы, которые делали их ответственными за здоровье местных жителей. И теперь они не могли выписывать героин для своих же собственных пациентов. И вполне естественно, что они возмущались.

Четвертый человек, к которому отправился Питер, поведал ту же самую историю, но оказался более радушным. Он подумал, что окажет существенную помощь, если угостит Питера обедом и напоит его под завязку алкоголем. Идея заключалась в том, что это поможет ему справиться с отсутствием другого стимулятора. Судя по всему, мне пришлось платить за его рецепт.

Нет, Лу, ты противная девчонка. Ты не должна быть такой озлобленной. Это твоя ошибка, что ты родилась в мире, где невежество и глупость пребывают в постоянном состязании за господствующее положение в умах образованных классов. У самого заурядного пахаря гораздо больше здравого смысла, чем у любого доктора.

Я дала Питеру таблетку со стаканом воды, когда он начал ерзать. Во многом это его успокоило. Я бы хотела иметь еще одну для себя. Я чувствовала, что моя раздражительность возвращается; но я не взорвалась, потому что времени оставалось в обрез до появления Бэзиля. Я ждала его прихода с таким нетерпением, будто он означал конец всех наших бед...

То, что произошло на самом деле, было совсем из другой оперы. Я едва ли

в состоянии описать это в дневнике. Стыд и разочарование вырвались наружу. Я чувствовала, что двери надежды захлопнулись прямо перед моим носом. Я слышала скрежущий звук ключа, поворачивающегося в замке, лязг заржавленного засова, закрывающего наглухо дверь.

В тот момент, когда появился Бэзил, безумие Питера вспыхнуло снова. Он изрыгнул поток оскорблений и обвинил Бэзиля прямо в лицо, что тот пытается увезти меня.

Если бы Бэзил только знал, как мне хотелось уйти! Мужчина, страдающий манией ревности, непригоден к общению с человеческими существами. Я никогда до этого не понимала, почему женщины так глубоко презирают в сердце своих мужей. Мы уважаем мужчин, которые возобладали над своими страстями, и только потому, что мы сами в конечном счете есть ничто иное, как эти страсти. Мы ожидаем, что мужчина покажет себя начальником. И это не способствует тому, чтобы убить страсть, подобно Клингзору: лишенный сексуальности мужчина падает еще ниже, чем "раненый король", Амфортас, жертва своей мужественности. Настоящий герой - Парсифаль, испытывающий искушения. "Подобный муж обожает страсти сами по себе". И чем более остро он способен любить, тем величественнее становятся его возможности. Но он должен отказаться сдаться своим страстям; он должен заставить их служить себе. "Dienen! Dienen!"

Кто убьет коня только потому, что боится на нем ездить? Лучше сесть на него, и заставить животное поскакать галопом.

После того как мужчина выброшен из седла, мы подбираем его и ухаживаем за ним, но не боготворим его. Большинство мужчин таковы. Однако каждая женщина ищет человека с самым резвым конем, которого он заставил себе полностью повиноваться. Наиболее символично это выглядит в "Садах Аллаха", где монах, не умеющий ездить, отвел жеребца прямо в пустыню, намереваясь биться с этим зверем до конца.

Бэзиля не сбила с толку дикая злоба Питера. Он не поддался на провокацию. Когда бы ни предоставлялся ему шанс вставить слово, он просто излагал цель своего визита. Он даже не воспользовался скандалом, чтобы отвергнуть главное обвинение.

Питер вскоре утомился биться о скалу презрения Бэзиля. Я не считаю, что это было именно оно, но холодную доброту Царя Лестригонов вполне можно было принять за презрение, а Питер не мог не понимать, насколько он его заслуживал. Он был прекрасно осведомлен о том факте, что его ругань становится слабее и бессмысленнее с каждой новой вспышкой. Он просто подстегивал сам себя в последней попытке проявить враждебность по отношению к другу, который мог спасти нас, и приказал ему убираться из дома, но выставил себя в нелепом свете, изображая разгневанного мужа.

Возвышенная мораль - последнее прибежище, когда человек чувствует, что стоит на безнадежно неправильном пути.

Первый раз за все время Питер разыгрывал из себя ханжу.

Бэзилю ничего не оставалось делать, как уйти. Питер неуклюже попытался изобразить триумфатора. Это бы и так не обмануло никого, но - если и был такой шанс - он в буквальном смысле сам уничтожил его, когда ворвался обратно в комнату и с неподдельным чувством разразился тирадой:

- Черт возьми, что я за дурак! Почему же ты не дала мне знак, не подмигнула мне? Мы обязаны были льстить ему, чтобы вытянуть из него немного героина...

Это утро вымотало меня без остатка. Мне было плевать на свое спасение. Я знала, что не могу спасти Питера. Почему женщине всегда нужен мужчина для объяснения мотивов своих поступков? Все, что я хотела - это Г. Петушку и мне он чудовищно необходим.

- Послушай, Лу, - промолвил Питер с коварной усмешкой, какой я еще никогда не видела на его лице, поскольку она с трудом вязалась с его характером. - Ты нарядись и попытай счастья у докторов. Мой приятель сказал мне прошлым вечером, что есть некоторые, которые могут выдать тебе рецепт, если ты им достаточно заплатишь. Десятки достаточно, чтобы повернуть все дело.

Он вытащил несколько грязных, скомканных бумажек из кармана своих брюк.

- Вот они. И ради Бога, не задерживайся.

Я была столь же проникательна, как и он. Все желание остановиться исчезло у меня с уходом Бэзиля. Мое уважение к себе было растоптано.

И еще, по моему мнению, именно нежелание уходить заставляло меня расхаживать по комнате под предлогом того, что мне надо закончить свой туалет.

Питер наблюдал за мной с неодобрением. В этот момент в его глазах промелькнул луч ненависти, и мне это понравилось. Мы оба деградировали все больше и больше. Мы достигли стадии дрянной соломинки в стоге сена. Что-то теплое и уютное было в осознании собственной порочности. Мы осознали, что нам нравится быть извергами...

Я отправилась к моему собственному доктору. Питер изложил мне подробно симптомы; но номер с ним не прошел. Эскулап говорил об изменении климата и диете, о микстурах, которые надо принимать три раза в день. Я тут же заметила, что ничего хорошего не выйдет, когда он уклонился от темы при упоминании мной в самом начале героина.

Все, что мне теперь было надо, так это выбраться из комнаты старого дурака, не потеряв лица...

Я не знала, что делать потом. Я чувствовала себя как Моррис - Как там его Имя в "Неправильной Коробке", когда он получил поддельный сертификат о смерти и хотел посетить "продажного доктора".

Меня раздражало то, что был еще день, и я решительно не знала, куда пойти. Неожиданно, прямо из ниоткуда, всплыло имя и адрес человека, который вызволил из беды Билли Коулриджа. Путь был долгим, и я ужасно устала. Я была голодна, но от мысли о ланче становилось еще хуже. Я чувствовала, что люди странным образом пялятся на меня. Неужели у меня бельмо в глазу?

Я купила толстую вуаль. Девушка в магазине, думаю, выглядела удивленной. Довольно забавно носить ее в сентябре, и это могло привлечь еще больше внимания; но она обеспечивала мне чувство защищенности, и это была очень славная вуаль - кремовые кружева с вышитыми зигзагами.

Я взяла такси к врачу. Его звали доктор Коллинз, 61 или 71, Фейралэндж Стрит, Ламбет.

Я застала его дома; отталкивающий, надутый человек в потрепанной одежде; захламленный, грязный офис, столь же неопрятный, как и он сам.

Коллинза мой рассказ разочаровал. Это не его специальность, заявил он, и ему не хочется попадать в неприятности. С другой стороны, он боялся меня, потому что я знала о Билли. Он пообещал сделать все, что возможно; однако, согласно новому закону, он не мог выписать больше, чем десять доз по одной восьмой грана каждая. Четыре или пять понюшек, всего то! И он не осмеливался повторить это еще раз раньше, чем через неделю.

Тем не менее, это было лучше, чем ничего. Он рассказал мне, где можно купить порошок без проблем.

Я нашла уборную, где смогла ссыпать все пакетики в один и приняла дозу.

Облегчение было огромным. Я продолжила нюхать, дозу за дозой. Петушок получит свое. Я скажу ему, что у меня были просроченные бланки. Я почувствовала, что снова могла спокойно сесть и поесть какую-нибудь легкую пищу, и выпить пару виски с содовой.

Я почувствовала себя настолько хорошо, что поехала прямо на Грик-Стрит, и сочинила печальную историю о провале. Как было восхитительно обмануть этого скота после того, как он ударил меня.

Я испытывала острое наслаждение, наблюдая, как он корчится от боли; имитируя его симптомы в деланной мимике; издеваясь над его несчастьем. Он по-прежнему был зол, но его вспышки доставляли мне безграничное удовольствие. Они были символами моего торжества.

- Вот, возьми это, - сказал Питер, - и не возвращайся без него. Я знаю, где ты можешь достать. Имя этого человека Эндрю МакКолл. Я знаю до исподнего его прогнившую душонку.

Он протянул мне адрес.

Великолепное здание, рядом со Слоун Сквер. МакКолл был женат на богатой пожилой женщине и жил как у Христа за пазухой.

Однажды я сама встречала его в обществе. Этот шотландец всего в жизни добился сам, и щеголял в вечернем костюме de rigueur (*строгий* - франц.) в "Парадизе".

Питер выставил меня со злобным хохотом. Видно у него в подсознании завелась какая-то безумная мысль. Ну, а мне-то какое дело?...

Доктору МакКоллу было около пятидесяти - очень хорошо сохранившийся мужчина и очень хорошо одетый, с гарденией в петлице. Он тут же меня узнал и указал рукой на роскошное кресло. Он начал болтать о предыдущей встрече; с герцогиней того-то и с графиней сего-то.

Я не слушала и наблюдала. Его тактичность подсказала ему, что мне неинтересно. Он резко оборвал свою речь.

- Ну, ну, извините меня за то, что я немного увлекся прямо как в добрые старые времена. Чем я смогу быть полезен вам сегодня, Мисс Лейлигэм?

Я немедленно увидела, что преимущество на моей стороне и кокетливо подняла голову.

- О нет, - воскликнула я, - я не мисс Лейлигэм.

Его извинениям не было конца.

- Неужели ли это возможно? Неужели две такие прекрасные девушки так друг на друга похожи?

- Нет, - улыбнулась я в ответ, - на самом-то деле все не так скверно. Я была Мисс Лейлигэм, но сейчас я Леди Пендрагон.

- Дорогая, дорогая, - проговорил он, - где же я мог пропадать? Я просто оторван от этого мира, просто оторван от этого мира!

- О, я не такая уж важная персона, как вы расписываете, и я вышла замуж за сэра Питера только в июле.

- Ах, тогда это все объясняет, - сказал доктор. - Я отсутствовал все лето на вересковых пустошах с Маркизой Эйгг. Оторван от этого мира, от этого мира. Ну, я уверен, что вы счастливы, моя дорогая Леди Пендрагон.

Он всегда произносил титулы с особым звуком, словно ребенок, посасывающий стебель ячменного сахара.

Я тотчас же поняла, как надо к нему обращаться.

- Ну, разумеется, вы знаете, - заметила я, - что в по-настоящему продвинутых кругах человеку приходится предлагать гостям героин и кокаин. Это, конечно, только поветрие, но пока оно существует, человек остается вне общества, если не следует ему.

МакКолл поднялся из кресла, придвинул маленький расшитый стул ближе ко мне, и сел на него.

- Я понимаю, понимаю, - пробормотал он доверительно, беря мою руку и начиная ее вежливо поглаживать, - но вы же знаете, это очень трудно сейчас достать.

- Это для нас, бедных аутсайдеров, - посетовала я, - но не для вас.

Он отвернул мой рукав, и начал водить своей рукой вверх и вниз по моему предплечью. Меня сильно задела его фамильярность. Снобизм этого человека напомнил мне о том, что он был сыном мелкого лавочника в какой-то шотландской деревне - факт, о котором я не должна была думать ни секунды, пока он с вкрадчивой настойчивостью рассказывает о Дебре.

МакКолл поднялся и подошел к небольшому сейфу в стене за моей спиной. Я слышала, как он открыл его и снова закрыл. Он вернулся и склонился у спинки моего кресла, вытянув свою левую руку так, чтобы я могла видеть то, что было в его руке.

Это была запечатанная десятиграммовая бутылочка с надписью "Героин Гидрохлорид" с указанным количеством и именем производителя. Ее вид почти поверг меня в безумие от нестерпимого желания.

Буквально в ярде от моего лица находился символ победы. Петушок, Бэзил, закон, моя собственная физическая острая боль - все они пребывали в моей власти с того момента, как мои пальцы сомкнулись над бутылочкой.

Я вытянула вперед руку; но героин исчез, как будто фокусник сделал свой хитрый трюк.

МакКолл облокотился всем своим весом о спинку стула и слегка наклонил его. Его уродливое пронизательно-фальшивое лицо зависло в футе от моего.

- Может быть вы действительно поможете мне получить его? - дрожащим голосом спросила я. - Сэр Питер очень богат. Мы в состоянии позволить себе заплатить любую цену, какой бы она ни была.

Он издал забавный смешок. Я вся сжалась при виде этого вытянутого вонючего рта, висевшего надо мной, жадно открытого, обнажившего два белых

ряда острых, длинных клыков.

Меня тошнило от запаха выдохшегося виски в его дыхании.

Он немедленно это понял; позволил моему креслу вернуться в нормальное положение, и отошел назад к своему столу. Сев там, он с нетерпением наблюдал за мной, как охотник за приближающимся зверем во время облавы. Как бы неумышленно он держал в руках бутылочку и бесцельно с ней забавлялся.

Своим спокойным лакированным голосом он начал рассказывать мне о том, что называл романом всей его жизни. Впервые, когда он увидел меня, он страстно влюбился; но он был женатым человеком, и осознание своей чести помешало ему уступить своей страсти. Он не испытывал, конечно, никакой любви к своей жене, которая совершенно его не понимала. Он женился на ней из жалости; но исходя из того, что он был ограничен пониманием своего правильного чувства, то помимо прочего осознавал, что если дать волю страсти, хотя и богоданной, это могло означать социальное крушение для меня, для женщины, которую он любил.

Он продолжал говорить о близости и о духовных друзьях, и о любви с первого взгляда. Он укорял себя за то, что сказал мне правду только сейчас, но искушение было слишком сильным. Ирония судьбы! Трагическая абсурдность социальных ограничений!

В то же самое время он будет чувствовать определенное тайное наслаждение, если бы знал, что я, со своей стороны, испытывала тогда сходное чувство по отношению к нему. И все это время он продолжал играть с героином. Один или два раза он почти уронил его из-за своего нервного возбуждения.

Это тут же навело меня на мысль об опасности, в которой находится драгоценный порошок. Было очевидно - чтобы получить его, надо подстроиться под старого развратника.

Я позволила своей голове склониться на грудь и посмотрела на него искоса уголками глаз.

- Вы не можете ожидать от молодой девушки, что она будет признаваться во всем, что чувствует, - прошептала я с глубоким вздохом, - особенно если она вынуждена убивать эти чувства в своем сердце. Нет ничего хорошего в том, чтобы обсуждать подобные темы, - продолжила я. - На самом деле я не должна была сюда приходить. Но как я могла догадаться, что вы, такой замечательный врач, обратили внимание на такого глупого ребенка, как я?

Он возбужденно вскочил на ноги.

- Нет, нет, - сказала я печально с жестом, который заставил его снова сесть в крайнем смущении. - Я не должна была приходить сюда. Это была абсолютная слабость с моей стороны. Героин - единственное мое оправдание. О, не заставляйте меня чувствовать себя такой пристыженной. Но я просто должна сказать вам правду. Настоящим мотивом моего прихода было то, что я хотела видеть вас. Сейчас, давайте поговорим о чем-нибудь еще. Позвольте ли вы мне получить этот героин, и сколько он будет стоить?

- Разговор о деньгах среди друзей за такую небольшую услугу неуместен, - ответил он высокомерно. - Единственное мое сомнение заключается в том, что правильно ли будет для меня позволить вам им воспользоваться.

Он снова поднял его и прочел этикетку, крутя бутылочку между своими ладонями.

- Это очень опасный препарат, - продолжил он очень серьезно. - И я не совсем уверен, оправдано ли то, что я даю его вам.

Что за абсолютная чушь и пустая трата времени, эта социальная комедия! Все в Лондоне знали хобби МакКолла затевать интрижки с леди, обладавшими титулом. Он придумал глупую историю о любви с первого взгляда тут же на месте. Это был просто рискованный ход, как в шахматной игре.

Что касается меня, то мне был отвратителен вид этого человека и он понимал это. И он понимал также, что мне отчаянно нужен этот героин. Истинная природа этой сделки была столь же очевидной, как и тюремный сливовый пудинг.

Однако, я предполагаю, что это развлекло его в некотором смысле, и он мог позволить себе попаясничать. Он понимал, что моя скромность, смущение и стыдливость были отброшены, как у накрашенной проститутки на Пикадилли. Его тщеславию даже не повредит, если он узнает, что я думаю о нем, как о

хамливым старом чудовище. У него было то, что хотела я, у меня было то, что хотел он, и его не беспокоило, если я доведу себя завтра до смерти тем, за что заплачу ему сегодня.

Бездушный цинизм обеих сторон возымел удивительный эффект с моральной точки зрения. Я не стала тратить свое время на попытки обмануть его.

МакКолл вернулся к своим ухищрениям. Он объяснил, что благодаря моему браку ситуация в корне изменилась. При разумной осторожности, для которой у нас есть все условия, не существует ни малейшего риска оскандалится.

И тут одна единственная мысль пронзила мое сознание, и вступила в сражение с натиском героинового голода. После того, как Царь Лестригонов ушел тем утром, Питер и я сильно поругались. Я предала Бэзиля, я предала саму идею прожить достойную жизнь, я отдалась монстру, чьи руки отвергала, и с широко открытыми глазами шла за ним в темницу, увлекаемая тягой к наркотику, и почему? Я была женой сэра Питера. Потеря моей добродетели, независимости, самоуважения были обусловлены моей верностью ему. Теперь моя верность потребовала неверности другого рода.

Отвратительный парадокс. Питер послал меня к МакКоллу все превосходно предвидя. Я достаточно хорошо понимала, чего он ожидал от меня, и я блистала в свой подлости - частично для его собственного блага, но частично, пока я лгала самой себе, потому что моя деградация доказывала преданность ему.

Я уже больше не слышала то, что говорил МакКолл, но видела, как он достал маленький перочинный ножик и разрезал веревочку на бутылке. Он вытащил пробку и погрузил ножик в порошок. Он отмерил дозу со странным коварно-вопросительным блеском в глазах.

Мое дыхание участилось и стало поверхностным. Я быстро кивнула в знак согласия. Я кажется, услышала со стороны свой голос: "Еще немного". По крайней мере, он добавил еще порошка.

- Предлагаю немного взбодрится, - сказал он похотливо и встал на колени напротив моего стула, протягивая мне руку словно жрец, делающий подношение своей богине.

Затем я помню, как лихорадочно шагаю, почти бегу вверх по Слоэн Стрит. Мне казалось, что меня преследовали. Может правда та старая греческая сказка о Фуриях? Что же я натворила? Что натворила?

Мои пальцы в спазматической судороге сжимали маленькую, янтарного цвета бутылочку. Я хотела избавиться от всех и вся. Я не знала, куда шла. Я ненавидела Питера до глубины души. Я бы отдала все в этом мире - за исключением героина - чтобы никогда больше не увидеть его снова. Но у него имелись деньги, так почему бы нам не наслаждаться вместе нашим жалким падением, как мы наслаждались нашим романом? Почему бы нам не барахтаться вместе в склизкой, теплой грязи?

ГЛАВА V. НА ПУТИ К БЕЗУМИЮ

Я обнаружила, что привлекаю внимание на улице своим нервным поведением. Вид полицейского вызвал во мне дрожь. Положим меня арестуют или отнимут порошок... Что тогда?

И затем я припомнила, какая же я глупая... Ведь у Мейзи Джекобс квартира в Парк Мэншенз. Она, я уверена, все поймет правильно и не станет болтать.

Слава богу, она была дома. Не знаю, какую сказку я ей рассказала. Не знаю, отчего я оказалась достаточно глупа, чтобы напрягать голову, выдумывая всякие небылицы. Она - наш человек, Мейзи, и не лезет в ваши дела, пока вы ей не мешаете.

У нее нашелся белый шелк и мы зашили героин в пакетики, а потом уже последние в оборки моего платья. Половину я отложила в старый конверт, чтобы помириться с Питером. Но мне понадобилось два или три приема на месте.

Меня охватил истерический плач и дрожь. Со мной должно быть случился легкий обморок. Я очнулась на софе, Мейзи стояла на коленях рядом и держала

у моих губ бокал шампанского.

Она ни о чем не спрашивает. Ей нет дела до моей истории, даже если все в ней вранье. Чуть погодя мне стало лучше. Она заговорила о Кинге Ламе. Она увлеклась им с первой встречи, около года назад, и сделалась усердной его ученицей. Она может делать, что ей нравится; она была свободна, у нее было много денег, и никого, кто бы мог помешать.

В некотором роде, я ненавидела ее независимость. В действительности это была зависть к ее свободе. Я чувствовала, что Бэзил был единственный важный для меня человек, но я упустила свой шанс, оказавшись недостойной. Наконец, я полностью потеряла его, и в этом заключалась жуткая ирония: ведь я лишилась его через свою преданность Питеру, как раз в тот самый момент, когда Питер не вызывал во мне ничего, кроме тошноты и презрения.

Все же я верила, что Бэзил оценил бы и полюбил меня за саму преданность, как таковую. Это было первое, что я продемонстрировала ему. И мое единственное достоинство разорило меня на века!

Пока я все это обдумывала, Мейзи продолжала рассказывать. Я прислушалась, отвлекшись от своих мыслей. Она как раз дошла до середины, объясняя свои отношения с Бэзилом.

- Он изображает крайний эгоизм, - вибрировали ее напряженные связки, - потому что он каждую личность включает в свое представление о себе. Он не может чувствовать себя свободным, пока вокруг рабы. Конечно, некоторые люди по природе своей рабы; они и должны остаться ими. Но много среди нас и королей, только они об этом не догадываются; страдая от заблуждения, что они якобы обязаны склоняться перед общественным мнением, перед всевозможной внешней волей. Он отдает всю свою жизнь, сражаясь за освобождение людей от этой ложной зависимости, потому что они являются частями его личности. Он не ведает, что такое мораль. Даже чувство чести, как таковое, ничего для него не значит. Просто так вышло, что он родился джентельменом. "Если бы я был собакой, - сказал он мне однажды, - я бы лаял. Если бы я был совой, я бы ухал. Ни в том, ни в другом нет ничего, что само по себе хорошо или дурно. Вопрос лишь в том, что есть естественное поведение?" Он считает, что его миссия в этом мире - установить Закон Телемы.

Она поймала мой озадаченный взгляд.

"Твори, что ты желаешь да будет то Законом, - процитировала она с весельем. - Ты должна была слышать эти слова раньше!"

Я призналась, что да, и мы вместе посмеялись над чудачествами нашего друга.

- Он говорит их каждому встречному, - пояснила Мейзи, - чтобы не только на них влиять, но и также, чтобы напоминать самому себе о своей миссии, предотвращая трату времени на посторонние вещи. Нет, он не фанатик, и за год, что я с ним знакома, я определенно продвинулась в музыкальном отношении дальше, чем за предыдущие пять лет. Он доказал мне, - или скорее показал, как доказать, к моему же удовлетворению, что мое Истинное Стремление было стать певицей. Мы принялись рассматривать все факты моей жизни от моего происхождения до воспитания, ведь мой слух и голос физиологически превосходят слух и голос среднего музыканта, и обстоятельства, позволяющие мне полностью посвятить себя упражнениям, могут позволить мне развить мои способности до наилучших образцов. Даже то, что мой опекун был великий композитор! Лам не считает это случайностью.

Он утверждает, что совпадение стольких обстоятельств служит доказательством некоего замысла; и коль скоро большая часть этого за пределами человеческого разума, это заставляет предположить существование некой особы, которая трудится за пределами наших чувств, и которая сотворила меня певицей, а не модисткой.

- Да, но Мейзи, - перебила я, - это же старый довод, что само мол устройство Вселенной доказывает существование Бога; и люди перестали верить в Бога главным образом из-за очевидного несоответствия Его замысла с представлением о Нем.

- О, разумеется, - спокойно согласилась Мейзи, - очевидно наличие множества различных Богов, и у каждого есть своя цель, которую он преследует, и метод, которым он пользуется. Возможно, что примирение их сталкивающихся амбиций (что выглядит необходимым с философской точки зрения)

остаётся вне сферы наших сегодняшних исследовательских возможностей. Бэзил умолял меня не забивать голову никакими такими теориями. Он попросту расхохотался мне в лицо и прозвал меня своим любимым соловьем. "Ты не для гибели рожден, бессмертный Птах, - произнес он с ухмылкой, - но и не для прохождения курса по Неоплатонизму". Главное, с его точки зрения, не сойти с накатанного пути. Если уж я убедила себя в том, что мое призвание петь, не могу ли я любезно воздержаться от вмешательства в остальные дела?

- Я знаю, - вставила я, - как ответил капитан, перебившему его помощнику: "Все, чего я хочу от вас, мистер Мейт, это молчание, причем драгоценная его малость".

Нас снова разобрал хохот. В самом деле, было нечто экстраординарное в том, как манера общения Бэзиля со своими учениками оживляла рассудок. Я начала понимать, почему он внушает такое недоверие и неприязнь. Люди вечно делают вид, что хотят подняться над самими собой, но на самом деле они ужасно опасаются, как бы с ними ничего такого не случилось.

И Бэзил всегда ударяет в корень чьей-то дубовой души. Он хочет, чтобы кто-то стал самим собой, а цена этого - отказ от фальшивых представлений о самом себе. Людям нравится учителя-аферисты, одурманивающие их наркотическими банальностями. Реальность в любом облики внушает им страх. Вот настоящая причина, почему преследуют пророков.

Разумеется, меня переполнял героин, но на мгновение Мейзи заставила меня совсем об этом забыть.

- А что это за худая девушка там у него постоянно? - спросила я у нее. Это был автоматический всплеск ревности.

- О, Лала, - промолвила Мейзи, - она ничего. Чудная девочка, одна из самых чудных, пожалуй. Она шведка или что-то вроде, как я полагаю. Он занимается ей все три последних года. Как-то, впрочем я не знаю, как именно они познакомилась, он попросил ее позировать ему. Однажды она рассказала мне, как испугала ее причина, по которой он к ней обратился. "Вы написали этот псалм? - спросил он у нее - Я могу различить каждую кость, они пожирают меня взглядом?" Ты же знаешь, на теле девочки нет и унции мяса. Причем она совершенно здорова; так просто, каприз природы. А пока он делал набросок, то попросил подсказать название для картинки. "Изобрази меня как мертвую душу", - предложила она. Он ухватился за фразу, преисполненный энтузиазма, и приступил к работе над огромным полотном, триптихом с диковинными зверьми, и птицами, и лицами, все были расположены так, что стремились к ней, как к центральной фигуре. Она стоит голая с несоразмерно большой головой, и отвратительно улыбается. Ее тело - почти скелет, обтянутый зеленоватой кожей. Картина вызвала нездоровую сенсацию. Странно, что ты ее не видела.

Между прочим, я видела ее на фото в какой-то газете, а теперь я еще и припомнила, как Биль Вальдорф выделил ее, рокоча от смеха, как Королеву Мертвых Душ. Бэзил сказал, что в Лондоне полно мертвых душ.

- Гоголь с его историей здесь не причем, - пояснила Мейзи. - Бэзил считает, и это только правда, пускай и слишком жуткая, что большая часть людей, которые бродят вокруг нас, пьют, едят и танцуют, на самом деле - мертвецы, "мертвые в поступках и грехах", как говаривал мой дядя-старик - во грехе незнания, что они являются Звездами, Истинные и Живые Боги Высочайшего...

Я вздохнула не без грусти. Ведь я также была мертвая душа, и я оставила Хозяина Жизни Вечной в то утро из верности к всего лишь еще одной мертвой душе. И - в тот же день! Фу, что за покойницкая эта жизнь! Какой сырой, знобящий ядовитый воздух! Сколько пота на стенах от тех, кто проклят и агонизирует!

- И посмотри на Лалу теперь! - продолжала Мейзи. - Он подверг ее ряду страшнейших испытаний, потому что она и в самом деле была весьма мертвая - но она прекрасно добралась до конца туннеля. Она - Великая Душа, если таковые вообще водятся в этом мире, и он вознес ее смертную до бессмертия. Ее испорченность сменила нетленность, и она излучает и свет, и жизнь, и любовь, летя сквозь годы в полной свободе...

- Но что она делает сейчас? - задала я вопрос с глухой болью в сердце.

- Как что, свою истинную Волю, конечно! - последовал пламенный ответ. - Она знает, что явилась на эту планету свидетельствовать о Законе Телемы

собственной персоной, и оказывать помощь своему Титану в его трудах!

Слова Мейзи ставили меня в тупик. Поразительно, но всем известно, что она была влюблена в Бэзиля, любит и будет любить его вечно. Как так выходило, что она в состоянии говорить о другой женщине, которая тоже любит его, без ревности и, судя по всему, без зависти. Вероятно все-таки правду говорили о грандиозной силе его гипноза, с помощью которой он держал их беспомощных, расставленных как множество писем в картотеке в алфавитном порядке. Однако Мейзи буквально пузырилась энергией и радостью, и было бы абсурдно думать о ней, как о жертве вампиризма.

Я спросила ее об этом в упор.

- Моя милая Лу, - рассмеялась Мэйзи, - ну не будь до такой степени дурочкой! Мое Желание - петь... А Желание Лалы помогать Бэзилю в его работе - с чего-бы нам враждовать? Откуда взяться дурным чувствам? Она помогает мне, помогая ему помогать мне; и я ей помогаю, демонстрируя, как его Закон помог мне, и способен помочь другим. Мы - лучшие в мире подруги, Я и Лала; да и могло ли быть иначе?

Ну конечно она сама совершала столь очевидно невозможный подвиг. Ведь в представлениях обывателей о Бэзиле и его окружении все перевернуто вверх дном. В то же самое время нельзя отрицать, что результат поразительно впечатляющий и над ним стоило поразмыслить. Я вполне могла бы понять его идею развития человечества в некую новую породу, наделенную небывальными способностями, и навсегда отбросившее старые страхи, суеверия и дорогостоящие капризы.

Я бы не вынесла такое и две секунды. Мэйзи отказалась и от себя и от него, и все же обладала и собою, и им; Я льнула к нему и себе, и потеряла обоих - потеряла навек! Я встала, чтобы уйти, и прежде чем выйти на улицу, я осознала с безутешным отвращением и отчаяньем степень моей деградации, моего проклятья; и я подавила отчаяньем мою извращенную гордость за мою страшную судьбу, и возрадовалась, когда ужасный героиновый голод снова дал о себе знать, глодая мои внутренности. Я облизнула губы при мысли, что я направляюсь к человеку, которого так разрушила моя любовь - и меня вместе с ним.

Для начала, больше никаких дневников - почему это я должна обнажать себя ради Царя Лестригонов? "Каждый след его шагов вымазан кровью", - как сказала однажды Гретель. Да, в некоем inferнальном смысле ему удалось сделать меня одной из его жертв. "Что же, ладно, ты получишь достаточно слов в магическом дневнике, чтобы дать тебе знать, что я вырвалась из твоих клещей; я буду заносить в него только те вещи, которые будут говорить тебе, как я тебя ненавижу, как я сумела тебя перехитрить - и ты прочтешь их только тогда, когда моя Мертвая Душа получит Мертвое Тело себе подстать".

14 сентября

Я ожидала застать Питера дома; жаждущего узнать, удалось ли мне выклянчить что-нибудь у МакКолла. Вместо этого он явился после двенадцати, накачанный шампанским и - СНЕЖКОМ!

Черт возьми, какой удачный день!

В нем так и кипела страсть, он схватил меня точно ястреб.

- Ну что, старина, - заорал он, - с МакКоллом все удачно?

Я извлекла мой сверток.

- Ура, все наши беды позади!

Мы откупорили наши три последние бутылки шипучего, чтобы отпраздновать событие, и он угостил меня кокаином. И я еще думала, что мне это не нравится! Да это лучшее из веществ на свете. Нюх левой, нюх правой и большой холмик прямо на язык, но и это еще не все.

- Я расскажу тебе, что было неправильно, - сказал Питер утром. - От кого можно ожидать здорового поведения в подобном месте? Я понял, в чем тут дело. Больше мы не будем голодать. Мы отправляемся в Барли Грандж и устроим себе второй медовый месяц. Ты - моя жимолость, и я - твоя пчелка.

Он распахнул дверь и крикнул служанке, чтобы паковала наши вещи, пока мы сходим позавтракать, и пусть приготовят счет.

- Что за inferнальные мы дураки, - восклицал Питер, когда мы шли по улице, точно на парусах, в сторону "Глицинии", где подают настоящий французский кофе, и настоящий английский бекон.

Мы посмотрели на себя в высокое зеркало. Было видно, как сильно мы болели, но все это миновало.

Решимость и уверенность в себе возвратились, а с ними и любовь. Я чувствовала, как любовь смешивается с моей кровью в бурном потоке, словно воды Роны и Арва в Женеве.

Мы заглянули в магазин и с ходу купили автомобиль. В поместье уже был один, но мы хотели гоночный.

Мы доехали до Грик-Стрит, утопая в восторге. То было ясное, свежее, осеннее утро, все вновь обретало свои оттенки. Зима не наступит никогда. И ночь существовала лишь как бэкграунд для звезд и Луны, да еще, чтобы служить декорацией к нашему райскому аду.

17 сентября

Грандж, определенно, лучший дом на свете. Правда есть один изъян. Мы не желаем видеть гостей. Сельское общество по-своему ничего; но тигры не охотятся стаями, особенно в медовый месяц. Поэтому мы пустили по округе слух, что хрупкое состояние моего здоровья не позволяет нам принимать гостей. Довольно очевидная ложь, если учесть на какой скорости мы прикатили. Гидроплан тоже вернулся из Диля, но мы совсем на нем не летали.

Петушок выдвигал разные доводы, но все они были неубедительны. Мы хохотали над их абсурдностью. Но правда заключалась в том, что он нервничал.

Мы этого не стыдились. После того, что он сделал, он мог сложить весла и отдыхать. Разумеется все это было временно. Мы довели себя до гниения в этом чокнутом, болезненном месте на Грик-Стрит. Нельзя было ожидать возвращения в отличную форму за какую-то неделю.

И кроме того, мы не хотели перевозбуждаться. Нам хватало других способов. Мы обнаружили, что можем видеть духов. Бэзил, этот осел, постоянно твердил об опасностях магии, о предосторожности, о научных методах и о прочей чуши! Да мы видим больше демонов и духов каждый день, чем ему довелось за десять лет. Их совсем нечего бояться. Я не прочь увидеть самого Старого Джентльмена. Я бы...

18 сентября

Одним дождливым днем мы отыскивали в библиотеке книгу. В ней говорилось о том, как заставить Дьявола появиться.

Дедушка Петушка был в этих делах дока. В северной башне имеется комната, где он проделывал свои трюки.

Мы поднялись туда после обеда. Там все было более или менее в нетронутом виде. Дядя Мортимер не заботился о каких-либо переменах.

Об этой комнате существовала также и легенда. Во-первых, дедушка был дружен с Бульвер-Литтоном. Мы обнаружили там первое издание "Странной Истории" с дарственной надписью.

Литтон выбрал деда прототипом для Сэра Филиппа Дерваля, белого мага, которого убивают. Об этом он сам написал в предисловии к этому изданию.

Все это было очень жутко и волнующе. В комнате имелось множество самых странных предметов. Там был стол, расписанный загадочными рисунками и буквами, а также огромный меч с рукояткой-крестом; два серебряных месяца, разделенные двумя же медными сферами, и третий, как эфес... Лезвие было обоюдоострое, с выгравированными арабскими или еще какими-то словесами.

Коки начал ими размахивать. Нам показалось, что вспышки света исходят с острия, сопровождаемые гудением и треском.

- Возьми это, - предложил Коки, - в нем есть что-то подозрительно дьявольское.

Я взяла меч из его руки. Конечно, это был лишь мой каприз, но мне показалось, что он совсем не имеет веса, и по моей руке до плеча пробежала странная дрожь.

Еще там была золотая чаша с рубинами вдоль края. Тоже с надписями.

И еще - маленький жезл из черного дерева с изогнутым пламенем на конце; три языка - золотой, серебряный, и из металла, ранее нами невиданного.

Далее шли рядами старинные книги, большей частью на латыни, греческом и еврейском.

Высилась алебастровая статуя Ганеши, слоновьего божества.

- Вот то самое место, - вымолвила я, - где вызывают дьявола.

- Отлично, - ответил Петушок, - но как насчет чертовки для меня?

- О, если я не гожусь, - сказала я, - тебе лучше выдать мне недельное жалованье вместо предупреждения.

Мы оба хохотали как безумные.

В комнате было нечто, отчего у нас кругом пошла голова. Мы принялись бороться и целоваться друг с другом.

Хорошо смеяться над магией, но в конце концов определенные мысли вызывают определенные явления, и мысль может начать работать, если вы подумали ее в месте, подобном этому...

(Дневник Леди Пендрагон прерван в этом месте примечанием, написанным позднее рукою Мистера Бэзиля Кинга Лама. Изд.)

Лу, чорт ее возьми, все понимает правильно. Она заставила меня вспомнить об Анатоле Франсе - La Rotisserie de la Reine Pedauque - старый Куаньяр был предупрежден Розенкрейцером не произносить вслух имени "Aglá", и в момент, когда он его все-таки произнес, у кареты отвалилось колесо, что привело в дальнейшем к его гибели от руки Моисея.

Опять же, все предсказания Розенкрейцера сбылись; он и сам попал в огонь, подобно Саламандре, которую вызвал. Он смотрит на собственную смерть, как на венец своей карьеры - развязку, ради которой он трудился.

Анатоль Франс, в действительности, пишет так, как будто теории Розенкрейцеров верны, хотя его рассудок суетливо разоблачает на каждом шагу абсурдность магии.

Создается впечатление, будто подлинное "Я" художника убеждено в действенности магии, и настаивает на самовыражении вопреки попыткам скептического интеллекта обратить все дело в шутку. В литературе имеются многочисленные примеры подобного конфликта между гением и рассудком, который есть его несовершенный медиум. Для примера - на другом краю шкалы - Мистер У.С.Мозм в "Mage" изо всех своих злобных сил старается показать "злодея" гнусным со всех сторон, объектом презрения и неудачником. И в ту самую минуту, когда его врагам удастся убить его и уничтожить труд его жизни, они оказываются вынуждены признать, что он довел до конца Великое Делание - создание Живых Существ! И любой, мужчина или женщина - звезда". - Б.К.Л.

Мне не нравится эта комната. Я ничего об этом не сказала Питеру, но старик разгуливает по ней как живой. Нужна специальная подготовка, чтобы видеть подобные вещи.

Петушок же никогда не был духовно умен.

18 сентября

Тревога из-за взломщиков прошлой ночью. Мы подняли на ноги весь дом, но не смогли найти следов. Здешние слуги устрашающе глупы. Они все время меня раздражают.

В этом доме нельзя спать. Он слишком старый. Доски то и дело трещат. Только начнешь засыпать, как начинается шорох, и сна как не бывало.

Мне невыносима мысль о прикосновении. Моя кожа очень чувствительна. Эта часть спиритуализации моей жизни, я полагаю.

Я рада, впрочем, что новый медовый месяц и не продлился более трех-четырёх дней.

Это раздражает чье-то тщеславие. Но ведь это всего лишь воспоминание. Как может тщеславие сосуществовать со спиритуальной жизнью?

Сегодня я увидела дух Героина, когда поднималась в магическую комнату. Он страшно худой и длинный, в развевающихся рваных лохмотьях, и они превращаются в птичек и разлетаются, чтобы буравить чью-то кожу.

Я лишь ощутила укол клюва, и затем он пропал. Они были посланниками иного мира. У них гнездышко в моей печени. Очень занятно слышать, как они чирикают, когда просят пищи. Я не знаю, что они будут делать так далеко от своей матери.

Ужасно, когда не можешь заснуть. Должно быть, это тоже часть подготовки к новой жизни.

Я забрела совсем одна в магическую комнату, и села, положив руки на стол напротив старика, пытаюсь заставить его заговорить.

Его губы шевелятся, но я не могу расслышать, что он говорит.

Конечно, меня побеспокоили. Меня всегда беспокоят. Я так устала. Почему они не оставляют меня в покое?

На сей раз то был выстрел. Магическая комната окружена окнами.

Я подошла посмотреть, кто бы это мог стрелять. Луна светила очень ярко, но я ничего не увидела.

Затем последовала еще одна вспышка и звук выстрела. Я перешла к тому окну, откуда он донесся, и стала следить. Стреляли у озера. Я долго наблюдала. Затем скрюченная фигура, скрытая в камышах, подскочила и, прижав ружье к плечу, пальнула дважды. После чего, издав вопль и отбросив ружье, побежала к дому. Гадаю, чтобы это могло быть!

20 сентября

Я нашла у деда в комнате манускрипт, в котором говорилось, как надо вызывать Дьявола. Для этого требуются двое, а я сомневаюсь насчет Питера.

Он совсем не чувствует мира духов. Хуже того, он слегка тронулся умом, и вообразил, что видит вещи, которых вообще не существует. Он постоянно чешется.

Он очень странно вел себя за обедом. Мне показалось, что это заметил дворецкий.

В полночь мы поднялись в комнату старика и приступили к проведению ритуала. Многие в нем кажется глупостью, но кульминация превосходна.

Вы говорите без остановки, снова и снова:

"Ио Пан Пан! Ио Пан Пан! Аи Пан Пан!

Ио Пан Пан! Ио Пан Пан! Пан Пан Пан!

Эгипан, Эгипан, Эгипан, Эгипан, Эгипан,

Эгипан, Ио Пан Пан!"

Так и продолжаете, пока что-нибудь не явится. Мы воспользовались двумя черными облачениями, висевшими там же.

Это были красивые шелковые балахоны с капюшонами.

Нужно взять в обе руки по свечке и танцевать, пока вы делаете заклинания.

Мы чувствовали страх и возбуждение. Словно какая-то странная сила овладела нами, провела нас по всему особняку и вывела на луга.

Мы кричали во все горло.

Раз или два мы видели, как слуга высовывает нос через щель в двери. Каждый раз она закрывалась со слабым скрипом, и мы слышали как поворачиваются ключи и задвигаются засовы.

Нам хотелось хохотать, но мы не могли прерывать заклинания. В книге сказано, что нельзя останавливаться, когда вы вне магической комнаты, иначе Дьявол может вас поймать.

Странное дело, но я совсем не помню, что произошло. Приходил Дьявол, или нет?

Я даже не помню возвращения в магическую комнату. Должно быть заснула, поскольку проснулась страшно голодная.

Петушок тоже не спит. Он склонился у окна с дробовиком. Прицеливался два или три раза, но так и не выстрелил. Поставив ружье в угол, он приблизился ко мне, и сказал: "Нехорошо. Они слишком прыткие. Только ночью есть шанс их накрыть".

Он тоже хотел есть. Мы позвонили, чтобы нам подали еду. Никто не ответил на звонок.

Мы звонили, еще и еще.

Тогда Питер рассвирепел и отправился посмотреть, в чем дело.

В доме не было ни единой души!

Этому нет объяснения. Что могло со всеми ними случиться?

Питер считает, что это немцы. Часть заговора, чтобы отомстить ему за его подвиги на войне. Но я совсем так не думаю.

В книге говорится, что необходимо избавиться ото всех, если вы действительно намерены начать служить спиритуально.

Я думаю, это мой дух-хранитель надоумил их убраться, но я очень сомневаюсь насчет Петушка. Он не готов к высшему развитию. Мужчины всегда такие нетонкие, грубые.

Взять хотя бы как одинаковы они в любви. Правда у Петушка с этим все в порядке. Он сам цветок чистоты - совершеннейший рыцарь!

И все же мы пережили очень дурной период. Несомненно нам следует очиститься ото всех наших низменных элементов.

Порою меж нами возникает огромное влечение, не замаранное никаким

скотством.

Одно меня тревожит, не слишком ли напряг его рассудок сам процесс очищения от скверны.

У него явно появились чудные идеи. Иногда я застаю его глядящим на меня с глубоким подозрением. Немцы не выходят у него из головы. Только что он обличал Гретель Вебстер, как немецкую шпионку, после чего стал нести какую-то малопонятную околесицу. Но суть всего этого такова - раз Гретель познакомила нас, значит и я была использована ею, как вредитель.

Естественно такие мысли находят, когда хочешь есть, и всем этим мы обязаны загадочному исчезновению прислуги.

Питеру ничего не стоило бы сходить на постоянный двор и сказать, чтобы нам прислали поесть. Но мне стоило дьявольских усилий заставить его это сделать. Его характеру не достает решимости.

Я заставила его два-три раза понюхать снежок. Это его привело в чувство и он отправился в гостиницу.

Я очень рада, что осталась одна. Я всегда чувствовала, что эти слуги шпионят. В доме царила восхитительная тишина.

Когда я пишу, двое прекрасных людей смотрят через плечо. Они посланы наблюдать за мною, направлять и подготавливать меня к великому делу, который меня ожидает впереди.

А вот и Питер с официантом и подносом. Я должна спрятать эту книжечку. Секреты духовной жизни следует скрывать от профанов.

Все в порядке. Вот и Питер стал моим духовным братом. Мы едим совсем немного. И это естественно: все низменные аппетиты должны быть умерщвлены, прежде чем путь будет продолжен. Питер съел самую малость; а потом сказал:

- Я знаю, от чего мы не смогли заставить Дьявола прийти к нам прошлой ночью. Потому что рядом были слуги. Теперь я вспоминаю, что дедушка держал в доме только двоих, и то отсылал их, когда затевал нечто крупное. Давай посмотрим, что у нас получится сегодня ночью.

Вот здорово. Со мною снова был прежний Питер.

Мы решили, что будет правильным накокаиниться, как следует, перед началом.

ГЛАВА VI. ЛОМКА

23 Сентября

Я не помню, что произошло. И знаю почему. Бэзил когда-то давно говорил мне, что рассудок замечает только материальные вещи. Спиритуальные же события зарегистрированы на более высоком уровне нашей души, который мы не осознаем до тех пор, пока не приспособимся к духовной жизни. Поэтому я могу изложить здесь лишь то, что мы добились полного успеха.

Дьявол, разумеется, нуждается в человеческом переводчике, если он собирается общаться с этим миром, и таким образом он овладел Питером. Он готовил Питера, чтобы воплотиться в него. Он сделает Питера Папой Римским, а я должна появиться в Ватикане переодетой, чтобы помочь ему, потому что он ничего не может без меня сделать.

Моего собственного духовного хранителя зовут Келетиел. Она - прекрасное существо, носит павлинье голубое и зеленое. У нее белые крылья, как у лебедя, и сноп разноцветных цветов. Длинные, свободно падающие до талии черные выщипанные волосы. Вокруг ее лба обвит золотой обруч с ее именем, усыпанный сапфирами. Я всегда могу к ней обратиться.

Здесь необходим символ, потому что она сильно меняет свои размеры. Иногда она предстает крошечным существом, не доходя до моего колена, а иногда она в два или три раза больше Северной Башни.

Питер и я забрызганы кровью. Мы вышли из круга до того, как Дьявол удалился, и он едва не разорвал нас на части. К счастью, нам удалось вернуться обратно, и он не смог убить нас, но мы потеряли сознание и очнулись спустя долгое время. Вот почему мы не можем вспомнить случившегося.

У меня мелькнула мысль о том, что произошла ужасная ссора с Питером, но

я не могу припомнить никаких деталей.

Я полагаю, что он, тем не менее, помнил, а мне не говорил.

Я не знаю, почему он должен действовать подобным образом. Единственная вещь, которая приходит мне в голову - Гретель Вебстер могла, наверное, явиться сюда посмотреть на Питера в своем астральном теле, и настроила его каким-то образом против меня...

Он лежал на софе в пижаме. Я хотела, чтобы меня поцеловали, и подошла к нему с кокаином. Он не пошевелился. Он посмотрел на меня с широко открытыми глазами. В них застыл какой-то жуткий страх, и он произнес:

- Черная, эта чума из колодца,
Как видны ее гноящиеся прыщи,
Как кусают зловонные поцелуи
Когда ласкает ее аспид.

Разумеется, я понимала, что он не имел это в виду буквально, но мне было обидно. Я дала ему кокаин. Это встряхнуло его. Он сел и, держа меня за плечи и смотря прямо в лицо, сказал:

- Дракон манящий и пугающий,
Тигр похоти и ярости,
Живой в цепях мертвецов,
Живучая слизь среди праха,
Позорно-бесстыдная как пламя,
Оргия выделений брюхатого чрева
Вместе с ненавистью за пределами целей или имен -
Оргазм, смерть, диссолюция!

Потом он неожиданно завопил, выбежал из дома к озеру и нырнул прямо в него. Он проплыл несколько саженей, затем выбрался на берег и медленно побрел обратно к усадьбе.

В бельевом сундуке я нашла несколько полотенец. Я боялась, что он простудится, и тщательно обтерла его с головы до ног. Он выглядел так, будто забыл обо всем на свете. Он был довольно приятным и нормальным, но только немного испуганным.

Я никак не могла разобраться, что же с ним стряслось. Он поступал так, словно знал какой-то ужасный секрет, который надо держать в тайне от меня. Он, казалось, постоянно опасался, что за ним шпионят или подслушивают.

Сегодня вечером я снова направилась в магическую комнату. Питер сидел в комнате своего деда и делал пометки в книге. Сначала я не поняла этого. Я поднялась наверх, а он оставался спать мертвым сном там внизу! Затем, конечно, вся загадка прояснилась.

Пока он спал, появлялся его астральный двойник и занимался магией. Я знала, что очень опасно беспокоить чье-то бы то ни было астрального двойника, и на цыпочках выскользнула из комнаты, однако он бесшумно преследовал меня. Каждый раз, когда я оглядывалась через плечо, он был тут как тут, хотя очень быстро отклонялся назад за угол или прятался за дверь...

Питер какое-то время был очень озабочен. Он писал на бланках телеграммы, а затем рвал их в клочья; и тут начинал, похоже, думать, что и это небезопасно, и собирал клочки и сжигал их. Я спросила его об этом, но он ничего не говорил и страшно злился.

Впрочем, по-моему я догадываюсь, в чем, собственно, дело. Я нашла кусочек бумаги, который он забыл уничтожить - письмо в Военное Министерство, предупреждающее относительно германских заговоров, и сообщавшее им о некоторых происходивших здесь вещах. Я едва смогла это прочитать; его почерк был абсолютной абракадаброй.

Он очень много говорит с самим собой. Я кое-что подслушала. Он полагал, что в Министерстве Обороны может сидеть немецкий шпион, и боялся довериться почте или телеграфу.

Он продолжал повторять: "Я в полном недоумении". Затем снова начинал бормотать о заговорах против него.

Я уверена, что могла бы помочь, если бы он доверял мне. Я дивилась, неужели с его стороны это все заблуждение. У него определенно есть некоторые забавные идеи.

С другой стороны, он претендовал на видение духовных хранителей, что невозможно, так как он недостаточно чист. Кроме того, вещи, которые по его

утверждению он видел - все ужасные и отвратительные.

Но теперь он вообще ничего не говорит, совсем ничего. Он начал обращаться ко мне и проверять себя...

Сегодня вечером очень темно. Идет дождь. Питер с ружьем спустился к озеру.

Я достала эту книгу из потайного места. Я была страшно напугана.

У меня не было никакого аппетита за ланчем, а Питер совсем ничего не ел. Он набросился на меня с истерикой, напоминая о нашей любви, и говоря, что не может поверить в то, что все это оказалось фикцией и притворством. Почему я вступила в заговор, чтобы довести его до смерти? Он не ест, потому что думает, что пища отравлена; и когда он увидел, что я тоже не ем, это убедило его в том, что я участвую в заговоре против него.

Я попыталась объяснить ему, что это все чушь. Я сказала, что не принимала участия ни в каком заговоре. Но так просто его разум не успокоился. Мне пришлось открыть ему мой величайший секрет, что я женщина, освещенная солнцем из Книги Откровений, и он должен защищать меня.

Я доказала ему, что это единственное объяснение. Причина, по которой он не может жить со мной, как мой муж, заключалась в том, что я собираюсь принести Мессию в этот мир.

Мы начали яростно спорить. Не знаю, как это получилось; но, как обычно, все обернулось ссорой.

Человек должен быть сконцентрирован на спиритуальной жизни, так что малейшие помехи в ощущениях, даже если это только ветер, прошумевший в деревьях, ужасно раздражающая вещь.

"Сатана - повелитель силы воздуха", сказано в Библии, и он посылает эти шумы в небе, чтобы терзать мое сознание.

Как я могу дать рождение Мессии, пока я не вознесена на Седьмое Небо и бессознательна относительно материальных вещей?

Мир, плоть, Дьявол. Один в трех и трое в одном. Эта злая троица должна быть упразднена. Она знает это; и вот почему она пытается терзать меня, с помощью Питера или телесных болей, или видений и звуков природы.

Природа проклята из-за секса, так что весь этот мир находится во власти Зла. Но я избрана искупить его, и Святой Дух защищает меня и посылает ангелов охранять. Вот почему мы избавились от прислуги.

Питер неожиданно напал на меня. Он повалил меня, придавил коленом мою грудь и попытался задушить. Но ангел внезапно ударил его, и мышцы его обмякли, и он упал на бок.

Его глаза были широко раскрыты, но я могла видеть только белки. Это был признак того, что им овладел Дьявол, и что ангелы защищают меня.

Два или три раза он стрелял, и сейчас я вижу, как он спускается к озеру. Я должна спрятать эту книгу, и поэтому пойду в гараж и спрячу ее там до утра.

Келетиел сказала мне, что это критическая ночь. Я должна забраться в большую машину под чехол. Он не будет меня там искать и ангелы останутся на страже...

Все прошло хорошо. Я спала на сиденье машины. У меня был чудовищный кошмар, и я проснулась вся в холодном поту. Затем снова заснула. Я была с шестью ангелами, которые вознесли меня по воздуху к месту, которое я не должна описывать. Это великая и восхитительная тайна.

Ужасно, и одновременно волшебно по своему великолепию быть женщиной, освещенной солнцем. Величественность этого могла напугать меня лишь несколько недель назад. Я была осторожно и мудро подготовлена к моему высокому положению.

Это видение посвятило меня в самые изумительные и чудесные таинства.

Когда я проснулась, появилась Келетиел и сказала мне, что кризис миновал. Я содрогалась от холода и отправилась в дом за героином. Это единственная вещь, которая вопреки всему оставляет человека в тепле, невзирая на то, какая погода стоит на дворе. То, что держит тело в тепле - вспышка животной жизни, и когда человеку доводится попасть в абсолютно спиритуальную ситуацию, его тело становится холодным, как у трупа...

Случилась кошмарная вещь. Мы употребили уже весь героин, и едва оставалось сколько-нибудь кокаина. Я вспомнила, что пришила немного к моему

белому платью, и пошла взять его. Оно лежало на полу в углу гостиной.

Платье было севшее, смятое и грязное, и все еще оставалось довольно мокрым. Я предполагаю, что возможно долго ходила под дождем, хотя ничего об этом не помню.

Весь героин промок. Ни грана сухого. Вошел Питер и застал меня плачущей. Он немедленно понял, что случилось. Его единственными словами было:

- Ты должна вернуться к МакКоллу.

Я едва ли была способна разозлиться. Мужчины слишком явно животные, чтобы понимать. Как я могла сделать такую вещь, осознавая, кто я была?

Питер отчаянно хотел немного Г.; и факт пропажи заставил его сходить с ума от желания.

Он поднял один из пакетиков и начал жевать.

- Хвала Всевышнему, - воскликнул он, - довольно горько на вкус. Должно быть в платье еще много.

Я дрожала и чувствовала слабость. Я подняла другой пакетик и положила его себе в рот. Питер обезумел и вцепился мне в волосы, и заставил меня разжать зубы с помощью указательного и большого пальцев. Я сопротивлялась, била его и кусалась; но он был слишком силен. Он вытащил пакетик и положил к себе в рот. Как только я села, он ударил меня по лицу.

Я чувствовала себя совершенно разбитой и вялой, и начала выть. Он поднял платье и пакетики и направился к выходу. В отчаянии я вцепилась в его лодыжки; но он одним ударом вырвался, и вышел из комнаты с одеждой.

Я была чересчур слабой, чтобы идти за ним, мне было больно, и мой нос кровоточил.

Но я все-таки достала немного Г., и помнила, кто я была. Это часть испытания. В любой момент я могла продемонстрировать свое великопение, и он падет ниц к моим ногам и начнет боготворить меня. Помимо прочего, у него у самого превосходная судьба; как у Святого Иосифа - или еще с большей вероятностью он может оказаться Драконом, который попытается уничтожить меня и Мессию.

В моем положении настоящий Г. на самом деле не так уж необходим, как и пища. Достаточно духовной идеи. Это, полагаю, урок, который я должна выучить. Я полагалась на порошок как таковой. Сказано в Библии: "Ангелы пришли и ухаживали за ним". Мои ангелы принесут мне манну, которая кометой падет с небес.

Я в превосходном настроении. Как это возвышенно не зависеть больше от земных вещей! Появилась Келетиел и сказала мне пойти и пророчить Питеру, так что мне придется спрятать подальше свой дневник. Я должна все время думать о новом месте, иначе Питер найдет, где я его храню, или дед, рыскающий вокруг в своем астральном теле, заберет его прочь. Я была очень осторожна, когда писала; но он мог обнаружить какие-нибудь тайны и разрушить все.

Есть еще одна неприятность. Я могу ясно помнить только о духовных вещах. Материальный мир угасает. Будет настоящим бедствием, если я забуду, где его прячу.

Бэзил никогда не простит меня.

Я спрячу его в дымовую трубу, и тогда всегда смогу посмотреть, куда его положила...

Что самое ужасное, так это как медленно тянется время! С Г. или К., с ними обоими никогда не бывает ни одного скучного момента; без них часы, даже минуты - тяжкая обуза. Трудно читать или писать. Мои глаза не могут четко сфокусироваться. Они открыты для спиритуального мира, и не могут видеть что-то вне его. И еще тяжело контролировать руки. Я не могу четко выписывать буквы.

Ожидание несносно. Ждать, когда что-нибудь произойдет! Я не могу думать ни о чем, кроме Г. Все в моем теле неправильно. Болит нестерпимо. Даже одна единственная доза может все поправить.

Это заставляет меня забыть, кем я являюсь, и ту прекрасную работу, которая должна быть сделана. Я стала довольно слепа к спиритуальному миру. Келетиел так никогда больше и не появлялась. Я должна ждать, ждать, ждать Святого Духа; но это такое далекое, далекое воспоминание.

Были времена, когда я почти сомневалась в этом, и по-прежнему моя вера

- то единственное, что мешает мне сойти с ума. Я не могу выдержать без Г.

Одинаковость страданий сблизила нас с Питером. Мы лежали рядом и смотрели друг на друга; но мы не могли касаться друг друга - кожа слишком болезненна. Мы оба нетерпеливы, настолько, что невозможно даже описать. Нас раздражает вид друг друга в таком состоянии, но мы не можем ничего сделать; постоянно поднимаемся с намерением сделать что-нибудь, но снова тут же садимся. Потом мы уже не можем сидеть, и нам приходится лечь. Но и лежать мы не отдыхаем; лежание раздражает нас еще больше, так что мы снова поднимаемся, и так далее, до бесконечности. Невозможно курить сигарету; через две или три затяжки она выпадет из пальцев. Единственная отдушина, которая у меня есть - это дневник. Он помогает мне писать о своих страданиях, и, кроме того, это важно для спиритуальной жизни. Бэзил должен получить эти записи и прочитать.

Впрочем, я не могу припомнить дат. Я даже не знаю, какой сейчас год. Листья в парке говорят мне, что сейчас осень, и ночи становятся длиннее. Ночь лучше, чем день; меньше раздражает. Мы не спали, конечно, мы впали в апатию и безразличие. Бэзил говорил мне однажды об этом. Он называл такое состояние темной ночью души. Человек должен пройти сквозь нее на пути к Великому Свету.

Дневной свет - пытка. Любое ощущение - орудие самой дьявольской боли. Нет плоти на наших костях.

О, это вечное алкание Г.! Наши умы полностью пусты для всего остального. Ворвавшись в пустоту, пришли, кувыряясь, слова этой мерзкой поэмы:

- Истерзанный и горящий змей
Стреляет в нее отравой,
Как будто это может утолить
Боль на десятую долю минуты.

Это как купорос, который выливают на лицо человеку. У нас не было своих собственных мыслей. Мы не могли думать. Потребность заполняется этими словами...

Воздействие света само по себе телесная боль.

- Когда солнце - живой дьявол
Изрыгающий блевотину зла,
А ночь и луна лишь потешаются
Над несчастным на голой скале,
И высоко изогнутый купол небес
Как его небо, пересох и безводен,
И пещеры его высохшего сердца
Забиты песком солончаков!

Мы живем водой. На мгновение она, казалось, утоляла жажду, по крайней мере частично. Нервное состояние Питера очень тревожное. Я уверена, что у него галлюцинации.

Он поднялся и, шатаясь, добрал до каминной доски, и облокотился на нее вытянутыми руками. Он вскричал хриплым, осипшим голосом:

- Жажда!

Не та, что в глотке
Пусть свирепей и злей
Средь физических мук -
Только она пробила сердце
Христа

Исторгнув единственный дикий крик
"Пить!" за всю Его агонию,

Пока солдаты играли в кости и пьянствовали.

Питер считал себя Иисусом, распятым на Кресте, вместо Дракона, которым он являлся в действительности. Из-за него я сильно нервничала.

Когда он закончил декламировать, силы неожиданно покинули его, и он потерял сознание. Грохот каминного прибора был самым ужасным шумом, который я когда-либо слышала...

Когда я смогу собраться с силами, чтобы вести записи в своем дневнике, боль оставит меня. Я понимаю, что здесь находятся двое людей. Я сама, Женщина, Освещенная Солнцем, пишущая о моих переживаниях. Другая - Лу

Пендрагон, животное, умирающее в агонии от жажды.

Я произнесла последнее слово громко, и Питер уловил его. Он пополз ко мне от каминной решетки, хрипя:

- И не та мягкая жажда
Что зовет рабочего к вину;
Не телесная жажда
(Будь неладно ее неистовство)
Когда рот полон песка,
А глаза слиплись, и уши
Морочат душу, пока ей
Не послышится,
Вода, вода рядом,
Когда человек ногти вонзает
Себе в грудь, и пьет свою кровь
Которая уже сгустилась
и свернулась.

Он впал в детство. Он думал, что я была его матерью, и подполз ко мне, чтобы его понянчили.

Но когда Питер приблизился ко мне вплотную, он узнал меня, и снова пополз обратно в страшной спешке, как раненое животное, пытающееся убежать от охотника.

Большую часть времени, когда у нас была энергия вообще о чем-то говорить, мы обсуждали как достать еще К. и Г. К. закончился давным-давно. Без Г. вообще нет ничего хорошего. Мы могли отправиться в Германию и достать его; или даже в Лондон, но что-то удерживало нас от поездки.

Я, конечно, знаю в чем тут дело. Для меня необходимо подвергнуться этим мучениям, чтобы я смогла полностью очиститься от плоти.

Однако Питер вообще ничего не понимал. Он с горечью обвинял меня. Мы проходили всю ситуацию заново, снова и снова. Каждый инцидент, с тех пор как мы встретились, рассматривался по очереди как причина нашего несчастья.

Иногда брутальная похоть оживала в его сознании. Он думал, что я - вампир, посланный из Ада, чтобы уничтожить его, и злорадствовал по поводу этой идеи. Я не могла дать ему понять, что я - женщина, освещенная солнцем. Когда ему приходили на ум эти идеи, они пробуждали сходные мысли во мне. Но они оставались только мыслями.

Я боюсь его. Он может застрелить меня в припадке безумия. Он достал пистолет для стрельбы по мишеням, очень старый, с длинными тонкими пулями, и таскает его все время с собой. Сейчас он уже не упоминает больше о немцах. Он болтает о банде гипнотизеров, овладевших им, и внушивших злые мысли его сознанию. Он сказал, что если сможет застрелить одного из них, то разрушит проклятие. Он приказал мне не смотреть на него, как раньше; но я должна быть настороже, чтобы он не напал на меня.

Затем он смешал мой гипнотический взгляд с идеями страсти. Он продолжал повторять:

- Взирает пристально и прямо,
Нет нужды ласкать и манить
Ее раба страхом поцелуя,
Ее ужас переходит в него
Зная, что чрево - гадючья матка,
В крапинках и черную полосу
По ржаво янтарным чешуям,
Там его могила -
Вытягивающая жилы скрипучая дыба
На которой он орет - как он орет!

Он испытывал острый восторг от интенсивности своего страдания. Он был дико горд тем, что по его мнению был избран, чтобы подвергнуться более зверским мучениям, нежели те, которые когда-либо можно было представить себе прежде.

Он рассматривал меня как важнейшее орудие этой пытки, и любил меня по этой причине с извращенным дьявольским вождением. Вся эта ситуация была заблуждением с его стороны, или же это необходимое последствие его превращения в Дракона.

Вполне естественно, что в такого рода деле всегда будут происходить странные инциденты, коих никогда не случалось раньше. Изумительно и ужасно быть уникальным. Но, конечно, он на самом деле не столь уникален, как я...

Мы развели большой костер в бильярдной комнате. С тех пор спали там, если и спали вообще. Мы вызвали официанта из гостиницы, чтобы он снес вниз стеганные одеяла и подушки из спальни, и попросили его оставлять еду на столе.

Но от огня толку мало. Холод пришел изнутри нас. Мы сидели напротив пламени, грея наши руки и лица; безрезультатно. Мы дрожали.

Мы пытались петь как солдаты вокруг лагерного костра, но единственные вырывавшиеся слова были соответствующими. Эта поэма овладела нами. Она заполнила наши души не оставив места ничему, кроме жажды.

- Каждая кость в отдельности
Холодна, воплощение стона,
Что разлит из ледяного семени
Неумолимого червя Геенны.

Мы повторяли эти слова снова и снова...

Я не знаю, как одна вещь когда-либо обращается в другую. Мы живем в вечности проклятия. Загадка, как нам вообще удавалось оторваться от огня и подойти к столу или закурить два больших "Честерфильда". Каждое действие - отдельно взятая агония, воздымающаяся до климакса, который так никогда и не наступает. И нет возможности логического завершения или обретения покоя.

- Каждый нерв в отдельности
Не спит, и бдит на кривой
Асимптота которой "никогда!"
В гиперболическом "навсегда!"

Я не понимаю, что означают некоторые слова. Но в них есть какое-то очарование. Они дают представление о чем-то безграничном. Смерть стала невозможной, потому что она определена. Ничто в действительности не может произойти. Я нахожусь в вечном состоянии боли. И все в равной степени - мука. Я предполагаю, что одно состояние перерастает в другое, дабы помешать страданию дойти до крайности. Будет невероятным блаженством, если я смогу испытать нечто новое, хоть и отвратительное. Автор этой поэмы не оставил камня на камне. Все, что приходит мне на ум, не более чем эхо его стонов.

- Плоть и дух заодно
Предатели, обернулись черной душой
Ищут место ударить
По жертве, уже настроенной
По одной безмерной тональности раны;

Ритм этой поэмы, если оставить в стороне слова, предполагает эту *moto perpetuo* (вечную - лат.) вибрацию. И по-прежнему остается нервная раздражительность, словно меня намереваются изнурить таким образом. Это просто невыносимо; и единственным избавлением, похоже, будет трансформировать ее в действие. Отрава просачивается сквозь тело в кровь. Меня подмывает сделать что-нибудь действительно ужасающее и безумное.

- Каждая капля реки
Крови дрожит и пылает
Отравой тайной и горькой -
Подобно последнему содроганию
Во плоти щербатых кинжалов.
Когда Питер шел через комнату, я увидела его
- С глазами, налитыми кровью и тупо-остекленелыми
Вопящий Малаец бредет, спотыкаясь,
Через свой пораженный ужасом поселок.

Естественно и неизбежно, что он должен убить меня. Я желаю, чтобы ему хватило сил. Покончить со всем разом.

В медицинских книгах сказано, что если человек не умирает тотчас от воздержания, страстное желание медленно выветривается. Я думаю, что Питер уже намного сильнее. Но я так молода, чтобы умирать! Он постоянно жалуется на паразитов у него под кожей. Он утверждает, что может вынести и это; но мысль о том, что тебя довели до безумия гипнотизеры - это больше, нежели любой человек способен вынести...

Я чувствую, что завизжу, если продержусь так еще на мгновение; под этим воплем я не подразумеваю обычный вопль... Я имею в виду, что должна вопить, вопить и вопить и никогда не останавливаться.

Так воет ветер. Лето умерло внезапно - без предупреждения, и мир вопит в агонии. Это лишь эхо стенаний по моей одинокой потерянной душе. Сейчас ангелы никогда уже ко мне не придут. Лишилась ли я своего положения? Я ни на что не обращаю внимания, кроме этой раздирающей на части, колющей, грызущей боли, этого беспокойного, неестественного дрожания тела, и этого злобного копания безумного хирурга в открытой ране моей души.

Мне так нестерпимо, нестерпимо холодно. И еще я не могу вынести вида этой комнаты. Питер лежит беспомощно на диване. Он неотступно следит за мной. Словно боится, что его могут застигнуть врасплох. Это похоже на те времена, когда у нас был порошок. Хотя мы знали, что принимаем его, и предлагали его друг другу открыто, всегда когда мы принимали его в одиночку, мы боялись, чтобы другой не узнал.

Я думаю, у него есть что-то, и он хочет спрятать это подальше, и пытается выпроводить меня из комнаты, так чтобы я не узнала, куда он это положит.

Ну а мне наплевать. Мне неинтересны его частные дела. Я выйду и дам ему шанс. Я спрячу эту книгу в магической комнате, если у меня хватит сил добраться туда. Старик может быть в состоянии дать мне какой-то эликсир. Я не возражаю, если он убьет мое тело; если бы мой дух был свободен, я смогла бы выполнить мое предназначение...

Как только я захлопнула книгу, я услышала ответный хлопок. Это должно быть дверь, и старик вошел в нее. У него дивный свет в глазах, и он окрашивает в цвета радуги весь мир. Я понимаю, что мое испытание закончено. Он стоит, улыбаясь, и указывает вниз. Я думаю, что он хочет, чтобы я вернулась в бильярдную комнату. Наверное, там кто-то ждет меня; кто-то, кто заберет меня прочь исполнить мое предназначение. Я понимаю сейчас, что я приняла за хлопок, или за закрывающуюся дверь. На самом деле обе эти вещи случились в мистическом смысле; и теперь я осознаю, кто этот старик на самом деле, и что он - отец Мессии...

ГЛАВА VII. ПОСЛЕДНЕЕ ПОГРУЖЕНИЕ

Воскресенье

Церковные колокола подсказали мне, какой сегодня день. Я прошла через другое ужасное испытание. Не знаю, сколько времени пролетело с тех пор, как я спустилась из северной башни. Этот шум оказался на самом деле выстрелом. Я нашла Питера лежащим на полу с пистолетом у бока, и кровь струилась из раны в его груди.

Я немедленно поняла, что мне придется делать. Послать за доктором было невозможно. Скандал с самоубийством мог сделать жизнь здесь невыносимой после того, как выяснят, что это произошло из-за порошка. Бремя должно было лечь на мои плечи. Я обязана выходить моего мальчика и вернуть его к жизни.

Помню, что была слишком слаба, чтобы спуститься из северной башни. Я поднялась на балюстраду и закашлялась от удушья, и соскальзывала вниз, сидя, со ступеньки на ступеньку. И еще я была почти слепая. Мои глаза, казалось, ни на чем неспособны сфокусироваться.

Но в то самое мгновение, когда я увидела, что произошло, моя сила вернулась ко мне, по крайней мере физической, а сила природы. Она струилась сквозь меня, как ветер дует через тонкую изодранную занавеску.

Патроны были очень старыми, и порох судя по всему потерял свою силу; пуля отскочила от его грудной кости и скользнула вдоль ребер. На самом деле рана была пустяковая; но он был так слаб, что мог умереть от потери крови. Я достала немного воды, промыла раны, и забинтовала их так хорошо, как только смогла. Когда пришел официант, я послала его за необходимыми лекарствами к аптекарю, и за диетической едой. Впервые я радовалась тому, что была война. Мой опыт работы в Красном Кресте устранил все проблемы.

У него был небольшой жар, соответственно его сильной слабости, и периодически возникал бред. Одержимость этой поэмой все еще захватывала его. Пока я перевязывала раны, он прошептал слабо и полусонно:

- Это Она, она, что отыскивала меня
В морфяной медовый месяц;
Шелком и сталью меня сковала,
Погрузив с головой в ядовитое молоко,
Ее руки даже сейчас сжимают меня,
Удушая до потери сознания.

- Да, - сказала я, - но я твоя жена, которая любит тебя и собирается ухаживать за тобой во время этой беды, и мы будем жить счастливо после этого во веки веков.

Он улыбнулся слабой и прелестной улыбкой, и задремал...

Среда

Теперь я считаю дни. Наступило бабье лето. Природа изумительна. Я выхожу на небольшие прогулки, когда Питер спит.

Пятница

Трудностей не было никаких, в противном случае мне бы пришлось вызвать доктора не считаясь с риском. Меня беспокоит только, что по мере того, как рана заживает, галлюцинации с манией преследования начинают возвращаться. Я сейчас понимаю, насколько я сама была одержима бредом величия, и как мое желание стать матерью определило его форму.

Но было ли заблуждением то, что я постоянно думала о Бэзиле? Я, казалось, слышала его голос, говорящий, что я исцелена с того самого момента, как забыла о себе, обратившись к моей любви к Питеру; в труд по возвращению его к жизни.

И сейчас, когда я перестала смотреть и чувствовать для себя, я стала способна видеть и чувствовать его с абсолютной ясностью. Теперь нет ни малейшей возможности ошибки.

Все это время он был в состоянии смутно осознавать, что скатывается по темному склону в сумасшествие. Он смешивал свое падение с мыслями обо мне. Он начал идентифицировать меня с фантомом убийственного безумия, который, по его признанию, должен уничтожить его. Призрак беды постоянно вставал перед его лицом; и он начинал повторять жалобно озадаченным голосом, сосредоточив на мне свой взгляд:

- Знаешь теперь отчего ее глаза
Так страшно сверкают, разглядывая
Ужасы и мерзости
Раскрывающиеся, точно грязные цветы?
Смех, схоронивший покой,
Агония за решеткой печали,
Смерть, лишенная мира,
Не само безумие ли она?

Снова и снова он повторял это, и вновь я говорила ему ответ. Я, разумеется, была воплощением соблазнительницы, ангела разрушения. Но это было кошмаром. Я проснулась, и он должен проснуться.

Но он видел не столько меня, сколько свой идеал, как-то связанный со мной, запекшийся словно кровь в форме моего тела. Мои слова не имели значения - его навязчивая идея становилась все сильнее по мере того, как возвращалась его физическая сила.

- Она поджидает меня, лениво поглядывая,
Пока луна убивает луну;
Луна ее триумфа близится;
Скоро она пожрет меня целиком.

Ритм этой поэмы все еще в моей собственной крови; но казалось, что он перестал на меня действовать. Я забыла острую личную обиду из-за предыдущей части. Я даже не могла больше вспомнить отдельные строчки. Я была полностью захвачена последними двумя строфами, где тема столь неожиданно менялась.

Я начала осознавать, что именно моя гувернантка имела обыкновение называть Weltshmerz; вселенская печаль, там где "Творение стенает и мучается до сих пор".

Я поняла желание Бэзила - мы должны были предпринять этот ужасающий

эксперимент, который довел нас до такой крайности. Мое безумие стало следствием эгоистического тщеславия. Я не была избрана для уникального предназначения. Реализация моего собственного страдания привела меня к заключению, что все остальные находятся в той же лодке. Я смогла даже узреть фальшивую ноту презрения поэта к тем, кто не ощутил величественности своего собственного ужаса.

- И Вы, Вы - чистоплюи пуритане и прочие,
 Кто не познал изнуряющей тяги к морфину,
 Вопите от презрения, если я назову вас братьями,
 Кривите губу, глядя на ярость маньяка,
 Глупцы, семь раз обманутые,
 Вам она не знакома? Ладно!
 Ей и улыбнуться не надо, чтобы
 Разорить вас ко всем чертям!

Гордыня Сатаны, в глубине проклятия, сокрушилась, когда он осознал, что остальные находятся в том же бедственном положении - и не претерпев таких извращенных страданий для достижения подобного состояния. Он постигает истину, лишь когда полностью развоплощается в последней строфе.

- Морфий всего лишь искра
 От того векового огня.
 Она же единое солнце -
 Прообраз всех желаний!
 Все, чем бы вы были, вы есть -
 И в этом венец страстного стремления.
 Вы рабы звезды Полярной.
 Разум, если осмыслить - безумие
 Чувство, на поверку - боль.
 Каким блаженством было бы в сем усомниться!
 Жизнь - физическая мука, болезнь ума;
 И смерть - из нее не выход!

Я вижу, что все чувства, хотя это может показаться до какой-то степени случайностью, основаны на боли, потому что она подразумевает двойственность и несовершенство; и природа мысли какого угодно рода должна в конечном счете быть безумием, потому что она выражает отношения между вещами, и никогда вещи в самих себе.

Мне стало очевидно, что скорбь Вселенной вызвана желанием манифестации, и что смерть не может сделать больше, чем подавить одну форму существования в предпочтении другой. Разумеется, *impassé* (бесстрастно - франц.) совершенно. И кажется нет никакого решения проблемы. Это порочный круг.

В то же самое время, благодаря молчаливому согласию с реальностью, безумная настойчивость в индивидуальной муке притуплена. Сопереживание со вселенским страданием влечет человека к безмятежности определенного мрачного и унылого рода. Оно не указывает нам пути к бегству, если таковые и есть, но делает идею бегства хотя бы гипотетически возможной. До тех пор, пока человек пытается в одиночку выбраться из горящего театра во имя собственного спасения, возникает паника, при которой согласованные действия невозможны. "Каждый сам за себя и пусть дьявол возьмет проигравшего", - это утверждение не способствует достижению победы. Оно даже не обеспечивает безопасность любого другого человека.

Как быстро я восстановила свое здоровье, когда была, казалось, вынуждена совершенно о нем забыть!

Питер все еще отчаянно стремится спасти себя. "Тот, кто любил свою жизнь, потеряет ее". Я должна посвятить мои волшебные возрожденные способности его спасению. Только вот не знаю, с какого края взяться.

Если бы Бэзил был здесь. Он может знать. Он разработал технику. Все, что я могу - это любить и слепо трудиться. Помимо прочего, здесь должны находиться ангелы, наблюдающие за ним из некоторого измерения, которое я не пытаюсь понять. Почему бы им не опекать и его?

Я всего лишь глупая девочка-подросток, и не заслуживаю ничего иного, кроме как быть выброшенной в корзину для ненужных бумаг. Он - шикарный мужчина со славным боевым прошлым и безграничными перспективами. Не так-то просто увлечь его в преисподню; и они должны знать это.

Я больше не буду напрягать свою глупую головку на этот счет, я буду любить и надеяться.

26 Октября

На долгое время я забыла о своем дневнике. Я была слишком занята Питером. Моя память пугающе плоха. Я похожа не в состоянии сосредоточиться на определенных вещах. Питер окреп. Сейчас он в довольно неплохой форме, берет меня на прогулки, и этим утром учил стрелять фазанов. Это страшно возбуждает. Я действительно подстрелила одного, в самый же первый день. Я наняла одного человека, его жену и дочь, чтобы они приходили и готовили для нас, так что на самом деле мы живем в комфорте (в деревенском смысле этого слова). Я не могла никого вызвать, пока Питер бредил.

Официант из таверны - швейцарец. Он держал свой рот на замке; и я пришла к выводу, что у него нет желания встречаться с полицией.

Я не могу вспомнить, когда Питеру стало лучше: душевно, я имею в виду. Знаю, что я обязана была вести этот дневник должным образом, но как только ему стало лучше, он стал занимать все больше и больше моего времени, и потом мне приходилось сделать так много, чтобы все в доме было в порядке, когда он будет в состоянии подняться.

Я до сих пор не помню, как именно все произошло; но я верю, что улучшение наступило, когда была забыта поэма. Он начал говорить естественно о самых обыкновенных делах. Он был ужасно слаб и разбит, и это пугало его. Он выглядел как обычный выздоравливающий, и признаки возвращения интереса к мирским вещам свидетельствовали об этом. Я перестала быть для него символом. Я была просто его нянькой.

На какую-то часть времени, он вообще забыл, кто я такая.

Он снова мысленно вернулся в армейский госпиталь, в те времена, когда они подрезали ему крылья.

Наш медовый месяц и его последствия расплылись в памяти Питера чернильным пятном. Я не могу сказать, как много он помнит. Иногда он говорит такие вещи, которые заставляют меня думать, что он помнит довольно много.

И затем опять, другие высказывания наводят меня на мысль, что он даже не помнит, что я его жена. Этим утром, например, он заявил: "Я должен отправиться в Лондон, разузнать насчет акта распоряжения имуществом, который я сделаю на тот случай, если когда-нибудь женюсь".

Не прошло и получаса, как он сослался на происшествие из нашей жизни на Капри. Я стараюсь не противоречить ему и не тревожить его расспросами, но очень трудно иногда понять, что делать. Я сама забыла так много всего.

"Как мы вообще туда попали?" И затем, "Где Алиса?" Этот вопрос продолжал неожиданно возникать все время, и я по-прежнему не могла вспомнить ни одну близкую ему или просто знакомую девушку с этим именем.

Я забыла об этом дневнике - случайно нашла его и немедленно начала читать, чтобы освежить свою память.

Большую часть моих записей невозможно прочесть. Я гадала и гадала, прежде чем расшифровала отдельные буквы. И затем, когда я складывала буквы в слова, они оказывались настолько бессмысленными! Я не могла поверить, что все это случилось со мной. Что-то из произошедшего возвращалось медленно; любопытно, но самые необязательные вещи всплывали первыми.

Я была ошеломлена, когда узнала, что Мэйбел Блэк умерла. Я написала ей письмо только вчера. Бедняжка!

И еще то, что касается доктора МакКолла. Я могу с относительной уверенностью поклясться, что этого никогда не случалось. Хотя, судя по всему, это правда; я нашла обрезки платья в пачках голубого "Честерфильда", изжеванные до кашицы...

27 Октября

Мы снова стреляли; но было холодно и сыро. Ни один из нас не был особенно увлечен охотой, и мы были слишком утомлены, чтобы активно двигаться. Питер ничего не говорил, но все это время я чувствовала, насколько ему тошно. Мы так опустошены! Этим днем я обнаружила ту самую статью Зивекинга. Он говорит о том, что ощущаешь, когда идешь по земле после полета.

"Человек испытывает безгранично неприятное ощущение от того, что снова сброшен на землю - и спотыкается даже о самые ничтожные травинки!"

Мы жили так долго в потрясающем темпе, что иная жизнь стала нам нестерпима.

Я больше не чувствую никакой физической потребности в наркотиках. Как раз наоборот, я чувствую замечательную физическую бодрость из-за того, что стала свободной. И еще одна удивительная вещь - возвращение нормального аппетита. Мы ели по пять раз в день, один за сорок человек, вместо сорока человек за одного у Вордсворта. Мы мучили себя голодом в течение многих месяцев и старались наверстать упущенное. И самое восхитительное ощущение заключалось в возрождении земной человеческой любви. Весна вернулась на землю!

Однако даже это не приносило полного удовлетворения. Интервалы между эмоциями у человека ужасающе долги. Я думаю, что наркотики подчеркивают одни вещи; а другие, более важные, они погружают в тень.

Я представляю, что очень тяжело по своей воле расстаться с медовым месяцем и вернуться к обыкновенной жизни. Меня всегда интересовало, как себя чувствует поэт, когда он не поглощен экстазом вдохновения. Вот почему столь мнوغие бросались в омут наслаждений, стремясь выбраться из тени.

Теперь я могу посмотреть правде в лицо. Мы едва спаслись. Мы выбрались из трясины во многом благодаря везению, нежели благоприятному приговору. Но если бы не везение, я не уверена, что нам представился бы еще один шанс. Разумеется, исходя из сложившихся обстоятельств, все это не подлежит обсуждению. От нашего везения могло ничего не остаться, потому что преподанный нам урок был очень жесток.

30 Октября

Дело в том, что мы еще слишком молоды. Мы не задумывались об очевидном. Конечно, нам до смерти наскучило пребывание здесь - листопад, туман, поднимающийся с озера, и окутывающий дом как при газовой атаке. Нам надо поехать в Лондон, посетить театры, и встретиться с несколькими людьми из числа старых знакомых. Я обязательно должна была повидать Мейзи Джекобс, и сказать, как я благодарна ей.

Забавно, я не вспомнить, за что же я должна быть ей благодарна. Но к счастью, все это есть в дневнике.

Питер с каждым днем становится все более молчаливым и мрачным, ровно как и погода. У него, похоже, что-то на уме. Я надеюсь, что он мне скажет, в чем тут дело...

Он оживился за обедом. "Давай-ка отправимся завтра в город, Лу, - предложил он. - Просто возьмем небольшие сумки. Нам не обязательно отсутствовать больше двух или трех дней. То, что нам нужно, так это несколько приличных обедов в ресторане, посещение нескольких представлений, и, возможно, мы соберем компанию, чтобы немного встряхнуться. И, кроме того, охота весьма недурна этой осенью".

31 Октября

До нас дошло только, когда мы сели в поезд, что у нас нет возможности отправиться в "Савой", не имея никакой подходящей одежды. Питер полагал, что будет забавно прошвырнуться в то самое местечко на Грик-Стрит.

Разумеется, будет потрясающе посмотреть на случившееся с новой точки зрения. Он доставит туда сумки, пока я приглашу на обед пару приятных людей. Мы должны дать небольшой обед, чтобы отметить наше прибытие.

Вот наконец-то и Лондон. Я запираю дневник в мой дорожный несессер...

Затем - я понимаю бесстыдство моего поведения, но это у меня в природе... Первый адрес, который я назвала таксисту, был адрес МакКолла. Он выглядел шокированным, когда ему сказали, что я пришла.

- Мой дорогая Леди Пендрагон, - почти прокричал он торопливо. - Я знаю, что вы меня простите. Я ужасно занят этим днем.

(В его гостиной не было ни души.)

- Если вы позволите, я осмелюсь предположить, что вы пришли именно за этим, и я надеюсь, что вы придете и навестите меня вскоре снова. Всегда к вашим услугам, Леди Пендрагон.

Пока МакКолл говорил, он наполовину опорожнил десятиграммовую бутылочку в клочок бумаги, скрутил его как бакалейщик, сунул почти грубо в мою руку, и, кланяясь, выставил меня, тараторя без умолку, на улицу.

Я впала в полуобморочное состояние. Такси все еще ждало меня. Я позвала

его, и поехала к "Мадам Даубиньяк". Не знаю почему, но я чувствовала, что мне необходимо лечение. Я вся дрожала с головы до ног. Мне стало еще хуже, когда я вошла: насколько я могла видеть, мадам была столь же шокирована, как и МакКолл.

Затем я оказалась напротив зеркала. Как же так получилось, что за все эти месяцы, глядя на себя, я никогда не видела то, что посторонние замечают мгновенно?

Господи Боже! Это слишком ужасно, чтобы об этом рассказывать. Мое лицо осунулось, оно стало изможденным, бледным и сморщенным. Я выглядела на шестьдесят. Ну да какая мне забота? У меня есть три великолепных понюшки!

Мадам нарядила меня так хорошо, как только смогла. Теперь я выглядела гораздо лучше и чувствовала себя превосходно.

Питера не было, когда я добралась до Грик-Стрит; так что я открыла мой дорожный несессер, записала все это, и сделала несколько понюшек. Единственным источником наших бед в прошлом была наша собственная глупость. Мы не предприняли обычных предосторожностей. На этот раз мы будем настороже...

Питер вернулся вне себя от ярости. Его уличного торговца арестовали. И я пришла на помощь.

"Мы отправимся на обед и прокутим всю ночь напролет".

6 Ноября

Мы договорились о постоянном обеспечении; но дьявольская штука состоит в том, что этот порошок больше не работает. Он вызвал бессонницу, и тому подобное, как обычно, но больше не приносит веселья. Мы перепробовали все виды развлечений. Никакого толка. Быть с героином просто означает притупить боль, которую вызывает его отсутствие. Лучше я объяснить не смогу. И что же нам теперь делать?

(В этом дневнике есть еще три записи; но они неразборчивы, не читаются даже по догадке. Единственные слова, поддавшиеся дешифровке - "сон" в начале первой записи; имя "Бэзил" во второй; и слово "яд" в третьей).

* КНИГА ТРЕТЬЯ. ЧИСТИЛИЩЕ *

(Примечание: Аббатство Телема в "Телипиле" - реально существующее место. Оно, его обычаи и члены, а также окружающий пейзаж аккуратно описаны. Обучение, дающееся там, подходит для всех видов духовных кризисов, и служит для открытия и развития "Истинной Воли" любой личности. Тех, кто заинтересуется этой темой, приглашаем связаться с автором этой книги).

ГЛАВА I. ЦАРЬ ЛЕСТРИГОНОВ ВМЕШИВАЕТСЯ

Неужели прошло всего три месяца; а кажется, будто целая жизнь. Сейчас моя память в полном порядке, и я припоминаю с каждым днем все больше подробностей прошлого. Пишу этот отчет о трех прошедших месяцах, отчасти потому что мой лучший друг подсказал мне, что память окрепнет, если я буду упражнять ее, занося все произошедшее регулярно в дневник. И знаете что, даже месяц назад я был еще не в состоянии припомнить хоть что-нибудь относительно некоторых периодов моей жизни.

Мой друг говорит мне, что моя память отказывает частично потому, что милосердная природа желает сокрыть от нас вещи, способные причинить нам боль. Паучье кружево защитной забывчивости занавешивает отверстие пещеры, скрывающей обглоданный череп и кровавые кости наших неудач.

- Но величайшие из людей, - говорит Царь Лестригонов, - это те, кто не

желает, чтобы с ними обращались как с плаксивыми детьми, это те, кто настаивают на встрече с реальностью лицом к лицу во всех ее формах, и безжалостно срывают бинты со своих собственных ран.

Но мне стоила тяжелых раздумий запись происшествия за обедом в "Глицинии", когда Лу и я приняли решение покончить счеты с жизнью.

За неделю с небольшим до того мне удалось раздобыть у апекаря немного синильной кислоты. Столько времени понадобилось нам, чтобы решиться выйти, и выпив достаточно для храбрости, совершить погружение.

Некий инстинкт удержал нас от ухода из жизни в месте, подобном тем номерам на Грик-Стрит. Когда чувство морали исчезает, остается все же некий расовый инстинкт в мужчинах и женщинах благородного происхождения, который велит им умереть с достоинством, как Макбету или Бруту.

Я убежден, что только это вытасило нас из грязной постели, где мы лежали без движения неделями, погруженные в состояние между сном и явью.

Поробовалось гигантское усилие, чтобы я смог встать, кое-как одеться, выйти и побриться. Ничто иное, как возбуждение при мысли о смерти, позволило мне все это проделать. Я встречал похожие ситуации на войне; и масса других мужчин помимо меня тоже.

Казалось, будто душа устала от тела, и радуется шансу порвать с ним раз и навсегда. Но она желает принести себя в жертву прилично, в полете или атаке. Скотская смерть в канаве ей претит. Я уверен, что ничто менее значительное не вырвало бы нас из этого смрадного ступора.

Для начала мы выпили шампанского, а уже потом направились неверной походкой по незнакомым улицам. В людской толчее было все же что-то привлекательное. На мгновение нам стало жаль ее покидать. Все равно мы уже покинули ее очень давно во всех разумных смыслах этого слова. К представителям человеческого рода мы моли быть отнесены разве что статистиками, и больше никем. Мы никогда не вернемся в их среду. И даже загубив себя, мы находили людское мессиво отталкивающе презренным, и были согласны углубить пропасть между ими и нами. Ради чего сохранять сходство с этими никчемными насекомыми? Даже их счастье, такое слабоумно мелкое, было нам отвратительно.

Мы заметили, что наше появление в "Глицинии" вызвало шок у посетителей. Мэтрдотель протиснулся к нам и сделал несколько участливых замечаний насчет нашего долгого отсутствия. Я объяснил ему, что мы оба болели; и тогда вмешалась Лу, произнеся глухим голосом:

- Нам обязательно станет лучше сегодня вечером.

Ее слова прозвучали настолько зловеще, что человек почти отскочил. На миг я испугался, что все будет испорчено, но мне удалось выйти из положения с помощью какой-то глупой шутки. Как бы то ни было, я мог заметить, что он очень смутился и был рад отойти от нашего столика.

Мы заказали чудесный обед; но съесть, конечно, ничего не смогли. Издевательский вид всех этих дорогих блюд, которые подавали одно за другим и уносили нетронутыми сперва нас раздражал, потом начал забавлять. Я смутно припомнил нечто из истории поминальных трапез. Выглядит исключительно уместным отправиться на тот свет в таком состоянии.

А верно то, что мы принимали участие в некой жутковатой церемонии из тех, что так волновали древних египтян. Мне даже подумалось, что мы уже умерли, и что таким образом царство мертвых говорит нам "добро пожаловать" - предлагая блюда, которые мы уже не можем вкусить. И все-таки между нами и неведомым еще оставался акт испития пузырька, лежавшего в моем жилетном кармане.

Мы приняли героин почти час назад и отвратительные симптомы абстиненции уже душили нас. Мы приняли столько, сколько способны были вынести наши организмы. Нам не хотелось принимать еще. Наше состояние так и не улучшилось, а природа уже приступила к удалению отравы из организма.

Попадая внутрь, морфин и героин окисляются, и это образующиеся в результате яды, а не сам наркотик, ответственны за ужасающие эффекты. Таким образом тело начинает избавляться от этих продуктов через выделения; поэтому у вас текут сопля; вы долго и зловонно потеете; появляются запах и привкус, которые нельзя назвать даже неприятными, они попросту омерзительны в самом точном смысле этого слова: то есть отталкивают людей. Это столь же противно,

сколь и нестерпимо. Можно облегчить состояние, почистив зубы или сходяв в Турецкие бани, но энергии на подобные вещи не хватает, ее попросту нет.

Но если вы примите свежую дозу наркотика, она временно пресекает попытки природы исторгнуть его. Вот почему и образуется порочный круг; и тревожные симптомы абстиненции - это всего лишь смрад зловонной пасти дракона, который уже изготовился вас терзать.

А если вы решили вытерпеть до конца все гнусные симптомы, тогда демон вскорости примет более крутые меры.

Лу более менее удалось объяснить в своем дневнике, какие именно. Впрочем, даже с помощью стихов невозможно описать, что это такое. Проблема холода, например. Читателю тотчас же представляется холод зимы. Если он немного путешествовал и обладает воображением, то может подумать об ознобе при лихорадке. Но ни то, ни другое не дают представления о холоде, вызванном абстиненцией.

Один из наших стихотворцев, кто бы он ни был (в журнале не указана его фамилия), добился определенных успехов в доведении до читателя истины, то есть если, конечно, читатель с нею уже знаком. Не представляю, как она может поразить кого-то, кто никогда с ней не экспериментировал. Ведь она передает свой смысл, скажем, вопреки словам. Курьезное это дело - выразительность.

Как описать, например, любовное приключение тому, кто не только не имел ничего похожего, но даже и не воображал? Все чего он добьется выразительностью, так это пробуждения у читателя впечатлений, основанных на собственном опыте последнего, которые в ином случае продолжили бы дремать. И только в понятиях этого опыта он сможет интерпретировать сказанное и написанное.

Лам признался давеча, что он отказался от попыток передачи результатов своих исследований людям. Им нельзя доверить прочтение даже односложных слов, считает Царь Лестригонов, пускай они и получали высшие отметки по филологии в Оксфорде. Для примера, напиши он "Твори, что ты желаешь" кому-нибудь, и почта вернет ему письмо обратно с якобы написанным им "Делай, как хочешь".

Каждый человек толкует и переводит все на язык собственного опыта. И если вы сказали нечто, что не абсолютно идентично точке зрения, существующей в мозгу другого человека, он либо поймет вас неправильно, либо не поймет вовсе.

Посему я крайне подавлен обязательством, согласно которому Кинг Лам велел мне написать эту часть с откровенной целью проинструктировать человечество относительно методов преодоления страсти к наркотикам.

Он честно признается, что не подходит для этой цели по той причине, что сам является слишком аномальной личностью. Он не доверяет даже мне, учитывая большое влияние с его стороны на мою жизнь и мысли.

- Даже посредственностью вроде вас, Сэр Питер, - сказал он мне на днях, - тусклой, как вы, нельзя доверять, если она находится в соседстве со мной. Ваш мозг бессознательно поглощает частицы моей атмосферы. И прежде чем вы поймете, где находитесь, вместо выражения самого себя - вы приметесь повторять за мной, обесценивая те слова премудрости, что время от времени слетают с моих изысканных уст.

Когда-то я бы обиделся на подобное замечание. И если я не сделал этого теперь, это не потому что я утратил мужество, и не потому что я чувствую благодарность к человеку, который помог мне выстоять; причина в том, что я научился понимать, что он имеет в виду, когда так говорит. Он полностью истребил в себе понятие о себе самом. Он не признает за собой своих чудесных качеств, и не пеняет себе за свои слабости - он превозмог и то, и другое. И поэтому он говорит серьезнейшие вещи языком иронии и абсурда. И когда тон его речи серьезен, его слова попросту подчеркивают то громадное чувство юмора, которое, по его собственному признанию, не дает ему сойти с ума от ужаса при виде того, в какой бардак загнало себя человечество. В точности как Римская Империя начала рушиться, когда сделалась мировой, и настолько огромной, что индивидуальный ум оказался не в силах охватить поставленные ею проблемы; так и сегодня распространение вульгарного образования и разработка более удобных средств передвижения опередили возможности наилучших умов. Увеличение познаний вынудило мыслителя специализироваться, сосредоточиться

на узких вещах, результатом чего явилось повальная неспособность управляться с цивилизацией в целом.

Мы играем партию в шахматы, в которой никто не видит дальше двух-трех клеток, и поэтому какой-либо последовательный план становится невозможен.

Царь Лестригонов как раз и старается воспитать некоторое число избранных людей, способных действовать как мозг мира, находящегося в состоянии умственного коллапса. Он обучает их как соотносить факты путем высшего синтеза. Эта идея его старого наставника, профессора Генри Модсли, с которым они вместе изучали состояние умственного помешательства. Придерживался сходных взглядов и Герберт Спенсер. Но Царь Лестригонов как раз первый, кто отважился предпринять практическую попытку воплощения данной концепции на практике.

Я кажется далеко отклонился от описания нашей прощальной трапезы; но мой ум все еще не в состоянии как следует сосредоточиться. Героин и кокаин позволяют достигать высокой степени концентрации искусственным путем, и за это приходится расплачиваться длительными периодами, когда нельзя мысленно сосредоточиться ни на каком предмете вообще. Мне гораздо лучше, чем было раньше, но подчас мне не хватает терпения. Томительное это дело укреплять себя биологическим путем, отлично зная, что хватит одной дозы героина или даже морфина, чтобы мгновенно сравняться с величайшими умами в мире.

Итак, мы решили принять вместе с кофе синильную кислоту. Вовсе не думаю, что нас пугала смерть; жизнь стала бесконечно утомительной сменой периодов стимуляций, которые плохо стимулируют, и депрессий, которые ничего не подавляют.

Не зачем было продолжать. Попросту не стоило. С другой стороны мысль об усилии, необходимом, чтобы остановиться, также вызывала некоторое колебание. Мы чувствовали, что даже уход из жизни требует затрат энергии. Мы попытались запастись ею, выпив для храбрости, и нам слегка удалось пробудить некоторую веселость. Мы ни на секунду не сомневались в выполнении нашей программы.

Официант подал два Peches Melba; и едва он отошел, как перед нашим столиком вырос Царь Лестригонов.

- Твори, что ты желаешь да будет то Законом, - донесся его спокойный голос.

Внезапный прилив злобы залил мое лицо.

- Мы это и делали, - отвечал я с какой-то гневной горечью, - и я полагаю, великий психолог видит, что из этого получилось.

Он печально покачал головой и уселся без приглашения в кресло напротив.

- Боюсь, что не видит, - вымолвил он. - Я объясню, что имею в виду при более удобном случае. Я вижу, вам хочется избавиться от меня, однако я знаю, что вы не откажете в помощи человеку, когда он оказался в беде, подобно мне.

Лу тотчас стала само сочувствие и нежность, и даже в моем тогдашнем состоянии от меня не укрылось вялое шевеление ненависти к ним обоим. Дело в том, что само присутствие этого человека действовало как могучий стимулятор.

- Это сущая мелочь, - произнес он, странно улыбаясь, - всего лишь маленькое литературное затруднение, в котором я оказался. Я все еще надеюсь, что вы не забыли поэму, врученную мною вам для прочтения не так давно.

Несмотря на высокомерно-легкомысленный тон, за его словами угадывался серьезный подтекст, и он то и дело приковывал наше внимание.

Лу кивнула почти непринужденно; но от меня не ускользнуло, что не только в мое, но и в ее сердце вонзилась стрела, заряженная жгучим ядом. Слова Царя напомнили об ужасных днях в Барли Грандж, и даже Бездонная Яма Небытия, в которую мы с тех пор провалились, выглядела менее зловещей, чем озеро огня, в котором мы побывали.

Слова поэмы звенели в моем мозгу обрывками гимна навеки проклятых.

Поставив локти на стол и зажав голову меж ладоней, он напряженно всматривался в нас какое-то время.

- Я хочу использовать цитаты из поэмы в одной вещи, которую сейчас сочиняю, - объяснил он, - и не могли бы вы подсказать мне последнюю строчку?

Лу ответила механически, так, словно бы он надавил на кнопку:

- И Смерть из нее не выход!

- Благодарю вас, - сказал он. - Вы оказали мне преогромную помощь тем, что не забыли и смогли вспомнить.

Нечто в его голосе живо тронуло мое воображение. Его глаза прожгли меня насквозь. Я задумался, так уж ли бесосновательны слухи о дьявольских способностях этого человека.

Не предугадал ли он причину нашего появления в кафе? Я был абсолютно уверен, что ему все об этом известно, хотя это было и невозможно - для простого смертного.

- Странная это теория, насчет смерти, - прервал он молчание. - Мне кажется в ней что-то есть. Было бы и в самом деле слишком просто, если бы таким легким способом можно было выбраться из всех наших бед. Лично мне всегда казалось, что ничто не бывает уничтожено до конца. Проблемы жизни в действительности составлены запутанно, с целью сбить с толку, как шахматная задача. Мы не можем по-настоящему развязать тугой узел без помощи четвертого измерения; но мы можем и ослабить запутанные части, опустив веревку в воду - и тому подобное, - добавил он почти зловеще тягостным тоном.

Я знал, на что он намекает.

- Очень даже может статься, что, - продолжил Царь, - и загадки жизни, которые мы не сумели разгадать, все равно остаются с нами. Раньше или позже мы с ними справимся, и представляется обоснованным предположить, что проблемы жизни должно решать пока ты жив, то есть пока в нашем распоряжении есть аппарат, в котором они происходят. После смерти может открыться, что проблемы остались, однако мы теперь бессильны и не можем с ними справиться. Доводилось ли вам встречать кого-либо, кто неразумно принимает наркотики? Допустим, что нет. Тогда, поверьте мне на слово, эти люди попадают в состояние, которое во многом похоже на смерть. И самое трагическое заключается в следующем: они начали прибегать к наркотикам, потому что жизнь той или иной своей гранью им опостылела. Ну и каков же результат? Наркотики нисколько не ослабили однообразие их жизни, или чем там еще они были недовольны, однако теперь они попали в состояние очень похожее на смерть, в котором они немощны, чтобы бороться. Нет, мы должны победить жизнь, прожив ее сполна, и только тогда мы можем отправляться на свидание со смертью, сохранив лицо. Только тогда мы встретим это приключение также смело, как и все предыдущие.

Личность говорившего излучала энергию. Даже короткий контакт с его разумом успел уничтожить то течение мысли, которым были одержимы наши умы. И все же было страшно больно, когда тебя отрывают от навязчивой идеи, которая представляется тебе неизбежным заключением череды мыслей и поступков, охватывающих столь длительный отрезок времени.

Я могу представить, что испытывает человек, помилованный у подножия эшафота, будучи лишенный логического окончания своей жизни.

"Труссы умирают много раз, прежде чем умереть". И тем, кто решился, будь то по своей воле или ей вопреки, положить конец своим жизням, должно претить любое вмешательство со стороны. Ведь воля к смерти, как учит нас Шопенгауэр, свойственна всем нам в той же мере, что и воля к жизни.

Мне памятли мои окопные товарищи, боявшиеся отправки в тыл; они предпочитали пережить все сразу, без временной передышки. Жизнь перестала казаться им драгоценностью. Они привыкли смотреть смерти в лицо, и заразились страхом жизни, близнецом того самого страха перед смертью, одолевавшего их ранее. Жизнь стала для них чем-то неведомым, неопределенным, полным ужаса.

Свирепая и горячая волна раздражения окатила меня, точно приступ лихорадки.

- К черту этого типа, - пробормотал я. - Почему он постоянно встречается?

И тут я увидел, что Лу вынула пузырек из моего жилетного кармана и вручила его Царю Лестригонов.

- По-моему, вы правы, Бэзил, - сказала она, - но если вы отнимете у нас этот пузырек, вся ответственность ложится на вас.

- Не рассчитываете ли вы этим меня испугать? - ответил Лам с улыбкой, вставая. Он бросил пузырек на пол и умышленно раздавил его каблуком.

- Итак, - заявил Царь Лестригонов, снова садясь, - давайте перейдем к делу.

Синильные испарения клубились над столиком.

- Цианистоводородная кислота, - отметил Лам, - является превосходной

добавкой, когда поступает в организм в таком разбавленном виде, однако прием ее в больших дозах - безусловное злоупотребление.

Этот человек несомненно имел склонность, именуемую женщинами "пилить", повторяя одно и то же. Он постоянно употреблял словечко "злоупотребление", точно оно было его оружием.

Мы оба поморщились.

- Признаете ли вы меня, - продолжал Царь, - лицом ответственным за ваше вызволение из этой неприятности?

Что нам еще оставалось делать. Разумеется, это противоречило нашим желаниям. Как бы то ни было, я пробурчал что-то вроде "благодарю покорно".

- Нечего болтать вздор, - парировал Бэзил сурово. - Это мое дело, помогать людям осуществлять их стремления. Благодарность исходит от меня. Я хочу, чтобы вам стало ясно с самого начала, что вы помогаете мне оправдывать мое собственное существование, позволяя мне делать то, что я могу, дабы распутать этот клубок. Но мои условия таковы, что вы должны честно предоставить мне шанс, исполняя то, что я говорю.

Он не стал дожидаться даже молчаливого с нашей стороны согласия.

- Ваши нервы слегка возбуждены, - продолжил Лам. - Депрессия лишь разновидность возбуждения. Она означает отклонение от привычного тонуса. А посему, когда вы покончите с вашим кофе, я тоже выпью чашечку. Мы заедем ко мне в студию и посмотрим, чем нам могут помочь кое-какие пилюли. Кстати, где вы обитаете?

Мы рассказали, что вернулись на нашу старую квартиру на Грик-Стрит.

- Едва ли такое соседство можно считать целительным, - заметил Бэзил.

- Мне думается, мы должны отпраздновать событие, погуляв как следует в моей студии, а завтра поутру мы подыщем вам достойные апартаменты.

Я вдруг вспомнил, что весь наш запас героина остался на Грик Стрит.

- Знаете что, Лам, - вымолвил я с запинкой. - Мне стыдно признаться, но мы в самом деле не можем без Г. Мы пытались, но лишь один раз нам это удалось, и по всей вероятности мы не сможем перенести это еще раз.

- Ничего позорного, голубчик, - отвечал наш врачеватель. - Ведь вы же не можете оказаться от пищи. Это не повод для того, чтобы прекращать. Все, о чем я прошу вас - впредь делайте это разумно.

- Так вы не отсекаете нас от него? - вмешалась Лу.

- Конечно нет, с какой стати? Принимайте сколько хотите, когда хотите и как хотите. Это не мое дело. Мое дело удалить потребность. Вы говорите, что вам удалось излечить себя, но это неправда. Вы только отрезали себя от наркотика; потребность же осталась. И как только подвернется подходящий случай возобновить, вы начнете снова. Очень может быть, что в действительности вы сами этот удобный случай и придумаете.

Это был воистину сверхъестественный человек. Скажу правду - мне было отвратительно получать удары вот так, когда их не ожидаешь. Однако Лу воспринимала все это иначе. Она была рада, что ее понимали так точно. Она аплодировала. Я был изумлен. Впервые за долгие месяцы я наблюдал, как она делает хоть какие-то движения, не считая самых необходимых.

- Вы абсолютно правы, - сказала Лу. - Мы ничего об этом друг другу не говорили, и я не имела ни малейшего сколько-нибудь сознательного намерения делать то, что я сделала. Тем не менее, едва очутившись в Лондоне, я направилась туда, где наверняка могла раздобыть героин. И когда я вернулась, то выяснила, что и Питер изо всех сил стремится найти человека, который раньше продавал ему кокаин. Уверяю вас, все это было непреднамеренно.

- Именно в этом вся беда, - откликнулся Лам. - Потребность водит вас за нос и препятствует реализации вашей воли. Помню, однажды, когда сам экспериментировал с наркотиками, я начинал утро с намерением воздерживаться от приема целый день, и буквально через считанные часы после принятого решения, не признавая его, подыскивал любой повод, чтобы поскорей вернуться в студию. Я разоблачил себя сразу же, едва изучил некоторые трюки моего мозга. И вот я сидел и наблюдал за самим собой, подыскивающим оправдания, чтобы начать все сначала. Когда все это происходит, попадаешь в абсолютно патологическое положение, которое наводит на вопрос: "Буду или не буду я принимать наркотик?", - и становишься доволен собой, говоря "нет" так часто, что возникает искушение вознаградить себя, сказав "да" всего лишь раз. Я

обещаю вам интересное времяпрепровождение, я буду улавливать ваши мысли и избочивать все ваши маленькие уловки. Я хочу, чтобы вы научились основам великой вещи, суть которой - в умении получать удовольствие от того самого приятного на свете занятия - от самонаблюдения. Вам придется искать забавные черты в наблюдении за особенностями недомогания, которое влечет за собой воздержание. Но я не хочу, чтобы вы и в этом переусердствовали. Когда недомогание становится настолько раздражающим, что вас это уже не может забавлять, тогда настает время принять малую дозу и отметить последствия. Между прочим, я надеюсь, что вы были послушной девочкой и вели свой магический дневник.

Поразительно с какой радостью Лу подтвердила это.

- Какая-то его часть очень подробна, - сказала она, - но как вы знаете, бывали дни и месяцы, когда я была не в силах не то что писать, но и шевелиться. Жизнь была непрерывной борьбой за возвращение в: - Лу замешкалась, подыскивая слово, и закончила вымученным смешком, - о, куда угодно.

Царь Лестригонов мрачно кивнул. Мы допили наш кофе.

- А теперь, - сказал он, - за дело, - и направился к выходу.

Я чуть задержался, оплачивая счет. В воздухе сохранялся слабый запах горького миндаля. Это напомнило мне о том, какой финал мог бы быть у этого обеда, и я содрогнулся, как в малярном пароксизме.

Что же во мне произошло? Или я внезапно влюбился в жизнь, или мне просто открылся страх смерти?

Когда мы вышли на свежий воздух, я понял, что это был страх смерти. Лам заставил меня это почувствовать. Наркотик убил во мне все чувства. И мой порыв покончить с собой не был так уже полностью негативен, как я думал. Это было позитивное стремление к смерти, которая, как я надеялся, утолит боль. Болезненное прикосновение жизни стало невыносимым, и только влияние Царя Лестригонов укрепило меня, заставило встретить жизнь лицом к лицу и, что бы ни было впереди, одолеть ее.

Я не боялся смерти не больше, чем раньше, когда летал на фронте. Я вовсе не был против смерти, но я хотел умереть сражаясь.

Лу довольно живо беседовала с Бэзиллом на крыльце ресторана, в ожидании такси. И я осознал также свою любовь к ней настолько, что готов сражаться и за ее выздоровление, осознал также и то, что я поступил как мерзавец, утачив ее с собой на дно. Теперь я понимал свою ревность к Царю Лестригонов. Его колоссальная сила, даже само его бессердечное отношение к женщинам привлекали их. Эта мужественная личность заставила меня подтянуться и вызывала на состязание, дабы преодолеть неравенство.

И я вовсе не хотел, чтобы Лу видела меня постоянно в невыгодном положении.

Мы подъехали к студии.

В ней царил бодрящая атмосфера. Теперь Лала предстала предо мною в совершенно ином свете. Если прежде она казалась мне лишь частью мебели, то сегодня вечером она была душой этого дома. Она одушевляла его, придавала смысл. Тонкое понимание между Лалой и ее повелителем отнюдь не было чем-то сугубо личным. Она была медиумом, через которого его мысли становились доступны восприятию.

Фантастическое убранство студии являлось проекцией мыслей Бэзиля, интерпретированных умом Лалы, на предметы из осязаемого вещества. У меня возникло дивное ощущение, что не будь этой женщины, и Царь Лестригонов был бы невидимкой!

По его мнению, между двумя разными вещами не было никакой разницы, однако, созерцая эти же вещи ее глазами он был способен сделать вид, что различие все же есть.

Студия с помощью занавесей была поделена на несколько отсеков. Непрерывные танцы, пение и смех создавали нежный шум; прерываемый лишь промежутками напряженного безмолвия, которое почему-то казалось значительнее звуков. Камин отбрасывал неверные тени на стеклянный потолок; и время от времени сквозь темные углы во внутренний дворик удалялись с нежной грацией какие-то фигуры. Эти размытые и нечеткие силуэты выглядели необычайно нереальными.

Студию наполнял тонкий аромат благовоний. Дыма не было видно, как будто этим благоуханием был насыщен сам воздух.

Наша маленькая компания безмолвствовала. Мы получили от Царя несколько таблеток, отчасти заглушивших нервное беспокойство, начавшее охватывать нас даже после столь короткого воздержания от героина.

- Я хочу, чтобы вы еще маленько продержались, - пояснил нам хозяин дома. - Воздержание больно жалит, но тем приятнее будет уступить желанию. Ведь вы, я уверен, замечали, что бесконечное увеличение доз отнюдь не гарантирует достижение эффекта.

Совершенно верно. Мы уже давно проклинали наркотик за его неспособность воспроизвести изначальные ощущения. Мы пытались превозмочь это затруднение, увеличивая количество. Но у нас возник иммунитет к его действию; мы с ужасом думали о его отсутствии, но не получали никакого удовлетворения от его наличия.

- То вещество, что я дал вам, - пояснял Лам, - ослабляет симптомы, и несколько продливает вашу способность переносить недомогание. Я хочу дать вам возможность наблюдать ваше собственное недомогание как бы со стороны. И когда вы осознаете, что можете им наслаждаться вместо того, чтобы бросаться к героину за облегчением, вот тогда вы уже сделаете большой шаг в сторону обретения контроля за сознанием.

Несколько раз за вечер Лала вмешивалась с такой живостью, что мы не могли не уделить ей внимания. Мы узнали позднее, что это было частью замысла - следить за признаками острого беспокойства. Едва они появлялись, и она своим вмешательством отвлекала нас от мрачных тем.

Я был потрясен, когда услышал в четыре часа ночи от Царя Лестригонов:

- Полагаю нам пойдет на пользу немного героина.

После этой фразы он принялся раздавать его по кругу.

Операция возымела экстраординарный эффект. Я познал суть бесконечного облегчения. Но оно было мимолетным, и должно быть заняло всего несколько мгновений, прежде чем я погрузился в сладкий сон без снов.

ГЛАВА II. ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ

Когда я проснулся, зимнее солнце было уже высоко. Оно лило свой свет на мое лицо сквозь стеклянную крышу студии. Ощущение пробуждения было само по себе откровением. Ибо минувшие месяцы я пребывал между сном и явью; просто переходя из большого забытья в меньшее. На этот раз это действительно было пробуждение.

Царь Лестригонов куда-то вышел, зато только что возвратилась Лала - она снимала с себя шубку, когда я проснулся.

Я был укрыт одеялами. Она подошла и убрала их, сказав, что пора съездить на Грик Стрит и забрать оттуда вещи, чтобы перевезти их в новые апартаменты, которые она устроила нам этим утром.

Оказалось, что Лу уже находилась там, и снова заснула, по словам Лалы, всего за несколько минут до ее ухода.

Я не мог не испытывать неприятного чувства от того, каким образом все это было подстроено. Вероятно, я выказал это своим поведением. Впихнув меня в машину, ту самую, которую я угнал в Барли Грандж той первой ночью восторга, Лала начала подводить разговор к моему невыраженному словами чувству обиды.

Она любезно извинилась, что не предлагает мне сесть за руль. Я слишком хорошо знал, что не смог бы проехать и сотни ярдов по городу. Я отрекся от звания зрелого мужчины, и должен был покорно ехать туда, куда меня пожелают везти. Можно было счесть небольшой удачей, что я попал в сносные руки.

На Грик Стрит нас ожидал сюрприз. Как выяснилось, за пять минут до нашего прибытия туда заходил джентльмен с дамой; и они очень хотели со мной повидаться. Они сказали, что снова зайдут через полчаса. Я представить себе не мог, кто именно пожелал навестить меня на этом свете, и событие быстро исчезло из моей памяти. Мне не терпелось поскорее убраться из этих комнат с

их невыразимо гнусной атмосферой. Мне не хотелось, чтобы их увидела Лала; но я обнаружил, что не в силах паковать вещи в одиночку. Запах в этом притоне был невероятно гадок.

Лу не описала и сотой части тех мрачных мерзостей, что стали нам привычными.

Вонь и в самом деле меня одолела. Сил не осталось. Я беспомощно рухнул на стул и принялся вяло озираться по сторонам в поисках героя, чтобы взбодриться.

Скорей всего со мной случилось что-то вроде обморока; так как взявшись невзвесть откуда, мое лицо овеял свежий, холодный ветер. Наши вещи были уже уложены, словно по волшебству, и погружены в машину. Счет также был оплачен.

Когда я садился в кабину, хозяйка поинтересовалась, что ей делать, если эта пара появится еще раз. Я оставил ей адрес моей новой квартиры. Когда я устраивался на сиденье, прозвенели четкие, настойчивые звуки голоса Лалы.

- Вам лучше следует им сказать, что Сэр Питер далек от выздоровления. По видимому на этой неделе он будет не в состоянии кого-либо видеть.

Я сидел, как кукла, сотрясаемый вибрацией мотора. Я был пустым сосудом; однако почувствовал, как мы выбрались из запутанной паутины улиц и автомобиль рванулся вперед, словно совершая побег из некоего inferнального лабиринта.

В новой квартире я застал Лу. Она сидела в большом кресле, крепко сжимая его ручки. На ее лице читалась та же повесть, что и на моем. Мы понимали, что чудом перенесли страшную болезнь. Мне показалось жуткой несправедливостью, что вместо заботливого ухода вплоть до выздоровления, от нас потребовали проявить предельную моральную и физическую выдержку и отвагу.

Ни один из нас не мог предпринять ни малейшего усилия без помощи наркотика. Казалось логически невозможным, что мы собственными силами должны противостоять наркомании; и мы слишком хорошо знали по опыту, что достигли состояния, в котором даже недолгое опоздание при приеме дозы могло привести к полнейшему упадку сил и смерти.

- Дети, я оставляю вас на часок, чтобы дать вам время расположиться, а потом нам можно будет съездить и позавтракать в деревне, как вы считаете? Но вам, разумеется, постоянно будет нужен героин, но я вижу, что запас у вас есть, и не малый, так что беспокоиться не о чем. Вредит не употребление наркотика, а незнание того, что ты употребляешь. Поэтому я привез вам пару таблиц, расчерченных по часам; и все, чего я от вас хочу, это получить обещание ставить крестик в нужном месте после каждого приема.

Условие было достаточно легкое. Невзирая на все сказанное Царем, мы страшились принудительного лишения, которое испытали в Барли Грандж, и которое довело нас до таких крайностей.

Однако, последнее замечание Лалы рассеяло все наши мрачные опасения. Инициатива была полностью отдана в наши руки. Все, о чем нас просили, это вести запись того, что мы делали.

Я не мог понять, чем факт записи в дневник может отличаться непосредственно от самого действия.

Как раз тогда и появился Царь Лестригонов, и на полчаса отвлек нас совершенно абсурдной историей о каком-то пустяковом приключении, которое случилось с ним в то утро. Несмотря на его бодрость и увлекательный рассказ, мои руки инстинктивно тянулись к деревянной коробочке, где я держал героин.

Я принял дозу. Царь тотчас же прервал свой рассказ.

- Продолжайте, - вяло произнес я. - Я не хотел вас прерывать.

- Это ничего, - ответил Царь. - Я только подожду, когда вы это зарегистрируете.

Лала приколотла мою таблицу на стенку. Я посмотрел на часы, подошел и нацарапал крестик в нужной клеточке.

Когда я сел на место, то отметил, что Царь наблюдает за мною с улыбкой человека, которому мой поступок доставил своеобразное удовольствие. Теперь то я знаю, что его забавляла природа моего беспокойства.

Он в нескольких словах завершил свой рассказ, и сразу же в упор спросил меня, как проходит лечение.

На что я ответил, что не могу говорить даже о начале лечения, да и не

вижу откуда бы ему взяться, и указал на состояние мертвой точки.

- Полноте, - сказал Лам. - Вы же не принимаете во внимание то, что говорится всякими докторами, и бывает в девяти из десяти случаев ими тут же забыто. Причем только это и спасает их от разоблачения, как назойливых невежд. Известно ли вам, что посмертное вскрытие покойников в больницах Нью-Йорка показывает, что почти в пятидесяти процентов случаев имел место неверный диагноз? Нет, Сэр Питер, пока мы с вами теряем время, обсуждая наши неприятности, есть лишь одна вещь, которая работает на нас денно и ночью, и эта вещь - *Vis medicatrix naturae** (**Природа - лучший врач - лат.*).

Лала выразительно кивнула.

- Разве вы не заметили это в полевом госпитале? - поинтересовалась она у Лу. - Лучше всех выздоравливали те раненые, которых оставили в покое. Хирурги только старались как можно лучше исправить тот ущерб, принесенный ранением природе. Что-либо помимо этого было уже лишним.

- Мы вернемся примерно через час, - сказал Царь, - и захватим вас на ланч в Хиндхэде. Между прочим, есть ли у вас перочинный ножик?

- Да, а что, - ответил я удивленно. - А зачем?

- В противном случае я бы одолжил вам свой. Он может вам понадобиться для очинки вашего карандаша.

Мы с Лу пустились в разговоры, как только они ушли. Нам было уже лучше в этом отношении, раз уж в нас снова пробудился интерес к самим себе. Во время отсутствия нашего друга мы прибегали к героину лишь один или два раза; и наше соперничество в деле ведения графиков сделалось чем-то вроде маленькой семейной шутки.

Мне стало ясно, что так позабавило Царя Лестригонов в первый раз. Я четко осознал признаки раздражения от необходимости подниматься и ставить крестик. Мне никогда не случалось нарушать данное мне слово. В наблюдении за графиком было нечто увлекательное.

Поездка стала откровением. Мы словно вырвались на свежий воздух из склепа, полного мертвецов. Острый холодный ветер ударял нам в лица, почти ослепляя.

Только возле самого постоянного двора мы вспомнили, что уехали, позабыв героин. Царь, когда услышал о нашей беде, тотчас стал само сочувствие. Он сразу же предложил съездить и привезти его для нас; однако Лала выразила протест, заявив, что умирает от голода, и убеждена, что ланч восстановит наши силы не хуже героина, а Царь Лестригонов может смотаться за ним сразу после еды.

Мы согласились. Тем более свежий воздух пробудил в нас обоих острейший аппетит. Трапеза немного улучшила наше состояние, и перед ее завершением наш хозяин незаметно выскользнул из-за стола, и через десять минут воротился с пакетиком порошка.

Мне показалось весьма необычным, что он сумел раздобыть его в столь отдаленном месте, не имея рецепта. Но Лу глядела на него с выражением восторженного любопытства. Я понял, что она, так или иначе, разгадала этот секрет.

Ее, кажется, крайне забавляло мое недоумение, и она погладила меня по голове в своей самой покровительственной манере.

- Эх ты, несчастное безмозглое создание, - говорили кончики ее пальцев.

Вот так мы и угостились героином после второй чашечки кофе, и дух мой незамедлительно воспрял.

Царь предоставил в наше распоряжение два блокнота, купленных им в деревне, чтобы мы могли записывать наши приемы вне дома, и копировать записи на таблицах, когда возвратимся.

Мы поехали назад в Лондон, и по пути выпили чаю в коттедже, обитатели которого, видимо, хорошо знали наших друзей. За домом присматривал невысокого роста старик со своей супругой; судя по их виду, они были слугами старинной фамилии. Коттедж стоял вдали от дороги, на частной земле. У ворот один против другого стояли два могучих тиса. Лала пояснила нам, что это место принадлежит Ордену, главой которого является Царь Лестригонов, и что ему доводится посылать сюда людей для определенных этапов подготовки, которые требуют уединения и тишины.

На меня нашло громадное желание изведать утонченное спокойствие,

царившее в этом жилище. По этой или какой-то другой причине я ощутил естественное нежелание принять предложенную мне дозу героина. Она показалась мне неуместной в окружающей меня атмосфере. Однако я принял и наслаждался ею; правда действие это было механическое, а его эффект неким неясным образом оказался неудовлетворителен.

Мы приехали в город и пообедали в моих новых апартаментах, где оказался ресторан с превосходной кухней.

Я обнаружил, что за прошедший день прибегал к героину 15 раз; а Лу всего одиннадцать. Реакция моего ума была такова: "Если она смогла обойтись только одиннадцатью, почему не могу и я?" Хотя мне не доставало логики, чтобы донести свои доводы до людей, миллионов тех, кто не принимал его ни разу, и, похоже, процветающих!

Оба мы изрядно устали. Как раз, когда Царь и Лала собрались уходить, я занюхал еще раз.

- Для чего вы это сделали? - спросил Царь. - Ответьте, если не против?

- Ну, я думаю, чтобы побыстрее заснуть!

- Но сегодня утром вы говорили мне, что приняли его, чтобы проснуться, - парировал он.

Это была правда и она меня обеспокоила; особенно когда Лу, вместо сочувствия, издала один из ее нелепых смешков. Ей, вероятно, действительно доставляло извращенное удовольствие видеть меня уличенным в глупости.

Однако Царь отнесся к этому вполне серьезно.

- Ну что ж, - сказал он, - это, конечно, экстраординарное вещество, если оно делает две абсолютно противоположные вещи по воле того, кто его принимает.

В его словах звучал сарказм. Он не стал мне тогда рассказывать то, о чем я узнал от него много позднее, что явно противоречивые свойства, приписываемые мною героину, действительно в нем были, и могли быть использованы экспертом для достижения ряда эффектов, часть которых на первый взгляд казалась взаимоисключающей.

- Так что, как видите, Сэр Питер, - продолжал Царь, - вы не можете иметь и то, и другое. Вам действительно следует определить, с какой целью вы принимаете дозу.

Я пояснил довольно жалким тоном, будто мы без него не можем заснуть. Так нам сказала Мэйбел Блэк.

- И результат этого заблуждения, - ответил Царь, - ее труп. Я думаю, что на ваш эксперимент повлияло ее дурацкое замечание. Ведь вы мне сами рассказывали, что в первую очередь самым восхитительным следствием была возможность не спать всю ночь, лежа в бесчувствии, и наблюдать, как чарующий поток фантазии наполняет твой мозг.

Я был вынужден признать, что все сказанное им - правда.

- Героин, - объяснил он, - является модификацией морфина, а морфин, в свою очередь, это один из важнейших элементов опиума. Вы, конечно, помните, что говорит в своем "Лунном Камне" Уилки Коллинз об опиуме и его препаратах, ну, что за стимулирующим эффектом следует эффект успокоительный. Этот эффект у героина куда более выражен, чем у опиума; и будет разумно, как мне кажется, зарядиться им, как следует, с утра, и поддерживать себя в форме целый день, но полностью оставить его за несколько часов до отхода ко сну, так чтобы успокоительный эффект потихоньку усыпил вас в положенное время. Я знаю, есть против этого и возражение. Злоупотребление наркотиком оставило бы вас в состоянии крайней нервной раздражительности. Поводом для ночного приема героина послужило бы ее умерщвление. Когда вы принимаете его утром после ночного отдыха, вы даете его более или менее здоровому организму, посвежевшему после сна; он способен вас стимулировать, потому что сон придал вам некоторый запас сил, на которых героин может работать. Когда вы принимаете его ночью, вы даете лекарство больному человеку, что уже совсем другое дело. Как бы то ни было, вам надо сделать вот что - заменить его вот такими таблетками, и запить их теплым, приятным виски, ромом, сойдет и вода, и тогда вы заснете, не успев об этом даже узнать. Затем, на утро вы проснетесь куда более свежий, чем обычно, и героину будет за что, так сказать, зацепиться. В результате чего вы обнаружите, что совсем небольшое количество удовлетворит вас не хуже большой дозы на прошлой неделе, а то и

лучше.

Что же, все это показалось мне вполне здоровыми рассуждениями. Мы последовали его совету. Но заснули не сразу. Слишком разные мысли были в моей голове. Они перескакивали с одной темы на другую безо всякой разумной последовательности. Казалось, между двумя рядами мыслей возникали провалы бессознательного; но, в конце концов, возбуждение утихло, и я уже ничего не помнил до самого утра.

Мы проснулись очень поздно, совершенно изнуренные. Но, как и предсказывал Царь, героин незамедлительно возымел действие; мы ожили от первых двух доз, а после третьей встали с постели и даже впервые приняли ванну с: стыдно признаться, но я не помню с каких времен.

Состояние нашего белья, а также, чего уж там, и верхнего платья, привело Лу в ярость. Оно было липким, в грязи и в пятнах. Мы должны были буквально вонять. И как только мы осознали это, мы испытали острое чувство стыда от того, что мы ездили с Царем и Лалой в таком состоянии. Если бы они сделали нам какое-нибудь замечание по этому поводу, мы могли бы изобразить фальшивое возмущение. Но они промолчали, и это было совсем ужасно.

Мысль о самих себе была для нас нестерпима. Однако, всего сорок восемь часов назад, нам было безразлично абсолютно все.

Лу, взвинченная почти до сумасшествия, принялась названивать в Барли Грандж. Экономке было велено прислать что-нибудь из одежды сегодня же. Пока она отдавала в трубку приказа, я вдруг припомнил, что Царь и Лала собирались зайти сразу же после ланча; а вещи не попадут к нам раньше трех часов. Лучше всего было заказать платья на Пикадилли.

Они сразу же послали нам курьера с образцами, что в сочетании с туалетными принадлежностями и визитом парикмахера привело нас в божеский вид к половине второго.

То утро произвело впечатление сценки из водевиля или фарса. Нам приходилось прятаться то в одной комнате, то в другой, в зависимости от того, какие ангелы, мужчина или женщина, прислуживали нам в тот момент.

Суэта вполне успешно мешала нам задуматься о героине; но он, тем не менее, постоянно вторгался в наши мысли путем настойчивых физических атак. Мы, разумеется, отражали их на месте при помощи подходящих доз. Об их реальном сокращении, правда, говорить было рано. Во-первых, принимая препарат через нос невозможно точно определить сколько именно вы приняли, причем изрядная его часть просто пропадает.

Однако, атмосфера переменилась полностью. До сих пор мы принимали героин устойчивым, регулярным способом. Это стало затяжным представлением. Но сегодня утром каждый обрывок желания, и каждая доза, были явно случайностями. Однородность дурной привычки оказалась разбита на отдельные части. Тупое однозвучие наркотика сменилось драматическим разнообразием. Нам снова вспомнились наши ранние опыты. Нам удалось вернуть до некоторых пределов то, что наркоманы называют "наркотической невинностью". Однако этого было достаточно, чтобы мы преисполнились острейшим чувством бодрости. Мы заново обрели способность надеяться.

С другой стороны усилия торговца бельем и парикмахеров привели к тому, что один наш вид вызывал у нас сильную тошноту. Настолько резко новомодные костюмы контрастировали с трупной хворостью нашего облика!

И все же мы смогли разглядеть свет в конце пути, и спустились к ланчу даже с некоторым удовольствием. Конечно, к нам еще не вернулся наш аппетит, и мы едва прикоснулись к тем легким и изысканным блюдам, что были нами заказаны. Но, по крайней мере, мысль о еде не вызывала у нас отвращения, как раньше.

Царь подоспел как раз к кофе. Было слегка заметно, что он доволен достигнутыми результатами. Он явился без Лалы. Вместо нее он привел Мейзи Джекобс.

Я поймал себя на лихорадочной мысли, нет ли серьезного повода для этой подмены. Я дошел до состояния, когда простейший поступок этого человека казался мне чреватым оккультным значением, и становился подозрителен, особенно, когда он сам воздерживался от пояснений. Его манеры решительно не были рассчитаны на успокоение непосвященных. И было нетрудно догадаться отчего его имя оказалось в центре целого сонма смехотворных выдумок.

В конце концов, не очень то приятно чувствуешь себя в присутствии ума, способного без особых хлопот превзойти твой собственный по всем статьям. Его манера воспринимать все, как будто так и надо, как не требующее доказательств, сама по себе раздражала.

Он подошел к таблицам, и долго стоял, изучая их, не забывая при этом попыхивать сигарой. Даже эта сигара возмущала. Это был сорт, который специально на заказ делают для миллионеров. Царь других не курил; и, тем не менее, он был при этом относительно небогатым человеком.

Конечно, объяснялось это очень даже просто. Он действительно знал толк и ценил хороший табак, и предпочитал не отказывать себе в сигарах, которые были ему не по карману.

Что человек курит, это его личное дело; и все-таки уже одной этой привычкой он умудрился заработать себе в Лондоне дурное имя. Свет решил, что чудовищно обедать куском баранины и сыра, а потом доставать сигару, ценою в половину обеда.

Лам изучал наши графики, точно это была карта, а он пытается по ней проложить путь из Бухары в Катманду!

Наконец он произнес: "Какой вроде бы долгий разрыв вот тут - 15 часов - с девяти до двенадцати, не так ли?"

Он обратился за подтверждением к Мейзи, ибо, по его словам, он не силен в арифметике.

Мейзи подхватила это абсурдное утверждение и с важным видом пересчитала часы на пальцах.

Тон его голоса был скорбный, как будто его планы оказались серьезно расстроены. То был еще один его трюк, часто сбивавший людей с толку. Мне подсказали, что он имеет в виду, сверкающие глаза Лу.

Тогда я и испытал колоссальный шок, осознав, что это означает. Я тоже подошел к таблицам с таким любопытством, точно никогда их раньше не видел.

Не нужно было обладать познаниями в математике, чтобы изложить ситуацию понятным языком. За последние тридцать шесть часов крестики сгрудились в нескольких местах, оставив зияющие пустоты. Иными словами невоздержанность перестала проявляться регулярно. Я смотрел на таблицу, как будто передо мною был призрак.

Лам повернул голову с подозрительной улыбочкой и посмотрел на меня свысока. И вымолвил тут это необычное слово: "Kriegspiel".* (* *Военная игра - нем.*.)

Он застал меня врасплох. О чем, гром и молния, толкует этот человек? И затем уже, мне мало-помалу стало ясно, что существует аналогия между этим графиком и расположением частей на поле боя. Это стало очевидным, как только я уловил этот образ.

Пока войска равномерно размещены вдоль линии фронта, это лишь время окопного противостояния. Великие победы невозможны при таком положении дел, как и великие поражения. Но если войска скопились в удобных точках, собранные в крупные подвижные подразделения, становится возможным их широкомасштабное уничтожение.

Когда английское каре прорвано, истребление его защитников происходит не от снижения боевой мощи каждого отдельного солдата; его военная ценность не уменьшается от потери нескольких человек в разгар атаки. Оно становится ничемным, потому что его регулярное устройство было приведено в беспорядок.

- В битве при Ватерлоо, - сказал Царь Лестригонов, отходя от стены и возвращаясь к своему кофе, - Наполеон послал вперед Старую Гвардию. Несколько минут спустя он воскликнул: "Они смешались!" И в отчаянии поскакал с поля боя. Ему не было надобности дожидаться, когда их разобьют.

Дыхание Лу сделалось прерывистым и шумным. Суть тактики нашего друга была ею понята.

Мы выглядели ужасающе больными; как раз в этот момент мы по-настоящему мучились от героиновой потребности, но нас смущало присутствие Мейзи Джэкобс. Мы не хотели принимать наркотик при ней. И все-таки мы знали, что одержали победу. Остальное было делом недель, быть может месяцев; нам было все равно. Мы были довольны, освоив принцип этого явления. Теперь будет легче атаковать кучки этих крестиков, понемногу их устраняя.

Царь Лестригонов попросил Мейзи спеть. На наше счастье в комнате стояло

пианино "Бэби-гранд". Лам уселся за него и принялся ей аккомпанировать. Я следил за работой ума этого человека, точно замороженный. Я все время чему-то у него учился.

К примеру этот последний его поступок. Мы не могли выйти в нашем состоянии на улицу, поэтому певица явилась позабавить нас взамен. А заодно он хотел развернуть Мейзи к нам спиной, чтобы она не видела, как мы принимаем героин.

Нам его и в самом деле страшно не хватало; и все же - как необычна природа! - нам было не менее стыдно принимать его тайно, чем когда, еще совсем недавно, мы принимали его в открытую.

Эта догадка молнией поразила меня.

Как уже говорилось, Лу и я, имели привычку скрывать эту процедуру друг от друга, даже когда были вместе. Нам хотелось делать вид, будто мы употребляем не так много героина, как было в действительности. Нет в мозге такой нездоровой причуды, которую бы не развивало употребление наркотиков.

А Мейзи, тем временем, распевала своим глубоким контральто одно из самых изысканных творений Верлена в английском переводе: "На приглушенных струнах".

- Calm in the twilight of the lofty boughs
Pierce we our love with silence as we drowse;
Melt we our souls, hearts, senses in this shrine,
Vague languor of arbutus and of pine!
- Half-close your eyes, your arms upon your breast;
Banish for ever every interest!
The cradling breeze shall woo us, soft and sweet,
Ruffling the waves of velvet at your feet.
- When solemn night of swart oaks shall prevail
Voice our despair, musical nightingale!

Утонченные образы, столь неуловимые, и все же столь конкретные, наполнили мой ум воспоминаниями о мечтах детства. С ними я припомнил возможности любви и мира. Все это было мне знакомо, знакомо в самой настойчивой и пленительной форме. Вот что предлагает природа; это чистое и экстаичное блаженство является прирожденным правом человечества. Однако я, вместо того, чтобы довольствоваться им, как оно есть, желал Искусственного Рая, и променял на него реальные небеса. В природе коварно очаровывает даже меланхолия. Я подумал о Китсе, посвятившем ей целую оду, и даже о "Меланхолии, превосходящей все разумное" Джеймса Томсона, которую он обожал и положил свое окровавленное сердце на ее алтарь. Верно сказал Верлен: "Вырази наше отчаянье словами, о музыкальный соловей!"

Но когда химическая субстанция заменяет натуральный стимул, наше отчаяние не пропоет никакой соловей. Даже крик грифа-стервятника не даст представления о нестройном и ужасном хрипе нашего отчаяния. Наши души были раздраны в клочья грязными рыболовными крючками, и их вопли лежали за пределами гаммы обычных мучений человеческой души.

Была ли все еще возможность вернуться? Или мы навсегда лишились права первородства, "за похлебку хуже той, которой давился Исава?"

Царь внимательно наблюдал за нами все время, пока Мейзи пела свою песню. Глаза Лу были полны слез. Они стекали по ее исхудалому, усталому лицу. Она не пыталась их утереть. Не знаю, чувствовала ли она их вовсе. Героин притупляет все физические ощущения, оставляя один едкий зуд, тупую нестерпимую потребность вернуться в бесформенное оупение, которое кажется вершиной благоденствия.

Но и у меня не было желания зарыдать; мне достались горькие и черные угрызения Иуды. Ведь я продал своего учителя, мою настоящую Волю за тридцать кусочков ядовитой меди, вымазанных ртутной слизью. И что я за них купил? - кровавый пустырь, где я мог только повеситься, так чтобы вылезли все мои кишки.

Царь Лестригонов встал из-за пианино с тяжелым вздохом.

- Извините меня за придиричивость, - медленно вымолвил он, - но вы только что испортили себе удовольствие от песни, когда устыдились привести себя в порядок, что можно было сделать, приняв нужный вам героин. Как часто должен я вам напоминать, что ничего не надо стыдиться, а напротив гордиться

всем: Вы сами знаете, что подвергались большому риску, когда летали над позициями фрицев. Конечно я не хочу, чтобы вы этим хвастали; но и вы явно не желаете вести себя как школьник, курящий за забором свою первую сигарету. Бога ради, разве вы не видите, что половина опасности этого дела состоит в сопровождающих его секретности и двуличии?

Положим, мы также суетились бы вокруг еды, как вокруг выпивки и половой жизни. Разве вам не ясно, сколько зла это бы незамедлительно повлекло за собой? вспомните карточки на продукты во время войны.

- Ей Богу, я никогда об этом не думал, - воскликнул я в ответ, и мой ум поразила сотня полузабытых случайных происшествий.

Ведь и у людей, которые обычно ведут себя как стойкие законопослушные граждане, существуют всевозможные уловки, чтобы увильнуть от правил.

- Разумеется, мы нуждаемся в ограничениях, когда дело касается любви, выпивки и наркотиков. Ведь достаточно ясно, как страшно люди злоупотребили бы своей свободой, если бы им ее дали.

- Мне жаль, но я вынужден с вами не согласиться, - возразил Царь. - И как вы знаете, я имею бесконечные неприятности, не одни, так другие, придерживаясь своих взглядов. Но боюсь, я искренне думаю, что большинство этих неприятностей произрастает прямиком из неестественных условий, созданных попытками регулировать этот процесс. Ну и в любом случае, они влекут за собой настолько вредные для чувства моральной ответственности умонастроения, что я даже подумываю, а может действительно было бы разумным окончательно покончить с пуританскими и елизаветинскими законами. Вмешательство законодательной власти в обычаи людей порождает доносчика, шпиона, фанатика и ловкого симулянта. Возьмем финансы! Мошенничество превратилось в разновидность изящного искусства и повсеместно практикуется способами, которые были бы бесполезны, если бы не было законов, созданных для защиты общественности.

Трудно было принять такую точку зрения. Я с трудом верил, что Царь говорил это серьезно; но все же я мог видеть, как помогает современному криминальному миллионеру витиеватые законы о компаниях. Простому человеку невозможно в них разобраться, поэтому беспринципный тип, вооруженный солидными познаниями в этой сфере, куда быстрее извлечет выгоду из своих неосторожных сограждан, причем гораздо большую, чем в былые дни, когда его деятельность ограничивалась наперстками или обманом на спичках.

- О, Бэзил, - вмешалась Мейзи, - расскажите же нашим друзьям то, что вы говорили давеча про Острова Южного Моря.

Царь весело рассмеялся.

- Отлично, малыш, в самую точку! Я немало странствовал по самым диковинным краям и, как вы знаете, в некоторых все еще действуют табу насчет еды, охоты и рыбной ловли - всевозможных вещей, к которым мы в Англии относимся совсем просто, вследствие чего они не причиняют беспокойства.

Однако там, где человек перед обедом должен подумать о тысяче вещей: что он ест, и как оно было убито, и кто его варил, и так далее до бесконечности, - у него не остается возможности развивать свой ум в более важных направлениях. Табу ответственно за низкий умственный и моральный уровень развития у народов, которые от него страдают больше, чем кто-либо. Аппетит следует удовлетворять простейшим и легчайшим способом. Как только вы начинаете волноваться и думать, что правильно, а что нет, вы занимаете свою голову природе вопреки, и начинаете толковать вкривь и вкось о том, что явно не имеет никакого отношения к еде.

Вспомним Королеву Испании. Ее понесла лошадь, и она лишилась жизни только из-за того, что рядом не оказалось слуги, который, согласно этикету, должен был помочь ей спешиться.

Мы все засмеялись; девушки, кажется, от души, а вот я не без явно болезненного, неуютного предчувствия того, что Царь ступил на опасную почву.

- Что есть современная беллетристика? - вопрошал он. - От Томаса Гарди и Достоевского до поставщиков макулатуры для горничных - это не более чем отчет о сложностях, обусловленных преувеличенным значением сексуального аппетита двух или более двуруких обезьян в их собственных глазах или глазах их соседей. Большая часть неприятностей и так называемых преступлений, связанных с полом, причиняли бы совсем мало вреда, если бы никто не придавал

никакого значения тому, что имело, а что не имело места.

На такие доводы, конечно, имелся ответ, но я не знал какой именно. Я чувствовал себя не в своей тарелке. Царь Лестригонов направлял удар своего топора на самый корень дерева цивилизации. Это было очевидно.

Должно быть Лу уловила мою мысль. Она процитировала не без сарказма:

- O woodman, spare that tree,
Touch not a single bough,
In youth it sheltered me
And I`ll protect it -yow!

Поведение женщин стало эксцентричным после войны. Мне не нравился тон разговора. Я инстинктивно посмотрел на Мейзи Джэкобс, ища поддержки.

Еврейской традиции, которая, в конце концов, является основой так называемой христианской точки зрения, несомненно можно доверять. Однако Мейзи лишь отпарировала несколькими строчками Гейне, показав, что полностью находится на стороне противника.

Царь заметил мое раздражение, и торопливо сменил тему.

- Боюсь, что вам остается только одно, - сказал он мне, - приковать себя к ограде Букингэмского дворца и объявить голодовку до тех пор, пока они не выдадут вам разрешение голосовать раньше и чаще обычного, после чего вы совсем перестанете ходить на голосования. Это еще один пример все той же старой истории. Как бы мало нам ни хотелось иметь какую-нибудь вещь, мы поднимаем вой, узнав, что не можем ее заполучить; и получив ее, мы в тот же момент не хотим на нее смотреть.

Вы еще познаете тоже самое и с вашими наркотиками. Вы практически загнипнотизировали себя мыслью о том, что вам без них не обойтись. Но по-настоящему они вам не нужны и это вы тоже знаете. Это фальшивая и нездоровая страсть; и как только вы перестанете задумываться, как жизненно важно ее утолять, то начнете забывать, как сильно вы от нее зависите.

В его словах, разумеется, был здравый смысл, и я это чувствовал; и я был рад видеть, как весела и беззаботна сделалась Лу под влиянием этой идеи.

Мейзи позвала Царя к пианино, чтобы спеть еще одну песню.

- I love you because you`re crazy as I,
Because all the shadows and lights of the sky
Of existence are centred in you;
The cross-jagged lightning, the roar of typhoon
Are as good as the slumber of time as we swoon
With the sun half asleep in the blue.
You`re a dream, you`re a mystery, empress and slave,
You`re like life, the inscrutable beat of its wave,
You are always the all-unexpected!
When you`ve promised yourself, then you push me
away;
When you scorn me, you suddenly kindle and slay;
You hate truth as the lies She rejected!
I love you because you are gallant and proud,
(Your soul is a sun and your body a cloud)
And you leap from my arms when I woo you;
Because you love earth and its worms, you caress
The stars and the seas, and you mock my distress
While the sorrows of others thrill through you!
I love you because my life`s lost in your being;
You burn for me all the night long, and on seeing
Me, jest at your tears - and allot mine!
Because you elude me, a wave of the lake,
Because you are danger and poison, my snake,
Because you are mine, and are not mine!

Как раз когда она закончила, из Барли Грандж прибыла Эльзи с нашими чемоданами. Мейзи и Царь сказали, что оставляют нас их распаковывать, и удалились.

Они с Лалой потом заглядывали к нам, время от времени, в последующие пять дней и брали нас с собой покататься, пообедать, в театр или на вечеринку.

Мне показалось, что они сговорились не заводить разговоров на тему, которая была действительной причиной их посещения.

ГЛАВА III. ГОЛОС ДОБРОДЕТЕЛИ

Бэзил уезжал из города; но он объявился на пятый день в одиннадцать часов утра, и приступил к делу в своей самой серьезной профессиональной манере. После очень краткого приветствия, он отправился прямо к графикам, и внимательно их изучил.

Лу и я чувствовали себя не в своей тарелке. Он тут же это заметил.

- Вы все еще не можете вытряхнуть героин из головы, как я погляжу, - заметил он сурово. - Вы упорствуете, считая себя проказливыми детьми, вместо того, чтобы превратиться в пионеров человечества, предпринявших отчаянное приключение во благо расе.

Я начал извиняться; хотя не был вполне уверен, за что именно.

- Глупости, - прервал он. - Я отлично понимаю, почему вам стыдно за самих себя. У вас было то, что вы называете рецидивом. После того, как вы опустили до пяти, шести и семи доз, вы неожиданно вернулись обратно. Вчера, как я заметил, у Лу было четырнадцать, а у вас шестнадцать - больше, чем вы когда-либо принимали с тех пор, как находитесь в этом месте. Вы полагаете, что это плохой признак. Я - нет.

Начнем с того, что вы были честны с самими собой; и это имеет наибольшее значение. Затем еще хороший признак, что дневной разброс оказался таким большим. Я предпочел бы видеть "два по восемнадцать", чем "два по восемь", невзирая на четыре лишних дозы. То же самое рассуждение можно применить к распределению доз по времени суток.

То же самое с выпивкой. Человеком, который случайно попадает на попойку, гораздо легче управлять, чем закоренелым пьяницей. Каждый ребенок в "Четвертом Стандарте" знает это. Я полагаю, что это написано золотыми буквами вокруг алтаря в Вестминстерском Аббатстве. Если нет, то должно быть написано. А сейчас не беспокойтесь. И, помимо прочего, не впадайте в раскаяние и не сокращайте прием сегодня и завтра. Если вы так сделаете, то вас ждет очередной рецидив. Я знаю, это звучит, словно я противоречу самому себе. Съешьте его хоть весь, мне все равно. И я повторю это снова в присущей мне элегантной манере.

Я хочу, чтобы сама идея героина была извлечена из вашего сознания; вот та причина, почему я так сильно настаиваю на ведении записей каждый раз, когда вы принимаете его. Это психологический парадокс - лучший способ забыть о вещи - постоянно о ней помнить.

А сейчас до свидания, и приходите на обед сегодня вечером в студию. Наверное, вы захотите немного потанцевать.

Он ушел, махнув на прощание рукой.

Когда мы вернулись с танцев, швейцар сказал нам, что звонили какие-то леди и джентльмен и очень хотели навестить нас. Они не оставили своих имен и позвонят снова утром.

Это показалось мне любопытным; но я не придавал этому большого значения. На самом деле я был в довольно плохом настроении. Я принял немало героина в течение последних нескольких дней, но мне определенно не стоило особенных трудов порвать с кокаином. Морфий и героин вызывают у человека сильное физическое привыкание; но тяга к кокаину носит принципиально психологический характер, и когда человек принимает Г., он не беспокоится так сильно о приеме К.

Однако этим промозглым вечером я почти решился поехать достать в обмен немного снежка.

На первой стадии уменьшения приема героина мы не слишком страдали. Но сам процесс был крайне скучен.

Мы провели очень приятный вечер; впрочем, я не мог удержаться от сравнения с подобными событиями в дни медового месяца. Игривость жизни была утрачена, как в выдохшемся шампанском.

Наша неудача, конечно, заключалась в том, что мы пытались перехитрить природу. Но в тоже время, нельзя было закрывать глаза на очевидные факты, и я понимал, что Лам без колебаний даст нам немного снежка, догадавшись и состоянии, в котором я находился.

Не знаю, почему, но я чувствовал острое нежелание возвращаться обратно и просить его. Возможно, это было инстинктивное нежелание беспокоить его и унижаться, прося. Британский здравый смысл подсказал мне, что лучше всего будет перетерпеть и довериться ночному отдыху, дабы укрепить свои нервы.

Лам советовал нам посещать Турецкие бани, если мы почувствуем себя чересчур подавленными. И они нам действительно помогали.

Мы снизили дозировку до трех понюшек в течение одного-двух дней, главным образом следуя его совету принимать одну из этих белых таблеток вместо героина, когда страстное желание станет непреодолимым. Между прочим, он считал это совершенно необходимым.

Очень плохо, утверждал он, поддаваться давлению. Вовсе не так опасно принимать героин, когда человек не чувствует отчаянной потребности в нем.

Даже по прошествии всего этого времени, я не вполне понимал особенности ума Царя. Я никогда не угадывал точно, что он скажет следующим.

Однажды днем мы говорили о китайской внешности Лу; и он довольно серьезно сказал, что и в нем должна быть китайская кровь, и возможно даже, что он - реинкарнация китайского философа, которого звали Ко Йен (по-моему, именно это имя он произнес). По его словам, он обязан Европейскому интеллекту тем, что имеет возможность категорически объяснять, почему его мысли настолько азиатские по форме.

И они определенно были азиатскими. С нашей точки зрения, они были просто извращенными. Но, как правило, они, судя по всему, все время срабатывали правильно в самом конце. Можно было свернуть себе шею, пытаясь повторять все изгибы его ума. И Лам испытывал Сатанинское наслаждение в том, чтобы брать самые что ни на есть общепринятые идеи и опровергал их с помощью цепи парадоксов, сбивающих с толку собеседника своей странностью и тем, что на них, похоже, не было никакого ответа.

Несмотря на всю эту утонченность, он по-прежнему обладал совершенно британским упрямством; поток самых извращенных рассуждений мог неожиданно обернуться умозаключением, подобным бульдожьей хватке. И человеку оставалось лишь изумляться, действительно ли он верил во все те положения, которые выдвигал.

В моем же собственном случае вывод был только один - надо держать себя в хорошей форме. Так что я лег в кровать, намереваясь подняться рано и отправиться утром к турку. Но, как это случается, мы оба заснули поздно. И к тому времени, как оделись, мы оба проголодались и хотели отправиться на ланч.

Я был этим раздражен. Я хотел выбраться из дома, и полностью переменить мои мысли, насколько это только возможно. Парилка - отличное место для этой цели. Там я вообще ни о чем не могу думать, кроме как о сиюминутном воздействии температуры.

Меня раздражало также сравнительно бодрое состояние Лу. Когда я решил, что, в конце концов, выйду и закажу себе ланч прямо в "Прохладной Комнате", вдруг позвонил швейцар и спросил, не хотим ли мы увидеть леди и джентльмена.

Эти люди словно преследовали меня. Я спросил как их зовут. Наступила пауза, как если бы на другом конце провода началась какая-то дискуссия; и затем он объявил, что это Миссис Вебстер и ее друг.

Что это еще за мистика? Я не хотел ее видеть. Чего она от меня хочет? У меня выработалась стойкая неприязнь к этой женщине. Я дошел до того, что стал обвинять ее в том, что она втянула нас во всю эту историю с наркотиками. Это было гораздо проще, чем обвинять самого себя.

Тем не менее, мы не могли наотрез отказать принять ее, поэтому я сказал швейцару, чтобы они поднимались.

- Так это были вы, - сказали мы оба одновременно, как только двинулись навстречу друг другу.

Мы ссылались на тот вечер, когда мы устроили обед самоубийц в "Глицинии". Когда я выходил из зала, то было подумал, что узнал ее; однако я предположил, что ее нет в Лондоне. Ее действительно не было за два месяца до

того, но мой рассудок дошел до такого состояния, что мне бы не пришло в голову, что она могла вернуться.

Вот такие вещи героин делает с человеком. Ты составляешь представление о каком-то предмете, и потом с огромным трудом способен изменить его.

Она, со своей стороны, лишь наполовину узнала меня; и - боже правый! - в этом нельзя было винить ее.

- Мы прослышали, что вы в Лондоне, - начала она вкрадчиво, тоном, который каким-то образом отдавал фальшью, - и, конечно, я не могла успокоиться, пока не появлюсь и лично не поприветствую вас и Лу. Мы узнали от одного случайного знакомого, что вы жили в маленькой квартирке на Грик Стрит; но вы уехали тем самым утром, когда я приходила, и нам сказали, что вы были больны и не могли никого принять в течение недели. Однако Билли Брэй и Леди Рода, которых мы встретили прошлым вечером, сообщили, что видели вас на танцах. Так что я не могла терять ни минуты и пришла увидеть вас.

Она выпалила все это, будто куда-то ужасно спешила, в промежутке между фразами с неестественной пылкостью целуя Лу.

Я мог видеть, что эта женщина возмущает Лу даже больше, чем меня, но она, естественно, старалась не показывать этого.

Бессмысленно переминаясь с ноги на ногу, на заднем плане маячил не больше, ни меньше, как знаменитый филантроп, Джейбз Платт. Но он тоже изменился с тех пор, как мы видели его на нашей свадьбе. Тогда он был законченным типом самодовольного, преуспевающего, удовлетворенного всем Чэдбэнда; спокойный патриарх, создававший вокруг себя ауру незаинтересованной доброжелательности и непритязательной святости. Если какой-то человек и пребывал в мире с самим собой и с окружающими, то это был Джейбз Платт в нашу первую встречу.

Но сегодня, он, разумеется, предстал перед нами совершенно другим. Он, казалось, даже сморщился. Черный костюм раньше облегал его словно кожа - здорового дельфина. А сейчас он болтался свободно, как на жабе. Он напоминал это существо еще по нескольким другим причинам. Добродетель каким-то образом испарилась из него. Он смотрел на мир голодными глазами хищника. Конечно, я незамедлительно понял, что с ним стряслось - он принимал героин.

- Боже, - подумал я, испытывая чисто инстинктивное отвращение к этому созданию, - как низко падают великие мира сего!

Прошу прощения за следующее далее отступление. Сейчас оживленно обсуждают, является ли ряд удовольствий естественными или неестественными. Лам как-то потом сказал мне, что настоящий ключ к извращенности того или иного удовольствия в том, насколько несоразмерно то внимание, которое оно привлекает.

Если верить ему, мы не имеем права с ходу решать, что поедание опилок якобы удовольствие неестественное. Организм определенного человека может быть так устроен, что опилки пойдут ему на пользу. И пока эта его странность не вредит и не мешает другим людям, нет причины, почему бы его не оставить в покое.

Но если в этом же человеке укоренилась вера, что поедание опилок необходимо для счастья человечества; если он объясняет почти все, что происходит, поеданием или непоеданием их; если он воображает, что большинство людей, которые ему встречаются, такие же поедатели опилок, и добавок, если он думает, что спасение мира зависит полностью от создания законов, чтобы заставить людей есть опилки, любят ли они это или нет, то будет справедливо сказать, что его психика неуравновешенна и, что он свихнулся на этой теме; и, далее, сама практика потребления опилок, какой бы невинной она не казалась, в этом частном случае - извращение. Здравость ума состоит в уравновешенности присущих ему представлений. Только в этом смысле идея, что гениальность связана с безумием, верна.

Убеждение Микелеанджело, что его творения - вершина эпохи Возрождения, не совсем разумна, несмотря на то, что с течением времени была оправдана его вера.

Вот в чем беда в случае с большинством сторонников профилактических прививок и их противников, вегетарианцев и анархистов, и всей "вспыльчивой расы пророков" в целом - они передергивают. Как бы они не были правы в своих убеждениях, и в убеждении о важности своих убеждений, они неправы в том, что

забыли о равноценности или даже большей важности других вещей. По-настоящему важные вещи в мире - огромны, молчаливы и неумолимы.

- О чем говорят нам дикие бушующие волны? - о том, что приливы постепенно замедляют скорость вращения земли. И я впал в то же заблуждение. Везде и всюду я видел героин.

Но в случае с Мистером Джейбзом Платтом я не ошибся!

Гретель Вебстер была мастерицей светской беседы, и все-таки ее ловкая болтовня не могла закамуфлировать надуманности заявленной причины визита. Она сама поняла это, и немедленно взяла на себя инициативу, попросив Лу отвести ее в спальню и "поговорить о тряпках и оставить дорогого сэра Питера с Мистером Платтом, чтобы они получше познакомились друг с другом".

Но знакомство шло туго. Дорогому сэру Питеру и Мистеру Платту похоже нечего было сказать друг другу; лучшее, что мог сделать дорогой сэр Питер, так это предложить сигары, сигареты и различные напитки, дабы снять напряжение, однако римское достоинство Мистера Платта не позволяло ему снизойти до таких вещей.

Мистер Платт, тем не менее, был так тронут гостеприимством дорогого сэра Питера, что чувствует себя обязанным спросить его мнение относительно - и он неожиданно вытащил десятиграммовую бутылочку кокаина из бокового кармана.

- Мы полагаем, - произнес он, - что это особенно чистый образчик. И есть веские научные основания считать, - объяснял он тоном проповедника, - что не сам наркотик, а примеси, так часто присутствующие в нем по вине небрежных производителей, ответственны за плачевные последствия, иногда наблюдаемые в людях, которые принимают его по уважительным или каким-либо другим причинам.

Сказать, что я был потрясен, будет грубым преуменьшением. Мое изумление помешало мне на мгновение осознать, что мое сердце забилося учащенно внутри при виде наркотика.

- Мне действительно важна ваша точка зрения, как знатока, - объяснил Платт.

Голос его почему-то дрожал, как если бы он продолжал сдерживать себя каким-то невероятным усилием воли.

Я что-то утвердительно пробормотал.

- Все-таки, Мистер Платт, - молвил я, наконец, - я полагал, что вы озабочены в том, чтобы искоренить употребление наркотика целиком и полностью. Я думал, что это именно вашим старанием, главным образом, через Парламент протащили Дьявольский Закон о Наркотиках.

- Невежество, чистое невежество, мой дорогой сэр Питер, - вскричал он. - Мы живем и учимся, учимся и живем. Если кокаин используют умеренно, то он несомненно полезен. Стимулятор, без сомнения скажете вы. И все стимуляторы могут быть безусловно опасны. Но, я опасюсь, что люди будут все равно принимать их, и бесспорно самое мудрое решение - предоставить в их распоряжение продукт, приносящий наименьший вред.

Пока Платт говорил, он продолжал нервно трясти бутылочкой у меня под носом, словно опасался прямо дать мне ее в руки. И тут я осознал, как отчаянно ему хочется.

- Ну, разумеется, Мистер Платт, - ответил я, уловив суть вопроса. - Я буду только рад высказать вам свое мнение, если, конечно, оно представляет для вас ценность.

Я не смог скрыть лихорадочного нетерпения, с которым отсыпал дозу. Моя попытка употребить ее со скептическим видом не убедила бы и ребенка: даже он бы заметил, что я трепетал, телом и душой, от нестерпимой жажды отправить вещество в мое тело после столь долгого воздержания.

Время очистило мой организм. Кокаин нашел дом "пустым, выметенным и украшенным"; и семь дьяволов устремились в меня вместо одного извергнутого. Мое недомогание исчезло как облако, подхваченное ветром перед солнечным ликом. Я стал физически бодрым, таким, каким не был в течение многих месяцев. И преисполнился необычайной самоуверенности. Мои колебания исчезли. Я любовался утонченным опьянением от осознания вернувшейся ко мне богоподобности.

- Должен признать, что по моему мнению это превосходный продукт, -

произнес я с высокомерным спокойствием, в то время как кровь звенела у меня в ушах.

Я протянул назад бутылочку.

- Возьмите ее, я доверяю ее вам, мой Дорогой Сэр Питер, - с энтузиазмом воскликнул Платт. - Человек никогда не знает, когда ему вдруг срочно понадобится лекарство.

Меня сотрясали раскаты внутреннего хохота. Я не мог усмотреть в этом никакой шутки, но все же эта была самая большая шутка в мире.

- Вы действительно ужасно добры, мой дорогой Мистер Платт, - сказал я елейным тоном, чувствуя, что мне отдали ведущую роль в какой-то потрясающей комедии.

- Я беру на себя всю полноту ответственности, - отозвался мой гость. - Вы не можете себе и представить, как ваше благожелательное одобрение успокоило меня.

Я принял еще одну понюшку, почти теряя сознание от невыразимого экстаза. Я заткнул пробкой бутылочку и положил ее к себе в карман, рассыпаясь перед Платтом в благодарностях.

- Я не могу даже вообразить, что вас могло что-то волновать, - продолжил я с ноткой иронии, которая была, тем не менее, абсолютно приветливой. Я был другом всем в этом мире. - Если бы только нашелся человек, у которого нет претензий к Творцу, то это, разумеется, Джейбз Платт.

- Ах, совесть, совесть, - вздохнул он. - Вы не имеете представления, Сэр Питер, как она замучила меня за последнее время. Моральная ответственность, ужасная моральная ответственность.

- Как бы то ни было, - заметил я, - вы именно тот самый человек, который может взять ее на себя.

- Ну, - протянул он, - я полагаю, что могу сказать без хвастовства, я никогда не пытался увильнуть от нее. Ваше одобрение освободило меня от последних остатков колебаний. Должен объяснить вам, мой дорогой Сэр Питер, что я всегда был бедным человеком. Служение человечеству требует многих жертв от его поборников, и, заверяю вас, что в этой бутылочке заключается не только, как я сейчас абсолютно уверен, спасение человечества от одной из самых зловещих опасностей, но и огромное состояние.

Он подался вперед и постучал по моему колену указательным пальцем.

- Огромное состояние, - повторил он благоговейно. И затем, понизив свой голос еще больше. - Его хватит на нас двоих.

- Как, разве я могу стать компаньоном? - спросил я в удивлении, в то время, как нервная дрожь алчности уже щекотала струны моего сердца.

Я прикинул, что тем или иным образом я проделал до неприятности огромную дыру в моем капитале. Лишь два дня назад я получил довольно раздраженное письмо от мистера Вульфа на этот предмет. И если речь идет о том, чтобы добыть огромное состояние, то это дело по мне.

Джейбз Платт придвинул свой стул ближе к моему, и начал говорить спокойным, убедительным голосом.

- Именно так, мой дорогой Сэр Питер. Пути Провидения безусловно неисповедимы. Прямо перед тем, как приняли мой Закон, я инвестировал то небольшое состояние, которым обладал, в кокаиновую фабрику в Швейцарии, с намерением положить конец ее нечестивой деятельности. И сейчас перед вами пример того, на что я могу только сослаться с почтительным благоговением, как на Перст Указующий. С одной стороны, мой советник по химии сообщил мне о замечательном научном открытии, о котором я уже упоминал. Я уверен, что вы не почувствуете никаких болезненных эффектов из-за принятого вами вещества?

В его голосе зазвучала крайняя обеспокоенность, почти отеческая по тону.

- Да не так чтобы! - отозвался я весело. - Это потрясающе. Я могу прямо сейчас сделать еще одну понюшку! - и сопроводил слова действием, как идеальный исполнитель роли Гамлета. - Неужели и это вас не убеждает? - спросил я ехидно.

- Ах нет, благодарю вас, дорогой Сэр Питер. Ваше замечание вознесло меня на вершину счастья.

Я принял четвертую дозу, просто балуясь.

- Ну, а с другой стороны, я обнаружил, что благодаря тому самому законопроекту, который я с таким трудом разработал и внес в Свод Законов, эта самая маленькая бутылочка, стоившая мне в производстве меньше пяти шиллингов, и продававшаяся в розницу за сумму в пятнадцать шиллингов, может теперь быть продана - нелегально, как вы понимаете - в Вест Энде практически за любую цену, которую продавец попросит, - десять, двадцать, даже пятьдесят фунтов, если покупатель что надо. Ну? Что вы скажете на этот счет? - он радостно засмеялся. - Впрочем, мнительные люди могут сказать, что я пробил этот Закон с единственной целью создания спекулятивного рынка для моего производства!

- И вы спасете человечество от его безрассудств и пороков одним ударом! Кокаин прочистил мой мозг - подобно одному из тех прозрачных золотых закатов после грозы на Средиземном море. Я упивался откровенностью Мистера Платта. Я торжествовал с дьявольским злорадством как ему удалось разработать тайне столь величественную схему и реализовать ее под столь безупречным прикрытием. Это было подобно видению Сатаны, облаченного ангелом света.

- Да, конечно, все дело в высшей степени удовлетворительно с любой точки зрения, - ответил Платт. - Никогда за всю мою жизнь мне не было позволено видеть с такой блестящей ясностью замыслы ниспосланного провидением милосердия.

- Увы! Мой дорогой мистер Платт, - отозвался я с унылым видом, как будто подчиняясь задумке режиссера. - Я очень молодой и невежественный человек, и не способен в настоящее время понять, каким образом я смогу принять участие в вашем замысле. Мое простое одобрение вашего продукта:

Я вытащил бутылочку и приложился к ней долгим, томным поцелуем - да, поцелуем, другого слова не подберешь! Моя давно утерянная любовь еще раз приютила мое усталое сердце!

Платт, в свою очередь, изобразил на лице Стигийскую меланхолию.

- Мой дорогой Сэр Питер, - продолжил он с глубоким вздохом, - вы можете легко понять, что, как ни велико мое состояние, благодаря неисповедимым путям Господним, сейчас наступил тот момент, когда необходимо осознать это полностью - по исключительному и самому несчастливому стечению обстоятельств, требуется не только время, но - Капитал с большой буквы.

- Несчастливое стечение обстоятельств, - повторил я мечтательно. Мой мозг мчался во весь опор в Цирке Бесконечности, оторвавшись от соперников на миллиарды миль.

- Несчастливое для меня, - поправился Платт. - Нет, нет, я не могу даже так говорить, с того момента как оно стало счастливым для моего друга - для вас!

- Для меня?

- Для вас, мой дорогой Сэр Питер! Я рассказал Миссис Вебстер о ходе этого дела, и она немедленно порекомендовала мне вас. И сама самоотверженно пришла на выручку - я едва ли должен вам говорить - она приобрела все акции, которые только смогла. Но загвоздка в том, что надо найти еще три тысячи фунтов. И помните, что после страхования от всех рисков, и прочих вычетов, мы будем иметь не менее четырех тысяч процентов с капитала в худшем случае.

Я всегда был никудышным бизнесменом; однако даже двенадцатилетний ребенок смог бы уловить насколько выгодно это предложение.

- Я привез бумаги, которые вас убедят, мой дорогой Сэр Питер. Вы можете видеть, что акционерный капитал составляет только 20,000 фунтов в акциях по одному номинальному фунту - и я предлагаю вам 3000 акций по номиналу.

- Роскошное предложение, мой дорогой сэр, - воскликнул я. - Вы ошеломили меня. Но - простите меня - я не понимаю почему вам вообще нужны деньги, или почему бы вам не продать акции через брокера.

В этот момент в комнату неожиданно влетела Лу. Ее появление вызвало у меня раздражение. Заметила ли она это? Лицо ее медленно побелело, словно мрамор. Она постояла мгновение, покачиваясь, в дверях в спальню; и затем поспешно прошла через комнату к прихожей не проронив ни слова. Портьера, колыхаясь, закрылась за ней - и я тут же забыл о ее существовании, смутно предположив, что она пошла забрать свои меха, чтобы показать их Гретель, и вернулась в спальню через другую комнату, решив не беспокоить нас.

Платт объяснил положение дел:

- Неудачливое стечение обстоятельств, сэра Питера! Боюсь, что был чрезмерно озабочен благосостоянием моих друзей - соответственно, в ущерб себе. Я премного удивился, когда, явившись в мой банк узнать, хватит ли у меня денег, чтобы приобрести эти химические заводы, я обнаружил мой баланс в плачевном состоянии. Я уже привык - увы! - обнаруживать, что моя импульсивная благотворительность поглощает мои небольшие сбережения. Но лишь в прошлом месяце я выяснил, что 3000 фунтов из них больше не принадлежат мне; это часть фонда, попечителем которого я был. Наши глупые законы не позволяют мне инвестировать трастовые фонды в ценные бумаги нашего Schneezugchemischerwerke* (*химический завод по производству снежка - нем.); и я должен возместить 3000 фунтов к концу этого месяца, или последствия могут быть самыми кошмарными.

Он запнулся на мгновение, содрогнувшись от страха. Он явно не разыгрывал спектакля, несомненно чувствуя, что будет непросто объяснить недоброжелательному составу присяжных, каким образом Трастовый Фонд потерял часть своих средств из-за их перевода на частный счет попечителя, а еще труднее будет убедить их в том, что попечитель пребывал в неведении на этот счет.

- Вы - человек, умудренный опытом, Сэр Питер, - заявил он, чуть не плача, - и я уверен, что вы поймете меня.

На самом деле, меня никак нельзя назвать человеком, умудренным опытом; но - возможно, под воздействием кокаина я действительно подумал, что вполне понял суть дела.

- Но почему бы вам не отправиться в Сити? - повторил я. - Они должны сцепиться как волки за такой жирный доходный кусок, как этот ваш Schneezug!

- Мой дорогой Сэр Питер! - всплеснул он руками в изумлении. - Вы не можете не осознавать, что потребуются долгие годы, чтобы заставить общественность почувствовать разницу между нашим Чистым Кокаином, полезным домашним тонизирующим средством, и Грязным Кокаином, Смертельным и Вредным Наркотиком, Вызывающим Привыкание! Я чувствую, что могу доверять вам, так как вы опытный, светский человек, и знаток, и - позвольте мне быть откровенным с вами - потому что вы понравились мне с первого раза, когда я вас увидел - такой очаровательный и блестящий мужчина с такой прекрасной молодой невестой! Но что, что скажут люди, если станет известно, что Джеймс Платт владеет большей частью акций Кокаиновой Фабрики? Мой дорогой Сэр Питер, мы в Англии, помните это!

Тошнотворное лицемерие этого негодяя было мне противно, но невозможно было отрицать, что его предложение не лишено смысла.

Акции Schneezugchemischerwerke, когда он купил их, приносили сами по себе уже неплохой доход.

Я был бы вынужден продать необходимые ценные бумаги, чтобы купить эти акции. В голове у меня царил кавардак. Мое желание купить акции определяли мотивы, которые были не просто разными, но и взаимоисключающими. С одной стороны, бесовское желание творить зло во имя зла; с другой, - восторг школьника от секретности всей затеи; и, наконец, простая и откровенная жажда денег. И опять же моя ненависть к лицемерию обернулась очарованием. Я хотел насладиться вкусом такого утонченного и изысканного порока.

Но над всем этим возобладал мотив, действительно относившийся к категории безумных. Во-первых, я был сверх меры очарован возможностью стать обладателем безграничных запасов кокаина, а во-вторых гневался на человечество, которое изобрело вещества, погубившие мою жизнь, и хотел свершить отмщение, снабдив отравой как можно больше людей.

Все эти мотивы бултыхались в моем сознании, как куски мяса в кипящем супе. Пары, находившиеся в этом вареве, одурманили меня. Я пожал руку Платта и пообещал тотчас же отправиться в мой банк и сделать все необходимые приготовления.

Я раздувался от исступленной гордости, чувствуя себя крупным дельцом, увидевшим блестящую возможность и ухватившим ее за вихор. Но еще более бредовым образом, я наслаждался тем, что ощущал себя великодушным благодетелем своего собрата по несчастью.

Платт вытащил свои часы. "Мы можем поехать туда немедленно и отобедать в городе. Господи помилуй! - воскликнул он внезапно. - Как я бестактен! Я же

почти забыл о Леди Пендрагон и Миссис Вебстер!"

- О, они будут в восторге, - захихикал я. - У них будет ужасный ланч из сливочных кексов, кресс-салата, пирожков с мясом и шампанского, а после они отправятся по магазинам, как прелестные маленькие миллионерши.

- Да, разумеется, - сердечно и вполне искренно заметил Платт. - Именно для этого они и созданы. Что касается нас, мы отправимся на ланч в Суитинг, на устрицы и крепкий портер, и выпьем за процветание Парламентских Институтов.

Я засмеялся над этой шуточкой, как безумный, и громко воскликнул:

- Заходите, девушки, есть новости. Нас всех скоро примут в Клуб Алмазного Собачьего Ошейника.

В дверях появилась Гретель. На ее лице по непонятной мне причине застыло обеспокоенное выражение.

- Где Лу? - тут же спросила она, и ее пронзительный голос стал низким от волнения.

- А разве она не с вами? - переспросил я как идиот.

Неожиданный спазм тревоги заставил меня вздрогнуть. Что, черт возьми, могло случиться?

Платт, конечно, был удручен больше, чем любой из нас. Он успешно провернул опасную интригу деликатного свойства; но когда его усилия, казалось, увенчались успехом увидел, что его плану угрожает какая-то необъяснимая опасность. В подзорную трубу интуиции он уже узрел вид на Олд Бейли с высоты птичьего полета. Тот факт, что не было реальной причины для беспокойства, лишь усиливал чувство тревоги.

- Она, должно быть, разыгрывает нас, - сказала Гретель тяжелым, холодным голосом, преодолевая свое волнение с нарочитым усилием.

Мы обыскали все помещение, но Лу и след простыл, а в холле пропало ее меховое пальто и шляпка. Я повернулся к Миссис Вебстер.

- Что случилось? - спросил я резко.

Лицо этой женщины вновь превратилось в непроницаемую маску. Она бросила вызывающий взгляд на Платта, в чьих глазах застыл коварный вопрос.

- Я вообще ничего не могу понять, - сказала она задумчиво. - Все время, пока Лу была в спальне, она, казалось, испытывала крайнюю неловкость. Я думаю, что ей было плохо без порошка. Если бы у меня только был с собой, это бы немного встряхнуло ее. Dummer Ezel! Я никогда больше никуда не выйду без него, пока жива. Я забыла, под каким предлогом она ушла. Полагаю, что это была просто уловка, чтобы уйти и раздобыть героин.

Воцарилось молчание. Платт боялся сказать то, что вертелось у него на языке. Я был всерьез озадачен. Происшествие уничтожило эффект принятого мной кокаина. (Удивительно, как просто разрушить его заклятье!). Превозмогая Танталовы муки я налил три порции бренди, и бросил щепотку снежка в мой стакан, чтобы быть уверенным, что вернусь именно в то состояние, в котором находился.

Мисс Вебстер тем временем полностью овладела собой.

- Мы просто очень глупые дети, - сказала она весело, сделав глоток бренди, - поднять столько шума из ничего. Можно найти тысячу и одну причину, почему она могла решить выйти. Здесь ужасно жарко, и она, наверное, решила прогуляться на свежем воздухе. В любом случае, вам не стоит беспокоиться обо мне. Вы, ребята, лучше отправляйтесь в город и делайте свои дела. А я подожду ее здесь, пока она не появится, и сильно отшлепаю ее за то, что она так напугала нас всех.

Платт и я надели пальто и шляпы. Мы уже прощались с Гретель, говорили ей, чтобы она заказала себе внизу хороший ланч, когда услышали, как в американском замке повернулся ключ.

- А вот и она, - радостно вскричала Гретель. - Мы вели себя совсем как дети!

Дверь открылась; но вошла в нее вовсе не Лу. Это была Мейзи Джекобс, и лицо ее было сурово и полно решимости. Она сухо кивнула остальным, взяла меня за руку и сказала глубоким, напряженным голосом.

- Вы должны тотчас же отправиться со мной, сэр Питер. Вы нужны леди Пендрагон.

Я побледнел. И вновь, вырвавшись из клубка противоречивых чувств, я

вспомнил основополагающую истину, которую забывал так изощренно и так часто.

Самым моим глубоким чувством была любовь к жене. Я негодовал понимая это, и никак не мог смириться с этим. Я задал довольно глупый вопрос:

- Что-нибудь случилось? - словно лицо Мейзи, если не говорить ничего о ее неожиданном появлении, не было бы достаточным свидетельством серьезности ситуации.

- Пойдемте со мной, - повторила она.

Гретель наблюдала за диалогом как кошка. Она метала взглядом молнии в Платта, опасаясь, что от страха тот обронит какую-нибудь непоправимую глупость.

- Разумеется, при сложившихся обстоятельствах можно сделать только одно, - поспешно сказала она, блестяще оценив сложившуюся ситуацию. - Вы немедленно поедете с Мисс Джейкобс, сэр Питер. Не стоит говорить, как я обеспокоена, но я надеюсь, что на самом деле все не так уж плохо. Мы с Мистером Платтом заглянем позже, чтобы узнать новости; и если все в порядке - а я даже мысли не допускаю, что может быть как-нибудь иначе - мы назначим встречу на утро по всему, что касается наших дел. Не теряйте ни минуты времени.

Я второпях попрощался с ними, и взял Мейзи за руку. Она побежала со мной вниз по лестнице, оставив остальных дожидаться лифта.

ГЛАВА IV. ОТ ГРЕХА ПОДАЛЬШЕ

Машина Царя стояла у дверей. Мейзи уселась за руль и тронулась с места, не говоря ни слова. Я сидел, дрожа, сбоку от нее, и меня переполняли необъяснимые угрызения совести. От кокаиновых восторгов не осталось и следа. Кокаин как будто усугублял мою нервозность, но, тем не менее, я неоднократно прибегал к наркотику за время недолгой поездки.

Когда мы добрались до студии, там сидела на своем обычном месте, за столом, Лала, а Царь расхаживал по комнате из угла в угол, положив руки за спину и склонив голову, с таким глубокомысленным видом, что, казалось, и не заметил, как мы прибыли. Лу так и не сняла свои меха. Она стояла точно статуя, посреди комнаты. Она то заливалась краской, то бледнела, и это было единственным признаком того, что она еще жива. Глаза ее были закрыты. По какой-то причине она напомнила мне подсудимого, ожидающего приговора.

Царь резко остановился, и мы обменялись рукопожатиями.

- Снимайте шляпу и пальто, и присаживайтесь, сэр Питер, - сказал он резко.

Его обращение было совсем непохоже на прежнее. Он уселся в кресло, отыскал в кармане старую черную трубку и закурил ее, предварительно набив черным табаком. Казалось, что он чрезвычайно возбужден, что опять же было совершенно ему не свойственно. Затем он прокашлялся и поднялся, и поведение его полностью переменялось. Мне он предложил одну из своих миллионерских сигар, и жестом велел Лале подать мне выпить.

- Это новейшая мода у нас в студии, - сообщила Лала веселым тоном. Она явно старалась ослабить напряжение. - Бэзил изобрел этот коктейль прошлым вечером. Мы называем его Кубла Хан номер два. Как вы видите - это наполовину джин, наполовину кальвадос, чайная ложка мятного ликера и около двадцати капель лауданума. Пропускаете через колотый лед, и вот вам самая освежающая штука из всех, мне известных.

Я машинально принял эту шикарную смесь, с трудом сдерживая свое нетерпение. Мне хотелось сразу перейти к делу. Я ощущал близость чего-то не терпящего отлагательств. И еще мне не нравилось, как ведет себя Лу. Она оставалась абсолютно неподвижной и безмолвной; это навевало таинственную жуть.

Царю понадобилось три спички, чтобы раскурить свою трубку, и она продолжала гаснуть чуть ли не перед каждой затяжкой. Вскоре он со злостью швырнул ее на ковер и закурил сигару. Камин был огражден решеткой, на ее перекладине сидела Мейзи, в нетерпении болтая ножками. Создавалось

впечатление, что мы ожидаем чего-то, и никто не знает, с чего начать.

- Расскажите ему, Лу, - внезапно скомандовал Царь.

Она встрепенулась, будто от удара. Затем повернулась ко мне лицом к лицу. Первый раз в жизни я обратил внимание, какого она высокого роста.

- Петушок, - вымолвила Лу. - Я стою на распустье.

Она сглотнула, попыталась продолжить речь и не смогла.

Царь сел в свое кресло. Он целиком пришел в себя и наблюдал эту сцену с объективным любопытством профессионала. Лала перегнулась через спинку кресла и что-то долго и серьезно шептала ему на ухо. Он кивнул.

Лам еще раз прокашлялся, и только тогда заговорил напряженным голосом.

- Я думаю, что всего проще будет, если леди Пендрагон расскажет сэру Питеру, как она уже рассказала нам, в точности все, что произошло, как если бы она свидетелем в суде.

Лу беспокойно повела плечами.

- Я сыта по горло, - наконец выпалила она.

- Свидетель, будьте любезны контролировать себя, - сделал замечание голосом судьи Царь Лестригонов.

Суровость его тона не просто привела Лу в чувство; возможно, она стала на миг такой, какой была еще до нашего с ней знакомства.

- Когда эти люди явились сегодня днем, - начала она вполне спокойно, - я сразу же поняла, что они затевают какую-то игру. Я знала, зачем Гретель нужно удалить меня из комнаты, и я напрямую ей в этом препятствовала. Она, полагаю, была правдивой настолько, насколько может быть такая женщина. Что-то относительно покупки акций химического завода?

- Да, именно, - сказал я в ответ, и ощутил, как в моем голосе прозвучала враждебность. - А почему бы и нет? Раз в жизни подворачивается возможность сделать такое удачное вложение, и я не понимаю, почему женщины должны совать свой нос в мужские дела, которые они не понимают и никогда не поймут. Между прочим, я, наверное, уже упустил свой шанс. И все из-за тебя! Если бы я знал, где искать Платта, я бы пошел туда и подписал контракт сию минуту. А пока что я могу пойти в банк и заняться получением денег.

Я вытащил часы.

- Я даже и пообедать уже не успею, - продолжал я, умышленно доводя себя до бешенства.

Лу отступила на несколько шагов, затем вернулась назад и посмотрела мне в лицо.

- Примите мои извинения, Сэр Питер, - произнесла она ледяным, нарочитым тоном. - Я не имею никакого права вмешиваться в ваши планы. В конце концов, они меня более не касаются.

Я вскочил на ноги и отбросил наполовину выкуренную сигару в камин.

- На что ты намекаешь? - спросил я с чувством.

Кажется, я собирался сказать ей что-то еще, но неожиданно во мне что-то будто сломалось. Ощувив слабость, я, задыхаясь, опустился в кресло. Полузакрытыми глазами я смог увидеть, как импульсивно было метнулась ко мне Лу; но затем, овладев собой, отшатнулась, точно человек, обнаруживший, что красиво изогнутая ветка на земле на самом деле оказалась гремучей змеей.

Мой мозг пульсировал вяло и медленно, но она продолжала говорить с безжалостной страстью. Я был сметен бурным порывом ее презрения.

- Я извинилась и зашла посмотреть, что же у вас все-таки происходит. Как оказалось, вы были весьма далеки от действительности. Вы нюхали кокаин, но не в виде эксперимента, и не потому, что это вам было физически нужно, а просто так, из порочности. Вы уже приняли его столько, что были невменяемы. Это я бы еще могла снести, потому что любила вас. Но то, что вы планировали стать партнером этого злодея-убийцы, этого набожного ханжи, это уже совсем другое дело. Это дело чести. Не знаю, как долго простояла я там. Я прожила целую жизнь за секунду, и приняла решение порвать раз и навсегда с этой грязью. Я улинула и примчалась сюда. Я и сама сейчас полубезумна от жажды Г.; но я не хочу принимать его, пока не будет покончено со всем этим. Боль моего тела помогает мне стойко переносить смертельную муку моей души. О, я знаю разницу между героизмом и истерией - можешь называть меня, как тебе нравится, все, что ты скажешь, больше не играет роли. Я не хочу умирать, и поэтому я попросила Бэзиля забрать меня, как он обещал однажды, задолго до

нашей с тобой встречи. Он пообещал вылечить меня, и я ловлю его на слове. Он обещал меня забрать, и я напоминаю ему об этом. А ты можешь получить развод. Тебе же лучше. Потому что я не желаю снова видеть твое лицо. Никогда.

Все остальные в этой комнате не существовали для меня. Мне нужно было собраться с силами, чтобы отразить атаку Лу. Стояла абсолютная тишина, нарушаемая только моим сопением. Я снова овладел собой, и разразился оглушительным хохотом.

- Так вот в чем суть фокуса, да? - сумел я, наконец, ответить. - Ты продаешь меня, чтобы купить третью долю у этого хама!

Я запнулся, стараясь придумать какие-нибудь гнусные оскорбления; но мой мозг отказывался работать. Он подсовывал мне какую-то несносную ругань, которая обыкновенно ассоциируется с уличными хамами. Я изрыгнул целый фонтан грязной брани; но даже в тот момент я понимал, что это не делает мне чести. Мои замечания были восприняты с полным безразличием. Даже Лу едва пожала плечами и посмотрела на Царя Лестригонов, точно говоря: "Вы же видите, я была права".

Царь медленно покачал головой. Я, на самом деле, видел очень плохо. Мое зрение оказалось каким-то особым образом нарушено, а сердце переполняло негодование. Я еще раз угостился кокаином. К моему удивлению, Царь проворно встал с кресла и выхватил бутылочку у меня из рук. Я хотел подняться и прикончить его, но на меня нашла предсмертная обморочность. Комната поплыла. Царь вернулся в кресло, и студию опять окутало безмолвие.

По-моему, я ненадолго потерял сознание; ибо не помню, кто обернул мою голову ледяным полотенцем, или как так получилось, что у меня по позвоночнику струилась морозная испарина.

Я пришел в сознание, испутив тяжелый вздох. Все были в прежних позах, за исключением Лу, которая сняла свои меха и вернулась в кресло.

- Если вы чувствуете себя достаточно хорошо, - сказал Царь, - вы могли бы выслушать также и конец этой истории.

Внезапно Лу начали душить рыдания, и она зарылась головой в подушки. Царь подал знак, явно понятый Лалой. Она шагнула вперед, и встала передо мной, убрав руки за спину, как ребенок, повторяющий урок.

- Сэр Питер, - начала она нежным голосом, - Бэзил объяснил леди Пендрагон, что она следует неверному взгляду на данный вопрос. Он рассказал ей, что когда люди борются с наркотической зависимостью, им свойственно говорить и делать вещи, полностью чуждые их характеру. Всем нам известно, что вы с избытком продемонстрировали нам вашу храбрость и чувство чести. Нам известен ваш род, и нам известны ваши подвиги. Беседа с мистером Платтом не считается. Вы были больны. Этим все сказано. Мейзи вызвалась съездить и забрать вас; и, слава богу, она сделала это вовремя!

Лу резко развернулась и обрушилась на Царя Лестригонов.

- Помните, что вы обещали, - буйно кричала она. - Я поймала вас на слове.

- И это тоже, - спокойно ответил он, - происходит потому, что вы больны, равно как и он - болен.

- Значит это порядочно, нарушать слово, данное больной женщине? - она снова рванулась вперед, точно тигрица.

Странная улыбка изогнула губы Царя.

- Ну, а что скажет сэр Питер? - спросил он с некоторой ленивой игривостью.

Я внезапно остро представил себе, как я смехотворно выгляжу, точно больная обезьяна с полотенцем на голове. Я сорвал его и швырнул на пол.

Лала тотчас же его подняла. Я воспринял этот жест, как оскорбление. Со мной обращались, как с человеком, который вечно досаждаст, создавая беспорядок в чужой студии. Это усугубило мою угрюмость.

- Неважно, что я скажу, - сердито ответил я. - Но поскольку вы спрашиваете, я скажу так: возьмите ее, держите ее и чтобы больше я о ней не слышал. И на том вам спасибо.

Звук моего голоса заставил меня скривиться. Неужели я настолько увлекся, что позволил себе говорить так вульгарно? Необычным образом все, что происходило, делало мою позицию все менее и менее достойной.

Тут вмешалась Лу. Весьма насмешливым тоном она изрекла:

- Ага, Бэзил, он отпускает меня. Я перехожу к вам незапятнанной. Вы можете быть верны своему обещанию, не нарушая вашей веры.

Она поднялась с диванчика и приблизилась к его креслу. Она бросилась к его ногам и уткнулась лицом ему в колени; протянув к нему руки, она пыталась погладить его лицо.

- Да, - Царь ласково потрепал ее волосы. - Мы свободны, и я сдержу свое обещание. Я вас вылечу и заберу с собой. Но вы позволите мне выдвинуть одно условие?

Лу подняла лицо. Несмотря на физическую немощ последних нескольких месяцев, любовь еще способна была перевоплотить ее телесно. Она была лучезарно прекрасна, и только и ожидала, чтобы Лам заключил ее в свои объятия. Она вся дрожала в страстном экстазе.

Я схватился за ручки моего кресла в тщетной ярости. На моих глазах единственная женщина, которую я любил, отказалась от меня, отвергла с презрением, и предлагала себя другому мужчине так же импульсивно и порывисто, как некогда предлагала себя мне. Нет, клянусь всеми силами Ада, это было еще хуже! Ибо я домогался ее восторженно, а он не делал никаких усилий.

- Одно условие? - ее голос звонко и чисто звенел на всю студию. - Я всецело дарю себя тебе, мой Властелин и Любовник; владей и наслаждайся моим телом и душой. Что мне условия?

- Ладно, - кивнул Царь Лестригонов, - это и в самом деле лишь одно маленькое условие; и чтобы доказать, что я сдерживаю обещания, я должен сдерживать их все. Видите ли, я ведь обещал вылечить и сэра Питера, а поэтому мое условие таково - он тоже едет вместе с нами.

Она вскочила на ноги, точно ужаленная коброй. Ее вытянутые руки боролись с податливым воздухом. Ее унижение нельзя было выразить словами. Царь убрал трубку в карман, встал и потянулся, словно огромный, ленивый лев. Он обнял ее и, крепко удерживая, пристально взглянул в ее измученное лицо: ярко-алая ломанная линия ее рта растянулась трагически в квадрат, из которого хотел и не мог вырваться вопль. Лам нежно встряхнул ее за плечи. Напряженные мышцы Лу стали расслабляться.

- Так по рукам, крошка? - спросил он.

Ее рот закрылся, затем изогнулся в прелестной и счастливой улыбке. Мрачное пламя вождения угасало в ее глазах. В них теплился свет понимания.

Царь обнял ее за талию и подвел ко мне. Крепко взяв меня правой рукой под плечо, он поднял меня со стула, точно Геркулес, дотянувшийся до самых темных бездн Ада, и вытащивший оттуда на свет божий чью-то проклятую душу.

Он соединил наши руки и накрыл их своими.

- Кого соединил вместе Бог, - произнес Лам торжественно, - да не разлучит никто из людей.

Поворот на каблуках, и перед нами снова предстал человек решительного действия.

- Мейзи, - распорядился он, - ключ у вас. Поезжайте, упакуйте их вещи и оставьте их в зале ожидания вокзала Виктория. Лала, позвоните и закажите для этих добрых людей каюту. В Лондоне нам не место, чересчур много филантропов бродит вокруг, высматривая, кого бы сожрать. Позвоните Дюпону, пускай пришлет обед на пятерых к семи часам. Мы успеваем на десятичасовой поезд и будем в Телепиле sabse jeldi.

Мейзи уже не было в студии, а Лала закончила телефонировать, прежде чем он сказал эту речь. Он обратился к нам с той же подчеркнутой спешкой.

- Ну что, молодые люди, - голос его звучал бодро. - Ваши нервы разодраны в клочья, и неудивительно. Белые таблетки для обоих, и немного героина, чтобы придать им сладость. Потом вы же пропустили ланч! А это совсем нехорошо. Что же, мы устроим старомодное, роскошное чаепитие. Насколько мне известно, в ведерке с углем или где-то там имеется кое-какая еда, и Лала нам что-нибудь сварит, покамест я буду намазывать масло на хлеб. А вы посидите и обсудите свои планы относительно медового месяца номер восемь, или какой он там у вас по счету. И не мешайте мне, потому что я буду очень занят. В самом деле, вам повезло, что я привык собираться в трехлетние кругосветные экспедиции за три минуты.

Чай был готов через полчаса. Лу и я сидели на софе, потрясенные и

расстроенные всем, что мы пережили. Морально, умственно, физически - оба мы были снедаемы жесточайшей усталостью. И все-таки волны ее напрасно бились в молчаливую и неподвижную скалу нашего возвышенного блаженства. Оно не находило выражения. Слишком утомлены мы были. И, тем не менее, мы ощущали некой глубиннейшей частью нашего сознания, с которой впервые были беспощадно сорваны все ее покровы, что такое блаженство существует. Оно было всегда, "испокон века", и будет всегда. Оно не зависит ни от времени, ни от пространства. Это был невыразимый союз, в бесконечности бытия каждого из нас, и наших индивидуальностей.

Я должен воздержаться от детального описания нашей поездки в Телепил. Если другие доберутся до местных красот, то они очень быстро придут в упадок. Как бы то ни было, не будет особенного вреда, если рассказать про само это место, особенно если уже не менее трех тысячелетий назад оно стало одной из известнейших точек на планете. И одним из основных поводов для этого было то, что уже в те времена его украшали развалины забытых цивилизаций. Сегодня же рука человека начертала эфемерные надписи повсюду на огромных скалах, что нависают над городом.

Приближаясь к Телепилу с запада, мы были поражены, когда могучий утес устремился вдруг на нас, точно поезд из-за поворота. Словно новый Гибралтар, он возвышался на фоне неба на триста пятьдесят метров над уровнем моря. Он занес над городом две свои огромные лапы, будто присевший лев, играющий со своей добычей, перед тем, как ее пожрать - что, собственно говоря и соответствовало действительности.

Крупнейшей тамошней достопримечательностью является величественный собор, построенный в эпоху норманнов. Он стоит на выступе прямо над краем отвесной скалы, а внизу уже под ним, как раскрытый веер, лежит сам городок. Его ничтожность столь же подчеркивается присутствием собора, сколь и вид собора усугубляется скалами; и все же, когда тебе знакомы размеры обычных построек, нельзя не отметить разницу масштабов.

Городок служит мерилom громадных размеров собора; и как только ты их постигнешь, они сами в свою очередь превращаются в мерило величия скал.

Мы прошли пешком от вокзала до резиденции Царя Лестригонов, высоко на горном склоне над прилегающей к скалам морской косой. Тут и там над нами возвышались утесы. Они были рассечены остроконечными глыбами и глубокими оврагами; но поверх самых ужасных обрывов мы могли видеть останки наследовавших друг другу цивилизаций; греческие храмы, стены римских укреплений, водохранилища сарацинов, ворота норманнов и другие постройки всех времен медленно погибали на иссохших и мрачных уступах.

Тяжелая эта была для нас работа - восхождение на холм - при таком никудышном состоянии нашего здоровья. Мы были вынуждены то и дело присаживаться на громадные камни на обочинах троп, извивающихся среди вспаханных полей, утыканных кривыми и серыми оливами.

Воздух этих мест был в высшей степени опьяняющий, однако даже упоение им только усугубляло стыд за наше негодное физическое состояние. Мы два или три раза прибегли к героину, пока шли. Непонятно было, почему мы не взяли повозку хотя бы на часть пути. Но это, несомненно, являлось частью плана Царя Лестригонов, дабы мы терзались осознанием нашего бессилия в столь божественном месте, где голоса природы сливались в хор, подстегивающий нас к физической активности. Наша немощь не казалась такой отвратительной в Лондоне, в отличии от того, каким он стал в этом священном храме прекрасного.

Самого же Лестригона возвращение домой, похоже, взбодрило до необычайности. Он скакал по камням как молодой козел, пока мы, задыхаясь, тащились вверх по склону. А когда мы отдыхали, Лам рассказывал нам историю исторических памятников, усеивавших эти склоны.

- Это место поможет вам подправить ваши понятия, - заявил он, - о вечном, насколько что-либо вообще вечно.

И мы действительно глубоко ощутили тщету человеческих попыток, созерцая наложения цивилизаций, и взирали на последнюю из них внизу, все еще процветающую, хотя признаки упадка были очень даже налицо. Современный город возводился даже не помышляя о противостоянии столетиям. Он был по сути своей хлипкий и готов развалиться на глазах; события последних нескольких часов не

раз свидетельствовали не только о социальном беспорядке, в любой момент готовом превратить все его современные устройства в руины, но еще и о недостатке энергии и расхлябанности со стороны каждого из аборигенов, с кем нам довелось пообщаться.

Наша маленькая экскурсия явно предоставляла им неслыханную возможность хорошо подзаработать. Однако, никому из них не хотелось удовлетворить даже наименьшую из человеческих амбиций: добиться расположения попутчиков.

- Не падайте духом, - смеялся Царь. - Ваша беда в том, что вы не там ищите постоянства. Видите этих двоих?

На дороге под нами внизу шли два козопаса. Один гнал свое стадо из города после доения, а другой вел своих коз с той же целью вниз.

Царь процитировал две строки греческой поэзии. Я не помнил язык настолько, чтобы их перевести, но слова звучали необычайно знакомо. Их перевел Царь.

"Город Телепил, где пастух, ведущий стадо в город, приветствует другого, выходящего из города, и тот повторяет его приветствие. Люди в этом краю могут получать двойную плату, если в состоянии обходиться без сна, ибо они трудятся по ночам не меньше, чем в дневное время".

- А написано это три тысячи лет назад, и даже само имя женщины, сочинившей эту поэму, утеряно. Но вот пастухи, приветствующие друг друга сегодня, также как и тогда, остались. "PANTA REI", - сказал Гераклит, "все течет". И все, что пытается избежать этого закона, все, что полагается на собственные силы, становится косным, тщится скомандовать "Стоп!" - оказывается разбито неумолимыми волнами времени. Считается, что сталь крепче воды; но мы не можем построить корабль, который противился бы ее действию. Сравните тихое веянье ветров с несгибаемой скалой. Мы и сегодня наполняем ими наши легкие - и воздух свеж, как обычно. Но посмотрите, как все эти укрепления и храмы, да что там - сами скалы изрыты томными ласками того самого бодрящего бриза. Это одна из причин, по которой я перебрался сюда жить, хотя едва ли такой шаг нуждается в обосновании - довольно одного взгляда на несравненные красоты этого места. Закат солнца здесь стоит двух часов, проведенных в "гранд-опера". А когда, почти остолбенев, сидишь на террасе виллы и наблюдаешь смену красок при наступлении ночи: А сама эта ночь! Вон там над скалою застыла Полярная Звезда. С течением месяцев плывет по кругу Большая Медведица, и начинаешь мыслить о времени в совершенно ином измерении. Каждое обращение сферы вокруг Полюса становится подобным одному обращению секундной стрелки на часах твоего духа.

Захваченные его словами, мы внимательно слушали. Краса здешних мест, точно волна, ударяла нам в мозг. В нее с трудом верилось. Лондон и Париж, эти злокачественные опухоли, были безжалостно вырезаны из нашего сознания. Из недолговечного городского притворства мы перенеслись в страну вечной действительности. Мы вторично родились в мире, каждое мгновение которого находилось на полностью отличном от нашего прежнего опыта уровне. Нас переполнило чувство собственной невинности. Мы словно пробудились от кошмара; наше ощущение времени и пространства было разрушено, мы осознали, что наши прежние стандарты восприятия реальности были заблуждением. Часы и будильники были просто механическими игрушками. В Телепиле нашим хронометром стала Природа, частью которой были мы сами.

Мы сумели прошагать очередные пять минут; но снова нас одолела усталость. Виды застила от наших глаз настойчивая потребность в героине. Мы утолили нашу злую жажду, но на этот раз для нас было очевидно все безобразие этого акта. Некому за нами было следить; и, тем не менее, нам казалось, что сама Природа была оскорблена присутствием двух уродцев.

- Пойду-ка я вперед, в Аббатство, - сказал Царь. - А вам лучше не спешить. Я скажу там, чтобы вам приготовили освежающее и пошлю кого-нибудь вниз, чтобы он вас проводил.

Он махнул рукой и зашагал вверх по холму устойчивой, размеренной походкой опытного альпиниста.

Ладонь Лу коснулась моей. Мы пребывали наедине с природой. Новое чувство зарождалось в нас. Каким-то образом ощущение обособленности улетучилось. Я нежно привлек ее к себе; и мы обменялись долгим поцелуем, чего давно уже не делали. Нет, мы не целовали друг друга. Мы являлись

детальями картины, естественным стремлением которой было поцеловаться.

- Не лучше ли нам продолжить подъем, - предложила Лу немного погодя, высвобождаясь из моих объятий.

Но в этот момент нас атаковала и в самом деле причудливая личность. Это был светловолосый мальчик лет пяти от роду, босоногий, но одетый в короткую рубашку темно-голубого цвета, с широкими рукавами и капюшоном на алого цвета подкладке. Лицо его было очень серьезно, и он обратился к нам с военным приветствием:

- Твори, что ты желаешь да будет то Законом, - сказал малыш степенно и протянул руку. - Я направлен, чтобы отвести вас в Аббатство.

Даже Лу сознавала, что совершенно невозможно взять на руки и поцеловать такую важную маленькую личность. Мы прониклись торжественным духом события и, встав на ноги, с подобающим достоинством обменялись рукопожатиями.

И тут у него из-за спины выбежал мальчик еще меньших размеров.

- Любовь закон, любовь воля, - промолвил он, что было, конечно, выражением вежливости.

- Да они не знают, что сказать, - снисходительным тоном пояснил тот, что постарше. - Меня зовут Гермес, - обратился он к Лу. - А этой мой друг Дионис.

С нами случился приступ неконтролируемого хохота, который Гермес счел как нечто совсем уж неуместное. Однако Дионис без смущения заявил моей спутнице: "Я слю тебе большой поцелуй".

Она подхватила потрясающего постреленка, и вернула поцелуй с процентами. Когда она поставила его на землю, он взял нас за руки, а Гермес, тем временем, с крайне ответственным видом шел впереди, периодически оглядываясь, дабы удостовериться, что с нами все благополучно.

Дионис видимо решил, что в его задачу входит потешать нас, докладывая о различных объектах вдоль дороги.

- Вон там стоит дом хорошего человека, - говорил он. - Я вас туда отведу на ланч, если обещаете вести себя подобающе. А там живет женщина-баян, - продолжал он, явно успокоенный нашими заверениями в том, что поведение будет подобающим.

Важный вид старшего и бесшабашный характер младшего то и дело вызывали у нас приступы подспудного смеха.

- Кажется, будто мы попали прямо в сказку, - заметила Лу.

- Большой Лев утверждает, что только такие истории и бывают правдивыми, - ответил Гермес, явно готовый к пространному обсуждению данной темы, если это окажется необходимым. Но я без затруднений признал его правоту.

- А вот Аббатство, - сказал он, когда мы обогнули угол. И взору открылось низкое, вытянутое строение.

- Какое же это Аббатство, - возмутился я. - Это вилла.

- Это потому что ты смотришь неправильными глазами, - возразил мне Гермес. - Я и сам так думал, пока меня не просветили.

- А что ты думаешь, мистер Лам сможет просветить и нас? - задал я вопрос, тщетно пытаясь осилить комизм ситуации.

- О, здесь он не мистер Лам, - свысока поправил меня Гермес. - Здесь он Большой Лев и, разумеется, он может научить любого, если тот не слишком глуп или не слишком стар. Я и сам был очень глуп, когда прибыл сюда, - признался он извинительным тоном. - Это стало поворотным пунктом моей карьеры.

Этому ребенку было определено не больше пяти лет отроду, и его разговор был абсолютно невероятен. Нарастало ощущение, будто мы забрели ненароком в очарованный край. И сам этот край в тоже время очаровывал.

Дионис сгорал от желания доставить нас в Аббатство, и тянул нас за руки.

- Ладно, Ди, - сказал ему Гермес, - разве ты не знаешь, что неправильно дергать людей вот так. Это тоже одно из правил, - объяснил он Лу, - не мешать другим людям. Большой Лев говорит, что у всех будет все получаться, только если каждого оставят в покое.

Похоже он решил, что последнее высказывание требует пояснения.

- На этой неделе Киприда читает нам Гиббона; и она объясняет нам, что все беды произошли от того, что одни суются в дела других.

- Гиббона? - завопил я, хохоча. - Кто же тогда следующий?

- Ну, историю Рима знать нужно, - отвечал Гермес тоном директора школы на собрании учителей.

- А что вы читали на прошлой неделе? - поинтересовалась Лу, несмотря на хохот, одолевавший ее также, как и меня.

- Нам читали Шелли, - поправил мальчик. - Мы сами не читаем.

- Десятый не танцует, - процитировал я.

- Не будь ослом, Петушок, - сказала Лу.

- Но почему, Гермес, вы не читаете сами?

- Большой Лев не хочет, чтобы мы учились, - ответил ребенок. - Нам нужно учиться пользоваться глазами, а чтение их портит.

- Но почему? - удивилась Лу. - Я не понимаю. По-моему, чтение - лучший способ получить знания.

- Довольно Бочему, будь оно проклято, бабака, - топнул ножкой Дионис.

На этот раз дело было не в физической усталости, удивительные дети заставили нас позабыть все физические ощущения. Но когда вы взбираетесь на холм, то у вас нет возможности посмеяться так, как того хочется. Мы уселись на поросшем травой и цветами клочке земли, и начали кататься по нему туда сюда, вырывая пучки травы, и кусая их, чтобы превозмочь наши эмоции.

Дионис явно принял это за баловство и начал скакать рядом; но Гермес, хотя ему явно хотелось поучаствовать, сдержался, благодаря своему чувству ответственности.

По щекам Лу катились слеза.

- Где на земле ты выучил эти необычные речи? - смогла, в конце концов, она спросить.

- Они из Книги Закона. Да не изменишь ты в ней ни буквы, - отвечал он.

Мы вполне серьезно начали сомневаться, не попали ли мы в один из тех фантастических снов наяву, с которыми нас познакомил героин. Но нет, это был сон совсем иного рода. В сплетениях его чудес неотступно присутствовал здоровый реализм.

Наконец мы сели прямо и глубоко вздохнули. Гермес поспешил помочь Лу подняться, и это движение, исходящее от столь диковинного существа, снова повергло нас в хохот.

А тем временем Дионис разглядывал нас большими серьезными глазами.

- Они подойдут, - неожиданно решил он; и принялся отплясывать свою маленькую чечетку.

Но мы могли видеть, что Гермес, при всем его желании не мешать другим людям, выказывает нетерпение, и поспешили подняться. На сей раз его взяла под руку Лу, оставив меня в обозе с Дионисом, который всю дорогу лепетал без умолку. Я даже не прислушивался, все это и без того было для меня чересчур.

Мы вышли на террасу виллы; в распахнутых дверях стоял Царь Лестригонов. Он сменил свой дорожный костюм на рубище из ярко-голубого шелка с алой оторочкой, капюшоном и рукавами, такими же, как у мальчишек. Только у него на груди сияло золотым шитьем Египетское око в равностороннем треугольнике, окруженном солнечными лучами.

За его спиной стояли две женщины в нарядах, опять же сходными с облачениями мальчиков. Одной было не больше двадцати пяти, а другой под сорок. У обеих волосы острижены коротко; у той, что помоложе, огненно-каштановые, а у старшей - серебряно-седые.

- Это Большой Лев, - сказал Дионис, - с Афиной и Кипридой.

Гермес отступил и сообщил нам конфиденциально: "Сейчас вы должны первые сказать "Твори, что ты желаешь", чтобы показать, что вы более пробуждены, нежели они".

Мы заговорщицки кивнули, и выполнили программу с успехом.

- Любовь - закон, любовь подчиняется воле, - ответили трое на входе. - Добро пожаловать в Аббатство Телема!

В миг, точно по мановению волшебной палочки, серьезность улетучилась. Нас тепло представили дамам, и мы начали болтать, точно знали друг друга всю жизнь. Бэзиль усадил двух богов к себе на колени и слушал, довольный, рассказ Гермеса о том, как он справился с поручением.

На террасу вынесли стол и мы сели за трапезу. Афина показала нам наши места и объяснила, что в Аббатстве существует обычай есть молча; "как только, - сказала она, - мы скажем Волю".

Что же она подразумевает под словами "скажем Волю"? Перед едой говорят молитву, но мы это последний раз делали очень и очень давно. Как бы то ни было, эта маленькая загадка скоро разъяснилась.

Она постучала по столу рукояткой тунисского кинжала; его стальное лезвие было инкрустировано серебром. Она стукнула три раза, потом пять, потом еще три раза. Этот особый метод явно имел какое-то значение. Затем она произнесла: "Твори, что ты желаешь да будет то Законом".

Дионис проявил признаки сильного возбуждения. Была его очередь отвечать и он жутко опасался забыть слова в присутствии чужаков. Он с мольбой взглянул на Киприду, и та прошептала ему на ушко.

- Сто есть твоя Воля? - спросил он, готовый лопнуть от уверенности и гордости.

- Поесть и попить, вот что есть моя воля, - скорбно ответила Афина.

- Ради чего? - поинтересовался, сомневаясь, Дионис.

- Дабы через это укрепилось мое тело.

Сорванец озирался с беспокойством, точно ответ изгнал ветер из его парусов. Киприда пожала его ручку и он снова расцвел.

- Ради чего? - повторил он без тени смущения.

- Дабы я смогла завершить Великий Труд, - отвечала Афина.

Дионис, похоже, освоил свою игру. Он парировал без малейшего колебания:

- Любовь - закон, подчиняется воле.

- Любовь - закон, любовь подчиняется воле, - поправила его Киприда, и ребенок еще раз торжественно повторил слова.

- Налетай, - бодро крикнула Афина и села на место.

ГЛАВА V. АББАТСТВО ТЕЛЕМА

Ланч состоял из рыбы, невиданного нами доселе вида; с длинным, тонким туловищем и клювом, наподобие меч-рыбы. Мы были очень голодны; но эта еда и при любых обстоятельствах была бы изысканна на вкус. Трапезу продолжили сыром, медом и мушмулой, а завершили ее, и блистательно, кофе по-турецки; каждый выпил столько чашек, сколько пожелал, и с бенедектином.

Мы запивали пищу грубым, крепким вином здешнего производства; и оно казалось нам лучшим из вин. Ведь оно не подвергалось никакой химической обработке. В нем содержалась некая наследственная живительная сила. Оно было первобытным, как и все устройства в Аббатстве, однако свежесть и неискусственность всего этого более чем поразила даже наш развитый вкус. Ведь мы явно были приглашены к ланчу с избранным обществом олимпийских божеств; и угощения как будто тоже были им под стать!

Кроме того, у нас не было времени на критику; мы всецело были поглощены красотой окрестностей.

Далеко на Западе, череда холмов убегала прямо в море, и до самых дальних вершин было миль пятьдесят; тем не менее, в весенней прозрачности воздуха они выделялись четко. Мы даже смогли разглядеть на передней линии горной цепи ряд небольших темных утесов, выступающих параллельно тем, что в дали, но примерно десятью милями ближе. Оттуда в нашу сторону тянулась береговая линия витиеватым изгибом неопишуемой красоты и величия. Телепил был расположен на мысе, поэтому ничто не обрывало мощный отрезок морской стихии между нами и дальним пределом, с его конической формы близнецами, что нависают над главным городом этого края; тем, из которого мы двинулись в путь нынче утром.

В левой части береговой линии громоздились фантастических форм и окраски горы, и они простирались оттуда до самого края холма, где мы сидели. Если смотреть прямо, то там сливался с горизонтом океан. Свет играл на его волнах, подобно некой загадочной мелодии Дебюсси. Он разнился в оттенках от нежнейшего канареечно-желтого и серовато-зеленого через бесконечные переливы, точно павлиний хвост, до сиреневого и темно-лилового. Переливчатые заплатки красок блуждали по воде в калейдоскопической фантазии.

Чуть направо, беспредельный вид на море был отсечен обрывистой,

отвесной скалой, увенчанной развалинами церкви, и опять же еще раз направо и вверх цельный утес вздымал к горизонту свой отвесный ужас - зубчатую стрелу диковинно вырезанной башни. За всем этим склон неожиданно сглаживался, и оттуда горная порода делала финальный прыжок к своей высоте, где стояли останки греческих храмов.

С еще большей стремительностью обрыв с правой стороны уходил прямо в море. Но с этого бока вид застилала оливковые рощи, кактусы и дубы. Терраса непосредственно под нами была окаймлена каменистым садиком, где цвела огромная герань, заросли крупных маргариток, высокие стебли фиолетовых ирисов в соседстве с купой тростника, вдвое выше человеческого роста, который раскачивался, словно танцовщики под музыку нежного бриза, что струился с морских просторов.

Прямо под террасой росли тутовые деревья, вишни и яблони в цвету, вместе с некоторым количеством разноцветных деревьев, чье название было мне неизвестно.

В промежутке между домом и холмом, вырастающим за ним на юге, имелся закрытый травой сад. Он утонул в тени гигантского дерева с незнакомыми листьями, а за ним стояли два персидских ореха, точно телеграфные столбы циклопов, поросшие сучками темно-зеленых листьев, напомнивших мне про гвардейские кивера.

С появлением кофе, правило безмолвия была нарушено. Но Царь уже вышел из-за стола. Афина объяснила, что согласно принятой в Аббатстве теории, питание - всего лишь достойная сожаления заминка в работе, и приступая к еде, они говорят "Волю", дабы подчеркнуть тот факт, что единственным оправданием этому занятию может служить необходимость поддержания организма в состоянии содействия исполнению Великого Труда, каким бы он ни был при каждом отдельном случае. Когда кто-то поел, он или она поднимались и уходили без церемоний, возобновляя прерванную работу.

Лам вышел из дома во фланелевой рубашке и штанах из оленьей кожи для езды верхом. Он присел и стал пить свой кофе с бенедектином, покуривая тонкую, черную сигару, такую крепкую, что сам ее вид внушал опасения.

- Надеюсь, вы простите мне этот день, - сказал он. - Мне нужно обойти с инспекцией остальные постройки. Этот дом, так сказать, только приемная, где мы принимаем посторонних. В других местах проходят курсы тренировок в согласии с Волями их постояльцев. Вы будете спать здесь, конечно, и обдумаете причину вашего прибытия сюда. Нет, Дионис, сейчас не время говорить "Он провалился в колодец, называемый "Почему", и там сгинет вместе с собаками Разумного Смысла". А я буду спать здесь внизу, вместо моей одинокой башенки, где я сплю обычно.

Мы заметили, что Киприда и мальчики тихонько улизнули; только Афина оставалась за столом, поглощенная изучением меня и Лу.

- В отсутствие Лалы, - продолжал говорить Царь, - сестра Афина - наш главный психолог. Вы найдете ее познания весьма полезными для вас и вашей работы. Я оставляю ее обсуждать дела с вами на пару следующих часов. Но первым делом, разумеется, вам нужно отдохнуть от дороги.

Он встал и скрылся за углом здания. Мы не чувствовали потребности в отдыхе, слишком сильно заинтересовала нас атмосфера этого места. Наше воображение оживили не просто курьезные обычаи; сама атмосфера и люди, не поддающиеся определению, вот, что смущало нас больше всего. Эта смесь простоты и изящества уже сама по себе была необычна, но еще диковинней было сочетание абсолютной личной свободы с тем, что в некотором роде было весьма суровой дисциплиной. В автоматической регулярности, с какой все здесь проделывалось, был, казалось, намек на почти прусский армейский порядок.

Лу мгновенно отметила эту черту, и со своей обычной откровенностью напрямую обратилась к сестре Афине за объяснением.

- Спасибо, что напомнили мне, - ответила Афина. - Большой Лев считает, что вам лучше отдохнуть. Пожалуй, вы ляжете в студии. Вам не хочется спать, я знаю, но мы можем говорить там также, как и здесь. Поэтому вам лучше устроиться поудобнее, пока я буду разьяснять вам наши забавные порядки.

Приготовления к отдыху здесь были такие же первобытные, как и все остальное. В студии на полу были неширокие матрасы на пружинах, поверх которых были навалены удобные подушки. Мы рухнули на них, хотя и не без

колебаний; но очень быстро обнаружили, что лежать на них куда покойнее, чем на чем-нибудь более высоком. От этого комната выглядела более просторной, а ощущение отдыха было более явственным. В столь низком положении было нечто окончательное, и уж точно гораздо удобнее было располагать сигареты и напитки на полу, а не на столе. Мы выяснили, что доселе повсюду передвигались в подсознательном страхе что-нибудь опрокинуть. Я начал понимать, почему пикник на траве дает такое чувство свободы. Из-за отсутствия беспокойства, терзающего нас не меньше оттого, что мы его не создаем.

Сестра Афина вытянулась в складном кресле, также очень низком. Оно позволяло ей без труда доставать до стакана на полу.

- Насчет того, о чем вы спрашивали, - начала она, - это совершенно верно, дисциплина у нас тут крепка, как ванадиевая сталь; но мы созданы, чтобы выдумывать все для самих себя и правила нас не тревожат, коль скоро нам видна их цель.

В так называемой цивилизованной жизни по меньшей мере две трети нашего времени уходят на ненужные вещи. Это место задумано так, чтобы дать каждому максимум времени для исполнения его собственной Воли. Хотя, конечно, если вы прибыли сюда с твердой решимостью возмущаться всем, что отличается от ваших привычек, вы можете довести себя до постоянного раздражения, которое будет усугубляться полным отсутствием каких-либо помех на пути удовлетворения ваших желаний. Когда я попала сюда два года назад, каждая деталь здешнего быта была если не обидной, так неприятностью. Но понемногу я освоилась, наблюдая, как здесь все продумано. Эти люди были несравненно эффективнее меня, потому что экономили время и труд, которые я по привычке растрчивала на пустяки. Я не смогла бы их побороть, также как Дионис не смог бы побороть Джека Демпси. Здесь абсолютно нечем заниматься для развлечения, исключая прогулки, лазанья по горам, чтения и игры Телемитов; ну и, разумеется, летом - купание. Работа по дому практически не отнимает времени, из-за простоты здешней жизни. Здесь некуда ходить и нечего делать. В результате выходит, что еда вместе со всем остальным занимает чуть больше часа от нашего бодрствования, и того, что можно назвать необходимой работой. Сравните это с Лондоном! На простое одевание требуется больше. А эти рубища достаточно декоративны для королевского банкета, но, тем не менее, они также пригодны для любых других дел, кроме альпинизма. Чтобы одеться или раздеться нужно тридцать секунд. Даже наши походные костюмы - это всего лишь рубашка, пара брюк, чулки и теннисные тапочки, взамен вот этих сандалий, - и мы готовы выдвигаться.

Лу и я сонно слушали этот доклад. Он заинтересовал нас настолько, что мы попросту не смели засыпать. С этой целью мы приняли по большой понюшке героина. Сестра Афина выпрыгнула из кресла.

- Едва не забыла, - сказала она. - Я ведь должна принести вам ваши графики.

Она подошла к шкафу и достала оттуда два бланка. Мы томно поставили наши крестики в соответствующих разделах.

- Простите за вмешательство, - добавила Афина, - но Магический Дневник у нас в Аббатстве самая важная вещь.

Героин пробудил меня окончательно.

- Кажется, смысл мне понятен. Все ваши правила направлены на сокращение житейской стороны, управляемой с помощью правил, причем как можно в большей степени.

- Именно так, - кивнула она.

- Но послушайте, - подала голос Лу, - все это очень хорошо, но я не знаю, что мне с собою делать. Стрелки на часах вашего Аббатства должно быть ползут страшно медленно.

- Побойтесь Бога, - воскликнула Афина, - здесь ни у кого нет ни одной лишней минуты.

Тут мы открыто рассмеялись.

- Легко заметить, что вы ученица Царя Лестригонов. Вы усвоили его способность к парадоксам во всей полноте.

- Я знаю, что вы имеете в виду, - ответила она, улыбаясь. - Если вы особа ленивая, то это наилучшее место на земле, чтобы скучать, и чем ленивее

вы намерены быть, тем скучнее вам будет скучать. Была тут у нас одна парочка в прошлом году, безнадежное дрянцо. Они называли себя писателями, и воображали, что трудятся, если удалялись после завтрака и выдавали полстранички вздора к обеду. Однако, они не знали, что значит работать, и пребывание здесь едва не свело их с ума. Аббатство им наскучило, друг другу они тоже наскучили, и были вдобавок очень оскорблены тем, что все над ними смеются. Но выхода они увидеть не могли, и не воспользовались им, когда им его указали. От этого они заболели физически и, наконец, убралась ко всеобщему облегчению туда, где они могут лодырничать и корчить из себя великих гениев без ограничений. Большой Лев за день делает больше, чем они сделают за всю свою жизнь, если даже доживут до следующего столетия. Мне, правда, тоже было жаль, что у них ничего не вышло. Сами по себе они были очаровательны, если бы не навязывали нам с дубовым упрямством свой идеал правильного поведения. Они проехали тысячу миль ради обучения, и после этого не пожелали дать нам шанс их обучить. Но у них хорошие мозги, и печать этого Аббатства не сотрется никогда. Они поступили бы мудрей и лучше, если бы остались здесь, и они будут умнее, если позволят себе это как можно скорее признать!

- Вы нас не пугайте, - промолвила Лу с глубокой тревогой. - В отличие от этих людей мне утешаться нечем. Я не так наивна, чтобы считать себя Wunderkind. Вы, вероятно, и без моих слов знаете, что я всю жизнь только и делала, что лодырничала. И если мне не над чем лениться, я впадаю в прочнейшую скуку.

Сестра Афина молча согласилась.

- Верно, здесь либо лечат, либо убивают, - признала она со смехом. - Но мне доставляет радость, что большинство все-таки выздоравливает. У тех двоих, о которых я вам рассказала, не получилось только по причине их крайнего эгоизма и тщеславия. Они все истолковывали неверно, и ожидали, что все падут перед ними ниц, только потому что они неудачники. И на каждом повороте у них на пути вырастал Большой Лев, и возвращал их к действительности. Но правда оказалась для них слишком горьким лекарством. Если бы они признавали факты, они смогли бы эти факты изменить, и научились бы делать что-нибудь стоящее. Однако, они предпочли холить и лелеять иллюзию притеснения. Они убедили себя, что их распинают, когда им всего лишь умыли их физиономии. Но грим самомнения был наложен слишком толстым слоем; вот они и убралась, рассказывая, как плохо с ними обращались. Только они сами напросились на такое обращение, и оно все равно принесло бы им добро, когда бы они увидели все в перспективе, и открыли бы, что низкая лесть небольшой клики ненормальных в Сохо на самом деле не так полезно для их души, как правильное порицание от их друзей в этом Аббатстве.

- Да-да, это я, конечно, понимаю, - сказала Лу, - и я слишком хорошо знаю Бэзила, чтобы попасть впросак на этот счет. Но меня все еще немного беспокоит эта ваша страшная рациональность. Что же мне то поделать с собою. Разве вам не понятно, что именно скука или боязнь скуки и привели меня к героину, как к способу времяпрепровождения?

- Все именно так, - очень серьезно молвила Афина. - Это место вовсе способствует тому, чтобы удариться в запой. И вот почему Большой Лев настаивает на нашем прохождении через суровую школу. Но мы за очень короткое время осознаем, что в этом мире недостаточно героина, чтобы помочь нам преодолеть все дни нашей жизни в таком мрачном месте, так что мы бросаем его за ненадобностью.

Еще один из законченных парадоксов Бэзила, выдвинутый в рабочем порядке. Однако с губ уравновешенных, серьезно мыслящих людей такого рода они звучали по-другому. Личность Большого Льва - величайшая ценность, которой он обладает с одной стороны, но с другой - она мешает ему ужасно. Его циничная манера, его привычная ирония, и создающееся впечатление, будто он насмехается над собеседником, все это заставляет последнего отвергать все, что предлагается ему как "простой парадокс", без исследования. Ум Лама развит однобоко; но сестра Афина говорила с такой простой честностью и прямоотой, что хотя у нее тоже было собственное чувство юмора, идеи Бэзила оказывались гораздо более эффективными, когда проходили через механизм ее сознания, нежели когда они сходились свежими у него с языка. У меня всегда

была склонность не доверять Царю Лестригонов. Однако было невозможно не доверять этой женщине, которая верила ему, или сомневаться в ее праве верить Ламу.

Он никогда, похоже, не был способен воспринять себя серьезно, возможно потому, что боялся показаться напыщенным шутком или педантом; но она воспринимала его серьезно и брала от него самое лучшее.

- Ну, Сестра Афина, - сказала Лу, - если даже от героина нет никакого толка, то что тогда?

- Я боюсь, что мне придется познакомить вас с другим парадоксом, - заметила она, прикуривая сигарету. - Опасаюсь, что на первый взгляд вы заподозрите в нем что-то неправильное. Ведь это действительно полный революционный разрыв с очевидностью. Но я сама прошла через это, и очевидный факт заключается в следующем: попав сюда и получив в распоряжение гораздо больше времени, чем мы когда-либо имели, мы начинаем впадать в отчаяние. В большом городе, если нам скучно, мы просто оглядываемся вокруг в поисках какого-то развлечения, и находим их. Но здесь нет облегчения или возможности такового. Мы должны либо полностью скатиться по наклонной плоскости или учиться плавать. Есть и другой случай, с помощью которого Большой Лев, который, несомненно, сам Сатана, экономит время. Только очень глупый человек не обнаружит за сорок восемь часов здесь все возможности развлекать себя любимым из обычных способов. В Лондоне человек может потратить всю свою жизнь, прежде чем доведет свое сознание до той точки, которой добивается Большой Лев. Поэтому здесь его немедленно ставят перед фактом, что ему непременно придется найти себе занятие. Ладно, мы идем и спрашиваем Большого Льва; и Большой Лев говорит: "Твори, что ты желаешь". "Но, да, - восклицаем мы, - а что это!". Он грубо отвечает: "Выясните". Мы спрашиваем, как выяснить; и он парирует: "Откуда вы знаете, что есть хорошего в легковом автомобиле?". Ну, мы поразмыслим немного; и затем скажем ему, что выяснили применение легкового автомобиля путем изучения его, осмотрев его различные детали, сравнив их по отдельности и в целом со сходными машинами, чье использование мы уже знаем, такими как повозка и паровой двигатель. Мы решили, что автомобиль создан для того, чтобы путешествовать на нем по большим дорогам. "Очень хорошо, - говорит Большой Лев. - Берите выше. Изучите себя, ваши способности и намерения, направление вашего ума, и устремления вашей души. Позвольте мне заверить вас, вы обнаружите, что это исследование оставит вам очень мало времени, чтобы изумляться, какого же черта делать с самими собой". "Большое вам спасибо, - отвечаем мы, - но, предположим, что наше суждение неверно, предположим, что трогаящийся с места автомобиль в действительности гроб, содержащий в себе труп". "Почти так, - замечает Большой Лев, - если вы должны проверить ваше суждение; вы не делаете это, спрашивая точку зрения людей, которые, возможно, более невежественны, чем вы сами; вы забираетесь в эту чудовищную штуковину, нажимаете нужный рычаг, и если она едет, значит это автомобиль, и вы не сделали никакой ошибки. Не читали ли вы, что сказано в Книге Закона: "Успех - доказательство твоей правоты"? И позвольте мне снова заверить вас, что когда вы соберетесь с силами, творя свою Истинную Волю, вы не сможете найти время для скуки".

Афина отбросила прочь свою сигарету, после того как прикурила еще одну. Она, казалось, предавалась размышлениям, словно через ее сознание проходили даже еще более глубокие мысли, чем те, которым она придавала столь изящную выразительность.

Мы внимательно за ней наблюдали. Героин успокоил и интенсифицировал наше мышление, сильно простимулированное ее объяснением. У нас не было желания ее прерывать. Мы хотели, чтобы она говорила вечно.

Ее поглощенность своими мыслями становилась все более заметной. После очень долгой паузы она вновь начала медленно говорить, как казалось, больше с самой собой, чем с нами, и, скорее, с намерением придать форму своей собственной мысли, нежели инструктировать нас.

- Я полагаю, что в этом-то и заключается главная идея, - сказала она.

У нее был любопытный рот, с прямоугольными губами, какие можно заметить в некоторых старых Египетских статуях, и с изгибами на уголках, в коих таились бесчисленные возможности самовыражения. Глаза - глубоко посаженные и спокойные. Лицо квадратное с очень своеобразным подбородком, выражающим

потрясающую решимость. Я никогда еще не видел женского лица, в котором мужественность была бы так сильно обозначена.

- Да, я думаю, что понимаю это сейчас. Он заставляет человека прийти к тому, что я могу назвала бы точкой смерти. Из нее он видит всю свою жизнь в перспективе, и, таким образом, схватывает ее значение. Но, вместо того, чтобы отправиться на встречу с неизвестным, как в случае со смертью, у него остается возможность и необходимость вновь вернуться к своей старой жизни в той точке, где он оставил ее, но уже с ясной способностью постигать прошлое, определяющее будущее. В этом смысл того, что он зовет посвящением. Так я понимаю изречение: "Ты не имеешь никакого права, кроме как творить то, что ты желаешь". Вот почему старые жрецы в Древней Греции помещали посвящаемого в темную и тихую келью, предоставляя ему выбор: или сойти с ума, или познать себя. И когда ему возвращали свет и жизнь, любовь и свободу, он становился в полном смысле этого слова Неофитом, человеком заново рожденным. Большой Лев проделал с нами то же самое, только мы то есть не понимали, что он делает. Я сама слушала через это, но не понимала отчетливо, что же на самом деле со мной случилось, пока не попыталась объяснить это вам.

Ощущение зачарованности вновь переполнило меня. Я бросил взгляд на Лу, и заметил по ее глазам, что она чувствует то же самое. Но она содрогалась от возбуждения и нетерпения. Ее взгляд впился в лицо Сестры Афины с жадным пылом. Она стремилась как можно скорее испытать сама это потрясающее переживание. Мое собственное настроение было слегка иным. Вся моя прошлая жизнь предстала передо мной в виде череды пульсирующих картинок. Я восставал против непоследовательности и бессмысленности прошлого. Достижения, которыми я гордился, потеряли весь свой смысл, потому что они, не привели меня никуда. На ум мне пришли слова Льюиса Керрола:

"Мудрая рыбка никогда никуда не отправляется без дельфина". И вне всякой связи в мое сознание ворвалась мелодия:

- Will you, won't you, will you, won't you,
Won't you join the dance?

Когда я проснулся, было, полагаю, около полуночи. Кто-то накинул на меня плед. Я не замерз, несмотря на бриз, врывавшийся в открытую дверь. Последнее насторожило меня - очень странно, что она была открыта. Эта местность пользовалась дурной славой якобы из-за изобилия разбойников.

Царь Лестригонов сидел за своим столом и что-то писал при свете лампы. Я лениво наблюдал за ним, чувствуя себя очень комфортно, и был несклонен двигаться куда бы то ни было.

Вскоре я услышал глухой звон колокола в отдаленной церкви. Пробило двенадцать часов.

Лам немедленно поднялся, пошел к двери, спустился вниз по ступенькам и вышел на залитую лунным светом террасу. Он обратил лицо к северу. Глубоким торжественным голосом он декламировал то, что очевидно было заклинанием.

- Приветствую тебя, кто есть Ра безмолвия, даже тебя, кто есть Кефра жук, что путешествует под небесами в челне полуночного часа солнца. Тахути стоит в своем великолепии на носу, и Ра-Хоор правит рулем. Приветствую тебя из чертогов вечера!

Он сопровождал речь сложной чередой жестов. Когда он закончил и вернулся, то заметил, что я проснулся.

- Ну, хорошо ли вы поспали? - спросил он мягко, стоя у моего матраса.

- Никогда еще не спал лучше.

Было бы невозможно передать все детали даже одного дня в Телепиле. Жизнь здесь обладала всей полнотой жизни под героинном, но без присущих ей разочарований. Поэтому я буду просто отбирать происшествия, которые прямо относились к нашему Чистилищу.

Вскоре я снова провалился в сон после короткой беседы с Бэзиллом относительно каких-то малозначительных вещей, и проснулся утром гораздо более освеженный, и по-прежнему преисполненный убеждения, что подняться без героина невозможно. Однако блестящее весеннее солнце, и его лучи, так свежо падавшие на зелено-серые и серовато-коричневые скалы напротив, напомнили мне, что я приехал в Телепил восстановить свою молодость. Я сдержал свою руку. Мало-помалу сила возвращалась ко мне; но по мере того, как она возвращалась, чувство беспомощности в отсутствие героина заменило страстное

желание его.

Я сполз с матраса и нетвердо поднялся на ноги. Лу все еще спала, и она выглядела столь очаровательно в чистом бледном свете, проникавшем в комнату, что я принял твердое решение порвать с той привычкой, что разрушила нашу любовь. Только во сне она и была прекрасна за все эти последние месяцы. Когда же она просыпалась, выражение напряженности и отчаянья на ее лице, нервный тик и разрушение плоти из-за неспособности печени справиться с токсичным воздействием наркотика, делали ее не только в два раза старше ее возраста, но и отвратительной в пороке, более омерзительном, нежели любые чисто эстетические ошибки природы.

Красота Лу, в большей степени, чем у любой другой знакомой мне девушки, зависела от ее духовного состояния. Влияние какой-то идеи могло трансформировать ее в одно мгновение из Венеры в Ехидну или наоборот.

Глубокое духовное удовлетворение сделало ее такой привлекательной этим утром. Но даже пока я стоял и смотрел на нее, ужасающая героиновая жажда почти заставила меня принять порошок ранее, чем я осознал движение моего тела. Но я вовремя заметил этот порыв, и подумал, что прогулка на свежем воздухе поможет мне миновать критический момент. Как только я вышел из дома, меня встретила Сестра Афина.

- Твори, что ты желаешь, да будет то Законом, - сказала она.

Это было обычное утреннее приветствие в Аббатстве. Как я ни привык к этой фразе, она все еще заставляла меня врасплох.

- Доброе утро, - отозвался я несколько смущенно.

- Ответ - "Любовь - закон, любовь подчиняется воле", - улыбнулась она.

- Мы обмениваемся этим приветствием, чтобы быть уверенным, что вид наших друзей не отвлекает нас от Великого Труда. А сейчас мы можем поговорить о чем угодно. О нет, не можем, я должна сначала проверить ваш вчерашний график.

Я принес его и мы сели вместе за стол. Разумеется, там был только один крестик. Афина сразу посуровела.

- Это крайне нерегулярно, брат, - заметила она. - Вы не заполнили вторую колонку.

Я обнаружил позже, что частью системы Аббатства было делать вид, что вы очень сурово относитесь к любому нарушению правил, и затем показываете каким-то дружелюбным замечанием, что не это имели в виду. Целью такого поведения было внушить провинившемуся, что проступок был на самом деле очень серьезным, так что напускной выговор производил впечатление самого настоящего искреннего обвинения.

Не зная этого, я был удивлен, когда она продолжила:

- Это ничего, Петушок, мы знаем, что вы - новичок.

Но ее палец указывал строго на вторую колонку. Над ней было написано: "повод для принятия дозы".

Ну что ж, Дионис показал мне выход из этого положения, так что я нагло вывернулся, воскликнув:

- Довольно Почему, будь оно проклято, собака!

Эффект был электризирующий. Мы оба разразились низким музыкальным смехом, который, как мне показалось, утонченно гармонировал с красотой апрельского утра.

- И дьявол способен цитировать священное писание, - возразила она, - и суть этого изречения относится к кое-чему совершенно другому. Дело в том (она стала очень серьезной), что мы хотим, чтобы вы поняли происходящее в вашем собственном сознании. Мы все делаем так много глупостей, по самым нелепым причинам или вообще без оных. "Прости их, Господи, ибо не ведают они, что творят" относится к девяти десяткам наших действий. Мы так многого уже добились в этом Аббатстве, потому что научились следить за нашим сознанием и не давать самим себе терять даже мгновение на что-нибудь никчемное, или подменять один образ действия другим, и таким образом терять все. В вашем случае, задача состоит в том, чтобы научиться управлять наркотиком столь могущественным, что едва ли один человек из десяти тысяч имеет малейший шанс выбраться из его тисков. Особенно это важно потому что, боюсь, вы скоро обнаружите, - вернее, я хотела сказать, надеюсь, вы довольно скоро выясните, что ваше сознание приобрело определенные болезненные

склонности. Вы мыслите извращенно. Большой Лев уже рассказал мне, как вы дошли до состояния, когда принимаете одну дозу, чтобы заснуть, и другую, чтобы снова проснуться, и когда пытаетесь скрыть принимаемое количество от того самого человека, на глазах у которого вы его принимали. Другая сложность состоит в том, что нужда или потребность в наркотике всегда нарушает ментальное равновесие. Человеку, который нуждается в еде или деньгах, приходят в голову очень странные мысли, и он делает вещи, не обязательно напрямую связанные с его потребностью, как бы она ни была настоятельна, которые совершенно не вяжутся с его характером.

Я взял карандаш и написал тут же против крестика во второй колонке: "С целью постичь наилучшим образом в высшей степени познавательную лекцию Сестры Афины".

Она весело засмеялась.

- Вы видите, это повторение истории с Адамом и Евой! Вы пытаетесь переложить ответственность на меня. Между прочим, я заметила, что в данный момент вы снедаемы беспокойством. Если вы не хотите принимать героин, а вы не хотите, то вам не нужно доводить себя до такого состояния, как сейчас, и лучше принять белую таблетку. Она не даст вам заснуть, так как вы уже отдыхали ночью, и этой бедной небольшой штучке не останется ничего, кроме как обежать ваше солнечное сплетение и слегка причесать все ваши нервишки, чтобы они стали мягкие и пушистые.

Я воспользовался советом и почувствовал себя гораздо лучше. В этот момент появился Царь Лестригонов и вызвал Сестру Афины на партию Телемы. Я вывел Лу; и мы сидели во дворике, наблюдая, как они играют.

Игра называется Телемой из-за разнообразия ударов. Это своего рода смесь с футболом, но здесь нет боковых линий, только низкая стена сзади, и если за нее попадает мяч, то он находится вне игры, также как если он попадает за пределы вертикальных линий, нарисованных на стене или ниже планки около фута от земли. Мяч можно ударять любой частью тела, но только когда он свободен. Игра эта захватывающе зрелищна.

После двух геймов игроки тяжело дышали. Счет напоминал теннисный, но, каждое очко имело односложное имя, чтобы экономить время. При этом в них также заключался определенный поразительный скрытый смысл - с целью ближе познакомить ум с идеями, которые обычно возбуждают.

Вся система Царя Лестригонов заключалась в том, чтобы научить людей не обращать никакого внимания, точнее эмоционального внимания, на все суетное в жизни. Величайший вклад в притягательность наркотиков внес тот шум, что поднят вокруг них; то, что на них сосредоточено общественное внимание. Абсент, запрещенный во Франции, Швейцарии и Италии, все еще свободно продается в Англии, и никто еще никогда не встречал англичанина, одержимого абсентом. Если кто-нибудь вобьет себе в голову начать газетную кампанию против абсента, то он начнет представлять опасность для общества в очень короткие сроки.

Царь Лестригонов освобождал человеческий ум, применяя противоположную формулу. У него были в распоряжении множество уловок, чтобы заставить людей воспринимать самые поразительные зрительные и слуховые ощущения как нечто заурядное. Даже детей он сталкивал лицом к лицу с этими потрясающими идеями, в том возрасте, когда они были еще слишком молоды, чтобы страдать сложившимися фобиями.

Гермес, в возрасте пяти лет, уже привык наблюдать за хирургическими операциями и тому подобным, видел, что случается с теми, кто утонул или упал со скал, и, в результате, полностью потерял страх перед этими вещами.

Эти принципы были объяснены нам во время нескольких передышек между сетами. Сестра Киприда и трое или четверо остальных пришли из других домов, чтобы принять участие в игре.

Чрезвычайная активность и беззаботность всех ошеломили меня и Лу. Нас попросили присоединиться к игре, и наша неуклюжесть стала для нас острым источником досады. Мы были слишком ослаблены нашим злоупотреблением наркотиками, чтобы держать себя в руках; в результате мы испытали прилив страстной решимости освободиться от этого рабства.

Впрочем, страдания этого утра только начинались. В Аббатстве было обычаем отмечать прибытие новичков пикником на вершине горы. Из Аббатства

тропа вела через небольшой участок, засаженный деревьями, к неровной, поросшей кустарником узкой дороге между двумя стенами. В их конце высился акведук. Лу и я слишком нервничали, идя по узкой тропинке. Нам пришлось пойти в обход, и от этого происшествия нам стало еще стыднее.

На другой стороне вздымались крутые холмы. Полоска травы вела к глубокому оврагу, на дне которого виднелись останки стены древнего города, венчавшего скалу две тысячи или больше лет тому назад, когда климат был менее засушливым, и население могло вполне положиться на ливень, вместо того, чтобы рыскать в округе в поисках родников и источников.

Царь Лестригонов привязал себя к середине веревки с Дионисом на одном конце и с Гермесом на другом; тогда как мы, в сопровождении Киприды и Афины, с усилием взбирались по козлиной тропе, петлявшей зигзагом по травянистому склону. Команда Лама штурмовала контрфорс скалы справа от нас.

Царь Лестригонов заставил Гермеса карабкаться вверх по самым крутым утесам. Иногда он давал ему совет, но не оказывал никакой помощи. Однако он был всегда наготове подстраховать мальчика, и если бы тот сделал ошибку и сорвался, то Лам бы немедленно его поймал и спас от травм. Но сам ребенок не знал, как за ним внимательно наблюдают и охраняют. Бэзил в любом случае обращался с ним, как отвечающий за него старший товарищ.

Их продвижение было неизбежно медленным, но таким же оказалось и наше. Лу и я не могли пройти более ста футов или около того без отдыха. У нас было достаточно времени, чтобы наблюдать за скалолазами, и было увлекательно следить за работой ума Гермеса, и за тем, как он разрешал встававшие перед ним все новые и новые проблемы.

Во многих случаях самым простым было обогнуть препятствие, но он никогда не пытался сделать это. Царь Лестригонов уже внедрил в его мозг идею, что радость скалолазания состоит именно в преодолении наиболее трудных участков.

Остановившись в шаге от расщелины, ребенок внимательно изучал ее, словно это была математическая задача. Один или два раза он приходил к выводу, что ему с ней не совладать, и в этих случаях Царь Лестригонов шел первым, выкрикивая инструкции, чтобы обозначить точные места, где он упирался в скалу руками и ногами; и тогда уже наступала очередь Гермеса осторожно следовать за ним, причем, как правило, он проделывал маршрут на ослабленной веревке. Пример лидера учил его, как преодолевать препятствия.

Что касается Диониса, его метод был полностью иным. Он не обладал ни интеллектуальной мощью старшего мальчика, ни его благоразумием, и он карабкался вверх со своего рода буйным вдохновением.

На вершине гребня козлиная тропа сворачивала под стеной направо, к той точке, где находился пролом, через который можно было легко пролезть. Здесь мы вновь присоединились к скалолазам.

- Завтра, - сказал Гермес с достоинством зрелого проводника-альпиниста, - я проведу тебя через Великую Расселину.

Дионис поднял свою головку.

- Я не знаю, смоет ли он беребраться через дыру, - посетовал он.

Царь Лестригонов снял веревку и свернул ее в кольцо, намотав вокруг своего колена. Мы же с трудом, болезненно охая, побрели по очень неровной площадке к вершине скалы. Зрелище двух мальчиков, перепрыгивающих с валуна на валун, нас одновременно восхищало и приводило в уныние.

Наконец мы достигли вершины. Два брата, тащившие провизию в рюкзаках, уже начали раскладывать ее на верхней площадке, поросшей травой.

ГЛАВА VI. ИСТИННАЯ ВОЛЯ

Лу и я были совершенно измучены восхождением; и Царь Лестригонов напомнил нам, что в этом заключалась формула Аббатства Телема в Телепиле - каждый должен достичь вершины, шаг за шагом, благодаря его собственным усилиям. Речь не шла о том, чтобы взмыть в воздух с чужой помощью, и со всей вероятностью снова с глухим ударом шлепнуться на землю.

Мы обнаружили, что время от времени в ходе восхождения у нас перехватывало дыхание, хотя оно заняло только три четверти часа, и мы, несомненно, никогда бы не достигли вершины не прибегая к героину. Но все это время, мы непрестанно изумлялись, наблюдая за поведением мальчиков; за их независимостью, бесстрашием, и инстинктивным умением экономить силы. Нам в голову не приходило, что дети такого возраста способны добиться, хотя бы физически того, что им удавалось, по всей очевидности без особых усилий.

Что же касается их моральной готовности, то это полностью превосходило всякое наше понимание. Я сказал что-то в этом роде; и Царь Лестригонов тут же возразил, что именно моральная готовность сделала возможными физические достижения.

- Вы обнаружите это на вашем собственном опыте. Это существенно поможет вам отказаться от ваших нынешних привычек. Когда вы энергично примитесь за дело, то должны вынести все до конца, а конца этого вы никогда не достигнете, пока не скажете либо да, либо нет, без разницы, вашим физическим ограничениям.

Но ни я, ни Лу не были в состоянии адекватно воспринять эти слова. Мы были слишком восхищены нашим физическим триумфом над скалой, каким бы пустячным он не казался; и наше поведение во время беседы напомнило о некоторых ощущениях, которые человек испытывает после полета. Та же самая отчужденность от дел этого мира, те же самые надмерные видения повседневной жизни; красновато-коричневые крыши домов, пятна возделанной земли, отдаленные склоны холмов с их волшебной отстраненностью, равнина морской глади, уплывающая вдаль береговая линия; все эти вещи были многочисленными свидетелями одной великой истины: только болезненное восхождение на вершину, недоступную для вмешательства общества, поможет обрести точку для наблюдения, с которой можно объективно оценить Вселенную.

Тут же мы провели моральную аналогию к нашему физическому положению, и приложили ее к нашей насущнейшей проблеме. Наперекор тому, что говорил Лам, мы по-прежнему были одержимы идеей, что должны прекратить прием героина.

Следующие несколько дней прошли в напряженных попытках сократить число приемов, и именно тогда мы начали обнаруживать животное коварство наших тел. Чтобы мы не делали, всегда находится причина, настоящий довод для принятия дозы в любое время.

Наш рассудок тоже начал играть с нами шутки. Мы стали ловить себя на споре о том, зачем была нужна та или иная доза. Как только мы начинали сокращать число доз, они становились больше в количественном отношении. В итоге мы дошли до состояния, когда то, что мы считали правильной дозой, нельзя было одолеть как единственную понюшку. Но самое худшее, я понял это в один день, когда я упорно противился соблазну уступить своим желаниям - период между дозами, каким бы длительным он не был, рассматривался единственно как период между дозами и никак иначе. Иными словами, воздержание воспринималось с отрицательной стороны.

Суть жизни заключалась в принятии героина. Интервалы между дозами не считались за жизнь. Это напоминало отношение нормального человека ко сну.

Меня неожиданно осенило, что этот болезненный процесс постепенного приучения к воздержанию был вовсе не лечением в правильном смысле этого слова.

Бэзил оказался прав на все сто. Я должен поставить все с ног на голову и рассмотреть мою жизнь в позитивных понятиях. Именно это он имеет в виду, говоря "Твори, что ты желаешь". Я ломал голову над тем, в чем же заключается моя истинная воля? Существует ли она вообще на самом деле? Мои расчеты говорили мне, что должна существовать. Как много сил не было бы задействовано в процессе, человек всегда способен найти их результирующую.

Но все это были чудовищно общие рассуждения. Желание наше принять героин осознавалось кристально ясно. При приеме героин больше не производил какого-либо особенного эффекта. Сейчас, когда я снизил употребление до двух или трех доз в день, по большей части казалось, что у меня нет определенной цели, отсутствовала даже притупленная страстная тяга к веществу. Мне становилось все более и более сложно заполнить вторую колонку.

Царь Лестригонов снизошел до меня однажды утром, сразу после того как я принял дозу, и стал копаться в моем мозгу в поисках причины этого действия.

Я попеременно то жевал конец моего карандаша, то делал бессмысленные заметки на бумаге. Я рассказал ему о своем затруднении.

- Всегда рад помочь, - отозвался он беззаботно; отправился к шкафу для хранения документов и вытащил несколько отпечатанных листков. Он протянул их мне. Манускрипт был озаглавлен "Причины приема".

1. У меня этим утром сильный кашель.

(Примечание: (а) На самом ли деле силен кашель?

(б) Если так, кашляет ли тело, потому что оно больно, или потому что хочет убедить тебя дать ему немного героина?)

2. Чтобы встряхнуться.

3. Я не могу спать без него.

4. Я не могу проснуться без него.

5. Я хочу быть в хорошей форме, чтобы сделать то, что должен. Если бы мне только удалось избавиться от него, я никогда не стал бы принимать его снова.

6. Я должен показать, что я хозяин положения - и волен сказать либо "да", либо "нет". И я должен быть вполне уверен, что могу сказать "да" в настоящий момент. Мой отказ принять героин сейчас покажет мою слабость. Исходя из этого я приму его.

7. Несмотря на знание недостатков жизни героиниста, я на самом деле не вполне уверен, не лучше ли она, чем всякая другая жизнь. Помимо прочего, я получаю от героина экстраординарное удовольствие, которое никогда бы не смог получить иным способом.

8. Бросать резко опасно для здоровья.

9. Я лучше приму небольшую дозу сейчас, чем откладывать ее на более позднее время, потому что если я так сделаю, это помешает моему сну.

10. В действительности для моего сознания вредно находится в состоянии постоянной озабоченности вопросом наркотика. Будет лучше принять небольшую дозу, чтобы избавиться от наваждения.

11. Я все время думаю о наркотике, потому что не принял его. Если бы я принял немного, мое сознание немедленно очистилось, и я смог бы разработать планы, как избавиться от зависимости.

12. Боги могут дать мне какой-то новый опыт через его прием.

13. Наверняка не стоит обращать внимание на небольшое недомогание в результате его приема. Вероятно, это почти всецело - иллюзия; то же, что реально происходит, так это из-за того, что я неправильно принимаю его. Я просто запугал себя, говоря ему "нет".

14. Для меня морально неприемлемо сказать "нет". Я не хочу оказаться трусом, чтобы решиться бросить его.

15. Совершенно нет свидетельств, что разумное использование героина не продлевает жизнь. Китайцы заявляют, и английские психиатры с ними соглашаются, что курение опиума без ограничений способствует долголетию. Почему то же самое не может быть верно в отношении героина? В действительности было подмечено, что наркоманы, похоже, обладают иммунитетом к большинству заболеваний, которым подвержены обычные люди.

16. Я принимаю его, потому что он запрещен. Мне претит, чтобы со мной обращались как с глупым школьником, когда я - ответственный человек.

(Примечание: Тогда не веди себя как глупый школьник. К чему позволять глупым правительствам принуждать тебя к приему наркотика против твоей воли - Ц.Л.).

17. Моя подруга любит, когда я принимаю его вместе с ней.

18. Способность принимать его показывает мое превосходство над другими людьми.

19. Большинство из нас копает себе могилу своими собственными зубами. Героин подавил мой аппетит, вследствие этого мне нравится.

20. Я попадал во всевозможные неприятные истории с женщинами в прошлом. Героин уничтожил мой интерес к ним.

21. Героин устранил мою тягу к выпивке. Если уже выбирать, то героин, по-моему, лучше.

22. Человек имеет право на духовные дерзания. Он стал тем, кем стал, осуществляя опасные эксперименты. Героин несомненно помогает мне обрести новый духовный взгляд на мир. Я не имею права полагать, что разрушение

телесного здоровья губительно; и "кто бы не спасал свою жизнь, потеряет ее, но кто бы не потерял свою жизнь Ради Меня, обретет ее".

23. Такой-то употреблял его в течение многих лет и с ним все в порядке.

24. Такой-то принимал его в течение многих лет, и все еще принимает его, и он самый замечательный человек своего времени.

25. Я чувствую себя ну так поганю, а совсем, совсем немного порошка позволит мне почувствовать себя очень, очень хорошо.

26. Мы не можем остановиться, пока он у нас есть - искушение слишком сильно. Наилучшим путем будет донюхать его весь. Нам, вероятно, не удастся достать еще немного, так что мы принимаем его для того, чтобы бросить.

27. История Клода Фаррера о Рудольфе Хэфнере. Предположим, что я пройду через все эти муки, чтобы бросить наркотики, а потом сразу же заболею раком или чем-нибудь еще. Каким дураком я буду себя чувствовать!

- Ну как, помогло? - спросил Лам.

Ну, если честно, не помогло. Я размышлял над многими из этих доводов в то или иное время и, похоже, развенчал их все. Любопытно, что когда ты пишешь о причине, то она тут же представляется незначительной. Ты не можешь продолжать, ссылаясь бесконечно на одну и ту же причину. И этим доказывается то, что причина эта надумана и фальшива, и была просто изобретена тобой экспромтом, чтобы оправдать потворство своим слабостям.

Бэзил заметил мою растерянность.

- Факт состоит в том, - сказал он, - что вы принимаете это вещество по тому же, почему большинство людей ходят в церковь. Бессмысленная привычка.

Я не хотел заносить его высказывание на бумагу. Это было равноценно признанию в том, что я действовал как автомат. Но что-то в его глазах заставило меня записать. И уже записав, я зашелся, как раньше, в припадке душевной ярости. Я вспомнил давнюю историю из времен, когда я работал в госпитале, - историю о человеке, совершившем самоубийство, когда ему сказали, что он никогда больше не сможет двигать своей верхней челюстью.

Между тем, Лам наблюдал за моим средним уровнем приема. Я опустился до двух доз ежедневно. Но оставшиеся двадцать четыре часа проходили в ожидании того момента, когда я смогу позволить себе мою слабость.

Я знал, что Лу опережала меня. Она вышла на тот уровень, который Бэзил называл третьим классом. Она принимала одну дозу в день; но каждый раз принимала ее все позже и позже. Около часа она мучилась от действительно нестерпимого желания, и тогда Сестра Афина или Киприда, или Сестра Кто-нибудь Еще всегда вмешивались, будто бы случайно, и предпринимали некоторые активные шаги, чтобы отвлечь ее ум от героина в течение этих критических минут.

Как только человек достигает интервала в сорок восемь часов между дозами, он переходит в четвертый класс, и вслед затем сразу же прекращает прием, за исключением тех случаев, пока для принятия дозы не подвернется какая-то особенная причина.

Я был весьма раздражен тем, что Лу продвинулась дальше, чем я. Бэзил сказал, что по его мнению мне нужно больше физических упражнений, хотя я уже сам начал проявлять некоторый интерес к спортивным играм. Я даже прошел через всю игру в Телему ни разу не присев отдохнуть и не переводя дыхания.

Однако, после наркотической жизни во мне засела смутная тоска. Меня терзала мысль, что нормальные интересы не стоят того, чтобы ими заниматься.

Царь Лестригонов брал меня несколько раз полазить по скалам, но в то время как я испытал глубокое физическое удовлетворение, я не мог превзойти своего умственного отношения к этому занятию, которое в самой законченной форме выражено в Экклесиасте: "Суета, суета, все суета сует!"

Мои отношения с Лу были отравлены тем же ощущением. Улучшение нашего физического здоровья, опьяняющее воздействие климата и вся обстановка побуждали нас принять участие в карнавальной шествии природы. Но по-прежнему возражением этому звучал в нас настойчивый голос Аидэ Лямурье, утверждавший, что предел всех этих вещей - смерть. Она умышленно отвергала существование как бесполезное, и мы не могли выдвинуть подходящие возражения на занятую ей позицию.

Вдобавок, мой ум съел свою пищу. Я буквально ни о чем не мог думать, кроме героина, и обнаружил, что он взывает ко мне скрываясь под разными

масками, и манит меня бегством от жизни.

Человек, сам бывший наркоманом, с трудом свыкается с пустотой и бессодержательностью нормального существования. Он становится мудрее, но это - мудрость отчаяния.

Большой Лев и Сестра Афина истожили свою изобретательность в поисках того, чем я могу занять мои утомительные бесцельные часы. Но ничего, казалось, не могло отвлечь меня от навязчивой идеи, что жизнь - это героин, а интервалы не стоит принимать во внимание.

Примерно через неделю Царь Лестригонов попытался вытащить меня из рутины, дав мне кокаин, и попросив заняться написанием отчета о моих приключениях с того момента, как я начал принимать его. Наркотик мощно подстегнул меня; и какое-то время я был преисполнен энтузиазма. Я написал историю моих приключений с той самой ночи, когда я встретил Лу и до нашего возвращения в Англию из Неаполя.

Но, когда эпизод завершился, я обнаружил, что застарелое разочарование в жизни сильно как всегда. Желание жить было по-настоящему мертво во мне.

Однако спустя два вечера, Царь Лестригонов на закате пришел выкурить со мной трубку на террасе. Он держал в руке записки о Рае, написанные мной. Сестра Афина напечатала их.

- Мой дорогой, - начал он, - чего я не понимаю, так это того, почему вы должны быть так слепы в отношении самого себя. Значение всего этого вполне очевидно. Я боюсь, что вы до сих пор не уловили смысла изречения "Твори, что ты желаешь". Неужели вы не заметили, как применение Закона помогало вам до сих пор?

- Ну, разумеется, - сказал я, - совершенно ясно, что я не явился на эту планету, чтобы довести себя до могилы еще до того, как мои силы получили бы возможность окончательно созреть. Я полагал, что необходимо воздерживаться от героина с целью предоставить себе благоприятную возможность совершить что-то. Но я выжат, как лимон. Жизнь становится все более скучной с каждым днем, и единственный путь к бегству прегражден огненными мечами.

- Точно, - отозвался он. - Вы обнаружили только чего вы не желаете; вам все еще надо найти то, чего вы желаете. Но в вашем тексте содержится целый ряд ключей к разгадке. Я заметил, что по словам вашего командира эскадрильи, который не стал бы командиром, если бы не понимал других мужчин, вы не выдающийся пилот! Как так получилось, что вы стали летать?

Этот простой вопрос вызвал у меня довольно странную реакцию. В нем не содержалось повода для сильного раздражения и, тем не менее, я разозлился.

Бэзил заметил это, сложил свои руки вместе и начал весело насвистывать "Типперери". Смысл его вопроса был очевидным. Он пустил стрелу наудачу, куда придется; и она пронзила Царя Израила между пластинами его доспехов. Он приворотно встал со стула, и ушел, махнув мне на прощание рукой.

- Подумайте над этим, дорогой мальчик, - сказал он, - и расскажите мне утром вашу печальную историю.

Я находился в весьма растревоженном состоянии сознания. Я отправился на поиски Лу, но она ушла на прогулку с Кипридой, и когда вернулась, то излучала такую атмосферу мудрости, что я нашел ее нестерпимой. Впрочем, я рассказал ей мою историю. К моему отвращению, она просто кивнула, словно высоко оценила какую-то очень тонкую шутку. От нее нельзя было добиться никакого толка. Я отправился в кровать со вконец испорченным настроением.

Почти немедленно в моем мозгу началась обычная борьба, в смысле должен я или не должен принимать дозу героина. В этом случае, спор был кратким. Я был так раздражен самим собой, что специально принял большую понюшку, несомненно не столько для того, чтобы успокоить себя, а столько для того, чтобы косвенно досадить кое-кому. Я поступил так впервые за неделю. До этого я обходился кодеином.

Частично из-за этого, и частично из-за психологического кризиса, я испытал эффекты, подобных которым я еще никогда не испытывал. Я оставался всю ночь в состоянии между сном и бодрствованием, неспособный позвать на помощь, неспособный контролировать свои мысли; и меня унесло в полностью незнакомый мне мир. Я совершенно не существовал там, в любом обычном смысле этого слова. Я был математическим выражением сложной геометрической схемы. Мое равновесие поддерживалось бесчисленным множеством других сил в той же

системе, и то, что я называл своим "Я" неким таинственным образом несло ответственность за манипуляцию другими силами, но я не мог с ними совладать. Когда я старался уловить их, они исчезали. Мои функции, казалось, сводились к упрощению сложных выражений, и затем к построению новых комплексов из элементов столь изолированных, чтобы они создали подобие моего собственного выражения в совершенно иных формах.

Этот процесс продолжался, самовоспроизводясь с интенсивностью бреда бесконечных зон времени. Я переживал нестерпимые муки, утрачивая мою индивидуальность, обескураженный, если можно так выразиться, некоторыми выражениями, которые я же сам и сформулировал. Страдание стало настолько острым, что я почувствовал необходимость призвать Лу на помощь. Но я не мог найти ей место в моей системе.

Но нечто в природе кривых самих моих графиков я идентифицировал с ней. Словно их окончательная форма каким-то образом зависела от нее. Она содержалась в них, так сказать, в скрытом виде. Она была присуща самой этой структуре; и как только возбуждение и тревога спали, я нашел любопытное утешение в том факте, что она не была независимой и посторонней сущностью в этом хитросплетении причин и следствий, но являлась основой того, что вся система приняла именно этот вид в предпочтении всем остальным. И по мере того, как ночь длилась, чудовищная сложность видения упорядочивалась сама собой. Я ощущал вращение и подъем, сообщающиеся со всей вселенной моей мысли. Своего рода головокружение захватило мой дух. Словно колесо начало вращаться, постепенно увеличивая свою скорость, так что человек не мог больше различать отдельные его спицы. Оно слилось в неразличимое марево. Ощущение это понемногу овладело всем моим сознанием, пока не стало неизменным и единым; однако это единство складывалось из неоднородных сил, которые находились в постоянном движении. Монотонность терзала сознание, и моя полудрема вскоре перешла в подлинный сон.

Странность всего этого переживания заключалась в том, что я проснулся наутро совершенно новым человеком. Я обнаружил себя поглощенным трудными для понимания вычислениями, внешне бессвязными. Я напряженно работал, захваченный идеей, чего со мной не случалось уже долгие месяцы. Я разрабатывал план построения вертолета, работа над которым глубоко меня занимала, когда я остался безработным. Вертолет полностью вылетел у меня из головы, как только я стал наследником состояния Дяди Мортимера.

Как только я заново обрел полную бодрость духа, тут же меня чрезвычайно озадачило мое окружение. На самом деле, я не мог вспомнить, кем я был. Вопрос, похоже, каким-то необыкновенным образом потерял свое значение. Чем больше я заново осознавал себя, Телепил, и свое недавнее прошлое, тем больше это казалось мне нереальным. Истинное "Я" было математиком и инженером, работающим над вертолетом, а промежутки между работой казались запутанным ночным кошмаром.

Я отбросил все прочь, отряхнувшись, словно охотничья собака, вылезаящая из пруда с палкой в пасти, и полностью отдался своей работе. Изредка меня беспокоили какие-то неизвестные мне люди, целующие меня сзади в шею, и кладущие поднос с завтраком мне под нос. Я осознавал со смутной досадой, что еда была холодной.

Когда прозвучал гонг для дневного Поклонения, я поднялся и потянулся. Мой мозг был полностью измотан. Я присоединился к небольшой компании, приветствовавшей солнце, на террасе.

- Приветствую тебя, кто есть Ахатор торжествующий; даже тебя, кто есть Ахатор прекрасный; кто путешествует над небесами в челне полдневного Солнца. Тахути стоит в своем великолепии на челне, и Ра-Хор правит рулем. Приветствую тебя из чертогов утра!

Одна девушка в этой компании произвела на меня исключительное впечатление. В ее лице было что-то непреодолимо монгольское: плоские щеки, высоко поднятые скулы, раскосые глаза; широкий, короткий и подвижный нос; тонкий и длинный рот, словно неровная кривая линия безумного заката. Глаза были зеленые и маленькие, с шаловливым выражением, как у эльфа. Ее густые волосы, уложенные в толстые косы вокруг ее головы, были на удивление бесцветными. Они напомнили мне проволочную обмотку динамо-машины. Это смешение монгольской дикости с дикостью нордического типа производило

колдовской эффект. Ее необычные волосы очаровали меня. Они были нежного льняного оттенка, такого тонкого, такого изумительного. Лицо - восхитительно молодое и свежее - сияло улыбкой и румянцем.

- Питер, мой мальчик, - сказал я себе, - тебе бы лучше напрячься и закончить этот вертолет, и заработать немного денег, потому что именно на этой девушке ты собираешься жениться.

Эта мысль захватила меня с силой откровения; эта девушка была таинственным образом мне знакома. Словно я видел ее во сне или в каких-то грезах. Меня вывела из оцепенения рука, фамильярно тронувшая меня, и голос, сказавший мне на ухо:

- Мы можем прогуляться до трапезной на ланч. Вы так и не ответили на мой вопрос, как же получилось, что вы стали летать.

- Когда вы спросили меня, мое сознание было еще недостаточно прояснено, но теперь цепь следствий и причин полностью восстановлена.

Я никогда не относился благожелательно к медицине. Ее антинаучные методы, ее высокомерие, снобизм и засилие эмпирики все это вместе отвратило меня от нее. Мне пришлось отправиться работать в госпиталь, просто потому что мой отец сделал все возможное для этого, и не собирался вкладывать деньги во что-либо иное. Я же хотел стать инженером. Я быстро схватывал все, что касалось велосипедов и автомобилей. В юном возрасте у меня даже была собственная своеобразная мастерская. Величайшим удовольствием моего детства были редкие визиты к отцу моей матери, который в свое время считался великим изобретателем и в огромной степени способствовал техническому совершенствованию железнодорожных перевозок.

Когда разразилась война, я отправился прямо в инженерные мастерские; но стал пилотом против моей воли, из-за моего веса и нехватки летного состава.

Я внезапно оборвал свою исполненную энтузиазма речь, потому что Царь Лестригонов остановился на склоне холма, отделявшего дом для гостей Аббатства от его основных построек.

- Вы запыхались при подъеме, - сказал он. - Примите понюшку вот этого; она приведет вас в порядок за секунду.

Я раздраженно оттолкнул его протянутую руку, и небольшая горстка порошка просыпалась на землю.

- О, вот как, оказывается? - спросил, смеясь, Бэзил.

Я осознал грубость своего поступка и начал извиняться.

- Все в порядке, - сказал он. - Но, конечно, вы не сможете избавиться от него так просто. Вы ведь не прекращаете есть баранину, потому что однажды днем съели слишком много и получили несварение желудка. Вы найдете героин довольно полезным, когда поймете, как использовать его. Тем не менее, ваш жест сейчас был автоматическим. Это свидетельство того, что ваша бессознательная или истинная воля возражает против приема героина. С негативной стороны пока все в полном порядке. Но нас волнует вопрос, чего желает ваша истинная воля в позитивном смысле?

- Сбить бы с толку этого типа с его вечной метафизикой, - подумал я.

- Не имею ни малейшего понятия, - ответил я резко, - и более того, не могу терять время на эти ваши оккультные штучки. Не подумайте, что я груб. Я очень благодарен вам за все, что вы для меня сделали.

Станным образом воспоминания последних нескольких месяцев внезапно вернулись в мое сознание. Однако они оставались лишь фоном для бушующего пламени мысли, переполнявшей мой ум.

Бэзил не ответил, и пока мы вместе спускались с холма вниз, я начал объяснять ему мои идеи по созданию нового вертолета. Незаметно для себя, мы достигли двери большого дома, которое Аббатство использовало как трапезную, сели на каменные скамьи, стоявшие в ряд у его северо-восточной стены, и взглянули на открывшийся нам изумительный вид.

Трапезная располагалась на крутом откосе. Земля резко уходила вниз под нашими ногами. Слева вздымалась огромная скала, которая отсюда впечатляла даже больше, чем с другой стороны; а справа, холмы вдоль береговой линии терялись в багряной дымке. Напротив виднелся странный зубчатый мыс, коронованный фантастическим скоплением скал, а внизу простиралось безбрежное море, слившееся с небом в разводах зеленого, голубого и фиолетового там, где несколько вулканических островов тускло дремали на горизонте.

Бэзиль чрезвычайно меня раздражал своими замечаниями о красоте пейзажа. Я, похоже, совершенно не заинтересовал его вертолетом. Неужели я и в самом деле нес какую-то чушь?

- Я слишком стар, чтобы обижаться, сэра Питер, - (Ах да, сейчас я был сэром Питером! Ну конечно я им был!) небрежно заметил он, вежливо касаясь моего плеча.

Я молчал, вычисляя в уме размеры одного из вентиляторов.

- И я должен напомнить вам, что вы джентльмен; и что, когда вы приехали в это Аббатство, первое, что вы сделали, это подписались под торжественным обещанием.

Он повторил эти слова:

- Я торжественно объявляю, что принимаю Закон Телемы, и посвящаю себя всецело, тому чтобы обнаружить мою Истинную Волю и осуществить ее.

- Да, да, конечно, - сказал я поспешно. - Я не собирался отречься от этого; но на самом деле, я в настоящий момент ужасно занят обдумыванием вертолета.

- Спасибо вам, этого достаточно, - оживленно молвил Царь Лестригонов. - Теперь собрание можно считать открытым.

Я почувствовал легкое раздражение из-за его бесцеремонных манер, но все-таки последовал за ним на ланч. Он встал за одним концом стола лицом к Сестре Афине, занявшей место за другим.

- Сегодня к ланчу подадут шампанское, - сказал он.

Эта ремарка была встречена взрывом бурного веселья, которое показалось мне положительно непристойным, и не соразмерным сделанному объявлению. Все Аббатство словно обезумело от восторга.

Следуя примеру Большого Льва, каждый устремил свой указательный палец по нисходящей линии влево, и резко перевел его направо. Жест был повторен три раза и сопровождался словами:

- Эвоэ Хо! Эвоэ Хо! Эвоэ Хо!

Они начали хлопать в ладони, но резко останавливали руки перед соприкосновением и позволяли себе громко хлопнуть лишь на третьем слоге великого восклицания

И А О

За этим последовали очень быстрые хлопки три раза по три в общей тишине.

Я был полностью озадачен этим обрядом, но не имел возможности задавать вопросы, так как Сестра Киприда тут же объявила вместе с Гермесом "Волю", и ланч начался в неизменном молчании, которое каким-то невыносимым образом сопрягалось с необычайным весельем всего собрания.

Шампанское не вязалось со всем этим. Небуйзданное ликование напомнило мне о моих первых впечатлениях от кокаина. Тем не менее, у меня имелось над чем поломать голову. Вопрос был в том, как снизить W до ничтожно малой величины в формуле:

(формула)

Что за польза в правиле молчания за едой, когда каждый нарушает суть его, если и не букву? Я был озадачен. Мне стало жарко, я покраснел. Все от Большого Льва с бокалом, полным шампанского, до Диониса с ликерным стаканчиком с тем же напитком, протягивали их ко мне, как будто пили за мое здоровье. Я воспользовался правилом, позволявшим нам покидать стол без церемоний. Я собирался перейти в другое здание и продолжить там работу.

Однако неожиданная мысль озарила меня, как только я вышел за дверь. Я снова сел на одно из каменных сидений, вытащил свою записную книжку, и начал вычисления. Я увидел путь к решению задачи, кратко записал идею, и захлопнул книжку в триумфе.

Именно тогда я вдруг осознал, что Большой Лев сует сигару мне в рот, и что все столпились вокруг меня и пожимают мне руку. Что это, очередная глупая буффонада?

- Итак, мы прошли весь путь до конца? - спросил Большой Лев, давая мне прикурить.

Я откинулся назад на скамье в своего рода ленивом восторге. Ничто сейчас меня не беспокоило. Я четко видел путь разрешения моей проблемы.

- Ты должен сказать "Савершен великий трут", - сказал Дионис тоном

величественного упрека.

- К черту Великий Труд! - ответил я раздраженно, но мне тут же стало стыдно за свои слова.

Я поднял моего Языческого друга, посадил его на колени и начал гладить по головке. Он восторженно прижался ко мне.

- Вы должны нас извинить, - сказал Гермес очень серьезно, - но мы все так рады.

ГЛАВА VII. ЛЮБОВЬ ПОДЧИНЯЕТСЯ ВОЛЕ

Я принялся хохотать вопреки собственным намерениям.

- Ладно, - вымолвил я, попыхивая сигарой. - Я действительно желаю, чтобы вы рассказали мне, что все это значит. Подал в отставку Ллойд Джордж?

- Нет, - ответил Большой Лев, - все это только из-за вас!

- Почему из-за меня? - переспросил я.

- Как почему? Разумеется потому, что вы победили, - сказала сестра Киприда.

Нечто вполне очевидное для них, было сокрыто от моего притупленного понимания.

Я посмотрел на Бэзила в упор.

- Какая удача? Ну да, я разобрался в беспокоившей меня формуле, это верно. Но я не понимаю, как вам стало об этом известно. Или в число достижений Гермеса и Диониса входит знание дифференциального исчисления?

- Очень просто, - отвечал Большой Лев. - Все дело в знании Закона, и ни в чем другом; а этот Закон, в конечном счете, ни что иное, как простейший здравый смысл. Вы помните, как перед завтраком мною был задан вам вопрос, какова ваша истинная Воля?

- Да, - подтвердил я. - Помню. И я ответил вам тогда и отвечаю сейчас снова, что у меня нет времени думать о таких вещах.

- И этого факта, - нашелся он, - было вполне достаточно, чтобы убедить меня, что вы ее открыли.

- Знаете что, - сказал я, - вы славный человек и все такое, но явно со странностями, и я не понимаю половину из того, на что вы намекаете. Не могли бы вы изъясниться на чистом английском?

- С радостью и удовольствием, - промолвил в ответ Большой Лев. - Давайте на минуту взглянем на факты. Первый: ваш дед по матери - гений в механике. Факт второй: этот предмет сильнейшим образом привлекал вас с детства. Третий факт: всякий раз, когда вы отходите от этого предмета, вы несчастливы, вам не везет, и вы попадаете во всевозможные неприятности. Факт четвертый: как только война предоставила вам такую возможность, вы тотчас забросили медицину и вернулись к технике. Факт пятый: вы пересаживаетесь с университетской скамьи в кресло пилота неохотно, и командир вашей эскадрильи сам видит, что вы сели не в свои сани. Факт шестой: как только перемирие отбрасывает вас назад в бедность, вас снова занимает идея вертолета. Факт седьмой: вы опрокинуты свалившимся с неба богатством и немедленно сворачиваете в сторону наркотиков, что ясно показывает - вы сбились с пути. Факт восьмой: как только под влиянием царящей в Аббатстве скуки, ваш ум оказывается чист от всех ложных идей, он возвращается в свое естественное русло. Идея вертолета снова захватывает вас настолько, что вы оставляете свой завтрак стынуть, вы не узнаете своей жены, когда она вам его приносит, и вы не можете разговаривать ни о чем другом. Впервые в жизни ваша скованность незаметно исчезла, и вы даже принимаетесь излагать свои идеи мне, хотя я совсем не разбираюсь в этой теме. И не нужно быть особым гением, чтобы увидеть, как вы открыли свою истинную Волю. Вот чем объясняется шампанское и аплодисменты.

Я почесал в затылке, все еще пытаюсь осознать все. Но один пункт в том, что прорычал Большой Лев поразил меня особенно сильно. Я посмотрел на окружавшие меня лица.

- Да, я, разумеется, открыл свою Волю, - сказал я. - Теперь мне

известно, на что я гожусь. Я также понимаю, зачем явился на эту глупую планету. Я - инженер. Однако вы произнесли слова "моя жена". Это уж совсем не укладывается ни в какие рамки. А где она?

- Ну, знаете ли, - возразил Большой Лев с усмешкой, - вы, наверное, принимаете меня за склад-холодильник для чужих жен. Если позволите, я рискну предположить, что и ваша жена тоже раскрыла суть ее Воли и удалилась для ее свершения.

- О, проклятье, - вырвалось у меня. - Вот, что я вам скажу, так и знайте - этого я вам не позволю!

Большой Лев обратил на меня свой самый суровый взор.

- Полно, сэр Питер, - заметил он язвительно, - возьмите себя в руки. Вы только что открыли свою волю, и вам, естественно, хочется, чтобы вас оставили в покое для ее исполнения. И все-таки, при первой возможности вы вскипаете, желая помешать вашей собственной жене творить ее. Позвольте сказать вам без обиняков: чтобы она не избрала, это нисколько вас не касается. Или вы видели мало бед, происходящих по причине того, что одни люди вмешиваются в дела других? Да что уж там, ваш самый первый долг по отношению к жене, чорт возьми, защищать ее!

- Один из ваших парадоксов, - проворчал я.

На самом деле, я разрывался между двумя точками зрения. Во всевозможных бесчинствах Лу была идеальным компаньоном. Но для трудяги-инженера такая женщина означала гибель. В тоже время я был безумно в нее влюблен, особенно после того, как я впервые заново увидел ее в это утро; и она принадлежала мне.

В то же время, мне было очевидно, что он имел в виду, говоря об открытии ей своей истинной воли. Она показала это достаточно открыто, умоляя его забрать ее. Да он попросту проделал со мной один из своих дьявольских трюков, и избавился от меня, как он полагал, заставив с головой уйти в работу над вертолетом.

Я должен был стать покорным супругом, и позволить моей жене шляться с другим мужчиной у меня под носом, пока я занимаюсь своими вычислениями. Я должен был стать *mari complaisant** (**великодушный рогоносец - франц.*), не так ли?

Что ж, злой дух был искусен, но на этот раз расчет оказался ошибочным. Я поднялся и с чувством и расстановкой влепил ему пощечину.

- Перед завтраком, - обратился он к Сестре Афине, - нам понадобятся пистолеты для двоих и кофе для одного. Но пока мы пребываем в ожидании этого фатального рандеву, - продолжил Лев, обращая ко мне одну из своих непроницаемых усмешек, - я должен следовать моей присяге. Как выяснилось, один из здешних братьев тоже механик. Вот тот домик на мысе (он указал пальцем) оборудован под вполне сносную мастерскую. Мы можем спуститься туда все вместе, чтобы вы смогли приступить к работе. Вам, по всей вероятности, понадобится множество нужных вещей, которых у нас нет, так что можете составить список, а мы телеграфируем в Лондон, где Лала их купит и привезет сюда. Она приезжает через три дня. Я буду просить ее также остановиться в Париже и выбрать там железный веночек покрасивее, с эмалевыми цветочками, который положат на мою безымянную могилу.

Беспечность этого человека вызвала во мне яростный стыд за самого себя. Я процедил сквозь зубы, что он неопишущий негодяй.

- Вот это правильно, сэр Питер, - нашелся Большой Лев, - спокойствие духа любой ценой. "Неопишущий Царь" выражение классическое, и оно, по привычке, вызывает легкое содрогание; но быть может гению вашего калибра простиительно изобретение новых оскорбительных терминов.

Я был до безобразия расстроен отношением зрителей, чьи лица застыли в широких улыбках, за исключением Диониса, который подступил прямо ко мне и со словами: "Ты Фукин Шин", - ударил меня в глаз. "Если ты застрелишь Большова Льва, я пристрелю тебя", - добавил он.

Вся компания рухнула в приступе неукротимого хохота. Царь Лестригонов вскопчил с негодующим видом, и свирепо отчитал их:

- Так-то вы творите вашу волю, никчемные вы людишки? Или вы явились на эту планету, чтобы обращать серьезные вещи в посмешище? Вам должно всем рыдать, памятуя, что через двадцать четыре часа вам придется похоронить либо

вашего любимого Большого Льва, либо нашего достойного гостя, ставшего всем нам еще дороже, благодаря своему невольному юмору. Пойдемте, Сэр Питер, - с этими словами он взял меня под руку. - Не будем терять время с этими пустозвонами. А что касается Беспредельной Лу (он принялся напевать):

- Has any one seen my Mary?
Has any one seen my Jane?
She went right out in her stocking feet
In the pelting pouring rain.
If any one sees my Mary,
He'll oblige me, I declare,
If he'll send her back in a packing case,
'This side up, with care`.

Мы были уже далеко внизу, шагая по склону, точно великаны. Сверху доносился смешанный хор выкриков и насмешек.

Нужно быть атлетом, чтобы бежать с холма рука об руку с Большим Львом. Кактусы он, похоже, не замечал, а когда возникала канава, ее обязательно нужно было перепрыгнуть. Когда же тропа взбиралась немного вверх, он использовал инерцию движения, чтобы перенестись через гребень, точно на американских горках. От этой гонки я положительно опьянел. Физическая тревога в сочетании с физическим возбуждением. Я потел, как свинья, мои сандалии скользили по жесткой и сухой траве; мои голые ноги были ободраны дроком, утесником и кактусами.

Я то и дело поскользывался, однако он всегда превращал падение в прыжок. Так мы и мчались, не смирив свой бег, пока не очутились у самых дверей дома на мысе.

Большой Лев отпустил меня неожиданно. Я рухнул и, задыхаясь, лежал на спине. Он был абсолютно спокоен; и жилка не дрогнула. Наблюдая за мной, он успел вытащить свою трубку, набить ее и закурить.

- Никогда не теряйте времени по дороге на работу, - сделал Лам замечание тоном, который я могу описать только как псевдо-ханжеский. - Как вы, уже достаточно оправившись от бега, чтобы снова принять вертикальное положение, отличающее представителей рода человеческого от прочих млекопитающих? - добавил он с притворной озабоченностью. - По-моему, это наблюдение принадлежит Вергилию.

Огонек в его глазах подсказывал мне, что у него припасен для меня еще один сюрприз; я начал понимать, что он радуется, как школьник, разыгрывая людей. Ему, похоже, доставляло удовольствие заманить, поставить человека в неестественное положение, и создавать таинства из самых банальных обстоятельств. Это было до крайности по-идиотски, и до крайности раздражительно; и, одновременно, приходилось признать, что в результате этого метода в жизни прибавлялась какая-то острота.

Мне вспомнилось замечание Мейзи Джэкобс: "Где Лам, там не тоскуют".

Эти события, по характеру своему, были обыденны и незначительны и, тем не менее, каждому из них он придавал значение. Он делал жизнь такой, какой она бывает, когда впервые пробуешь кокаин или героин, однако ему это удавалось достигать не прибегая к излишествам. Я, наконец, понял, откуда у него эта уникальная репутация человека, ведущего фантастическую жизнь, при том, что никто не мог привести ни единой выходки, которая была бы экстраординарна сама по себе.

Я постепенно взял себя в руки и, удалив несколько колючек из своих оголенных ног, в достаточной степени овладел собой, чтобы спросить:

- Так это и есть мастерская?

- Вот уж в который раз, сэр Питер, - отвечал Лам, - ваша интуиция подтверждает свою непогрешимость. И в очередной раз ваш несравненный дар подбирать выражения укладывает факты в скупую форму эпиграммы, которую отчаялись бы редактировать Юлий Цезарь и Марциал.

Он открыл дверь этого дома, повторяя свою давнюю формулу:

- Твори, что ты желаешь да будет то Законом.

До сего времени, я находил эту фразу поочередно смехотворной, раздражающей и занудной. Сейчас же она полностью утратила эти свойства. Сухие кости ожили. Меня пробрало до спинного мозга, когда он произнес эти слова. Нежный, милый голос, до странности знакомый, ответил ему из

просторного, темного помещения. Темного, ибо ослепительный солнечный свет с улицы был не в силах осветить его внутренности для моих суженных зрачков.

- Любовь - закон, любовь подчиняется воле.

Я снова вострепнулся, но на этот раз от сочетания неожиданности и ликования, смутно невразумительного. И тогда я увидел в одном углу комнаты, за рядом скамей и столов, уставленных аккуратно разложенным инструментом, мерцающий силуэт. Он был обращен к нам спиной, и деловито прибирал на полу.

- Вот сэр Питер Пендрагон, - сказал Большой Лев, - пришедший заведовать этой лабораторией.

Мои глаза все еще не привыкли к сумраку, однако, я мог разглядеть, как фигурка поднялась с пола, сделала реверанс и двинулась по направлению ко мне, туда, где я стоял в столбе солнечного света, проникавшего через приотворенную дверь. На ней были надеты шелковые штаны "никербокер" черного цвета, сандалии и черные чулки.

Я узнал Лу.

- Большой Лев сказал, что вы можете приступить к работе сегодня в полдень, сэр Питер, - промолвила она с достоинством, - поэтому я и пытаюсь навести в этом месте порядок.

Я стоял совершенно ошеломленный. Это была Лу, но такая Лу, которой я никогда не знал и не видел. Я обернул за объяснением к Царю Лестригонов, но за моей спиной никого уже не было.

Смех струился по ее лицу; ее магнетические глаза сверкали светом солнца. Я дрожал от неопишуемого волнения. Здесь была неразгаданная загадка. Или - не было ли это, случайно, ответом на загадку - на все мои загадки - загадку жизни?

Я пытался что-то придумать, но на язык просились самые увечные и неуклюжие банальности.

- Что ты здесь делаешь? - спросил я.

- Творю мою Волю, разумеется, - последовал ответ, и ее глаза сверкнули солнцем, бездонные, как само море.

- Нет у тебя иного права, как творить свою Волю, - процитировала она. - Делай так, и никто другой не скажет тебе нет.

- О, да, - отозвался я не без раздражения. Я все еще чувствовал неприязнь к "Книге Закона". Мне очень не хотелось подчиняться этой формуле, как бы мой здравый смысл, подкрепленный опытом, не убеждал меня уступить.

- Но как тебе удалось узнать, что есть твоя Воля?

- А как тебе удалось? - резко ответила она ответом на вопрос.

- То есть как, - начал я, заикаясь. - Большой Лев продемонстрировал мне, как моя наследственность, мои естественные наклонности, и разрешение моего кризиса, - все указывало на одну и ту же вещь.

- Вот ты все и сказал, - мягко промолвила она и выпалила очередную цитату. - "Закон есть для всех".

- Расскажи мне о нем.

Таяли, исчезая, мои досада и оцепенение. Я начинал постигать, сколь умело была подстроена Большим Львом вся эта ситуация. Он проделал со своим материалом - нами - то, что я проделывал со своим в соответствии с законами механики.

- Я открыла свою волю ровно четыре дня назад, - начала она очень серьезным тоном. - Это произошло тем вечером, когда ты и Большой Лев лазали на Глубокий Гилл и так задержались над Дымоходом Профессора, что пропустили обед с шампанским.

- Ну, ну, - кивнул я нетерпеливо, - и что же это было.

Она сомкнула руки за спиной, и склонила голову. Веки прикрыли ее удлиненные раскосые глаза, а красные, змеиные губы с дрожью пришли в движение.

- Пока ты спал после завтрака, - заговорила она. - Большой Лев отвел меня на полукруглую скамью, ту, что на холме над Домом для Посторонних, и подверг подобному испытанию. Он заставил меня рассказать ему всю мою прежнюю жизнь, особенно ту ее часть, до встречи с тобой, когда я думала, что люблю его. И он заставил меня увидеть, что я всего лишь пыталась сделать тебе приятное, и это мне не удалось. Моя любовь к нему была всего лишь любовью дочери к отцу. Я усматривала в нем того, кто откроет мне жизненный путь,

однако ничто не имело для меня значения до той ночи, когда я повстречала тебя. С того момента я начала жить. Ты, а вовсе не дьявольский кокаин Гретель наполнил мою душу "Литаниями" Фуллера. Мне доводилось напевать их и прежде, и не раз, но никогда они не попадали в цель. Тем вечером я использовала ее, чтобы заполучить тебя. Я только и жила возможностью однажды найти тебя. Вся моя жизнь с того мгновения вилась вокруг тебя. Я была готова пойти в ад ради тебя. И я отправилась в ад ради тебя. И я вышла из ада ради тебя. Я покончила с героином, только чтобы быть в состоянии помочь тебе творить твою волю. В этом воля. И когда нынче утром мы выяснили, какова твоя воля, я явилась сюда привести это место в порядок, чтобы ты мог ее исполнить. Я намерена поддерживать здесь порядок для тебя и помогать тебе, сколько смогу, в твоей работе точно так же, как я танцевала для тебя, и ходила ради тебя к МакКоллу в те дни, когда ты был слеп. Я тоже не видела, в чем твоя воля, но я всегда следовала своему инстинкту, деля то, зачем я тебе была нужна, даже когда мы были отравлены и безумны.

Она говорила тихим, спокойным тоном, но дрожала при этом как осенний лист. Я не знал, что сказать в ответ. Величие ее позиции повергло меня в смущение. Я чувствовал предельную горечь позора от того, что исковеркал столь возвышенную любовь, что низвел ее до такого бесчестия.

- Боже мой! - вымолвил я, наконец. - Чем мы обязаны Большому Льву!

Лу покачала головой.

- Нет, - сказала она со странной улыбкой. - Мы помогли ему не меньше, чем он помог нам - содействуя ему в исполнении его воли. Секрет его власти в том, что он не существует для себя. Его сила протекает через него, не встречая преград. Ты не был самим собой вплоть до сего утра, когда ты забыл себя, забыл, кем ты был, не знал, кто тебя поцеловал и кто принес тебе завтрак.

Она подняла взор медленно, полустыдливо улыбаясь, и посмотрела мне в глаза.

- И я потерял тебя после завтрака, когда я вспомнил, кто я есть, и забыл о своей работе. И все это время ты была рядом, помогая мне ее делать, а я этого не понимал.

Мы постояли немного в тишине. Наши сердца бурлили от сдерживаемой потребности говорить. Немало времени прошло, прежде чем я нашел нужные слова; и когда они вырвались из моих уст, они прозвучали пылко, спокойно и уверенно.

- Я люблю тебя.

Ни героин с его сосредоточением, ни кокаин с его экзальтацией не могли сравниться с этим мгновением. Это были старые слова, но их значение было изумительно новым. Мое "Я" не существовало, пока я думал, что "Я" - это я. Не было никакого "Ты" до сих пор, пока я думал о Лу, как о независимом существе, и не сознавал, что она была необходимым дополнением человеческого инструмента, которым делалась "моя" работа. И никакой любви тоже не было прежде, пока любовь не означала ничего кроме всевозможных глупостей, по обыкновению подразумеваемых людьми под этим словом. Любовь, как понимал я ее теперь, была подтверждением неизбежного единения двух безличных половинок произведения. Она была физическим воплощением нашей духовной истины.

Моя жена не повторила в ответ то, что сказал я. В этом не было нужды. Она все великолепно понимала. Нас соединял бессознательный экстаз природы. Членораздельная человеческая речь была бы оскорблением для нашего духовного блаженства. Наш союз разрушил наше чувство разобщения со Вселенной, частью которой мы являлись; солнце, небо, море, земля соединились с нами в этом несказанном причастии. Не было никакого перерыва между тем первым объятием нашего подлинного брака, и дневными занятиями по приведению в порядок лаборатории, составлению списка необходимых вещей для Лалы в Лондоне. Солнце пропало за горным хребтом, и из отдаленной выси со стороны Трапезной донеслись звучные удары тамтама, сообщившие нам, что готов обед. Мы заперли дом и побежали, смеясь, вверх по склонам. Они больше не утомляли и не обескураживали нас. Но полпути к усадьбе мы повстречали крошку Диониса, преисполненного важности. Сестра Афина (подумали мы со смехом) должно быть догадалась, что наш медовый месяц начался; и - на этот раз - это была не спазматическая экзальтация, целиком зависящая либо от преходящих вспышек

страсти, либо от возбуждающих средств - а обоснованный факт нашего воистину духовного бракосочетания, в котором мы по сути соединились друг с другом не для блага кого-то одного, а дабы образовать одну невесту, чьим женихом является само Творение, неиссякаемое, пока мы живы, и поэтому никогда не приводящее к усталости и скуке. Этот медовый месяц будет цвести и плодоносить постоянно, от сезона к сезону, как и сама Земля - наша мать, и Солнце - наш отец, с неистощимым и неизбывным энтузиазмом. Мы стали сопричастны великому таинству; что бы ни произошло, все было в равной степени существенно для ритуала. Сама Смерть не отличалась от всего остального; наше мерное длительное горение вырвалось из оков обстоятельств и оставило нас свободными исполнять наши Воли, бывшие одной единой Волей, Волей Пославшего нас.

Прогулка до Трапезной была одной сплошной игрой с Дионисом. О милая, мудрая сестра Афина! Случайно ли ты выбрала этого загорелого чертенка-крепыша быть нашим поводырем в ту ночь? Подозревала ли ты, что наши сердца увидят в нем символ нашей собственной, безмятежной и дивной надежды? Мы посмотрели в глаза друг другу, взявшись за руки, на последней ступени, где тропа извивалась средь оливок, и помолчали. Но электрический огонь передался через его крохотное тело в тело каждого из нас, и мы узнали, какое громадное счастье поджидает для нашей любви.

Тишина, в которой проходил обед, сияла шелковыми блестками. Трапеза длилась долго, очень долго, и каждый миг был наполнен литаниями любви.

Когда подали кофе, чары безмолвия нарушил сам Большой Лев.

- Сегодня ночью я отправлюсь спать в башню; поэтому вы, сэр Питер, останетесь главным в Доме Гостей! Ваши обязанности просты; если какой-нибудь скиталец попросит вас оказать ему гостеприимство, вам следует оказать его от имени Ордена.

Мы знали только об одном страннике, который мог явиться, и его визит был для нас желанным.

- A bright torch and a casement ope at Night
To let the warm Love in.

- Однако прежде, чем вы туда удалитесь, вам будет весьма полезно вместе с нами, раз уж вы открыли свою истинную волю, поучаствовать в вечерней церемонии Аббатства, которую мы каждую ночь справляем в Храме моей башни. Отправимся же в путь!

Мы последовали, рука об руку, по ровной, широкой и извилистой тропе, соприкасавшейся с потоком, искусно пущенным так, чтобы он бежал вдоль гребня хребта, что позволяло использовать его силу для вращения различных мельничных колес. Тени, сгущаясь, нашептывали нам в уши тонкие лирические вещи; ароматы весны сообщали нашим чувствам роскошные фантазии; закат расхodoвал для моря остаток алой краски, и окутанная пурпуром ночь уже начинала цвести гроздьями звездного цвета. Над вершиной холма висел перед нами золотой ятаган луны, и слабое сердцебиение моря едва раздавалось в тиши, словно орган в некоем заколдованном соборе пульсировал под пальцами Мерлина, перевоплощая однозвучную грусть бытия в безмятежный гимн невыразимого триумфального ликования, *Te Deum** (*Тебе, Господи - лат.) человечества, празднующего свою окончательную победу над языческими ордами отчаянья.

Поворот тропы, и мы вдруг вышли туда, где в склоне холма образовалась котлообразная вмятина; на дне ее серебристо пенился ручей, протекая меж огромных валунов, величественно разбросанных по лону долины. Друг против друга, выступая из покрытых травой склонов, стояли три застывшие краснокаменные иглы; они горели еще ярче, потому что на них был выплеснут остаток багрянца, похищенный из кладовой заката; и поверх самой высокой из них выростала на фоне горизонта, поражая своим видом, каменная колонна. Закрытый купол из мрамора, обрамленный у основания балконом, венчал округлую башню, со множеством бойниц, готических по виду, но украшенных геральдическими лилиями; и все это было установлено на восьми величавых колоннах, соединенных арками, задуманными как широкие окна. Когда же мы добрались до башни по змеившемуся ряду ступенек и мегалитическим камням, выложенными в горном склоне, мы увидели, что пол под сводами башни представляет собой сложную мозаику. В каждом из четырех углов стояло по

каменному трону, а в центре находился восьмиугольный мраморный алтарь.

Четверо глав Аббатства уже успели облачиться для церемонии; однако теперь они вооружились четырьмя предметами - копьем, чашей, мечом и диском, сняв их с колонны, в которой была дверь и винтовая лестница, служившая единственным доступом в помещение наверху.

На один из тронов уселся Бэзил, на другой - сестра Афина; тем временем белобородый старец и молодая женщина, которых мы раньше не видели, заняли два оставшихся. Без каких-либо формальностей, помимо нескольких ударов по полу, церемония началась. Впечатление было ошеломляющее. С одной стороны, гулкая пустота амфитеатра, возвышенность самой сцены и крайняя естественность участников торжества; с другой, поразительная изысканность произносимых слов и отточенная ясность понятий, от которых нельзя было уйти.

Я сумел вспомнить один или два пункта Credo - вот, что они гласят:

- И я верую в единую Гностическую и Католическую Церковь Света, Жизни, Любви и Свободы, Слово Закона, которой есть THELEMA.

- И я верую в причастие Святых.

- И поскольку мясо и вино трансмутируют внутри нас ежедневно в духовную субстанцию, я верую в Чудеса Мессы.

- И я признаю единое Крещение Мудрости, каковым мы достигаем Чудесного Воплощения.

- И я исповедуюсь моей жизнью единой, неделимой и вечной, которая была и есть и будет впредь.

Я всегда говорил себе, что не обладаю ни единой искоркой религиозного чувства, и все-таки Бэзил однажды рассказал мне, будто слова "Страх Божий есть начало премудрости", следует переводить, как "Изумление перед силами природы есть источник мудрости".

Он утверждает, что каждый, интересующийся наукой, по необходимости религиозен, и что те, кто ею гнушаются и брезгают, вот кто настоящие богохульники.

Но меня действительно всегда отталкивала идея любой церемонии или ритуала. И вот опять же, идеи Бэзила фантастическим образом отличаются от представлений других людей. Он говорит: "А как насчет обрядов и церемоний, используемых на электростанции".

Я слегка подпрыгнул, когда он сделал это замечание. Столь разрушительно оно оказалось по отношению ко всем моим представлениям.

- Большая часть ритуала, - согласился он, - пустая обрядность, но если существует в человеке такая вещь, как так называемая сила духа, она требует выработки, накопления, контроля и приложения путем использования соответствующих мер, и они-то как раз и формируют истинный ритуал.

И в самом деле, таинственная церемония, проводимая в этой его титанической башне, произвела на меня определенное впечатление, какой бы по большей части малопонятной она ни была для меня с одной стороны, и отталкивающей для моих протестантских инстинктов с другой.

Меня не могли не поразить слова уже самой первой молитвы.

- Господь видимый и осязаемый, для кого эта земля только скованный холодом клочок огня, что движется вокруг тебя годами и днями, источник света, источник жизни, источник свободы, да подвигнет нас твое вечное излучение на длительный труд и наслаждение; дабы могли мы постоянно вкушать от твоих щедрот, и чтобы можно было нам, каждому на своей собственной стезе, дарить свет и жизнь, пищу и радость тем, что обращаются вокруг нас, не умаляясь в массе и лучезарности вовеки веков.

Эти слова были преисполнены глубочайшего религиозного чувства, они отдавали торжественностью мистерий и, тем не менее, самый твердый материалист не смог бы возразить ни на одну из данных идей.

После обращения к силам зарождения и размножения, все снова поднялись на ноги и приветствовали Смерть по-возвышенному просто, ничего не скрывая, ни от чего не увиливая, но глядя в лицо этого громадного события с безмятежным достоинством. Сам этот жест - приветствовать смерть вставанием, впечатлял своим благородством.

- Предел всему живущему, ты, чье имя непостижимо; будь благосклонна к нам, когда придет твой час.

Служба завершилась исполнением гимна, который прокатился, подобно грому

меж холмов, и был отражен эхом каменной толщи Телепила.

Любопытной деталью жизни Аббатства было то, как одно действие перетекало в последующее совсем неощутимо. Там не было резких изменений. Жизненная энергия употреблялась по принципу турбины, противоположному принципу двигателя внутреннего сгорания. Каждый поступок в равной степени являлся таинством. Бессвязность и прерывистость обыденной жизни оказалась устранена. Справедливая пропорция последовательно соблюдалась между различными интересами. И это, как и многое другое, сильно помогло мне излечиться от одержимости наркотиками. Моему освобождению долго препятствовала моя отрицательная реакция на тамошнюю атмосферу в целом, и моя тайная ревность к Бэзилу, в частности. Лу, будучи не тревожима ни тем, ни другим, сумела выскользнуть из своей зависимости также незаметно, как, если позволительно так выразиться, в нее сползла.

Но высшей точкой моего ликования стала окончательность решения всех моих проблем. Рецидив стал невозможен, потому что причина моего падения была удалена навсегда. Теперь я отлично понимал, как так получалось, что Бэзил может принимать героин или кокаин, баловаться гашишем, эфиром или опиумом, с такою же простотой и пользой, с какой обычный человек заказывает себе чашку крепкого черного кофе, если ему приходится работать допоздна. Он сделался законченным хозяином самого себя, потому что перестал противопоставлять себя токам духовной воли - силы, проводником которой он является. В его взгляде на любой из наркотиков не было ни страха, ни очарованности. Он знал, что оба эти качества были двумя аспектами единой реакции: первое - от эмоций, второе - от невежества. Он мог использовать кокаин, как мастер по фехтованию использует рапиру - со знанием дела, не опасаясь нанести себе рану.

Примерно две недели после нашего визита на башню, нам случилось сидеть группкой на террасе Дома Гостей. Ночь была лунная, и ярок был свет луны, и крестьяне из окрестных домиков пришли насладиться гостеприимством Аббатства. Летела песнь и пляска шла полным ходом, а у нас с Бэзилем завязалась тихая беседа.

- Да, между прочим, как много времени прошло с тех пор, как вы принимали что-нибудь? - спросил он.

- Не могу сказать точно, - протянул я, мечтательно наблюдая, как Лу и Лала, прибывшая сюда неделю назад с заказанным мной для экспериментов оборудованием, вальсируют на пару во дворе. Они обе были лучезарны. Казалось, что Луна одарила их своей чистой роскошью и изяществом.

- Я спросил вас, - продолжил Большой Лев, затягиваясь янтарно-пенковой трубкой бурского образца, которую он приберег для поздней ночи, - потому что мне хочется, чтобы вы извлекали абсолютно все преимущества из данной ситуации. Вы подверглись суровому испытанию в тигле и вытекли оттуда чистым золотом. Однако, вам нельзя забывать и о привилегиях, завоеванных в ходе испытания. Помните ли вы, что говорится на сей счет в "Книге Закона"?

- Я - Змей, приносящий Знание и Наслаждение и ослепительную славу, я возбуждаю сердца людские хмелем. Поклоняясь мне, возьми вино и дивные наркотики, о которых я скажу пророку моему, и оставайся хмельным от них! Они не причинят тебе вреда.

- Знаю, - ответил я, помедлив, - и я находил это место довольно рискованным; ведь так можно соблазнить людей на безрассудство, вы не думаете?

- Конечно, - согласился Бэзиль, - если прочитаешь невнимательно и начнешь необдуманно действовать, со слепой верой фанатика, то очень скоро будешь ввергнут в жестокую беду. Но и у природы полно приспособлений для устранения всего, что не может вписаться в ее среду. Самые важные здесь слова - <почитай меня>, <поклоняйся мне>. Единственным оправданием применения любого препарата, будь то хинин или горькая соль, может быть только его содействие природе в преодолении некоего препятствия для присущих ей функций. Так называемые вызывающие привыкание наркотики опасны тем, что обманом склоняют вас к попытке улизнуть от нагрузки столь существенной для духовного или умственного развития. Но это не просто капкан. У природы нет ничего, что нельзя было бы использовать нам во благо, и от нас зависит пользоваться этим с умом. Выходит в работе, которой вы занимались на прошлой неделе, героин помог бы вам сосредоточиться, а кокаин

преодолеть последствия переутомления. И не воспользовались вы ими по той же причине, по какой обжегшийся ребенок боится огня. У нас была та же самая проблема с обучением Гермеса и Диониса плаванию. Они открыли для себя опасность утонуть, и решили, что лучшим способом этого избежать будет просто не подходить близко к воде. Но это не помогло мне как можно лучше воспользоваться их естественными способностями, поэтому я оставлял их один на один с морем снова и снова, до тех пор, пока они не решили, что наилучший способ не утонуть, это научиться иметь дело с океаном на практике. Все это звучит вполне очевидно, когда излагаешь все, как оно есть, но, тем не менее, если относительно плавания со мной соглашались все, то когда я прилагаю те же принципы к употреблению наркотиков, меня критикуют со всех сторон.

В этот момент Лала пригласила меня на вальс, а Бэзила взяла под свою протекцию Лу. После танца мы все вчетвером уселись на стене, окружавшей двор, и я подхватил нить разговора.

- Вы, конечно, совершенно правы, и почему-то мне думается, что общий вой для вас не был неожиданностью.

- Не был, - засмеялся Царь Лестригонов. - Моя любовь к человечеству делает меня неизлечимо оптимистичным ослом в таких вопросах. Я не желаю замечать недостатки у своей возлюбленной. Я ожидаю от людей рассудительности, отваги и увлеченности; хотя элементарное знакомство с историей подсказывает нам с нагоняющим жуль повторением, что они подвергли гонениям каждого первопроходца, будь-то Галилей, Гарвей, Гоген или Шелли; налицо всемирный вопль протеста против любой попытки разрушить суеверия, которые препятствуют или тормозят прогресс, содействующий развитию человеческой расы. С какой стати мне следует избегать отлучения, как в случае с Дарвином, или остракизма, как в случае с Суинберном? На самом деле, я даже испытываю некоторое утешение в моменты слабости и подавленности, от сознания, что меня жестоко ненавидят и поносят. Это доказывает, что мой труд, понятый правильно или нет, по крайней мере еще чего-то стоит. Но мы ушли от темы. Давайте вернемся к словам "поклоняться мне".

Они означают, что такие вещества, как героин и алкоголь могут и должны использоваться с целью поклонения, то есть для установления контакта со "Змеем, приносящим Знание и Наслаждение и ослепительную славу", который и есть тот дух, сокрытый в "сердцевине каждой звезды". И каждый, мужчина или женщина - звезда. Прием наркотика должен быть тщательно осмысленным религиозным или священным актом. Один только опыт может научить правильным состояниям, в которых акт узаконен самой жизнью; это происходит только тогда, когда он помогает тебе осуществить твои желания. За это нет кары, и нет возмездия. Если игрок в бильярд начинает садить шары куда попало без разбора, то очень скоро он с треском проиграет. Но для игрока в гольф было бы идиотизмом избегать пользоваться клюшкой, которую он одно время слишком любил, но играл ею неправильно, следствием чего стало поражение в важных матчах. Теперь, что касается вас и Лу: я не нахожу особых причин, чтобы ей нужно было принимать какой-либо из этих наркотиков. Она способна превосходно исполнять свою Волю и без них, и ее природная одухотворенность делает возможным постоянное единение с ее внутренним я, что достаточно ясно видно из ее магического дневника. Даже когда она отравляла себя вплоть до умопомрачения, ее природные инстинкты всегда побеждали в моменты кризиса; то есть в моменты, когда вы, существо, защищать которое ее задача, оказывалось в беде. Но в вашей работе возможны ситуации, при которых "еще немного и наступит перебор"; в этом случае можно добавить к вашей энергии разумную дозу кокаина и позволить ей превозмочь скопившиеся силы инерции, или когда задача требует настолько полного сосредоточения, что мозг настаивает на облегчении своей задачи, отвлекая ваши мысли от предмета ваших вычислений; малая толика героина заставит смолкнуть его протест на время, нужное вам для завершения ваших трудов. И потом, абсолютно неверно заставлять себя работать из чувства долга. Чем доскональней удастся вам проанализировать ваш ум, тем точнее вы способны узнать, в какой момент именно результатом предельного усилия будет с наибольшей вероятностью, полное достижение поставленной цели. Природа быстро предупреждает того, кто совершил ошибку. Наркотик должен действовать мгновенно и ярко. Когда этого не происходит, это означает, что вам не следовало его принимать, и надо сделать перерыв, чтобы

проанализировать обстоятельства, сопутствовавшие неудаче. Мы учимся лучше на наших неудачах, нежели на успехах, и ваши магические записи точно разъяснят вам к концу года при каких именно обстоятельствах уместно прибегнуть к наркотику. Так что на второй год вы будете дураком из дураков, если повторите хотя бы полдюжины прежних ошибок. Однако, как сказано в "Книге Закона": "Твое доказательство - Успех". Поэтому, когда прибегаешь к столь мощным и опасным препаратам для увеличения своих естественных сил, нужно удостовериться, что цель оправдывает средства. Вы - ученый муж, так следуйте же научным методам. Мудрость снисходительна к своим детям; и для меня наверняка будет сюрпризом, если в течение следующих двенадцати месяцев вы так и не откроете, что ваш Великий Эксперимент, невзирая на все издержки, происходившие от вашего пренебрежения словами - "поклоняйся мне", - не был способом развития ваших высочайших способностей и не поставил вас в один ряд с самыми передовыми мыслителями нашего поколения.

Раздалась веселая трель мандолины Сестры Киприды. Музыка прозвучала точно комментарий к сделанному им резюме. Луна ушла за холм, крестьяне допили вино и с песнями расходились по хижинам; Лу и я остались одни под звездами. Бриз разносил рокот моря по душистым склонам. В городе погасли огни. Над самой вершиной скалы висела Полярная Звезда. Наши взгляды застыли на ней. Мы могли представить процессию Равноденствий, тождественную нашему непрерывному путешествию во времени.

Лу пожала мою руку. Я заметил, что повторяю слова символа веры.

- Я исповедуюсь моей жизнью, единой, неделимой и вечной, которая была и есть и будет впредь.

Голос Лу проворковал мне в ухо:

- Я верую в причастие Святых.

Я сделал открытие, суть которого состояла в том, что, в конечном счете, я - человек глубоко религиозный. Вся мою жизнь я носился в поисках вероучения, которое не оскорбляло бы моего интеллектуального и нравственного чувства. И теперь я пришел к пониманию загадочного языка тех, кто обитал в Аббатстве Телема.

- Да Будет Жрец чист телом и душой!

Это своей любовью Лу благословила меня выполнить свою волю, завершить Великое Делание.

- Да Будет Жрец горяч душой и телом!

Любовь Лу не просто спасла меня от заражения идеями и желаниями, чуждыми моей основной функции во Вселенной, но еще и вдохновила меня на деятельный восторг.

Не знаю, как долго мы сидели под звездами. Глубокое, непрерывное спокойствие снизошло, словно голубка, словно пламя о трех языках, и коснулось наших душ, навсегда ставших единой душой. Жизнь каждого из нас была единой, неделимой и вечной, но обладала при этом необходимой и сокровенной связью друг с другом, и с целой Вселенной.

Я в полной мере осознал, что наша ужасная трагедия была, в конце концов, необходимой для того, чтобы мы преуспели.

- Ибо если пшеничное зерно не упадет в землю и не умрет, оно пребудет в одиночестве. Но если оно погибнет, то принесет много плодов.

Каждый шаг эволюции сопровождается колоссальными катастрофами, по крайней мере, так представляется, если рассматривать его как изолированное, вырванное из контекста, событие, как делают некоторые.

Какой устрашающе высокой была цена, которую заплатил человек за покорение воздуха! Но насколько больше должны быть убытки, причиненные инерцией в деле покорения духа! Ибо мы превосходим по стоимости многих воровьев.

Как слепы мы были! Какой бездны страдания мы, может статься, смогли бы избежать, если бы мы могли сказать, что справились с нравственными проблемами, вызванными прогрессом органической химии.

- Повелитель моря и грома против сока цветка?

Эту ложь мы вернули стихотворцу назад.

- Это единственное сражение, которое, как известно, он ни разу не выиграл.

Мы больше не оглядывались на наше безумство с раскаянием. Мы увидели

события прошедшего года в перспективе, и нам стало ясно, что провидение вело нас через эти бесовские топи. Мы шли следом за дьяволом в пляске смерти, но наш рассудок не сомневался, что власть с умыслом была отдана злу. Мы стали обладателями невыразимой веры в существование духовной энергии, творящей свою неисповедимую волю путями чересчур необычными, чтобы человек смог понять их своим сердцем, до поры.

Тлетворное прошлое снабдило нас иммунитетом против этой отравы. Дьявол победил самого себя. Мы достигли более высокой ступени эволюции. И вот это понимание прошедшего и наполняло нас абсолютной уверенностью в нашем будущем.

Хаос распавшихся цивилизаций, памятники которых усеяли скалу, не смогли причинить ей вреда. Опыт совместно пережитого укрепил нас. Мы добрались до еще одного пика на горной гряде, что вырастает из осыпей нерешительности, до вершины столь возвышенной, о которой мы не смели и мечтать, - так высоко парила она над нами. Нашей задачей было карабкаться с выступа на выступ, храбро, но и осторожно, день за днем, существование за существованием. Не нам гадать о цели нашего Похода. С нас довольно идти. Мы узнали наш путь, нашли свою Волю и, если говорить о средствах, разве у нас не было любви?

- Любовь - закон, любовь подчиняется воле.

Эти слова не срывались с наших уст и не звучали в наших сердцах. Но они неявно отражались в каждом понятии, и на всем лежал оттиск их печати. Мы спустились со двора по лестнице, и вошли через распахнутые стеклянные двери в сводчатое помещение с его фантастическими фресками, именуемое домом для гостей Аббатства Телемы; и мы тихо рассмеялись, когда подумали, что больше никогда впредь мы не будем здесь чужими.

Last-modified: Wed, 01 Feb 2006 08:00:41 GMT